МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Археологические памятники Алтая
Выпуск 4

Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин,
С. С. Матренин, А. Л. Кунгуров, В. П. Семибратов

ТЫТКЕСКЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Монография

Под научной редакцией В. В. Горбунова

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УДК 902(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)
К 438

Серия основана в 2016 году

Рецензенты:
доктор исторических наук ***С. А. Васютин;***
доктор исторических наук ***А. В. Харинский;***
кандидат исторических наук ***В. И. Соенов***

Научный редактор:
доктор исторических наук ***В. В. Горбунов***

К 438 **Кирюшин, Ю. Ф.**
Тыткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего Средневековья [Текст] : монография / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, С. С. Матренин, А. Л. Кунгуров, В. П. Семибратов; науч. ред. В. В. Горбунов. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 296 с. – (Археологические памятники Алтая. Вып. 4).
ISBN 978-5-7904-2505-9 (вып. 4)
ISBN 978-5-7904-2159-4

В монографии подробно представлены результаты изучения памятников на территории Тыткескенского археологического микрорайона, расположенного на левом берегу Катуни в Чемальском районе Республики Алтай (Россия). Проведенные масштабные исследования, полученные материалы и их всесторонний анализ позволяют детально охарактеризовать культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего Средневековья, а также создают основу для реконструкции систем жизнеобеспечения отдельных социумов аржано-майэмирского, пазырыкского, хуннуско-сяньбийско-жужанского и тюркского времени.

Издание предназначено для специалистов-археологов, а также для преподавателей университетов, реализуемых направление подготовки «Исторические науки и археология», и всех изучающих ушедшие в прошлое культуры Алтая.

УДК 902(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)

Монография подготовлена при частичной финансовой поддержке проекта №16-18-10033 Российского научного фонда «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»

ISBN 978-5-7904-2505-9 (вып. 4)
ISBN 978-5-7904-2159-4

© Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2020
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Выделенный авторами монографии Тыткескенский археологический микрорайон располагается в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1–2)*, в долине р. Тыткескень (левый приток Катуни). В период с 1988 по 1993 г. на его территории проводились масштабные аварийные раскопки Катунской экспедицией Алтайского государственного университета (АГУ) под руководством Ю.Ф. Кирюшина [1988, 1990 и др.]. В результате были получены многочисленные материалы по различным периодам древнейшей, древней и средневековой истории региона (от палеолита до монгольского времени). Эти археологические источники использовались для разработки и наполнения конкретным содержанием современной культурно-хронологической концепции развития народов Алтая на протяжении многих тысяч лет [История Алтая…, 2019]. Практика изучения археологических микрорайонов в горной местности также демонстрирует возможности для реконструкции систем жизнеобеспечения у отдельных социумов, проживавших на разных исторических этапах [Тишкин, Серегин, Матренин, 2016].

Основной массив археологических памятников зафиксирован около устья р. Тыткескень по обоим берегам и связан с террасами Катуни, а также с ближайшими горами, где находятся пещеры, гроты и удобные межгорные участки, которые люди использовали в своих хозяйственных и ритуальных целях. Среди них выделяются базовые объекты, давшие очень важные научные результаты. Они будут обозначены и кратко охарактеризованы в данной монографии, но основное внимание запланировано уделить разновременному археологическому комплексу Тыткескень-VI, который расположен примерно в 1 км к югу от с. Еланда на левобережной террасе Катуни, к северу от устья р. Тыткескень (табл. 1; рис. 1–2). Сведения о нем уже давно известны широкому кругу специалистов, занимающихся изучением древней и средневековой истории Алтая.

Сначала (в 1983 г.) при выполнении сотрудниками АГУ работ по поиску и картографированию объектов археологического наследия, попадавших в зону строительства плотины и затопления водохранилища для Катунской (Еландинской) гидроэлектростанции, был открыт курганный могильник [Абдулганеев, 1984; 1985]. Позднее зафиксировано перспективное для изучения поселение с одноименным обозначением. Разведочный раскоп, заложенный в 1990 г. в южной части памятника на окраине террасы, которую прорезает русло Тыткескеня, продемонстрировал наличие культурных слоев неолита, энеолита и бронзового века, частично поврежденных при сооружении курганов бийкенской и пазырыкской культур [Кирюшин, Кунгуров, 1994].

Главным итогом ежегодных экспедиционных работ на археологическом комплексе Тыткескень-VI к концу XX в. стало исследование некрополя, который на сегодняшний день является одним из самых крупных по числу изученных погребений рядового населения аржано-майэмирского (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) и пазырыкского (2-я половина VI – III в. до н.э.) периодов. Большая часть полученных материалов уже издана в трех монографиях [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004]. Кроме этого, в научный оборот введены результаты раскопок погребальных объектов хуннуско-сяньбийско-жужанского (II в.

* Все рисунки, на которые так даны ссылки в тексте монографии, размещены в Приложении I.

Табл. 1. Расположение памятника Тыткескень-VI
на картах-схемах России и Республики Алтай

до н.э. – V в. н.э.) и тюркского (2-я половина V – XI в.) времени [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992; Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014], а также энеолитического захоронения [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995].

В 2006 г. после многолетнего перерыва аварийные раскопки на памятнике Тыткескень-VI были возобновлены в связи с реанимацией проекта возведения «Малой Катунской (Алтайской) ГЭС», согласно которому приустьевая часть р. Тыткескень и прилегающие участки левобережной террасы Катуни попадали в зону нулевого цикла и первого этапа строительных мероприятий. На данной территории планировалось устройство инфраструктурных объектов (мост, подъездные пути, стройплощадка, обводные каналы), а также фундамента гидротехнических сооружений, составляющих базовую часть проектируемой плотины.

Предыдущий опыт полевых археологических исследований в последней четверти XX в. позволил в 2006 г. эффективно спланировать работы на памятнике Тыткескень-VI, ориентированные на полное его изучение. В частности, было принято решение вскрывать большой площадью пространства между старыми раскопами, проводить зондирование перспективных участков стальными щупами и рекогносцировочными шурфами, вписанными в общую сетку разбивки, а также заложить отдельный раскоп, охватывающий всю площадь указанного поселения.

Для реализации намеченного проекта была организована Катунская археологическая экспедиция под руководством кандидата исторических наук, директора Научно-исследовательского института гуманитарных исследований (НИИ ГИ) при Алтайском государственном университете В.П. Семибратова. В ее работе приняли участие более 150 человек. Исследования проводились на основании Открытого листа №735 (форма №4), выданного А.Л. Кунгурову Отделом полевых исследований Института археологии РАН 23 июня 2006 г. Вся деятельность экспедиции осуществлялась в рамках выполнения хозяйственного договора №20/2006, заключенного АГУ с дирекцией Алтайской ГЭС. В раскопках оказались задействованы археологические практики студентов исторических факультетов Алтайского государственного университета (руководитель А.Л. Кунгуров), Горно-Алтайского государственного университета (руководитель В.И. Соенов) и Бийского государственного педагогического университета (руководитель А.И. Скопинцев). Научное руководство всеми полевыми исследованиями осуществлял Ю.Ф. Кирюшин. В экспедиции работали сотрудники кафедры археологии, этнографии и музеологии АГУ (А.А. Тишкин, С.П. Грушин, В.В. Горбунов, Т.Г. Горбунова (Гребенникова), Е.А. Бельгибаев), НИИ ГИ при АГУ (С.С. Матренин, А.В. Шмидт) и Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (К.Ю. Кирюшин), а также студенты старших курсов, магистранты и аспиранты АГУ (Е. Шелепова, Е. Артюх, А. Гончаров, Е. Тюрина, Л. Смирнова, А. Цыро, Н. Серегин, О. Цыбовская, Т. Паршикова, И. Гребенников, А. Ефимов и мн. др.). Следует отдельно отметить участие отрядов школьников из Алтайского, Советского, Алейского, Краснощековского и Чарышского районов Алтайского края.

Раскопки проводились с июня по октябрь 2006 г. на разновременном курганном могильнике и поселении Тыткескень-VI. В границах семи раскопов общей площадью 2700 кв. м зафиксирован значительный по объему корпус археологических материалов от эпохи камня до Средневековья. Предварительные публикации полученных источников представлены в сборнике итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН за 2006 г., а также в трудах региональной научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтая» за 2007 г. [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Семибратов, Кирюшин К.Ю., Шмидт, 2006; Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006; Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006; Кунгуров, Матренин, 2007; Матренин, 2007; Тишкин, Матренин, 2007а; Шелепова, 2007]. Общая характеристика исследованных погребальных и ритуальных объектов периода

поздней древности была представлена в докладе и изложена в материалах Международного симпозиума «Terra Scythica» [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011а–б]. Результаты изучения энеолитического кургана афанасьевской культуры отражены в небольшой книге, вышедшей в 2010 г. [Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010]. Данные из раскопок неолитических горизонтов поселения Тыткескень-VI учитывались при подготовке монографического издания культурно-хронологических комплексов поселения Тыткескень-II [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. Однако необходима отдельная работа по введению в научный оборот всей полученной информации и большого числа находок.

Основная цель настоящей монографии – полностью опубликовать археологические материалы, полученные в процессе раскопок погребальных и ритуальных объектов аржано-майэмирского и пазырыкского времени на могильнике Тыткескень-VI в 2006 г., а также представить коллекцию артефактов поздней древности и раннего Средневековья, обнаруженных тогда же на разных участках могильного поля и на территории многослойного поселения. Кроме того, в отдельной главе приведены сведения обо всех памятниках (от палеолита до Средневековья), зафиксированных в рамках Тыткескенского археологического микрорайона (от устья до водораздела р. Тыткескень), ограниченного с севера и юга горными массивами, а с востока Катунью. Для этого в монографии выполнено систематизированное переиздание некоторых показательных вещевых комплексов, относящихся к разным периодам древнейшей, древней и средневековой истории Алтая. Отдельно в Приложении II даны результаты исследования Нижнетыткескенской пещеры-I (авторы Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, Н.Ф. Степанова).

Важной частью проделанной работы является интерпретация новых и ранее изученных материалов поздней древности и Средневековья, изложенная в виде характеристик четырех культурно-хронологических комплексов (аржано-майэмирское, пазырыкское, хуннуско-сяньбийско-жужанское и тюркское время), что сопровождается сводными таблицами, которые демонстрируют основные типы погребальных и ритуальных объектов, а также найденные в них предметы материальной культуры. Всему этому предшествует геоморфологическая и природно-ландшафтная характеристика долины р. Тыткескень.

Следует отметить, что вводимые в научный оборот новые изделия из памятника Тыткескень-VI сейчас хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Института истории и международных отношений АГУ, где они оформлены в отдельную коллекцию №587.

Все приводимые в монографии тексты и иллюстрации (Приложение I и таблицы) подготовлены авторами совместно. При этом графические рисунки предметного комплекса выполнены А.Л. Кунгуровым, а фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным.

Рентгенофлюоресцентный анализ находок из цветного металла осуществлялся А.А. Тишкиным с помощью портативного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Этот прибор имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АГУ. Он использовался в комплекте со специальным испытательным стендом и карманным переносным компьютером, на котором размещена программа «Аналитическая».

В завершение вводной части монографии авторы считают своим долгом выразить искреннюю признательность всем участникам Катунской археологической экспедиции, чей нелегкий труд в полевых условиях способствовал расширению знаний по археологии Алтая, что нашло отражение в данном издании.

ГЛАВА I

ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОЛИНЫ р. ТЫТКЕСКЕНЬ

Небольшая горная речка со звучным названием «Тыткескень» является левым притоком Катуни, впадающим в нее примерно в 1,2 км к югу от с. Еланда на территории Чемальского района Республики Алтай. Свое начало она берет в болотистых образованиях междуречья Катуни и Семы. Общая протяженность реки (по сути, крупного ручья) составляет 18 км. В переводе с алтайского языка названия «Тыт-Кескен», «Тыткескен», «Тытхаскем», «Тышкеске» означают «лиственница срублена» (*тыт кескен*) [Молчанова, 1979, с. 321].

Транспортное сообщение с долиной р. Тыткескень по-прежнему может осуществляться только по проселочной дороге, которая идет от шоссе, проложенного из с. Шебалино в с. Каспа, и отчасти повторяет маршрут Старого Чуйского («Чемальского») тракта. Правда, в настоящее время проехать по ней до устья речки проблематично, так как бывшие деревянные мосты разрушены. Но туда можно добраться пешком с другой стороны, преодолев новый подвесной мост через Катунь, расположенный немного ниже по течению от с. Еланда. Раньше рядом с ним действовала паромная переправа, которая использовалась местными жителями, а также археологическими экспедициями во 2-й половине 1980-х гг. для перевоза транспортных средств и людей. Иногда поздней осенью (при маловодье) Катунь можно преодолеть вброд неподалеку от слияния Тыткескеня и Катуни.

Рассматриваемый участок местности одного из районов Северного Алтая в научной литературе нередко называют «Средней Катунью», что, на наш взгляд, не корректно, так как по всем имеющимся географическим характеристикам это территория Нижней Катуни [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 94].

Долина р. Тыткескень имеет типичные орографические особенности ландшафтов Северного Алтая, являющегося зоной низкогорий и среднегорий, образованных протянувшимися в меридиональном направлении Семинским, Куминским, Сумультинским, Чергинским, Ануйским, Иолгинским хребтами и узкими речными террасами Катуни и ее притоков [Петкевич, 1971, с. 46–62; Алтайский край. Атлас, 1978]. Наиболее возвышенные части гор (среднегорья) имеют абсолютные высоты 1000–2400 м, а относительные – 600–1500 м. Для низкогорья прослежены абсолютные высоты в пределах 400–1000 м (относительные – 100–500 м). В регионе развиты широкие и плоские, слабо расчлененные водораздельные поверхности, обеспечивающие легкую доступность с северных предгорий Алтая и относительную труднопроходимость с юга. В сравнении с центральной частью Алтайской горной страны район долины р. Тыткескень отличается заметным уменьшением континентальности климата, относительно теплыми зимами, прохладным летом, сравнительно ровным распределением осадков, более обильным почвенным и растительным покровом. Для горных массивов хорошо выражена диспозиция склонов. Северные поверхности хребтов и их подножья покрывают горные серые лесные и горные черноземные почвы с таежной растительностью и густым травостоем. Южные склоны, как правило, открытые, с маломощным почвенным слоем и соответствующей растительностью.

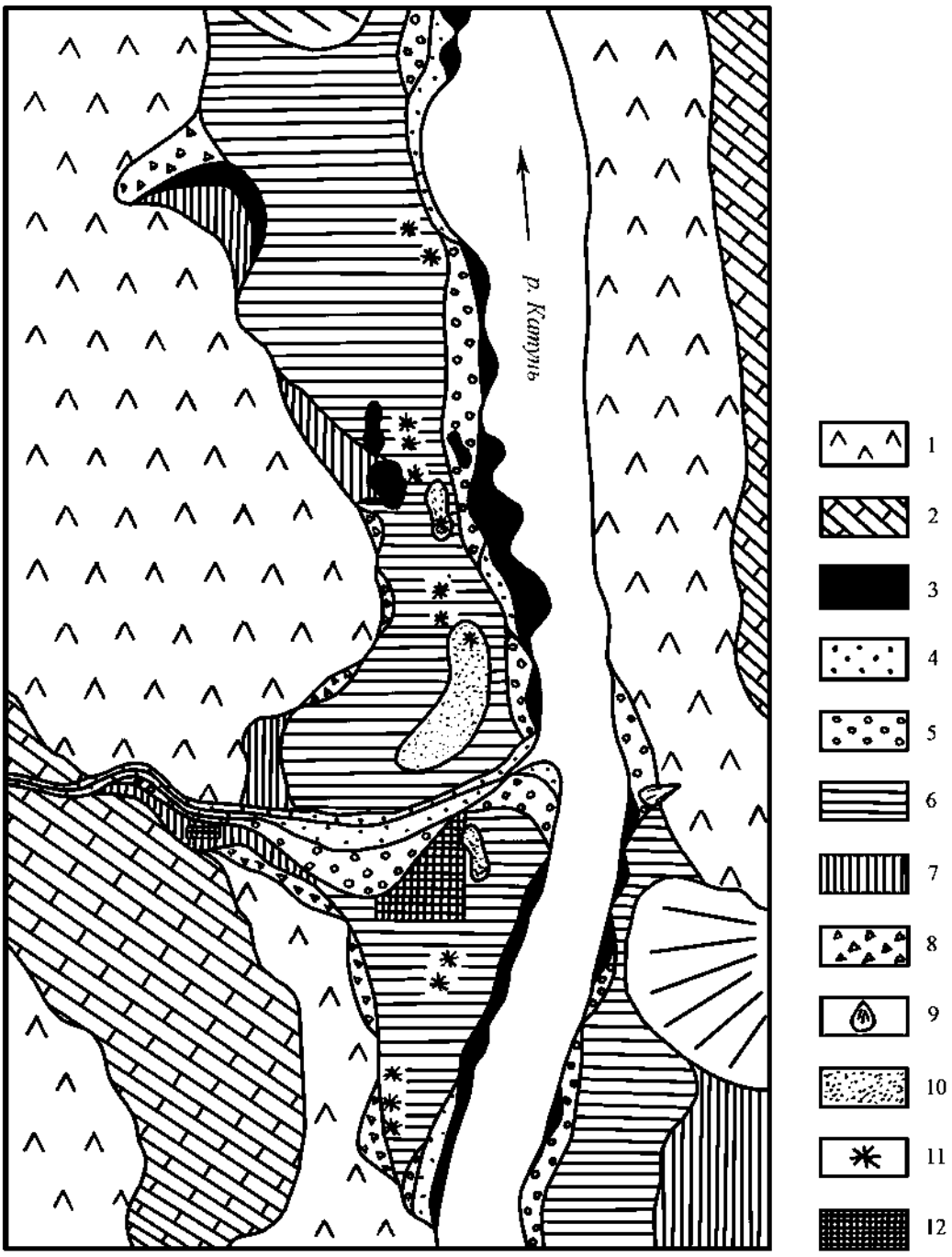
В формировании климата Северного Алтая определяющую роль играют направления и высоты горных хребтов, ориентация и ширина долин. Например, частая повторяемость фёнов в долине р. Чемал увеличивает температуру воздуха холодного времени и продолжительность безморозного периода [Алтайский край. Атлас, 1978, с. 182, 186 и др.]. На участке долины Катуни от с. Чемал до с. Куюс, в связи с постоянно дующими ветрами, некоторые открытые участки остепненных террас почти всю зиму не имеют снежного покрова и в таких местах кормится выгоняемый скот [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 95]. Долина Катуни с ее притоками южнее Чемала до слияния с Урсулом находится в дождевой тени Семинского хребта и отличается большой сухостью по сравнению с северной частью бассейна [Шульга, 1994, с. 51; 2015].

В геологическом отношении долина р. Тыткескень относится к Катунской структурно-формационной зоне, сложенной осадочными и вулканогенными породами верхнерифейско-нижнепалеозойского возраста (герцинский этап складчатости) и представляет собой антиклинальное сводовое поднятие палеозойского фундамента. С выходом на современную поверхность древних кремнисто-карбонатных отложений, выделяемых геологами в баратальскую свиту, по бортам долины Тыткескеня обнажились достаточно обширные массивы пригодных для использования древним человеком и легкодоступных сырьевых ресурсов (микрокварциты, кремни, фтаниты). Отложения баратальской свиты сильно фациально изменчивы, сложены переслаивающимися пачками известняков, глинисто-кремнистых сланцев, силицитов, реже туфов. Общая мощность свиты (по геологическим данным) достигает 3000 м. На рассматриваемом участке прослежены выходы указанных пород [Барышников, Малолетко, 1997]. Долина р. Тыткескень в нижней части сложена аллювиальными осадками Катуни, перенесенными туда катастрофическим селевым потоком около 25 тыс. лет назад [Барышников, 1992; 1998].

Самой нижней гипсометрической ступенью долины является пойма. Она возвышается над руслом реки не более чем на 3–5 м и представляет собой узкую полосу шириной 30–40 м, расширяющуюся в пределах долины Катуни до 60 м. Пойма сложена гравийно-галечным материалом (интрузивные и эффузивные породы) хорошей окатанности. В меньшем количестве присутствуют обломки осадочных горных пород, коренные выходы которых встречаются выше по течению р. Тыткескень. Толща поймы формировалась в основном за счет перемыва осадков террас более высокого порядка. На уровне расположения археологического комплекса Тыткескень-VI р. Катунь прорезает интрузивный цокольный массив (бронирующий пласт), образуя крутой порог, имеющий местное наименование «Черные ворота», и серию более мелких каскадных образований. За порогом река образует водобойный колодец глубиной несколько десятков метров. С понижением базиса эрозии и углубления дна обнажающиеся участки цоколя формируют основу первой террасы, которая занимает приустьевый участок Тыткескеня, образуя своеобразный «микрокустовой» рельеф с останцами и перемежающимися участками, выположенными аллювиальными отложениями. В устьевой зоне фиксируются следующие террасовидные образования (табл. 2).

Первая надпойменная терраса получила незначительное распространение и по площади ненамного превышает пойму. Она образована продуктами аллювиального и песчано-гравийно-галечникового сложения, наложенными на эффузивные и интрузивные породы, которые составляют цокольное обрамление ложа, активно подвергающиеся абразии в силу выраженного турбулентного характера механизма работы Катуни субсеквентного типа. Высота первой террасы над уровнем реки составляет 8–10 м. Галечно-валунный аллювий хорошей окатанности перекрыт маломощным почвенным покровом, что практически полностью исключает возможность использования данной поверхности для жизни человека.

Вторая цокольная терраса представляет собой выровненную поверхность, примыкающую к скальному обрамлению долины. Высота ее от уреза реки достигает 14–20 м. Толща террасы сложена галечниково-валунным материалом, сцементированным пе-

Геолого-геоморфологическая схема участка Тыткескень: *1* – коренные выходы эффузивных пород; *2* – коренные выходы известняков; *3* – останцы коренных пород в долине реки; *4* – пойма; *5* – первая надпойменная терраса; *6* – вторая; *7* – третья; *8* – присклоновый делювий; *9* – конусы выноса; *10* – эоловые гряды; *11* – курганы; *12* – поселения древнего человека

Табл. 2. Геолого-морфологическая схема участка р. Тыткескень (по: [Барышников, Кирюшин, 1990])

ском. В распределении грубого аллювия фиксируется чередование пачек с мелкими обломками и горизонтов с грубыми фракциями. Галечник перекрывается слоем чистого отсортированного песка. В зоне тылового шва этой террасы фиксируются эрозионные цокольные выходы и гряды, смыкающиеся выше со скальным обрамлением. Между упомянутых пониженных цокольных выходов расположены небольшие сложноструктурированные микродолины, содержащие разновременные археологические

памятники, зафиксированные в 1980–1990-х гг. Осмотр в 2006 г. этих участков позволил наметить несколько перспективных мест для будущих исследований, которые необходимо зондировать с помощью шурфов, так как никаких разрушений поверхности там нет.

Поверхность второй надпойменной террасы имеет сложный микрорельеф, характеризующийся гривными формами эолового происхождения. На левом берегу р. Тыткескень такая грива полностью повторяет контуры ручья, простираясь с юга–юго-запада на север–северо-восток по азимуту в 30° [Барышников, Кирюшин, 1990, с. 24–25]. При раскопках в 1988–1989 гг. средневековых курганов на территории памятника Тыткескень-VI [Кирюшин и др., 1998], занимавших самую верхнюю часть эоловой гряды второй террасовой ступени, была зафиксирована следующая последовательность залегания слоев (сверху вниз):

1) почвенно-растительный покров с корневой системой живой растительности, простирающийся на глубину 0,2 м от современной поверхности;

2) насыпной глыбово-валунно-галечниковый материал искусственного происхождения, представленный диабазами, гранитами, гранитодиоритами, галькой роговиков и сланцев; окатанный материал был заимствован из обнажения террасы, а некатаный глыбовик принесен от подножия склона долины за 130 м (толщина слоя составляет 0,2 м);

3) песок пылеватый буровато-серого цвета, тонкозернистой структуры, неслоистый, эолового происхождения, толщиной 0,4 м;

4) гумусированный прослой темно-бурого цвета, с размытыми верхними и нижними границами, мощностью 0,08–0,1 м;

5) песок пылеватый, палево-серого цвета, неслоистый, тонкозернистый, с редкими включениями мелкой гальки размером до 2–3 мм, простирающийся на 3,5 м;

Общая мощность вскрытых осадков составляла 4,4 м (хотя расчетная мощность песков может простираться до 6 м). Эоловое происхождение данных осадков подтверждается результатами стратиграфического разреза правого берега ручья, сделанного на поселении Тыткескень-II [Барышников, Кирюшин, 1990, с. 25–26, рис. 2].

Третья надпойменная терраса Катуни (высотой до 30–35 м) фиксируется лишь фрагментарно и тяготеет к устьевым бортам долины р. Тыткескень, а также к выходам межгорных логов, разрезающих цокольное обрамление Катунской долины. Площади третьей террасы ограничены первыми сотнями метров по ширине и простиранию. Аллювий из толщи террасовой ступени представлен валунами и галькой хорошей окатанности. К выположенным участкам третьей террасы приурочены многослойные поселения Тыткескень-II, III, IIIа и др.

Таким образом, первые три террасовые ступени имеют сходную геоморфологическую структуру: валунно-галечниковый конгломерат, сцементированный известковистой супесью и перекрытый маломощным горизонтом рыхлых отложений (аллювиальные и эоловые пески и супеси, гумусовые горизонты, дерновый слой) мощностью до 2 м. Террасы наложены на скальный цоколь и представляют собой выработанные Катунью уступы в толще отложений «Чуйского» селя четвертичного периода. Уровни четвертой и пятой террас в приустьевой зоне р. Тыткескень отсутствуют.

В настоящее время выделяются два горизонтальных «реликтовых» уровня, соотносимых с шестой и седьмой террасами. Они имеют более раннее образование и сохранились в виде незначительных участков в нижней трети течения р. Тыткескень, представляющих собой, как правило, рудименты, приложенные к элементам рельефа цокольного обрамления долины.

Шестая терраса высотой 140 м над урезом Катуни вложена в долину р. Тыткескень примерно на 1,5 км. Ее цоколем являются коренные выходы эффузионных пород, реже известняки. В приустьевой части слагающий террасу аллювий в основном крупногалечниковый и валунный, выше по течению он сменяется на галечниковый, затем на гравийный и переходит в песчаный. В толще галечника присутствуют угло-

ватые глыбы известняковых пород значительных размеров (до 2–3 м в диаметре), перемещенные туда в результате природных катаклизмов.

Седьмая терраса поднимается на высоту 180 м и имеет структуру, схожую с предыдущей ступенью. В 3,5 км от устья Катунский аллювиальный материал, образующий толщу реликтовых террас, слагается с русловым аллювием р. Тыткескень. Террасы исчезают, что связано с особенностями формирования долинных отложений.

В верхней части течения с правой стороны долины Тыткескеня фиксируется выровненная площадка шириной 300 м и протяженностью вдоль реки до 3 км, со слабым уклоном в сторону Катуни. Превышение над руслом Катуни в настоящее время составляет около 500 м. Г.Я. Барышников, работавший в составе Катунской археологической экспедиции АГУ, сопоставив уклон этой поверхности с уклоном р. Тыткескень, отметил, что современная река глубже врезана (превышение составляет несколько десятков метров) и имеет больший уклон в продольном профиле. Данная поверхность представляет собой долинный педимент Катуни «дотеррасового» базиса эрозии. Выше она сливается с водораздельными пространствами, сложенными многометровыми толщами супесей, лёссов и глин [Барышников, Малолетко, 1997, с. 157].

Местность с сохранившимися древними долинными педиментами «дочетвертичного» периода (более 10–12 км вверх от устья, т.е. от начала «врезания» Тыткескеня в рыхлые отложения) весьма перспективна для поиска палеолитических объектов, в том числе ранних. Поверхность водораздела довольно ровная и представляет собой горные луга (частично распаханные), во многих местах прорезанные ручьями и речками. Хвойный и лиственный лес произрастает только на северных склонах речных долин и на скальных выходах. Такой характер местности впервые описал пересекавший Сема-Катунский водораздел в 1861 г. В.В. Радлов [1989, с. 23]: «…характер местности низменный почти все время: равнинные леса и луга, окруженные невысокими грядами гор». Подобные равнинные образования сложены преимущественно 20–30-метровыми толщами глин и суглинков. Их разрезы вскрываются оврагами, образовавшимися из-за разрушения дернового слоя распашкой.

Рассматриваемый отрезок левобережья Катуни, несмотря на то, что по зонированию он относится к горно-степной зоне, богат древесной, кустарниковой и травянистой растительностью. Многие виды играли достаточно важную роль в обеспечении древнего человека пищевыми и лекарственными ресурсами. На склонах восточной и северной экспозиции произрастают березово-сосновые ассоциации с богатым подлеском и травяным низким ярусом. Там распространены сосна обыкновенная (*Pinus sulvestris*), береза повислая и пушистая (*Betula pendula*, *B. pubescens*), лиственница (*Larix sibirica*), ольха (*Duschekia fruticosa*) и осина. Среди разреженных деревьев, на безлесых каменистых крутых склонах и курумнике обильны богульник (*Ledum palustre*), шиповник (*Rosa acicularis*), карагана карликовая (*Potentilla erecta*), змеевка (*Diplachne sguarrosa*), маральник (рододендрон даурский) (*Rhododendron dahuricum*), таволга трехлопастная (*Spiraea trilobata*), барбарис сибирский (*Berberis sibirica*), иволистая соссюрея (*Saussurea salicifolia*), жимолость мелколистая (*Lonicera microphylla*) и крыжовник (*Ribes aciculare*). Травянистые виды на склонах представлены церцеей альпийской (колдунова трава) (*Circea alpina*), подмаренником весенним (*Galium vernum*), зизифорой душистой (*Ziziphora tenuior*), чебрецом (богородская трава) (*Thymus serpullumm*), котовником (*Nepeta macrantha*), змееголовником (*Dracocephalum altajense*), эфедрой горной (кузмичева трава) (*Ephedra eguisetina*), различными видами мелких папоротников (*Custopteris Montana, Woodsia ilvensis, Polipodium vulgare*), венериными башмачками (северная орхидея) и др. В расселинах скал обычны цветущие камнежители: очитки Эверси и гибридный (*Sedum Ewersii* и *S. hubriduv*), бадан (*Bergenia crassifolia*), ломонос (*Glematis orientalis*), панцерия шерстистая (белокудренник) (*Panzeria lanata*). В пойменной зоне рек, на склонах и в лесных массивах очень много ягод (клубника, земляника, ежевика, костяника, красная и черная смородина, малина, черемуха, ка-

лина), а также несколько разновидностей дикого лука и чеснока (вшивик, слизун), щавеля, съедобных клубневых растений (саранка) [Алтайский край. Атлас, 1978; Горный Алтай, 1971; Растительный покров…, 1985].

Таким образом, долина р. Тыткескень отличается сочетанием геоморфологических и природно-ландшафтных характеристик и была привлекательна для древнего и средневекового населения Алтая. Наиболее важными факторами, обусловившими освоение данной местности людьми и формирование их систем жизнеобеспечения, можно считать следующие показатели.

Во-первых, долина имеет доступный и удобный выход на Сема-Катунский водораздел. Следовательно, она не является замкнутой, как большинство долинок левобережных притоков Катуни. Именно по этой причине в данном месте было устроено дорожное полотно старого Чуйского тракта, при возведении и эксплуатации которого пострадали северная оконечность поселения и некоторые курганные сооружения могильника Тыткескень-VI.

Во-вторых, р. Тыткескень на разных участках своей долины пересекает массивы девонских карстующихся известняков, изобилующих гротами и пещерами. Нет никакого сомнения в том, что археологам и геологам известны далеко не все карстовые полости. Мало того, даже известные до настоящего времени серьезно не проверены на наличие культурных слоев. Исследованы только Нижнетыткескенские пещеры-I (см. Приложение II) и IV. В остальных же археологические артефакты зафиксированы только на поверхности.

В-третьих, присутствие в долине нескольких обширных выходов кремнистых пород высокого качества, на которых зафиксированы штольни, каменоломни и мастерские. Данный минеральный ресурс имел высокую востребованность на всем протяжении каменного века, а также в энеолите и в период ранней бронзы. В настоящий момент установлено, что первобытный человек использовал как осыпи, так и выламывал блоки пород из обнажений. Особенно показательным является обнаружение выработки-штольни в 6 км от устья р. Тыткескень, активно разрабатывавшейся в каменном веке.

В-четвертых, долина р. Тыткескень отличается большим количеством урочищ и микродолин, насыщенных ботаническим разнообразием и значительными популяциями различных зоологических видов. Существенную роль в сложении указанного биологического разнообразия сыграл «сквозной» характер речки, имеющей свои истоки на водоразделе. Для древних людей имевшиеся ресурсы были очень важны на фоне остальных, ранее отмеченных характеристик долины.

Геоморфологические особенности и средняя скорость врезания рек Алтая в отложения (0,7–0,9 мм в год) позволили рассчитать максимально возможные интервалы заселения человеком разных террас р. Тыткескень [Барышников, 1986, с. 75–77; Барышников, Кирюшин, 1990, с. 29–30; Барышников, Малолетко, 1997]. Данные наблюдения подтверждены результатами обнаружения археологических памятников и подъемного материала на разных участках долины ручья.

Серия стратиграфических разрезов, сделанных во время раскопок поселения Тыткескень-VI в 2006 г., дает основания реконструировать процесс генезиса участка левобережной долины Катуни от ее начала, ограниченного р. Тыткескень, до конца, расположенного напротив южной оконечности с. Еланда. Процесс формирования покровных отложений связан с появлением на поверхности второй надпойменной террасы археологических комплексов и отчасти помогает объяснить специфику расположения поселенческих, погребальных и ритуальных объектов разных эпох.

Первый этап. Сход флювиальных ледниковых вод из долины Катуни в конце четвертичного периода – начале голоценового времени освободил достаточно обширный участок левобережья, ставший основой формирования террасы, где расположен археологический комплекс Тыткескень-VI. Затухание турбулентности постледникового потока и ослабление несущей силы воды привели к отложению на валунно-галечниковый

конгломерат толщи песка мощностью, видимо, до 1,5–2 м и образованию песчаного пляжа с водно-дюнной поверхностью. Уровень Катуни в тот период был существенно выше современного и для первобытного человека этот участок берега особого интереса не представлял из-за влажности и пыли в периоды усиления ветра. В устьевой зоне р. Тыткескень первые памятники голоценового времени связаны с более «комфортной» для проживания долиной правого берега ручья (поселения Тыткескень-II и III). Эоловые процессы на этом этапе формирования долины образовали дюны вдоль кромки берега, имеющие высоту до 1,5–2 м, вытянутые преимущественно параллельно Катуни с юга на север. Относительно теплый и влажный период способствовал формированию на песчаной поверхности карбонатизированного лёссового слоя, закрепившего «блуждающий» песок, что способствовало образованию растительности.

Второй этап. Падение уровня Катуни (углубление долины) и нормализация природно-климатической обстановки (близкой к современной) привели к формированию на южной оконечности террасы лощины на тыловом шве (примыкания рыхлой толщи к скальному обрамлению), которая собирала стекавшие со склонов и просачивавшиеся в трещины атмосферные осадки и выводила их на юг в долину р. Тыткескень, возможно, в виде крупного родника. Подобные образования с водосбором вдоль швов примыкания достаточно обычны в регионе и в настоящее время. Один из таких родников функционировал напротив юго-западной оконечности террасы на правом берегу р. Тыткескень в районе многослойного поселения Тыткескень-III. Восточная часть микродолинки родника или ручья стала активно дерноваться, и сформировалась раннеголоценовая погребенная почва. Именно в тот период времени участок долины впервые заселили охотники и рыболовы ранненеолитического времени (третий археологический горизонт), которые приурочили свое жилое и хозяйственное пространство к устьевой зоне лощины. Возможная датировка этого процесса – VII–VI тыс. до н.э.

Третий этап. Рост и расширение дернового покрова, наличие родника, постепенно формировавшего небольшую влажную долинку шириной около 12 м, выходившую к Тыткескеню, привлекли на то место население культуры развитого неолита (второй археологический горизонт V – середины IV тыс. до н.э.), которое, вероятно, уже практиковало присваивающее хозяйство и вело оседлый образ жизни. После ухода с территории Алтая «большемысцев», скорее всего, вытесненных пришлыми племенами афанасьевской общности, комфортный для проживания участок южной оконечности террасы использовался только как могильник, от которого сохранились два объекта энеолитической афанасьевской культуры конца IV – начала III тыс. до н.э. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о постепенном росте слоя погребенной почвы и, видимо, прогрессирующем дерновании всей поверхности долины. В завершении этого этапа на южной оконечности террасы (там же, где сформировались неолитический и большемысский культурные слои) обосновались новые обитатели Алтая, которые известны как носители каракольской культуры бронзового века (первый археологический горизонт), относящейся к концу III – началу II тыс. до н.э. Самые ранние по стратиграфическим наблюдениям находки этой культуры связаны с подошвой «оглеенного» слоя.

Четвертый этап формирования долины связан с функционированием «каракольского поселка». На тот период времени пришлось как минимум два периода увлажнения и один период частичной аридизации климата. Данный факт маркирует превращение долинки ручья-родника в заболоченный участок и образование болотистого слоя, в котором нет культурных остатков. На уровне следующего слоя наблюдается большая сухость (образуется эоловый песчаный нанос, исчезает «оглеенный» слой). В тот момент люди включили высохшую площадь в инфраструктуру своего поселка. Затем, в период образования следующего слоя, вновь увеличилась влажность, и долинка стала заболачиваться. При этом по ее краям продолжал существовать поселок. Последнее усыхание климата, видимо, стало окончательным и возобновления деятельности родника в более поздние периоды уже не наблюдается. Площадь долинки

вновь осваивалась условно представителями каракольской культуры. К сожалению, подобное разделение культурного слоя характерно только для описанного небольшого участка памятника и не может дать нам материал для выделения периодов развития самой культуры, носители которой, возможно, взаимодействовали с северными соседями (племена елунинской культуры), которые могли проникать на территорию Северного Алтая.

Пятый этап связан с культурными остатками в нижней части гумусового слоя и не содержит выразительных поселенческих комплексов. Высыхание долины и дальнейшее углубление русла Катуни сделало это место неудобным для жизни. Древние коллективы лишь кратковременно посещали данный участок, о чем свидетельствуют фрагменты керамики и немногочисленные изделия поздней древности и раннего Средневековья. Людей не устраивало, скорее всего, отсутствие постоянного источника питьевой воды (вода из р. Тыткескень является «мертвой», насыщенной различными солями железа, поскольку берет свое начало в водораздельных болотах). Вода в Катуни может быть тоже достаточно мутной, особенно в дождливые и весенние периоды. Видимо, именно данные условия повлияли на то, что наиболее крупные поселения I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. располагались на правом берегу р. Тыткескень в зоне активного родникового проявления. Данная территория стала использоваться преимущественно как сакральное место для захоронения умерших и совершения ритуальных обрядов.

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день в долине р. Тыткескень зафиксировано более 20 археологических памятников (могильники, поселения, пещеры, культовые места, мастерская, местонахождения, петроглифы), относящихся практически ко всем периодам древнейшей, древней и средневековой истории Алтая. Плотная концентрация объектов позволяет рассматривать этот относительно небольшой участок местности в качестве отдельного археологического микрорайона.

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ТЫТКЕСКЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

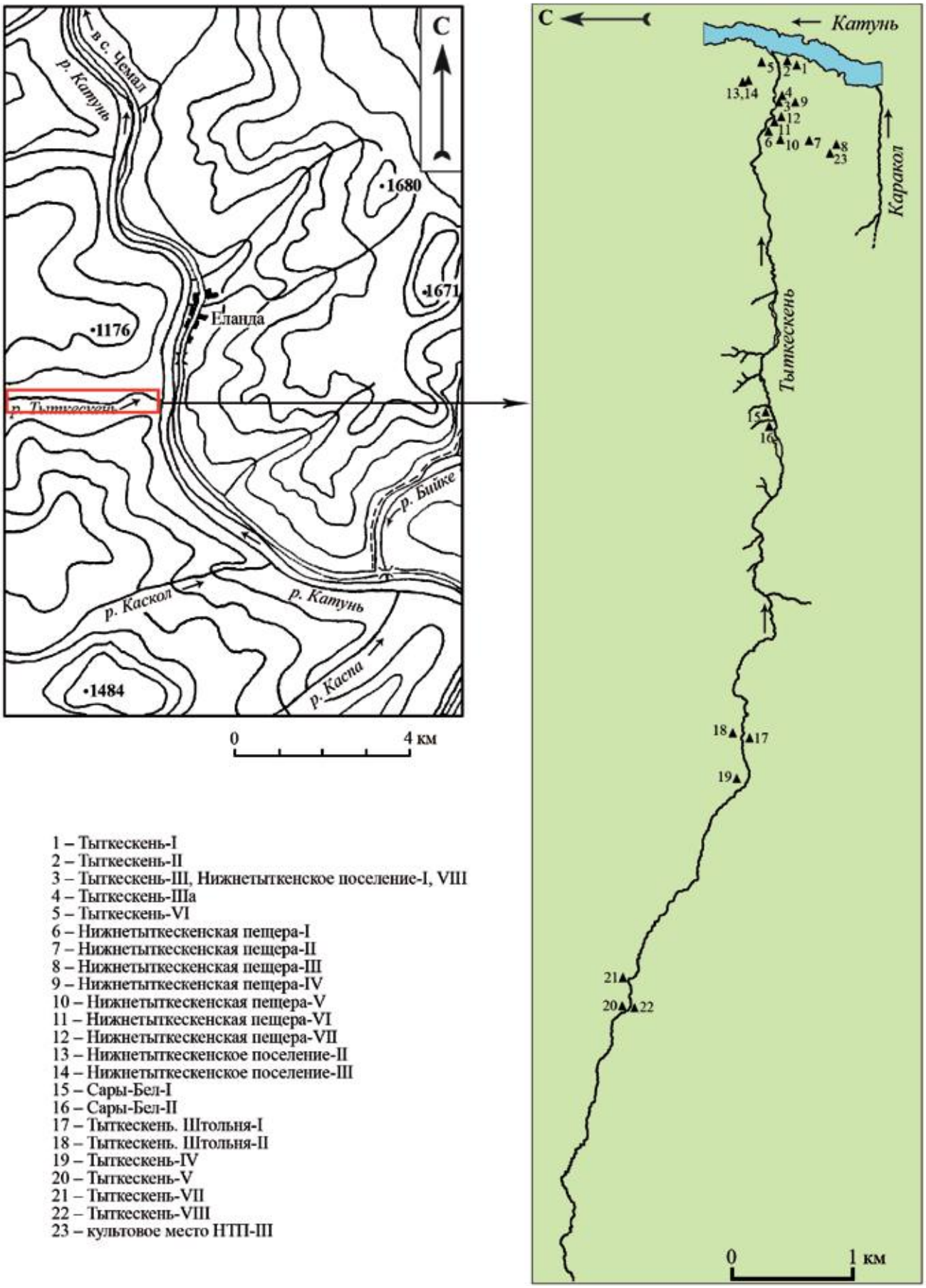
За период работ с 1983 по 1994 г. в долине р. Тыткескень было открыто более 20 археологических памятников, подвергнутых разной степени полевого изучения и культурно-хронологической интерпретации. При этом специалисты неоднократно отмечали факт необходимости тщательного изучения долины р. Тыткескень. Дело в том, что комплексного обследования всей местности специально не проводилось. Большинство выявленных объектов были найдены во время проведения стационарных раскопок, в ходе познавательных экскурсий, при проведении хозяйственных работ, осмотре пещер и т.п. Относительно хорошо осмотрены берега в нижней трети течения речки. Вероятнее всего, археологических объектов различных эпох намного больше. С учетом сохранившихся участков старого Чуйского («Чемальского») тракта и остатков инфраструктуры планировавшейся в 1980-х гг. Катунской (ранее Елангинской) ГЭС можно даже выделить памятники новой и новейшей истории.

Систематические раскопочные работы на поселенческих и погребальных комплексах в устьевой зоне р. Тыткескень в 1988–1993 гг. проводила Катунская археологическая экспедиция АГУ под руководством Ю.Ф. Кирюшина, включавшая несколько отрядов. В полевых изысканиях было задействовано большое количество специалистов. Работали археологи А.Л. Кунгуров, Н.Ю. Кунгурова, М.Т. Абдулганеев, А.А. Тишкин, Ю.Т. Мамадаков, С.В. Неверов, Н.Ф. Степанова, В.П. Семибратов, К.Ю. Кирюшин, С.В. Цыб, В.В. Горбунов, антрополог А.Р. Ким, геологи Г.Я. Барышников и А.М. Малолетко, историки В.Н. Владимиров, А.И. Сидельников и О.Ф. Кунгурова, художник М.Г. Мингулов и др. Раскопки посещали многие коллеги (в том числе зарубежные) – А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, С.В. Николаев, А.Б. Долинский и др. В исследованиях принимали участие студенческие практики конца 1980-х – начала 1990-х гг. Алтайского государственного университета, Бийского государственного педагогического института, а также школьники, любители истории и археологии из многих городов Сибири и других регионов.

Несмотря на то, что в настоящей монографии упор сделан на изучение культурно-хронологических комплексов поздней древности и Средневековья могильника Тыткескень-VI, авторы считают важным предоставить информацию о памятниках других периодов истории, ныне зафиксированных на территории Тыткескенского археологического микрорайона (табл. 3). При описании их использовались в основном опубликованные сведения с приведением ссылок на первоисточники, стараясь избегать спорных аспектов авторской интерпретации отдельных объектов. Для наглядности демонстрируются наиболее показательные сводные иллюстрации (таблицы) обнаруженных материалов.

Тыткескень-I (табл. 3–5). Курганный могильник располагался на третьей террасе в устье р. Тыткескень (географические координаты: 51°11′54.74″ с.ш.; 86°04′52.83″ в.д.; высота над уровнем моря – 461 м)*. Памятник обнаружен в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым

* Первоначально курганы на правом и левом берегах были отмечены как один памятник – «Тыткескень-I». Однако после проведения раскопок в 1988 г. стало ясно, что правобережный и левобережный погребальные комплексы являются разными объектами. Поэтому некрополь, расположенный на левом берегу р. Тыткескень, получил наименование Тыткескень-VI (6), а могильник, находящийся на правом берегу, остался Тыткескенем-I [Степанова, Кирюшин, 1989, с. 64–66].

1 – Тыткескень-I
2 – Тыткескень-II
3 – Тыткескень-III, Нижнетыткенское поселение-I, VIII
4 – Тыткескень-IIIа
5 – Тыткескень-VI
6 – Нижнетыткескенская пещера-I
7 – Нижнетыткескенская пещера-II
8 – Нижнетыткескенская пещера-III
9 – Нижнетыткескенская пещера-IV
10 – Нижнетыткескенская пещера-V
11 – Нижнетыткескенская пещера-VI
12 – Нижнетыткескенская пещера-VII
13 – Нижнетыткескенское поселение-II
14 – Нижнетыткескенское поселение-III
15 – Сары-Бел-I
16 – Сары-Бел-II
17 – Тыткескень. Штольня-I
18 – Тыткескень. Штольня-II
19 – Тыткескень-IV
20 – Тыткескень-V
21 – Тыткескень-VII
22 – Тыткескень-VIII
23 – культовое место НТП-III

Табл. 3. Схема расположения археологических памятников в долине р. Тыткескень

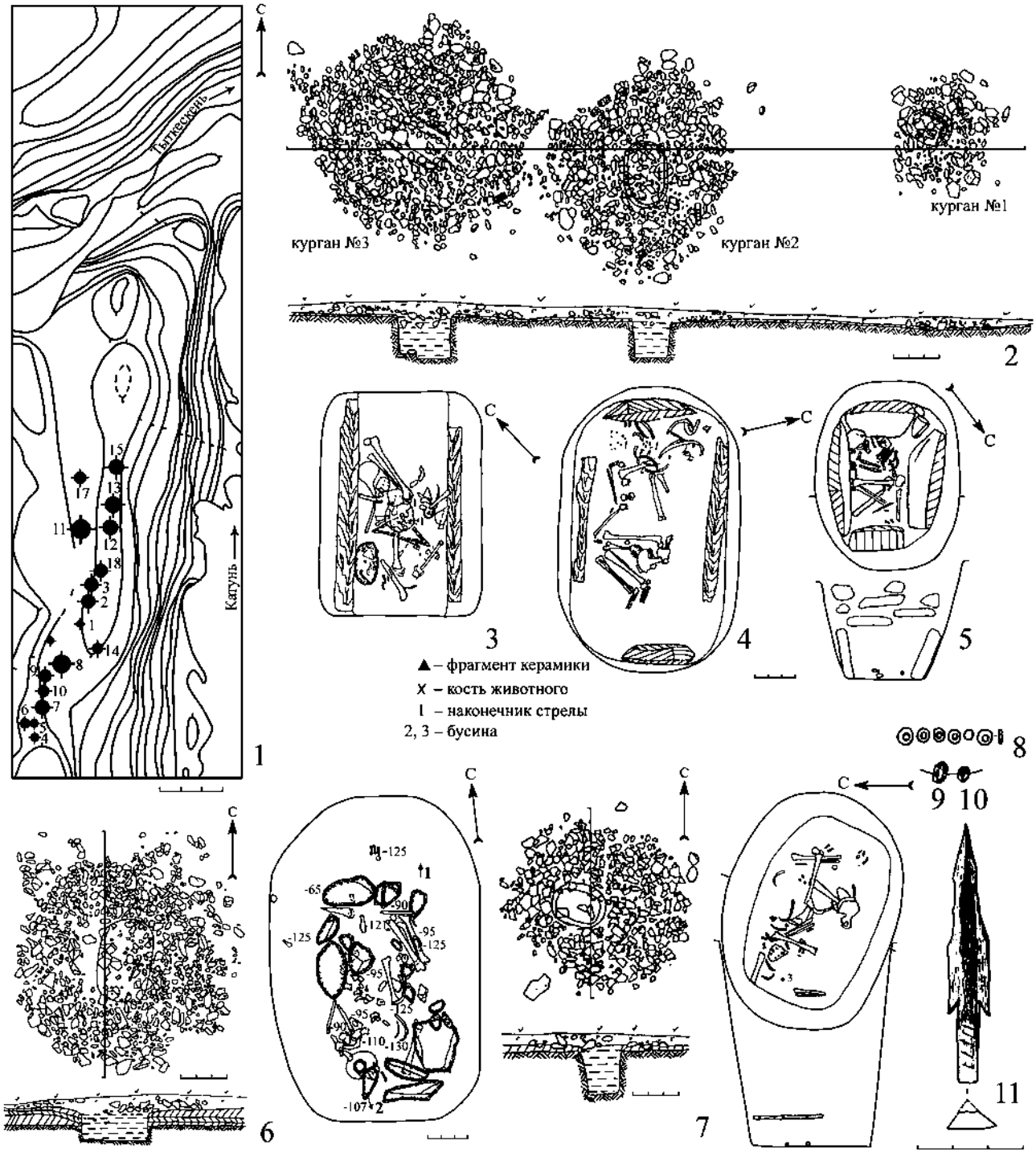

Табл. 4. Тыткескень-I. План могильника аржано-майэмирского и пазырыкского времени (1); насыпи, внутримогильные конструкции, погребальный обряд и вещевой комплекс из курганов №1 (2, 5, 8), №2 (2, 4), №3 (2, 3), №15 (6, 9, 11), №18 (7, 10) (по: [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003])

[1984; 1985] в ходе работ по поиску и картографированию объектов, попадавших в зону предполагавшегося строительства Катунской ГЭС. Некрополь состоял из 18 объектов, локализованных на небольшой площадке, ограниченной со всех сторон реками Катунь, Тыткескень и высокими горами. Насыпи располагались цепочкой, вытянутой по линии Ю–С (с отклонением к востоку). Судя по всему, могильник был полностью раскопан в 1988 г. Среди вскрытых сооружений 11 курганов и две выкладки отнесены к бийкенской культуре аржано-майэмирского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 36–38,

рис. 3–9; Тишкин, 2007а, с. 284; 2007б], а остальные пять оказались пазырыкскими объектами [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 39–40, рис. 6–8]. Часть курганов данного памятника возведена на территории поселения Тыткескень-II.

Тыткескень-II (табл. 3, 5–12). Многослойное поселение на правом берегу р. Тыткескень, занимающее участок долины, ограниченный с севера Тыткескенем, с востока Катунью, с запада известняковым скальным массивом (географические координаты: 51°11′56.06″ с.ш.; 86°04′53.65″ в.д.; высота над уровнем моря – 458 м). В момент открытия в 1983 г. памятник был принят за стоянку периода мезолита [Абдуганеев, 1985, с. 189]. Плановые и регулярные раскопки поселения стали проводиться с 1984 г. В 1984–1986 гг. исследования на памятнике осуществлялись под руководством А.Л. Кунгурова [1984; 1986; Кунгуров, Кунгурова, 1986, с. 184]. Тогда было вскрыто всего около 79 кв. м площади поселения. Первая интерпретация полученного материала и датировка основного комплекса ранненеолитическим временем произведены Н.Ю. Кунгуровой [1987]. В 1988–1994 гг. работы на поселении проводились под руководством Ю.Ф. Кирюшина и К.Ю. Кирюшина [1993; 2008]. Общая вскрытая площадь памятника составила 1136 кв. м. Результаты данных исследований стали основой для кандидатской диссертации К.Ю. Кирюшина [2004] и обобщены в монографии «Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.)» [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]. В границах поселения было выявлено восемь (девять?) культурных горизонтов от финального мезолита до раннего железного века и Средневековья.

Наиболее информативные археологические находки связаны с различными периодами каменного века и началом эпохи палеометалла [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008]:

– девятый (?) и восьмой горизонты относятся к усть-семинской культуре мезолита (табл. 5);

– шестой и седьмой горизонты датируются ранним неолитом (конец VII – 1-я половина V тыс. до н.э.) пока с не установленной принадлежностью к одной или к двум археологическим культурам (табл. 6–7);

– пятый горизонт демонстрирует культурно-хронологический комплекс развитого неолита, связанного с традициями племен Восточного Казахстана или Средней Азии середины – 2-й половины V тыс. до н.э. (табл. 8);

– материалы горизонтов 4 и 4А отражают становление и развитие своеобразной среднекатунской культуры позднего и финального неолита (табл. 9–11);

– комплексы третьего горизонта относятся к большемысской культуре периода энеолита (табл. 12).

В процессе полевых работ на поселении Тыткескень-II в осыпях правобережья, подвергшегося в тот период времени достаточно сильному разрушению (в результате работы геологического бурового комплекса и связанной с ним инфраструктуры), А.Л. Кунгуров зафиксировал отдельные находки каменных орудий и керамики. Учитывая эти артефакты, в 1984–1987 гг. А.Л. и Н.Ю. Кунгуровы открыли выше по течению р. Тыткескень еще несколько памятников, получивших наименования Тыткескень-III, IIIа, IV и V.

Тыткескень-III (табл. 3, 13–15). Многослойное поселение располагается на правом борту долины, расположенном в 300 м выше устья р. Тыткескень, на третьем террасовидном уступе высотой 30 м над урезом Катуни. Географические координаты памятника: 51°12′00.23″ с.ш.; 86°04′41.63″ в.д.; высота над уровнем моря – 492 м. Поселение изучалось под руководством А.Л. Кунгурова с 1988 по 1991 г. Оно стало базовым объектом для выделения позднего этапа усть-семинской мезолитической культуры и характеристики различных периодов каменного, бронзового и раннего железного веков [Кунгуров, 1994, с. 43–58; Семибратов, 1991, с. 65–66; 1994, с. 97–111; 2000]. Общая территория памятника составляет более 5000 кв. м. В процессе раскопок было вскрыто около 600 кв. м площади, в пределах которой зафиксировано шесть культурных слоев, залегающих на глубине от 0,1 до 1,8 м.

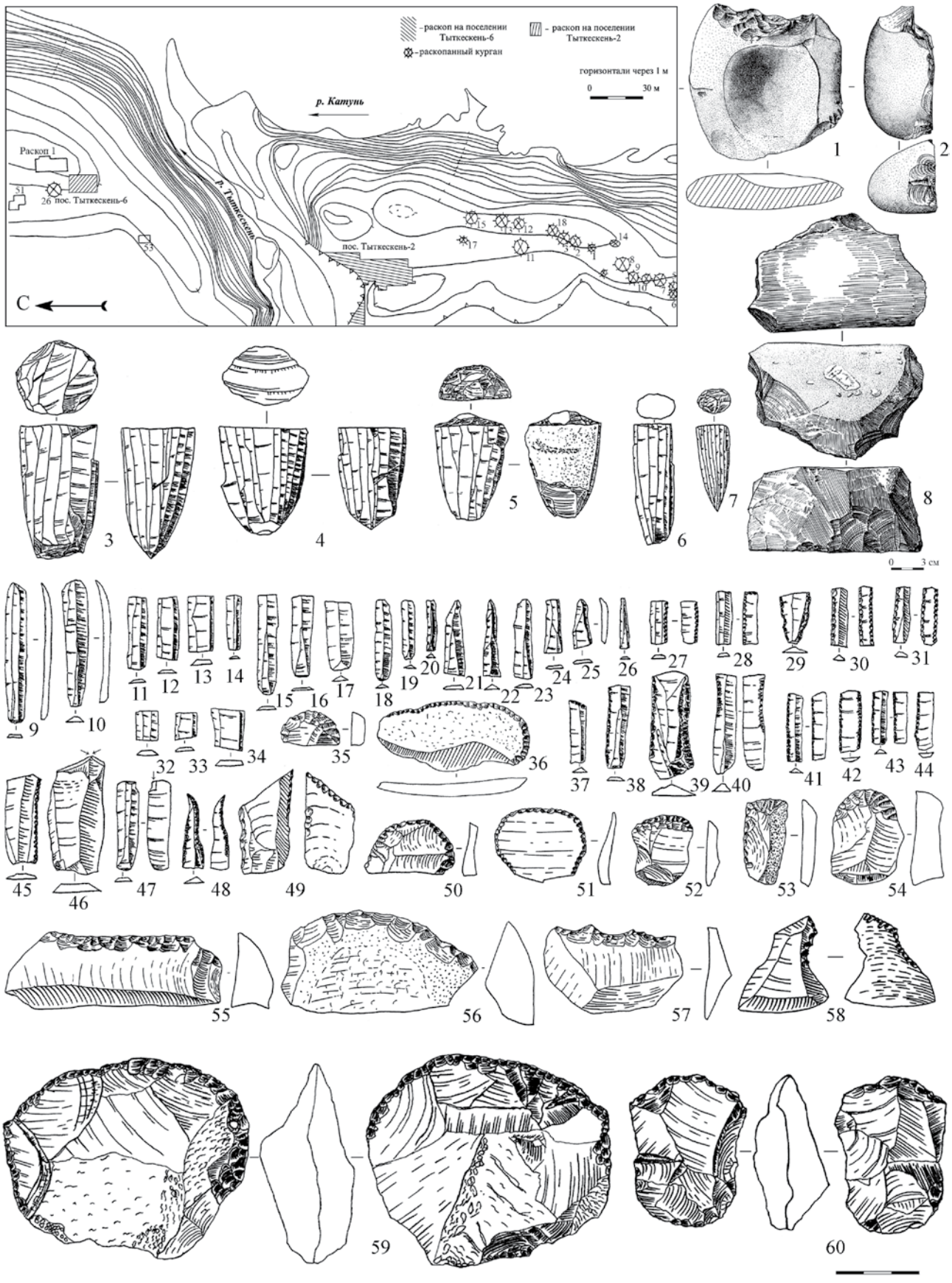

Табл. 5. Тыткескень-II. План и каменные изделия мезолита (девятый (?) – восьмой горизонт) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

Табл. 6. Тыткескень-II. Каменные изделия раннего неолита (седьмой и шестой горизонты) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

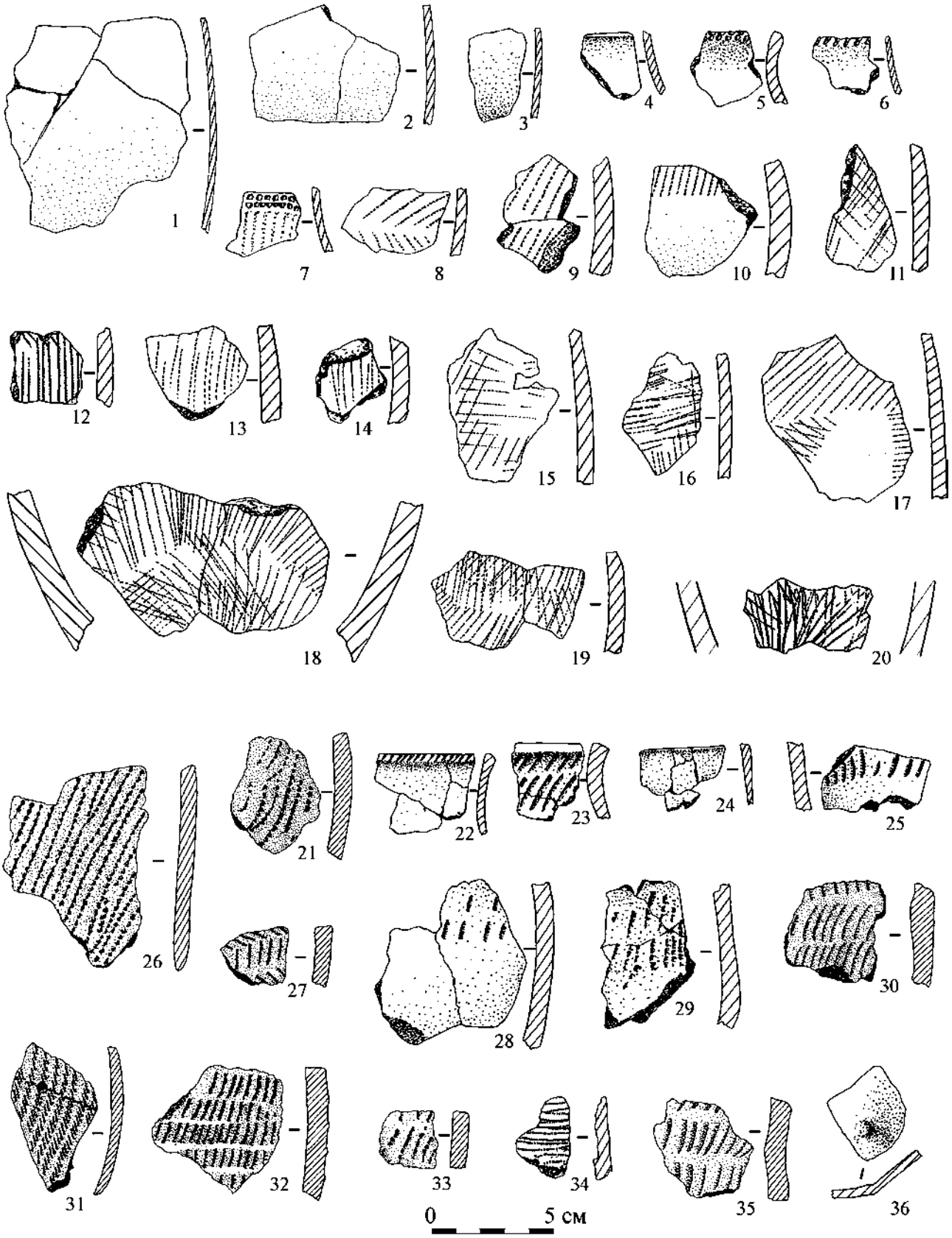

Табл. 7. Тыткескень-II. Керамический комплекс ранннего неолита
из седьмого и шестого горизонтов (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

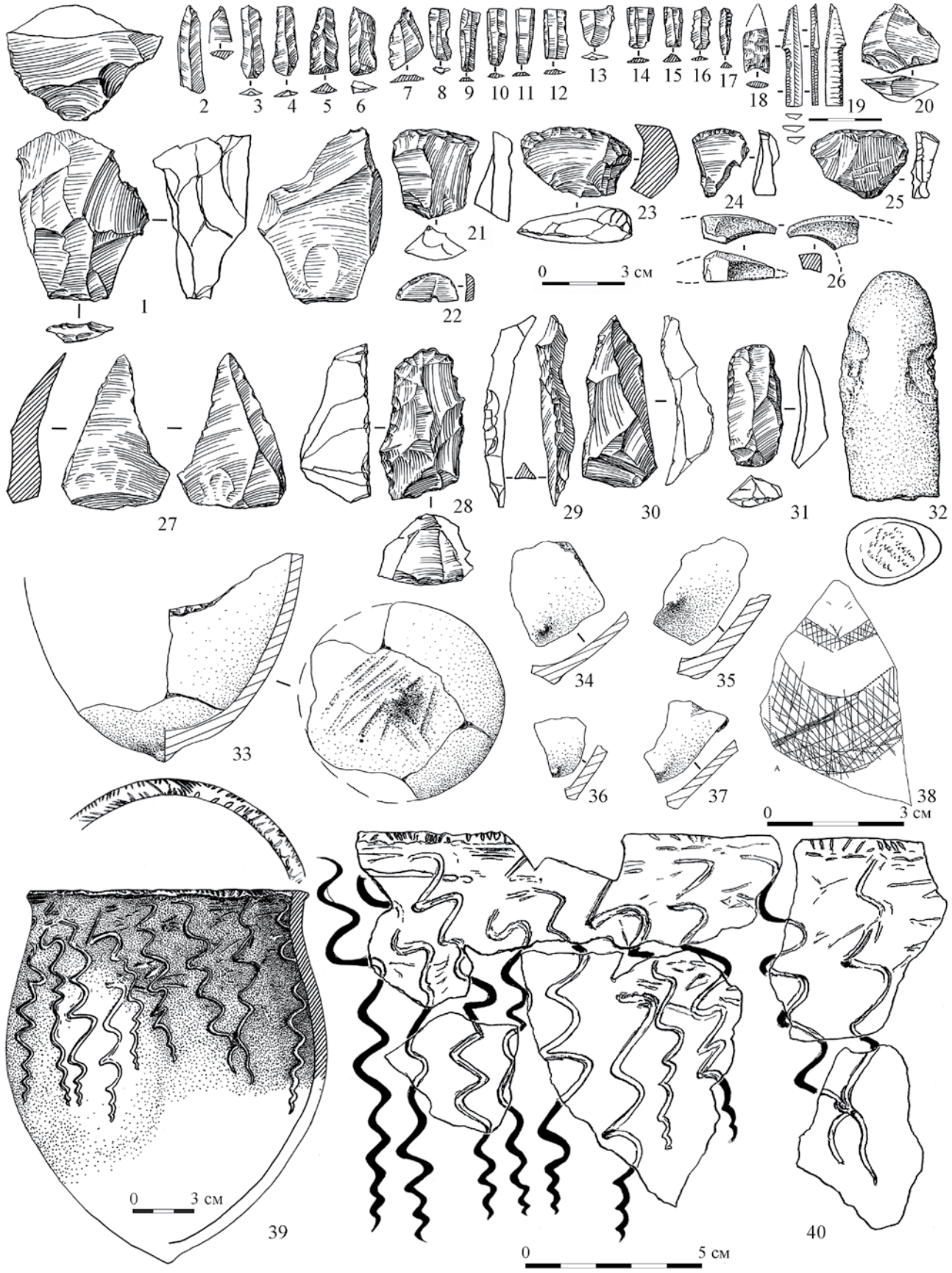

Табл. 8. Тыткескень-II. Каменные изделия и керамический комплекс развитого неолита (пятый горизонт) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

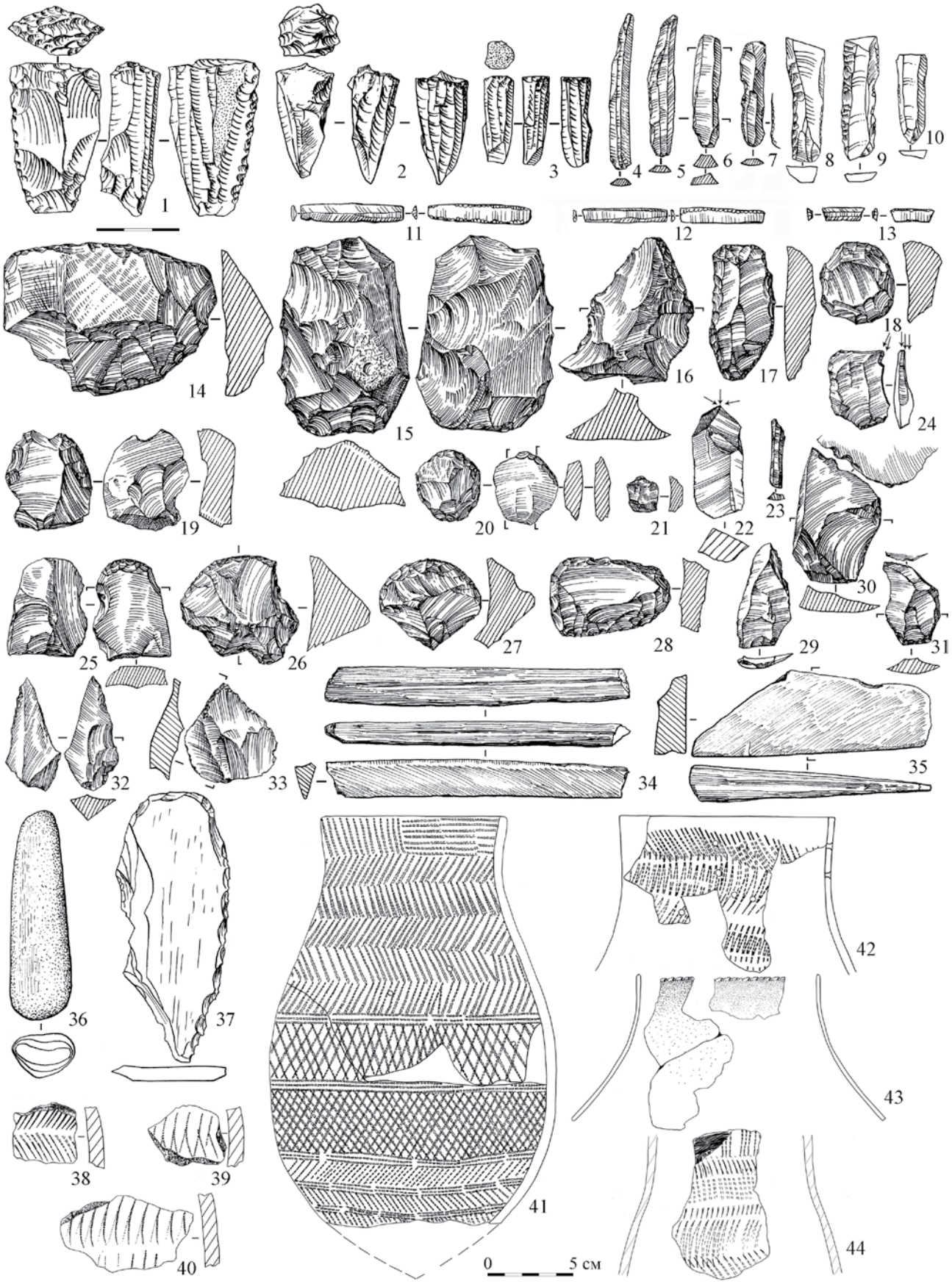

Табл. 9. Тыткескень-II. Каменные изделия и керамический комплекс позднего неолита (горизонт 4А) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

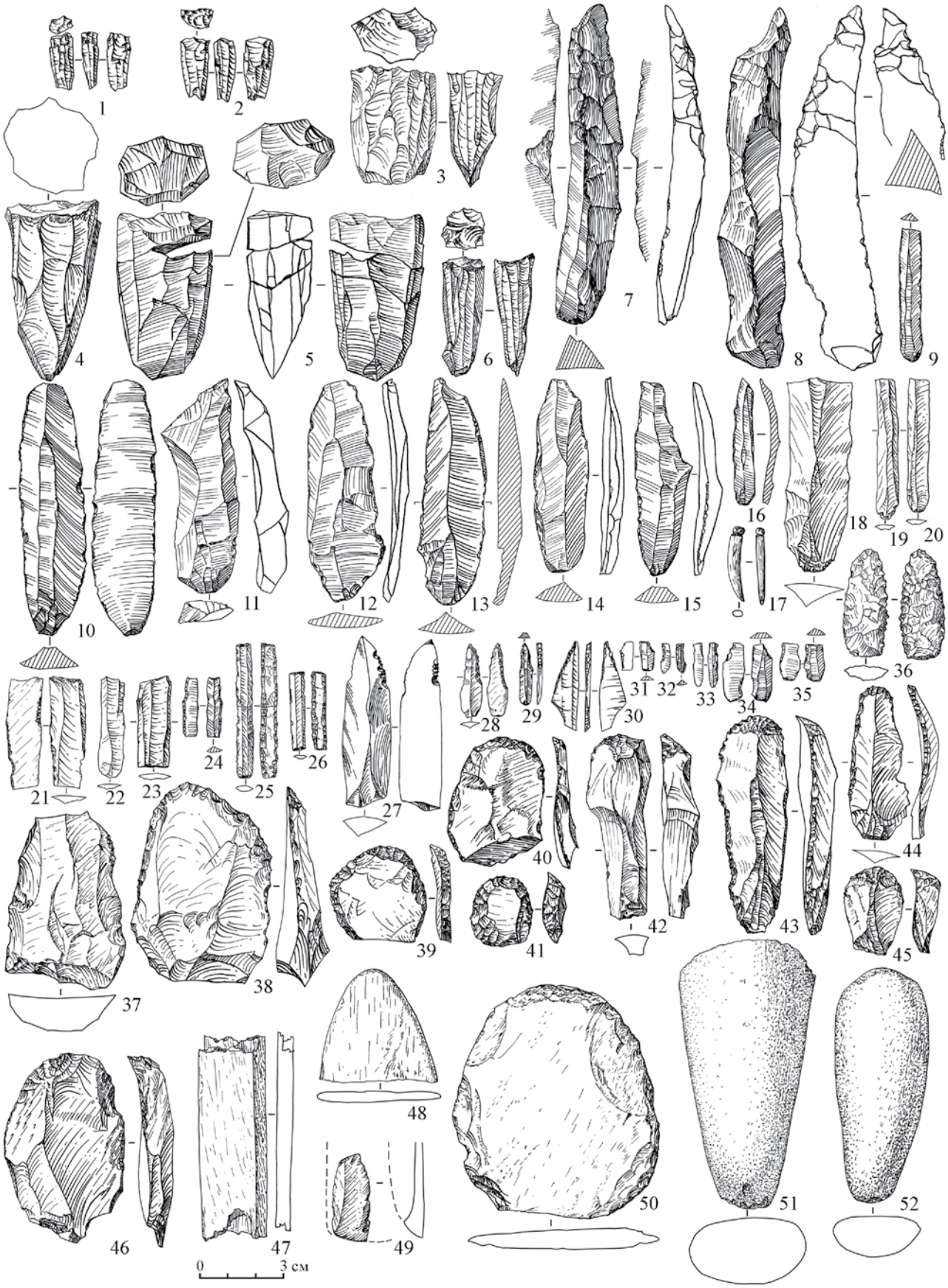

Табл. 10. Тыткескень-II. Каменные изделия финального неолита (четвертый горизонт) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

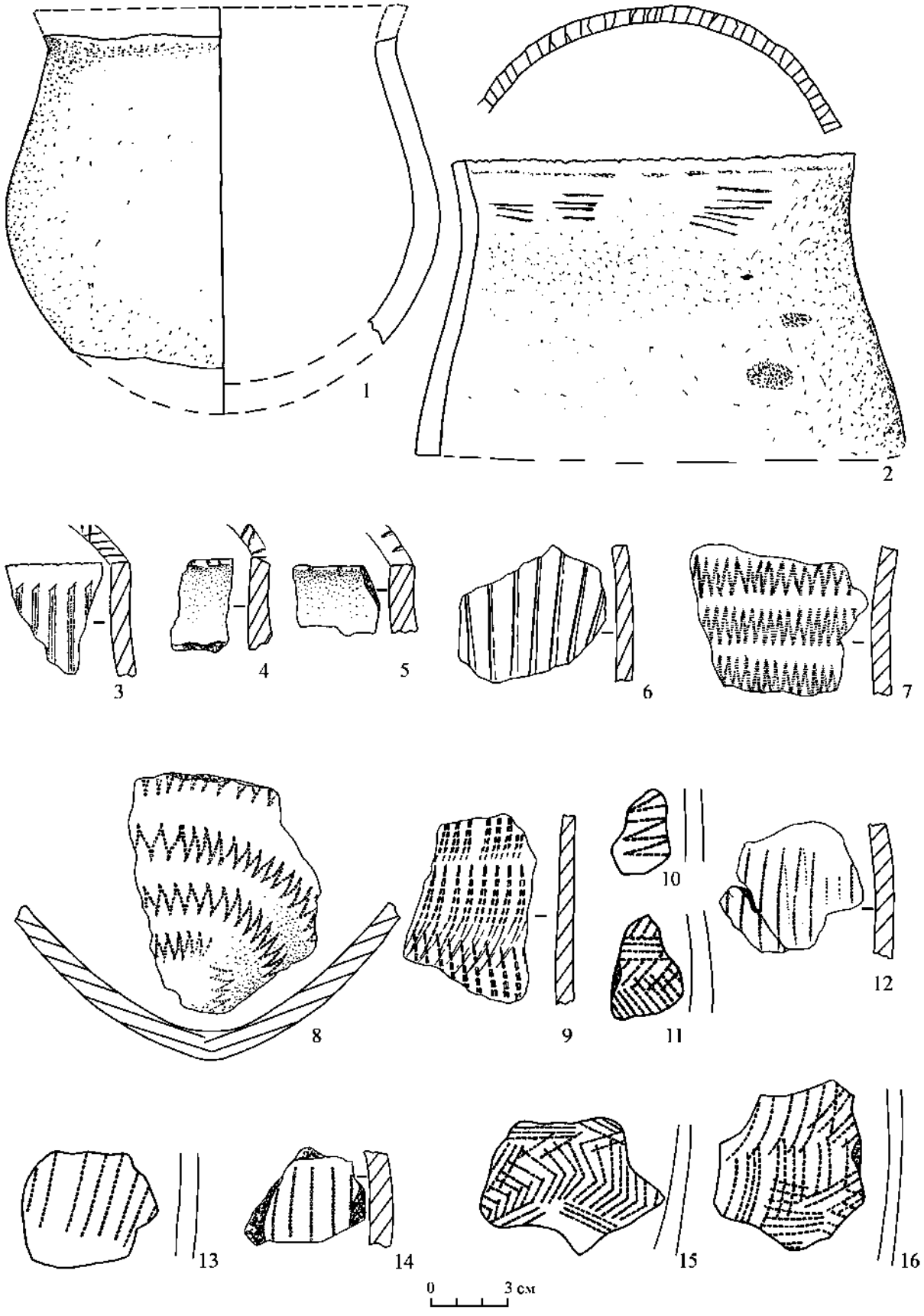

Табл. 11. Тыткескень-II. Керамический комплекс финального неолита (четвертый горизонт) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

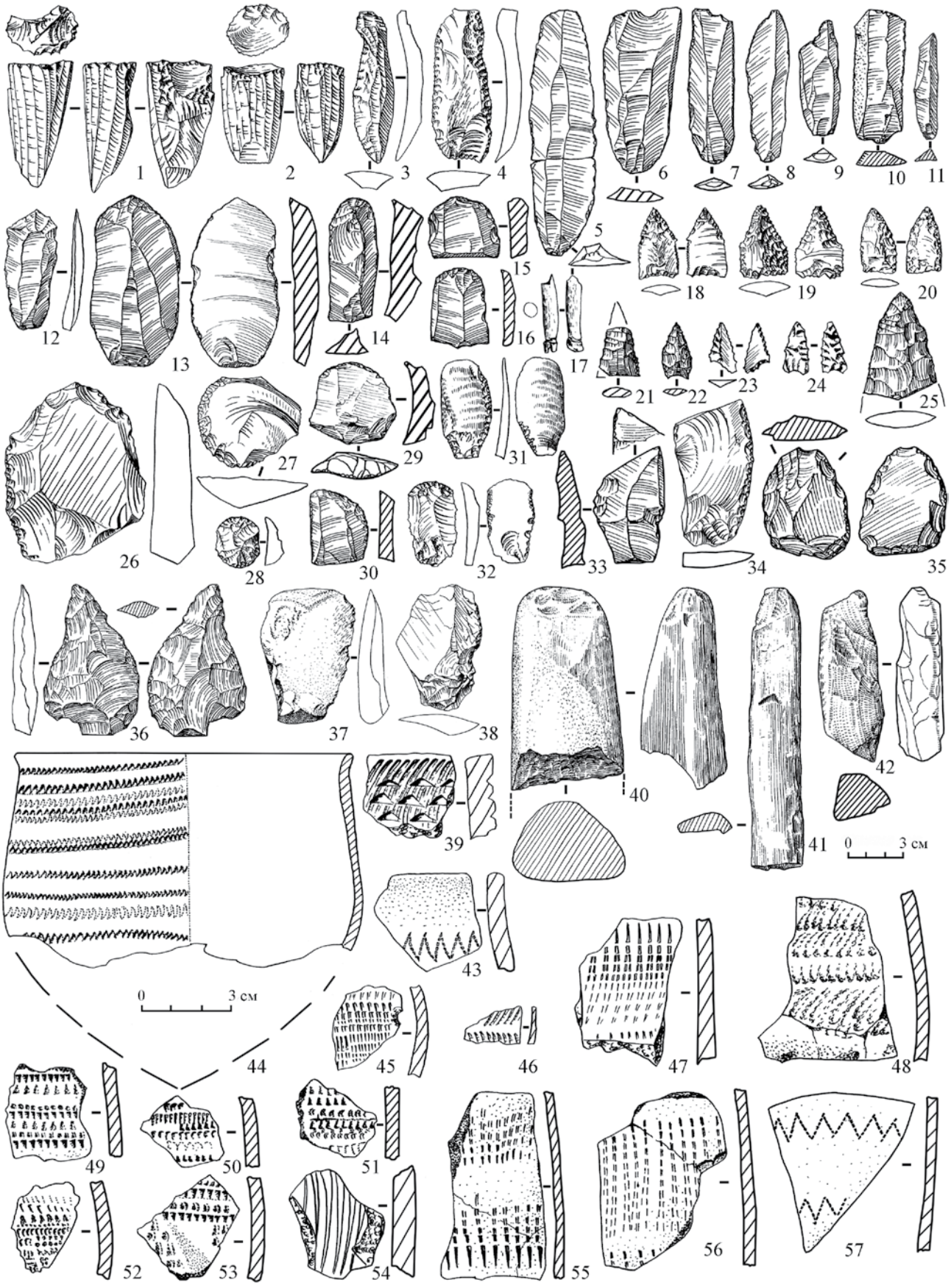

Табл. 12. Тыткескень-II. Каменные изделия и керамический комплекс энеолита (третий горизонт) (по: [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008])

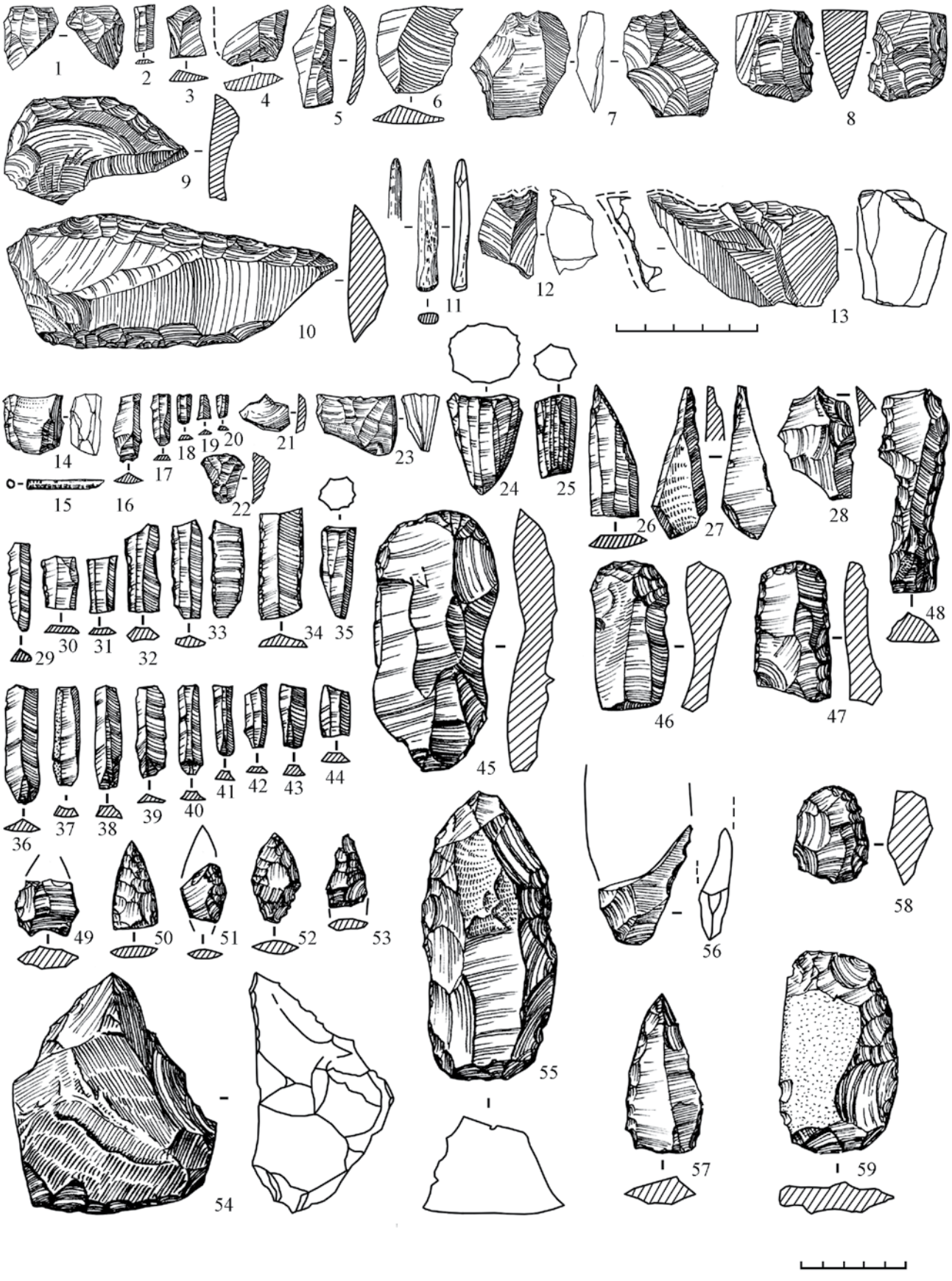

Таблица 13. Тыткескень-III. Каменная индустрия позднего палеолита (1–14), раннего (15–24) и финального (25–60) мезолита (пятый и четвертый культурные слои) (по: [Кунгуров, 1994; 2019])

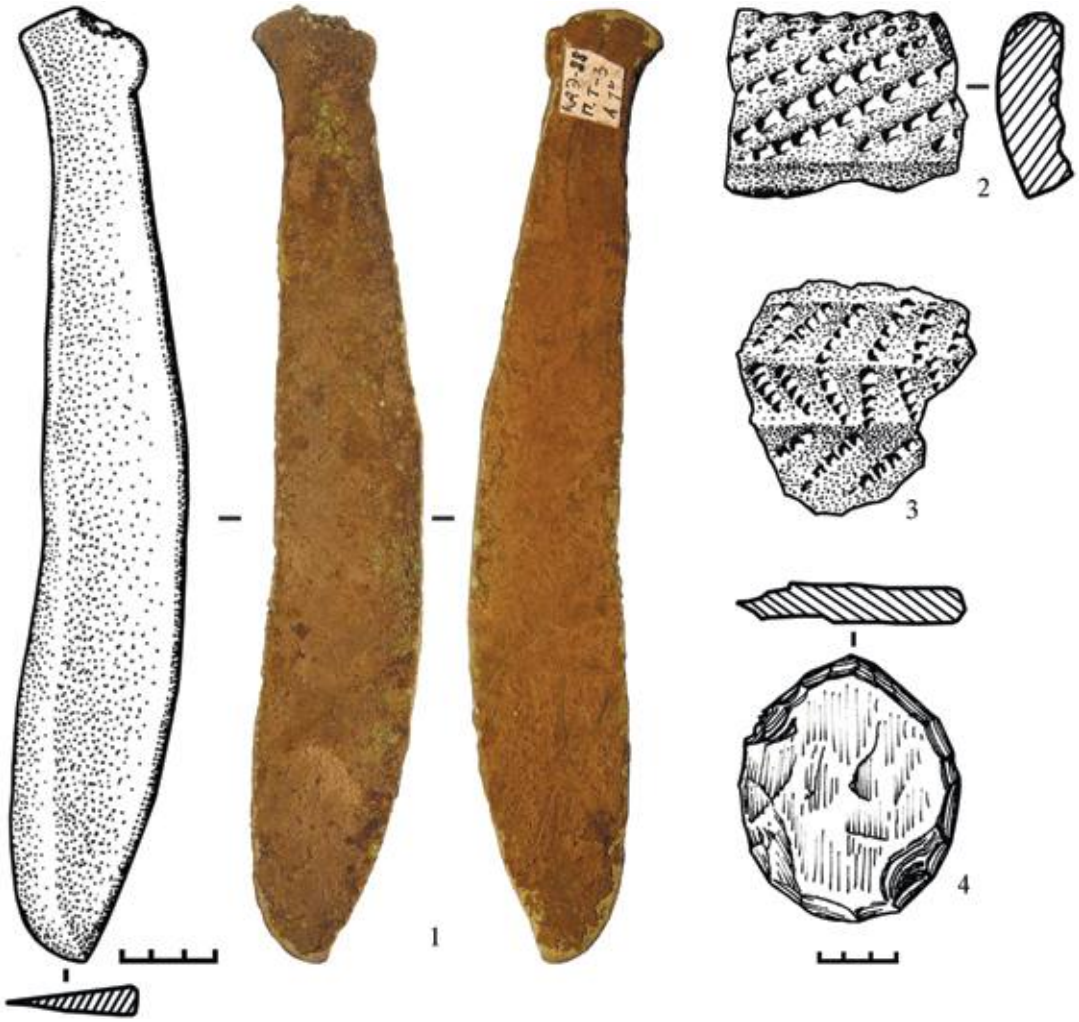

Таблица 14. Тыткескень-III. Изделия периода ранней бронзы (третий культурный слой) (по: [Кунгуров, 1994])

Первый культурный слой, датирующийся тюркским временем, содержит конструкции из камней, хозяйственные ямы, большое количество железных, бронзовых и костяных орудий, фрагменты керамической посуды (табл. 15.-*16–31*), кости домашних и диких животных.

Второй культурный слой относится к пазырыкскому времени и насыщен хозяйственными ямами, жилищными и ритуальными каркасно-столбовыми конструкциями. В нем обнаружена большая серия фрагментов керамики, костяные, бронзовые и каменные орудия (табл. 15.-*1–15*), а также зафиксирован археозоологический материал из костей домашних и диких животных.

Третий культурный слой условно можно отнести к эпохе бронзы. В нем встречены материалы периода ранней бронзы. Выявлен очаг, обложенный камнями по периметру. Находки представлены разновременными фрагментами керамики, бронзовыми, костяными и каменными орудиями (табл. 14).

Среди обнаруженного материала выделяется металлический нож (табл. 14.-*1*), сильно покрытый слоем поверхностных окислов. Длина находки 13,7 см. Рукоять специально не выделена. Вероятнее всего, изготовленный клинок вставлялся в подготовленную рукоять из органического материала, которая не сохранилась. Для хорошего закрепления было предусмотрено то, что на одном из концов изделия оформлено расширение аморфного вида, что позволяло клинку плотно сидеть в ручке, не болтаться и не вылетать при работе. Ширина этого окончания 1,75 см, толщина 3 мм. Нож выгнутообушковый, ширина клинка в центре составляет 2,2 см, толщина обуха – 3,5 мм.

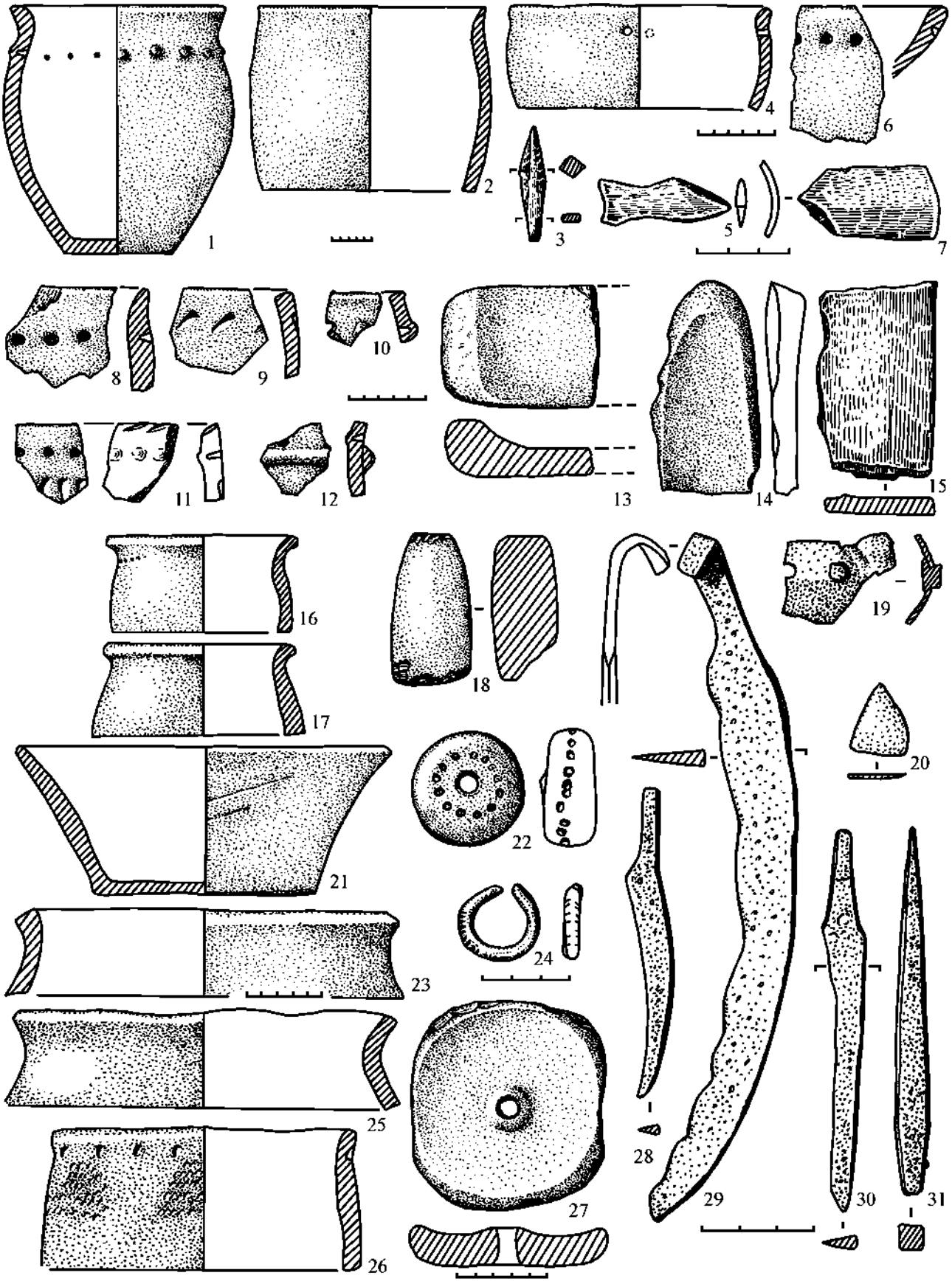

Таблица 15. Тыткескень-III. Предметный комплекс поздней древности (1–15) и раннего Средневековья (16–31) (второй и первый культурные слои) (по: [Кунгуров, 1994])

Он отлит, вероятнее всего, в односторонней форме. На лезвии заметны следы эксплуатации изделия и системной заточки. Острие не выделено и оформлено специфично, что указывает на режущую функцию орудия труда, а не на колющую. С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра был определен состав металла, из которого сделан клинок ножа. Для этого маленький участок изделия механически освобождался от поверхностных окислов и загрязнений. В разных местах получены следующие схожие результаты:

– Cu (медь) – 95,57%; Sn (олово) – 3,26%; As (мышьяк) – 0,89%; Ni (никель) – 0,17%; Pb (свинец) – 0,11%;

– Cu – 95,43%; Sn – 3,16%; As – 1,15%; Ni – 0,18%; Pb – 0,08%;

– Cu – 95,79%; Sn – 2,93%; As – 1,01%; Ni – 0,18%; Pb – 0,09%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что сплав был бронзовым. Основу составляла медь, легирующей добавкой выступало олово. Заметное присутствие в сплаве мышьяка может быть обусловлено наличием рудной примеси.

Четвертый культурный слой датируется финальным мезолитом и содержит большое количество каменных изделий (2871 артефакт), остатков наземных очагов и каркасно-столбовых конструкций (табл. 13.-*25–60*).

Пятый культурный слой характеризует ранний этап развития усть-семинской мезолитической культуры бассейна Катуни (табл. 13.-*15–24*) и представлен прежде всего комплексом каменной индустрии (471 артефакт), который концентрировался вокруг наземных очагов. Однако этот горизонт исследован на площади всего в 100 кв. м, и, возможно, какие-либо сооружения хозяйственного и культового назначения будут обнаружены в процессе дальнейших работ.

Шестой культурный слой относится к позднему палеолиту (табл. 13.-*1–14*) и вскрыт на площади всего в 2 кв. м. Однако он показывает большую насыщенность каменными орудиями и костями диких животных, в том числе ископаемых. Для палеолитических комплексов открытых стоянок Алтая, особенно долины Катуни, фаунистические находки достаточно редки и имеют плохую сохранность. Существует мнение о принадлежности шестого культурного слоя поселения Тыткескень-III к началу мезолита на основе радиоуглеродной даты 12850±205 тыс. лет назад [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Кирюшин К.Ю., 1998, с. 22].

Тыткескень-IIIа (табл. 3). Данное обозначение получил участок между памятниками Тыткескень-II и III площадью около 350 кв. м, являющийся остатком третьей надпойменной террасы, высотой около 25 м над урезом Катуни (географические координаты: 51°11′58.47″ с.ш.; 86°04′43.77″ в.д.; высота над уровнем моря – 474 м). Не исключен факт единства этого объекта и поселения Тыткескень-III, разделенных в ходе естественного разрушения рекой своего берега, что продолжается и в настоящее время. Именно этим объясняется подобная нумерация памятника. В границах шурфа площадью 2 кв. м зафиксированы культурные слои Средневековья, раннего железного века и эпохи камня, залегающие на глубине до 1,3 м.

Тыткескень-IV (табл. 3, 16.-*1, 2*). Стоянка-мастерская находится в 6 км выше устья р. Тыткескень (51°12′06.04″ с.ш.; 86°00′54.28″ в.д.; высота над уровнем моря – 747 м). Она расположена на левом борту долины речки, практически напротив каменоломни [Кунгуров, 1998, с. 4]. Поскольку памятник примыкает к коренным выходам, основное количество артефактов представляют преформы, заготовки и нуклеусы в разной стадии изработки, масса различных отщепов, в том числе очень крупных. Орудий, характеризующих комплекс, немного: леваллуазские и мустьерские сколы с ретушированными краями и рудиментами фасетированных ударных площадок нуклеусов, обломок бифаса (рубила?), переделанного после поломки в «изделие с носиком», и скребловидное изделие из леваллуазского пластинчатого скола. Практически вся кровля толщи конуса выноса, в которую вложен культурный слой мастерской (прослежено на 1,5 м в дорожном карьере), сложена артефактами. Датировать комплекс, по-видимому, следует мустьерским периодом. Неглубокое залегание (практически под

дерном) культурного слоя еще ждет своего объяснения и обоснования. Не последнюю роль, видимо, в этом играли процессы седиментации рыхлых отложений. Не исключено наличие более древних культурных слоев.

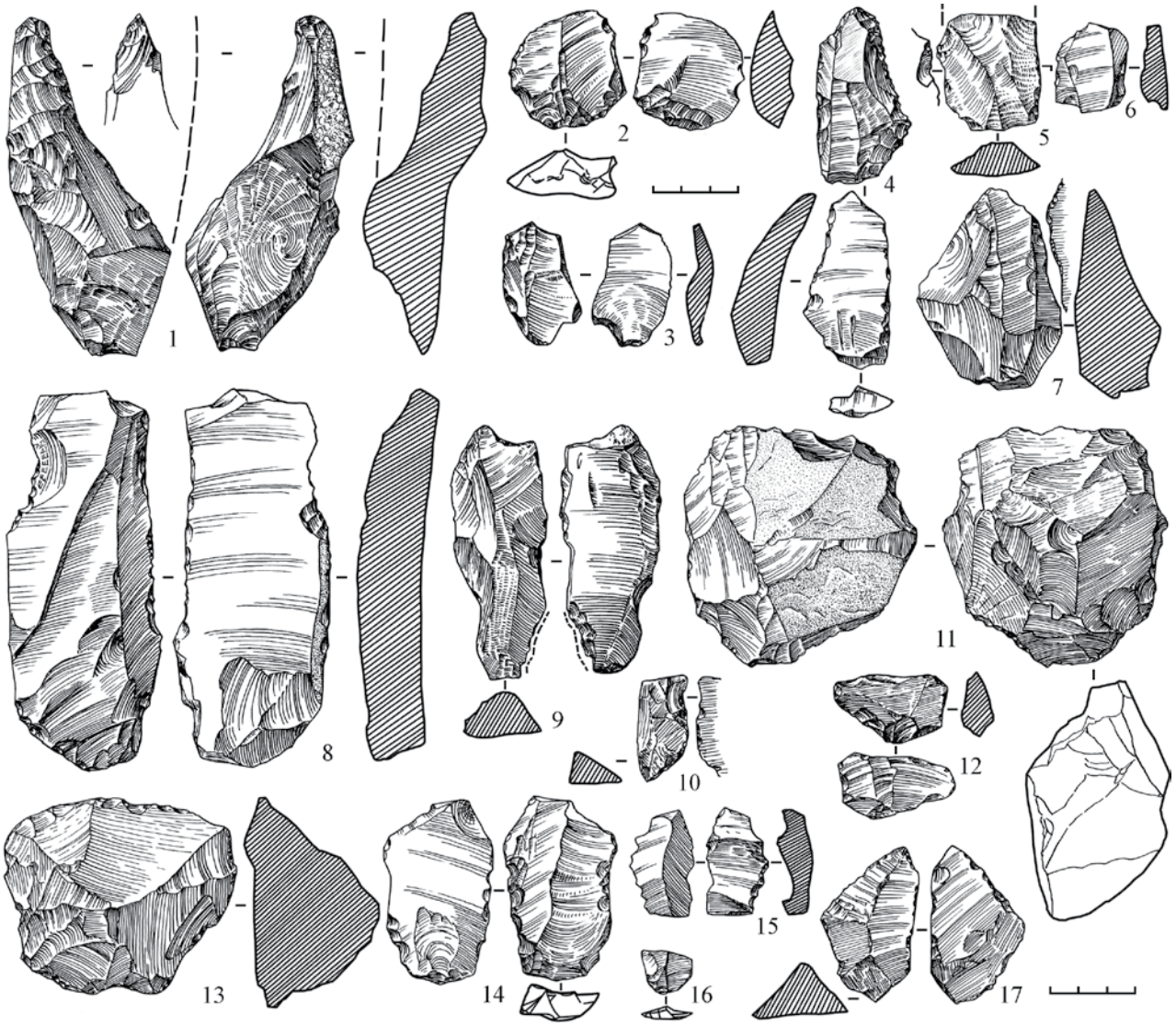

Табл. 16. Памятники Тыткескень-IV (1, 2) и V (3–17). Образцы палеолитической индустрии со стоянок-мастерских (по: [Кунгуров, 1998])

Тыткескень-V (табл. 3, 16.-*3–17*). Стоянка-мастерская, находящаяся в 8–8,5 км выше по течению р. Тыткескень от его устья (51°12′05.64″ с.ш.; 86°00′27.12″ в.д.; высота над уровнем моря – 781 м), занимает участок долины в месте «спуска» потока с водораздела в выработанную и достаточно узкую долину [Кунгуров, 1998, с. 4]. Судя по находкам в разрушениях дороги и размывах, плотность культурного слоя и площадь памятника очень велики: мощность – не менее 1,5–2 м, площадь – до 50 га. По всей задернованной части террасы, имеющей значительный уклон к р. Тыткескень (древний конус выноса?), встречаются блоки и глыбы кремня со следами расщепления, выступающие из травы. Дорога идет по сплошному слою колотого кремня, который колется под колесами грузовиков и гусеницами тракторов. Кремень принесен из-за реки, где имеется коренной выход. Не исключено, что выходы кремня скрыты рыхлыми отложениями долины. Весь комплекс орудий и предметов, отражающих технику расщепления, имеет ярко выраженные мустьерско-леваллуазские традиции. Все осмотренные нуклеусы (исключая стационарные – глыбы полуметрового поперечника с бессистемными сколами) являются радиальными, найдены также изделия

мустьерских форм. Леваллуазские ядрища не встречены, но заготовки, снятые с них, имеются. Целой серией представлены подпластинчатые заготовки крупных размеров. Почти все артефакты имеют вторичную обработку: оббивку, транкирование, анкош, разнофасеточное ретуширование.

Тыткескень-VI (табл. 3, 17–19). Погребальный комплекс располагался на второй надпойменной террасе левого берега Катуни к северу от устья р. Тыткескень. Терраса, на которой находится памятник, с юга, востока и северо-востока ограничена водными потоками, в с запада и северо-запада – горным массивом. Памятник был зафиксирован в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым [1984; 1985] и обозначен вместе с группой курганов на правом берегу как могильник «Тыткескень-I». После раскопок в 1988 г. левобережный некрополь получил современное наименование [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992, с. 125]. Географические координаты комплекса Тыткескень-VI: 51°12′05.62″ с.ш.; 86°04′45.34″ в.д.; высота над уровнем моря – 501 м.

В период с 1988 по 1993 г. силами нескольких экспедиций Алтайского государственного университета под руководством Ю.Ф. Кирюшина [1988; 1990] на памятнике Тыткескень-VI было вскрыто более 60 объектов, из которых значительная часть относится к пазырыкской культуре [Кирюшин, Тишкин, Степанова, 2003]. Основу могильника составляли цепочки курганов пазырыкской культуры, вытянутые с юга на север по краю террасы левого берега Катуни. Диаметр каменных насыпей курганов варьировал от 3,2 до 9,5 м, глубина ям – от 1,3 до 3 м. Во многих могилах прослежены остатки погребальных конструкций из дерева и камня, а также довольно многочисленный и разнообразный сопроводительный инвентарь, в котором присутствовали в том числе редкие высокохудожественные изделия из цветного металла. Погребальные сооружения бийкенской культуры располагались в южной части обозначенного участка, несколькими планиграфическими группами: рядом со скальным выходом, севернее полевой дороги, идущей вверх по течению р. Тыткескень, а также у южной оконечности террасы, обрывающейся крутым склоном и карьером. Материалы аржано-майэмирского и скифо-сакского времени изданы в монографиях [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Степанова, 2004].

В 1988–1989 гг. на памятнике Тыткескень-VI исследованы три кургана тюркской культуры, расположенные с восточной стороны от погребальных сооружений пазырыкского времени. Они содержали достаточно «богатые» погребения воинов с конем или снаряжением лошади, датирующиеся в пределах VI–VII вв. н.э. [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998].

В 1989 г. при проведении работ в южной части памятника сплошным раскопом была вскрыта цепочка из семи небольших курганов-выкладок булан-кобинской культуры периода поздней древности, отнесенных ко II–IV вв. н.э. [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992]. Археологические материалы хуннуско-сяньбийско-жужанского («гунно-сарматского») времени также обнаружены при раскопках на других участках могильного поля в 1990 г.

Тогда же, в 1989 г., в процессе раскопок на южной части некрополя под полами кургана раннего железного века оказалась расчищена частично разрушенная каменная выкладка и захоронение подростка в яме. Положение умершего (вытянуто на спине с поднятыми вверх, а впоследствии с завалившимися коленями), сопроводительный инвентарь (костяные трубочки-пронизки, каменное шлифованное тесло), а также окрашенность скелета охрой позволили датировать погребение энеолитом (табл. 18.-*1*). В публикации 1995 г. этот объект, получивший порядковый №61, отнесен к комплексу большемысской культуры [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Дальнейшее рассмотрение полученных материалов и антропологические исследования дали обоснования в пользу принадлежности данного захоронения к афанасьевской культуре [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 29].

При изучении группы курганов скифо-сакского времени на южной оконечности террасы, примыкающей к долине р. Тыткескень, было замечено, что в насыпях фик-

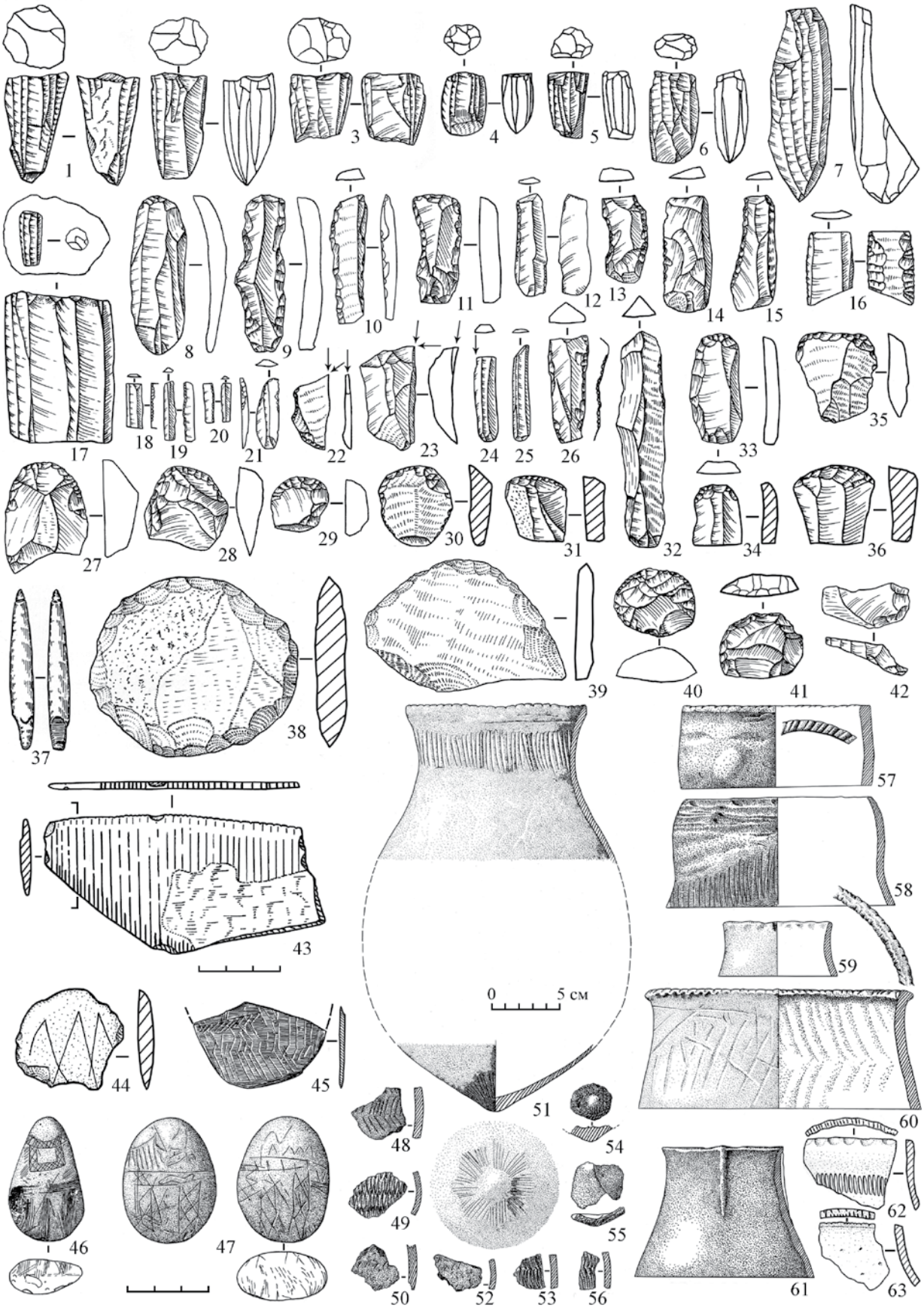

Табл. 17. Тыткескень-VI. Каменные изделия и керамический комплекс неолита (частично по: [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Семибратов, Кирюшин К.Ю., Шмидт, 2006; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, 2019])

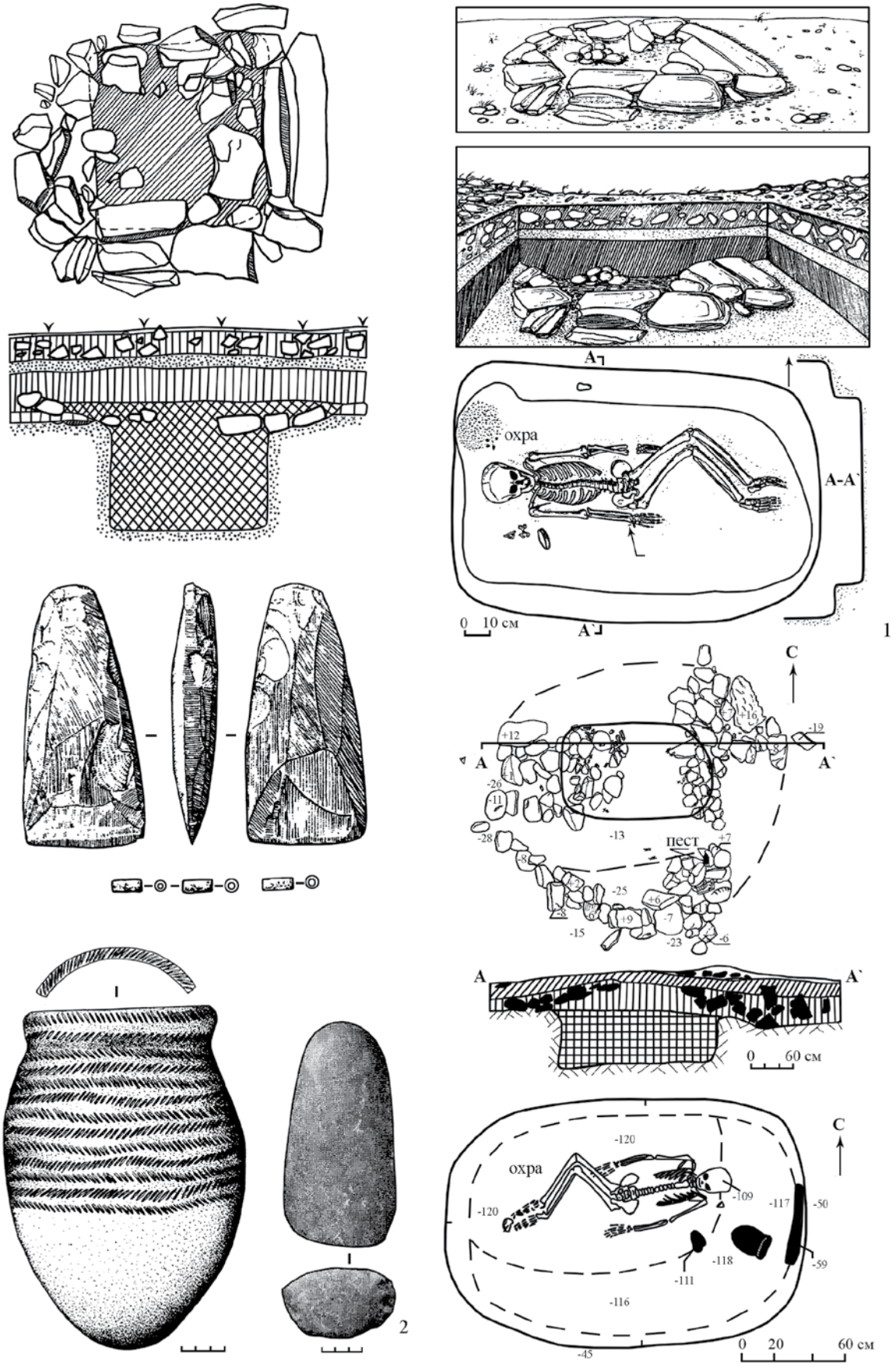

Табл. 18. Тыткескень-VI. Погребальные объекты афанасьевской культуры и обнаруженный в них вещевой комплекс: *1* – курган №61; *2* – курган №95 (по: [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010])

сируются «поселенческие» находки, имеющие значительно более ранний возраст. Для выявления культурного слоя в 1990 г. был заложен рекогносцировочный раскоп, продемонстрировавший присутствие горизонтов эпохи бронзы, энеолита (большемысская культура) и неолитического времени [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Долинин, Кирюшин К.Ю., 1992, с. 40; Кирюшин, Кунгуров, 1994; Кирюшин, Степанова, 1998]. Кроме этого, документировалось наличие поминальных комплексов тюркского времени и периода поздней древности (ямы с костями животных и древесным углем, отдельные металлические предметы и керамика). С данного момента стало очевидно, что археологический комплекс Тыткескень-VI объединяет разновременный некрополь и многослойное поселение.

В 2006 г. в результате работ Катунской экспедиции АГУ исследовался поселенческий комплекс памятника (рис. 3). Тогда же были выполнены раскопки известных и впервые зафиксированных погребальных сооружений периода поздней древности (бийкенская и пазырыкская культуры), а кроме того – разрушенного кургана (№95) афанасьевской культуры (табл. 18.-*2*), перекрытого отвалом ранее изученного объекта аржано-майэмирского времени (курган №56) [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006; Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Тюрина, Грушин, 2006; Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010, с. 11–16; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011].

Наиболее многочисленный материал происходит из неолитических горизонтов поселения (табл. 17). Микролитическая каменная индустрия памятника носит преимущественно призматический характер и ориентирована на получение ровных двух-, трехгранных пластин, основная масса которых, по всей видимости, использовалась для производства вкладышей составных орудий. Большинство нуклеусов одноплощадочные. Кроме этого, встречаются изделия из сланцевых плиток (орнаментиры, «дисковидные» скребла различных типов), а также из галек (прежде всего, крупные наковальни и ретушеры-отбойники). К числу редких артефактов относятся орнаментированные гальки и стерженек крупного составного рыболовного крючка. Керамический материал представлен горшками с высокой горловиной и плавным переходом от шейки к плечикам. Большая часть фрагментов глиняной посуды не орнаментирована. В ряде случаев по краю сосудов фиксируются защипы пальцами и насечки по срезу венчика, оттиски гладкого штампа под горловиной. Некоторые скопления каменных артефактов в неолитических горизонтах можно интерпретировать как площадки-мастерские. Обращает на себя внимание большое количество ям различной хозяйственной направленности [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Семибратов, Кирюшин К.Ю., Шмидт, 2006].

В процессе изучения поселения в 2006 г. найдена серия керамических изделий эпохи бронзы (фрагменты сосудов и курильниц) (табл. 19). Данные предметы в целом равномерно залегали выше энеолитических материалов большемысской культуры, а также фиксировались при разборке каменных насыпей курганов, при строительстве которых был потревожен культурный слой бронзового века [Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006]. Материалы, полученные в результате раскопок поселения Тыткескень-VI (в своей основной массе они остаются не обработанными и не опубликованными), имеют принципиальную важность для культурно-хронологического разграничения археологических комплексов Алтая неолита, энеолита и бронзового века.

Тыткескень-VII (табл. 3, 20.-*1–3*). В одном из оврагов, вскрывающих левый борт долины в 8 км выше устья р. Тыткескень (географические координаты пункта: 51°12′45.10″ с.ш.; 85°57′58.99″ в.д.; высота над уровнем моря – 962 м), обнаружены несколько отщепов, пластина леваллуазского облика, отщеп, снятый с радиального нуклеуса, и крупное выемчатое изделие с двусторонней обработкой. К сожалению, первоначальное местонахождение данных артефактов пока не выявлено, но мустьерский облик и, видимо, возраст изделий несомненны. Поскольку подобные предметы, в контексте их находки, не могли быть принесены естественными или антропогенными процессами, пункт сборов получил наименование Тыткескень-VII. Поблизости, чуть выше устья оврага, сделана еще одна примечательная находка. В 1990 г. для экспериментального производства керамических изделий из подножья разреза педимента древней долины

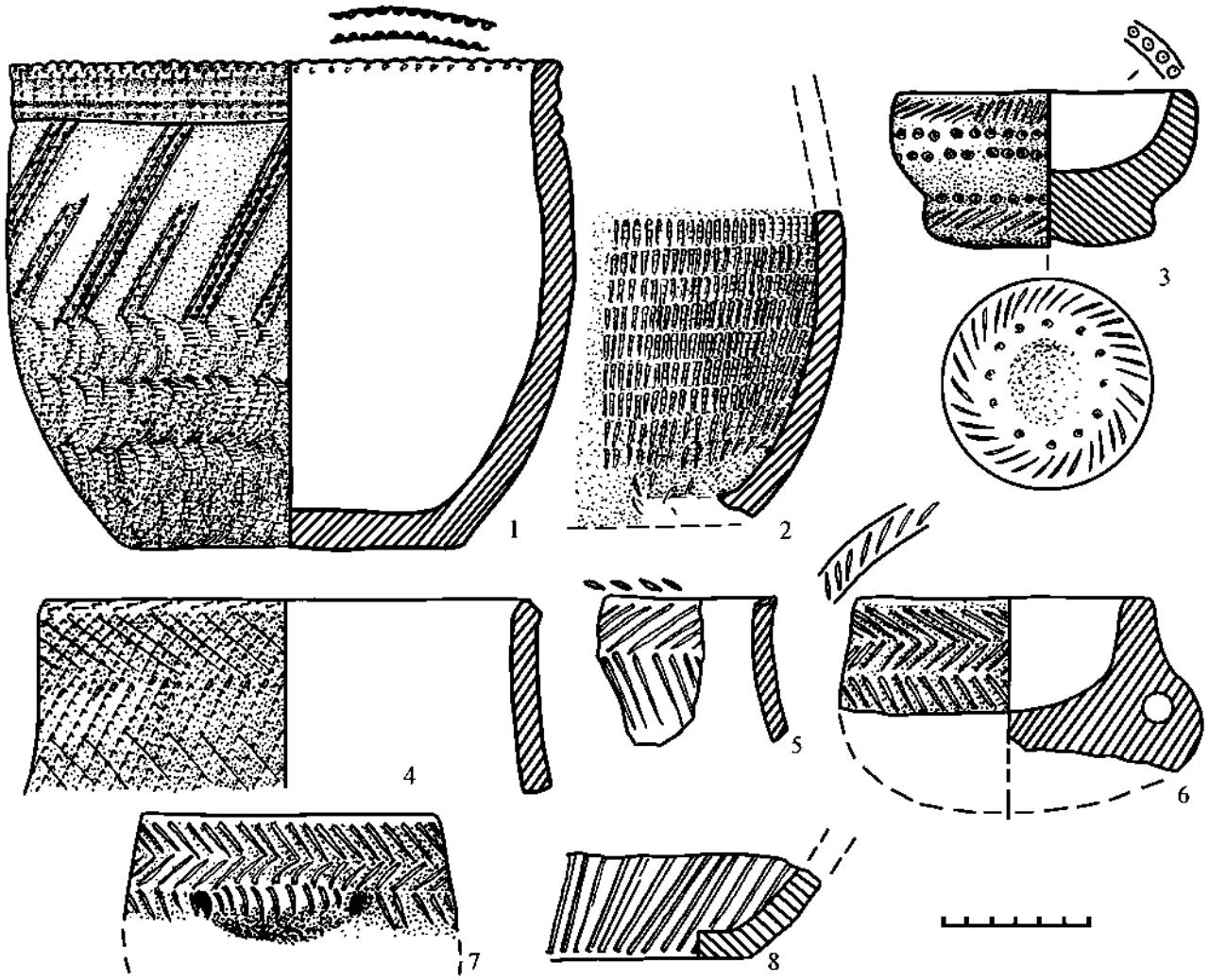

Табл. 19. Тыткескень-VI. Керамический комплекс эпохи бронзы
(по: [Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006])

была взята глина, насыщенная охрой. При подготовке замеса в ней найдено несколько мелких, но массивных отщепов. В случае обнаружения культурного слоя, залегающего на глубине 30 м (конечно, если каменные орудия не были перемещены с верхних горизонтов), можно будет говорить о памятнике домустьерского времени.

Тыткескень-VIII (табл. 3, 20.-*4–25*). Поселение расположено на правом борту долины р. Тыткескень (географические координаты: 51°12′39.53″ с.ш.; 85°57′47.36″ в.д.; высота над уровнем моря – 974 м), практически напротив стоянки-мастерской Тыткескень-V [Кунгуров, 1992, с. 24 –25]. В 100–150 м западнее от данного памятника сделаны находки, локализованные как объект Тыткескень-VII. Сборы связаны с разрушениями дороги и срезов грунта, сделанных для поднятия насыпи. Культурный слой залегает непосредственно под дерном [Кунгуров, 1999, с. 13]. Однако набор изделий резко отличается: подпризматические и продольно-поперечные нуклеусы, крупные призматические пластины, обработанные дорсальной ретушью, резцовыми сколами, фрагментированные. Проксимал пластин сохраняет рудимент фасетированных площадок. На пластинах и пластинчатых сколах оформлены острия, скребки. На отщепах и крупных сколах оформлены скребки различных типов, скобели, орудия с носиком (острия?) архаичных бифасиальных форм, рубяще-режущие инструменты, острия, мелкие бифасы-долота. Встречены также заготовки орудий и многочисленные вторичные и первичные отщепы. Особенности индустрии позволяют относить описываемый комплекс к начальному периоду верхнего палеолита [Кунгуров, 1992, с. 25; Маркин, 1996, с. 46].

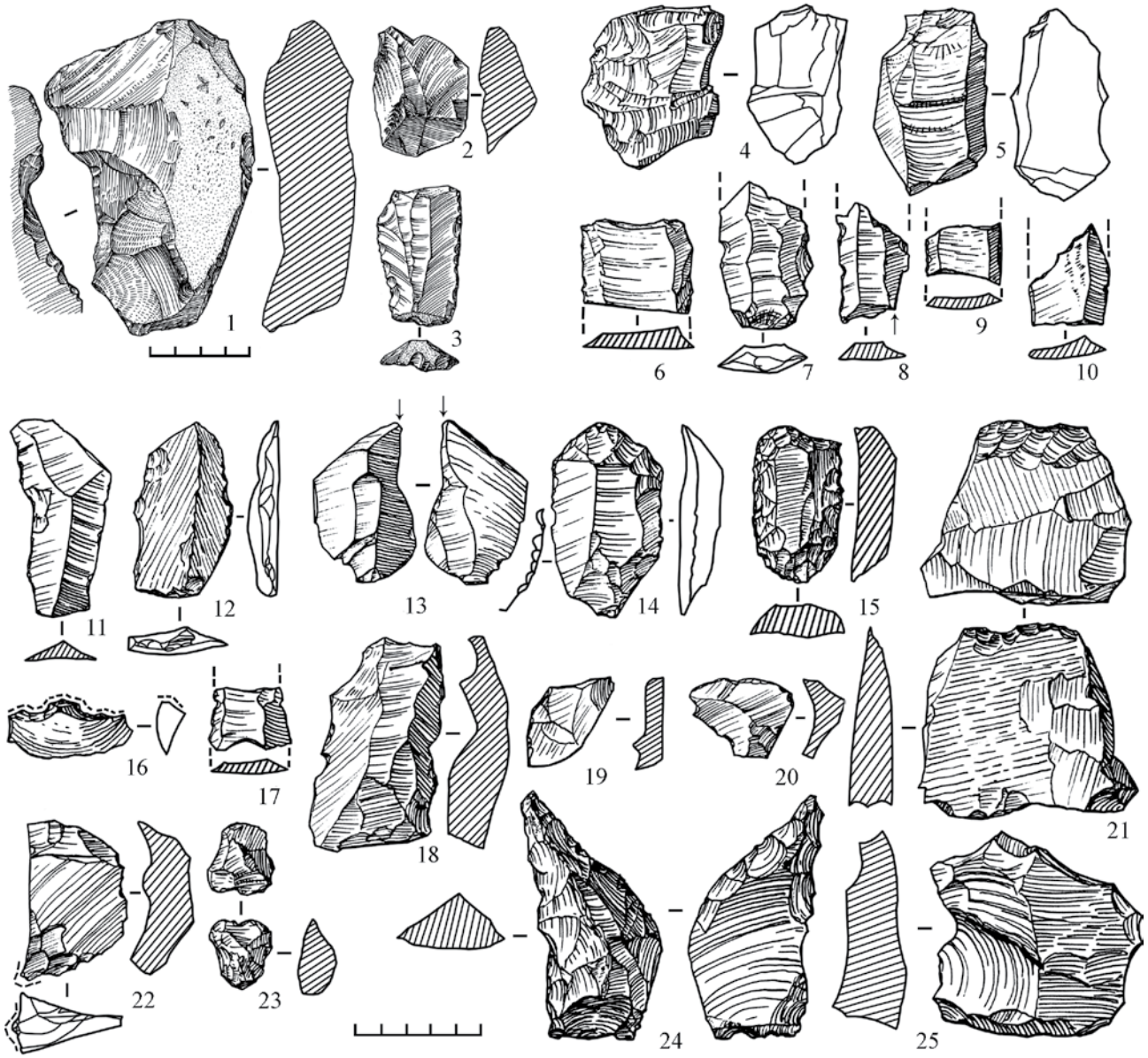

Табл. 20. Памятники Тыткескень-VII (1–3) и VIII (4–25). Образцы палеолитической индустрии (по: [Кунгуров, 1992; 1993])

Нижнетыткескенское поселение-I (табл. 3) расположено в межгорном распадке в 10 м выше памятника Тыткескень-III, практически над ним (высота над урезом Катуни около 50 м). Его географические координаты: 51°11′58.55″ с.ш.; 86°04′37.60″ в.д.; высота над уровнем моря – 503 м. Общая площадь поселения составляет около 2000 кв. м, глубина залегания культурных слоев – 0,5 м. В шурфе площадью 2 кв. м зафиксирован культурный слой пазырыкского времени, насыщенный костями домашних животных и керамикой, а также несколько каменных сколов, документирующих наличие какого-то культурного слоя каменного века. Полученные материалы были опубликованы в небольшой монографии, посвященной Нижнетыткескенской пещере-I [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995].

Нижнетыткескенское поселение-II (табл. 3) локализуется в межгорном распадке левого берега р. Тыткескень, в 330 м выше устья, напротив памятника Тыткескень-III. Высота расположения указанного археологического объекта над урезом Катуни достигает примерно 40 м. Географические координаты: 53°21′02.05″ с.ш.; 86°04′40.14″ в.д.; высота над уровнем моря – 494 м. Площадь поселения составляет около 1000 кв. м. Зафиксирован культурный слой раннего железного века, залегаю-

щий на глубине 0,4–0,5 м. В шурфе площадью 1 кв. м обнаружены очаг, фрагменты керамической посуды и кости домашних животных.

Нижнетыткескенское поселение-III (табл. 3) находится в межгорном распадке, в 20 м выше предыдущего поселения и в 100 м к юго-востоку над памятником Тыткескень-VI. Географические координаты: 51°12′04.28″ с.ш.; 86°04′42.18″ в.д.; высота над уровнем моря – 504 м. Площадь поселения составляет не менее 2000 кв. м. Имеется подъемный материал (кости животных). Раскопки в данном пункте не проводились.

Нижнетыткескенская пещера-I (НТП-I) (табл. 3, 21) находится на западном участке известнякового массива, образующего водораздел рек Тыткескень и Карасу (впадает в Катунь в 1,5 км выше по течению). Массив имеет крупный разлом шириной до 100 м, заполненный субаэральными лёссовидными отложениями, спускающимися к р. Тыткескень в виде крутопадающего конуса выноса [Барышников, Кирюшин, 1989, с. 50–52]. В западном отвесе массива обнаружены три пещеры (НТП-I, II, III), содержавшие археологические материалы. НТП-I представляет собой горизонтальный тип пещеры с рыхлыми отложениями площадью примерно 25 кв. м. Географические координаты объекта: 51°11′59.36″ с.ш.; 86°04′24.08″ в.д.; высота над уровнем моря – 535 м. Экспозиция входа северная. Полость пещеры, включая предвходовую площадку, полностью раскопана в 1991–1992 гг. В результате зафиксированы культурные слои от финального мезолита до Средневековья. Получен информативный керамический комплекс афанасьевской культуры и отдельные фрагменты, которые относятся к эпохе бронзы. Небольшая часть находок датируется ранним железным веком и Средневековьем. Однако наибольшую известность данный памятник получил благодаря исследованному в пещере погребению мужчины (возможно, шамана). Подобное предположение основано на необычном положении частей тела умершего человека и обилии инвентаря. Пять радиоуглеродных дат, выполненных по углю, указывают на датировку захоронения первой половиной IV тыс. до н.э. Все полученные археологические материалы введены в научный оборот [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Подробные результаты современного изучения данного комплекса и перепубликация полученных материалов содержатся в Приложении II настоящей монографии.

Нижнетыткескенская пещера-II (табл. 3) расположена на восточном борту распадка, в устьевой зоне которого располагается Нижнетыткескенская пещера-I. Географические координаты объекта: 51°11′47.38″ с.ш.; 86°04′24.08″ в.д.; высота над уровнем моря – 708 м. Экспозиция входа – северо-западная. Высота по капельной линии 1,9 м, ширина до 2 м. Внутри полость расширяется до 3 м, высотой – до 7 м. В результате давнего землетрясения (возможно, из-за него в НТП-1 лежала каменная глыба) в пещере произошел обвал, образовавший застрявшими глыбами «второй этаж». Площадь рыхлых отложений около 20 кв. м. На поверхности собрана древняя керамика без орнамента.

Нижнетыткескенская пещера-III (табл. 3) находится на правом берегу р. Тыткескень и имеет следующие географические координаты: 51°11′45.00″ с.ш.; 86°04′25.18″ в.д.; высота над уровнем моря – 717 м. Пещера сквозная, с двумя входами, ориентированными в долину р. Тыткескень (северная экспозиция) и р. Карасу (южная экспозиция). Длина «тоннеля» около 20 м, высота до 7 м. Предвходовые площадки отсутствуют, общая площадь рыхлых отложений составляет около 150 кв. м. На поверхности собрана керамика без орнамента, найдена небольшая бронзовая заклепка с прямоугольной шайбой.

Нижнетыткескенская пещера-IV (табл. 3) обнаружена на правом берегу р. Тыткескень, в 100 м выше по его течению от поселения Тыткескень-III, на западном участке известнякового массива, образующего водораздел рек Тыткескень и Карасу (впадает в Катунь в 1,5 км выше по течению). Географические координаты объекта: 51°11′55.74″ с.ш.; 86°04′36.03″ в.д.; высота над уровнем моря – 521 м. Вход в пещеру округлой формы и размерами по капельной линии 0,6×0,5 м. Он расположен под вертикальным известняковым отвесом и имеет навес-козырек длиной 10 м и шириной 0,5 м. Площадь пещеры вместе с предвходовой площадкой – около 100 кв. м. Пещера

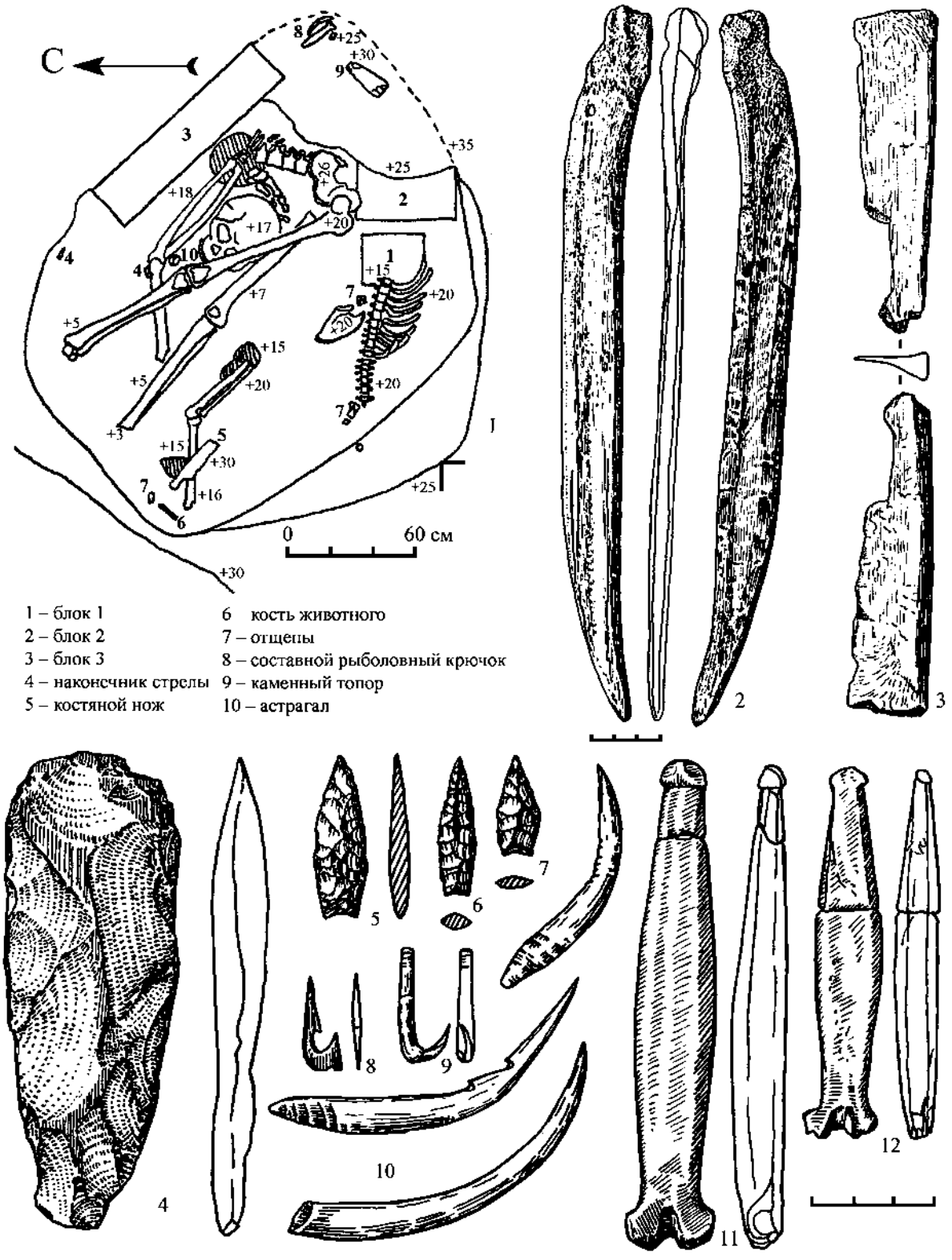

Табл. 21. Нижнетыткескенская пещера-I (НТП-I). Погребение шамана и обнаруженный в нем инвентарь (энеолит) (по: [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995])

представляет собой лаз в глубь скалы, незначительно расширяющийся внутри. Глубже 3,5 м лаз закупорен рыхлыми отложениями. В пещере обнаружено средневековое погребение младенца.

Нижнетыткескенская пещера-V (табл. 3) располагается в 80 м выше предыдущего грота практически между объектами НТП-I и НТП-II на том же борту распадка

(географические координаты – 51°11′54.63″ с.ш.; 86°04′26.50″ в.д.; высота над уровнем моря – 599 м). Ориентировочная площадь составляет приблизительно 40–50 кв. м. Форма округлая. Пещера полностью разрушена в результате древнего землетрясения.

Нижнетыткескенские пещеры-VI и VII (табл. 3) являются, по сути дела, незначительными кавернами известнякового массива, расположенными в нескольких десятках метрах восточнее и ниже памятника НТП-I. Тем не менее есть вероятность открытия там культурного слоя, так как все пещеры известнякового массива в устьевой зоне правобережья р. Тыткескень использовались в жилой или обрядовой практике проживавшим населением.

Культовое место НТП-III (табл. 3) расположено в 10 м ниже и в 30 м западнее пещеры НТП-V на выположенной поверхности верхней части разлома известнякового массива, образующей небольшую изолированную долину площадью 300 кв. м на высоте около 25 м над уровнем Катуни. Шурфом площадью 1 кв. м пройдено 1,8 м толщи рыхлых отложений и зафиксированы культурные слои раннего железного, бронзового и каменного веков. Объект не является поселением, так как расположен достаточно высоко от воды. Скорее всего, это культовое место, связанное со сквозной пещерой НТП-V в единый ритуальный комплекс.

Нижнетыткескенское поселение-VIII (табл. 3). Под отвесной известняковой скалой на южном окончании памятника Тыткескень-III зафиксирована небольшая пещера, которая использовалась как «кладовочка» в период формирования культурного слоя раннего Средневековья (первый слой). Вход имеет размеры по ширине около 2 м, по высоте – около 1 м. Объект вскрыт на глубину до 2 м. Далее ниша закупорена рыхлыми щебнисто-песчаными отложениями.

Сары-Бел-I (табл. 3, 22). Поселение расположено на левом берегу р. Тыткескень, в 3 км выше устья, в урочище Сары-Бел («желтая седловина»), которое представляет собой небольшую наклонную площадку, укрытую скальными выступами с юга и запада. Географические координаты памятника: 51°12′27.47″ с.ш.; 86°02′22.72″ в.д.; высота над уровнем моря – 647 м. Раскопом вскрыто 48 кв. м площади, в пределах которой выявлены археологические материалы бронзового, раннего железного веков и эпохи Средневековья [Кирюшин, Тишкин, Степанова, Кунгурова, 1995]. С устьевой части распадка, в глубине которого располагается данное поселение, видна сквозная пещера (НТП-III), которая создает ассоциацию циклопического глаза некоего мифологического существа.

Сары-Бел-II (табл. 3). В устье лога, расположенного юго-западнее урочища Сары-Бел, на левом берегу р. Тыткескень, в разрушениях скотских тропок найдены обломки неорнаментированной керамической посуды раннего железного века. Географические координаты данного местонахождения: 51°12′00.70″ с.ш.; 86°02′36.86″ в.д.; высота над уровнем моря – 605 м. В обозначенном пункте, по всей видимости, находилось стойбище древних кочевников.

Тыткескень. Штольня-I (табл. 3). С уровня абсолютной высоты 850–950 м долина р. Тыткескень пересекает массив, сложенный «кварцитами и кремнистыми разновидностями темно-серого цвета с переходами в серый с массивной текстурой, мелкозернистой или скрытокристаллической структурой (фтаниты)». Данный массив относится к «…баратальской свите верхнерифейского возраста» [Барышников, Малолетко, 1997, с. 152–153]. Этот выход (как осыпи, так и блоки породы из обнажений) активно использовался древним человеком на всем протяжении каменного века.

В 6 км от устья на правом борту долины р. Тыткескень Н.Ю. Кунгурова обнаружила выработку-«штольню» для добычи блоков кремня из коренного выхода, разбитого пересекающимися трещинами. Географические координаты объекта: 51°12′26.98″ с.ш.; 85°59′27.47″ в.д.; высота над уровнем моря – 862 м. «Субгоризонтальное направление трещиноватости способствовало формированию руками человека двухметрового козырька. Этот козырек поддерживается сохранившимся вертикально стоящим целиком, параметры которого следующие: высота – 2,32 м, ширина 1,35 и 1,04 м» [Барышников, Малолетко, 1997, с. 154]. Изучение образцов кремня с палеолитиче-

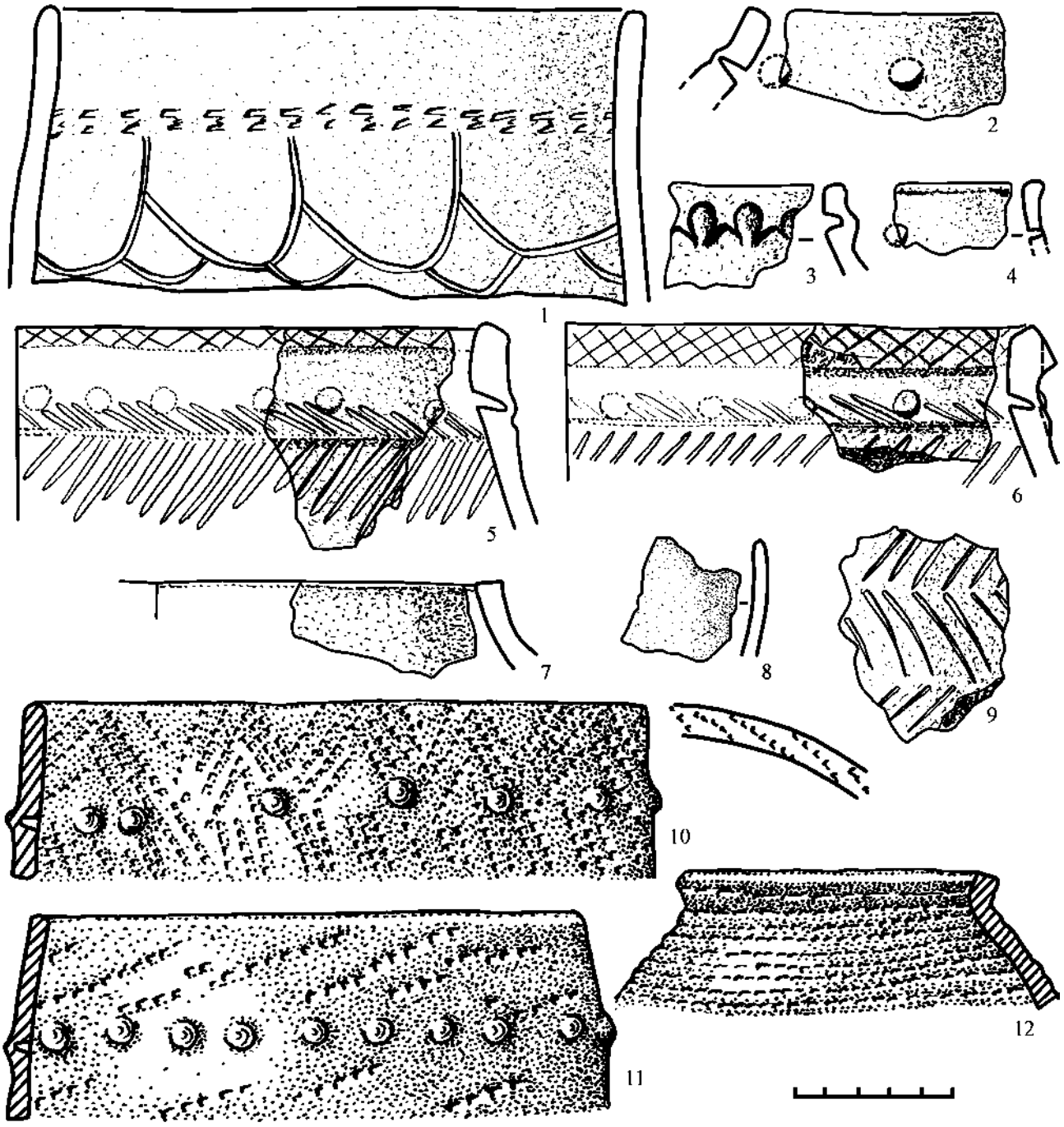

Табл. 22. Сары-Бел-I. Керамический материал эпохи бронзы и раннего железного века (по: [Кирюшин, Тишкин, Степанова, Кунгурова, 1995])

ских памятников долины р. Тыткескень, проведенное Г.Я. Барышниковым, показало их происхождение преимущественно с описанного выхода.

Тыткескень. Штольня-II (табл. 3). В 2005 г. на левом берегу р. Тыткескень, практически напротив Штольни-I, зафиксировано несколько разработок без выразительного опорного столба-«целика». Данный пункт условно обозначен как Штольня-II (географические координаты местонахождения: 51°12′26.98″ с.ш.; 85°59′27.47″ в.д.; высота на уровнем моря – 862 м).

Перечисленные памятники свидетельствуют об имеющихся перспективах дальнейшего изучения выявленного микрорайона. Особое значение будут иметь исследования разных комплексов эпохи камня.

ГЛАВА III

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И РИТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ НА ПАМЯТНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI В 2006 г.

Анализ результатов археологических изысканий в долине р. Тыткескень и около ее устья в конце XX в. позволил спланировать раскопки в 2006 г., ориентированные на полное изучение памятника Тыткескень-VI, попадающего в зону строительных работ нулевого цикла по созданию инфраструктуры Алтайской ГЭС. Археологические исследования преследовали несколько задач:

1. Проведение раскопок курганов и выкладок между группами сооружений, вскрытых Катунской экспедицией АГУ с 1988 по 1993 г., а также с разных сторон от центральной цепочки сооружений пазырыкского времени, вытянутой с юга на север вдоль восточного края террасы Катуни.

2. Изучение погребальных и ритуальных объектов на верхней (юго-западной) части террасы рядом с полотном старого Чуйского («Чемальского») тракта.

3. Доисследование разновременного поселенческого комплекса на южной оконечности террасы, в том числе выявление и изучение на его территории объектов поздней древности и Средневековья.

Раскопкам предшествовала работа по обследованию, обнаружению и фиксации новых и уже известных объектов с помощью тахеометрической съемки, которая позволила связать между собой все ранее исследованные участки местности. По итогам разведки, проведенной в мае–июне 2006 г., в северной и центральной части некрополя были заложены шесть раскопов (общей площадью 1460 кв. м). Исследование оставшейся части поселенческого комплекса осуществлялось отдельно (на площади 1152 кв. м). Все раскопы были нанесены на общий тахеометрический план и вписаны в единую систему прямоугольных декартовых координат (рис. 3). Оси абсцисс, ординат и аппликат (X, Y, Z) проводились через условную нулевую отметку (главный репер) с учетом того, чтобы раскапываемая площадь находилась в положительных значениях осей. Затем с помощью вспомогательных реперов была установлена система наземной разметки с делением пространства на квадраты 4×4 м. Направления линий разметки зафиксированы таким образом, чтобы ось абсцисс соответствовала направлению на север, а ось ординат – на запад.

Нумерация курганам и выкладкам давалась по порядку их исследования с учетом маркировки наземных сооружений, изученных в конце 1980-х – начале 1990-х гг., закрепленной в монографических изданиях археологических материалов скифо-сакского времени [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003]. Отчет новых номеров велся от кургана №73 – «последнего» захоронения на могильнике, вскрытого в начале 1990-х гг.

Локализация раскопов и выявленных в их границах объектов, выполненная на подробном топографическом плане в масштабе 1:10000 см, выглядит следующим образом.

Раскоп №1 (рис. 3, 6.-*1*, 20, 25.-*2*) располагался в центральной цепочке курганов пазырыкского времени на расстоянии 1,6 м к северу от кургана №27, в 6,4 м на

юг от раскопа кургана №28. Максимальная длина вскрытого участка с юга на север составила 24 м, ширина с запада на восток – 12 м. В этих границах изучены четыре кургана (№81–84) и одна ритуальная выкладка (№82а).

Раскоп №2 (рис. 3, 44, 45) находился в 44 м к югу–юго-востоку от раскопа №1. Он был заложен в 8 м от восточной стороны ранее исследованных курганов №4, 3, 2 и 48, параллельно им. Южная стенка раскопа упиралась в отвал кургана №1, относящегося к периоду раннего Средневековья. Длина участка с юга на север составила 40 м, ширина – 8 м. На этой площади вскрыты ритуальные выкладки №86 и 87.

Раскоп №3 (рис. 3, 7.-*2*, 47) был размечен в 34 м к северу от раскопа №1. Он соединял территорию ранее изученных курганов №29, 71–73, имел прямоугольную в плане форму с квадратной прирезкой в южной части (уходила в отвал кургана №71) и сегментовидной прирезкой на северной границе. Максимальная длина участка с юга на север составила 20 м, а ширина с запада на восток – 12 м. В раскопе исследованы шесть курганов (№88–93) и одна ритуальная выкладка (№89а).

Раскоп №4 (рис. 3, 73) был заложен в 16 м к северу от предыдущего раскопа. Он занимал участок в 7,2 м к северу от кургана №29 и находился с западной стороны кургана №30. Основу раскопа составили два квадрата 4×4 м, к которым с северной стороны примыкала прямоугольная прирезка, а с южной – вскрытый трапециевидный участок. Его максимальные размеры с юга на север 8,25 м, а с запада на восток – 8 м. В пределах этой площади исследован курган №94.

Раскоп №5 (рис. 3, 5.-*2*, 7.-*2*, 14.-*1*) был разбит в 4 м к юго-западу от раскопа №1. Он представлял собой сетку квадратов с западной стороны от курганов №27, 54 и 62. Южная граница раскопа находилась на расстоянии 3,8 м к северу от отвала кургана №4. Общая длина линии квадратов с запада на восток составила 40 м, с юга на север – 32 м. На данном участке изучены один курган (№80) и шесть ритуальных выкладок (№75–79, 80а).

Раскоп №6 (рис. 3, 4.-*1*, 5.-*1*) примыкал с севера к старому Чуйскому тракту, идущему вверх по течению р. Тыткескень, рядом с горой. Почти вплотную к нему с запада находился рекультивированный раскоп конца 1980-х – начала 1990-х гг. Размеченная сетка квадратов образовывала фигуру подтреугольной формы с квадратным выступом с севера и с небольшой прямоугольной траншеей с западной стороны. Максимальная длина раскопа с юга на север и с запада на восток достигала 16 м. На этой площади изучены курганы №74, 85 и выкладка №85а.

Раскоп №7 (рис. 3, 4.-*1*, 7.-*1*) охватывал всю площадь поселенческого комплекса. В его границах вскрыты курганы №96 и 97, датирующиеся ранним железным веком (рис. 2). Они располагались к северу от курганов №55 и 56, исследованных в конце 1980-х гг. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 38–40, рис. 9–12, 56.-2, 60.-8, 10]. Один вскрытый объект (курган №95) отнесен к афанасьевской культуре периода энеолита [Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010, с. 11–16].

В результате проведенных археологических работ оказалось, что количество неизученных объектов на памятнике Тыткескень-VI значительно больше, чем предполагалось ранее [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 41, 54]. Всего в полевом сезоне 2006 г. были раскопаны 27 курганов и выкладок периода поздней древности, относящиеся к аржано-майэмирскому и пазырыкскому времени. Представленное ниже развернутое описание погребальных и ритуальных сооружений дано в порядке их нумерации, независимо от расположения на местности.

Курган №74 (рис. 8–12) располагался к северу от полотна старого Чуйского («Чемальского») тракта, идущего вверх по течению р. Тыткескень в направлении с. Каспа, в 10 м к западу от горного массива. Практически вплотную к нему с запада примыкал отвал старого раскопа. Курган открывал с юга цепочку из трех сооружений: №74, 85 и 85а (рис. 3). Он имел сильно задернованную и сползшую по склону насыпь диаметром до 5,6 м, высотой около 0,6 м от уровня древнего горизонта, сложенную из рваных камней. Южный и восточный края кладки почти полностью разрушены действующей

дорогой (рис. 8, 9). У юго-западной полы сооружения была выбрана яма (№1) размерами 0,56×0,44 м и глубиной 0,24 м от уровня древнего горизонта. Еще одна яма (№2) исследована в 0,6 м к востоку от края кургана. Ее размеры были 0,88×0,76 м, глубина – 0,4 м от уровня погребенной почвы. Сверху она оказалась заложена камнями. Никаких находок обе ямы не содержали.

В центре насыпи на уровне древнего горизонта находился ящик подквадратной формы размерами 1,96×1,68 м, высотой 0,45 м, возведенный из массивных каменных глыб. Его более длинная ось имела направление по линии ЮВ–СЗ. Внутреннее пространство камеры забутовывалось более мелкими камнями. После выборки заполнения в ящике расчищено, по-видимому, непотревоженное погребение взрослого человека в сильно скорченном положении на левом боку (рис. 10). Дно камеры имело четко выраженный подъем у южной стенки. У погребенного отсутствовала голова, хотя размещение костных останков явно указывало на его ориентацию в северо-западный сектор. Сохранность антропологического материала очень плохая. Найденный с умершим сопроводительный инвентарь представлен целым курантом зернотерки (рис. 11), зафиксированным под южной стенкой каменного ящика в проекции тазовых костей человека.

В заполнении и с внешней стороны каменного ящика на уровне погребенной почвы обнаружено несколько обломков от разных керамических сосудов (рис. 12.-*1*–*5*). При контрольном перекопе грунтового дна могилы археологический материал не обнаружен. Следует отметить, что при зачистке и разборке насыпи найдены галечные орудия (рис. 12.-*6, 7*), обломки курантов зернотерок (рис. 12.-*8, 9*), заготовка (?) из рога косули (рис. 12.-*10*), мелкие фрагменты неорнаментированной керамической посуды раннего железного века, а также колотые кости животных, являвшиеся остатками каких-то ритуальных действий.

Выкладка №75 (рис. 13.-*1*, 14.-*2*) выявлена в 6 м к юго-западу от раннепазырыкского кургана №27, раскопанного в 1989 г. (рис. 3). При снятии гумусного слоя расчищена уплощенная выкладка овальной формы из крупных и плотно сложенных речных галек, ориентированная длинной осью с юга на север. Размеры ее оказались следующими: длина 2,2 м, ширина 1,9 м, высота от уровня древнего горизонта 0,2 м (рис. 13.-*1*). На юго-западном краю выкладки зафиксирован небольшой неорнаментированный фрагмент керамики. После разборки камней в южной части объекта обнаружена яма (№1) диаметром 0,26 м, глубиной 0,2 м без археологического материала. В 1 м к северу от сооружения находилась еще одна яма (№2) диаметром 0,85 м, глубиной 0,5 м. В ней встречен небольшой обломок тулова керамического сосуда без орнамента. Рядом с юго-восточным краем сооружения на уровне погребенной почвы найдены угольки. С северо-восточной стороны выкладки на удалении от нее в пределах 1 м зафиксировано скопление мелких фрагментов от неорнаментированной керамической посуды. При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Выкладки №76–77 (рис. 13.-*2*, 14.-*3*) располагались в 1 м к югу–юго-западу от предыдущего объекта. Они зафиксированы при снятии гумуса. Каменные выкладки сливались, напоминая собой полусферическую насыпь кургана овальной формы размерами 4×2 м, высотой 0,25 м от уровня древнего горизонта, сложенную преимущественно из галек в один слой и ориентированную длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 13.-*2*). В реальности диаметр отдельных объектов не превышал 2 м. У южного и юго-восточного края выкладки №76 зафиксированы фрагменты трубчатой кости животного. При контрольном перекопе внутреннего пространства сооружений археологический материал не обнаружен.

Выкладка №78 (рис. 13.-*2*, 14.-*4*) примыкала почти вплотную с запада к выкладке №77. Она представляла собой однослойную и уплощенную наброску диаметром 1,1 м, высотой до 0,2 м от уровня древнего горизонта, сложенную преимущественно из речных галек (рис. 13.-*2*). После разборки камней ничего не обнаружено. Контрольный перекоп грунта под выкладкой не дал каких-либо находок.

Выкладка №79 (рис. 13.-*3*, 14.-*5*) отстояла на 3 м к югу–юго-востоку от предыдущей каменной конструкции. Как и все ранее описанные выкладки, она была зафиксирована после снятия верхнего слоя гумуса. Объект представлял собой двойное кольцо овальной в плане формы, выполненное преимущественно из галек, с не заполненной камнями центральной частью. Внутренняя часть кольца камней не содержала. Длина сооружения по линии ЮВ–СЗ составила 2,2 м, по линии Ю–С – 1,4 м, высота от уровня древнего горизонта – 0,15 м (рис. 13.-*3*). При разборке выкладки и контрольном перекопе находящегося под ней грунта находок не обнаружено.

Курган №80 (рис. 15.-*1*, 16–19). Данный объект был нанесен на общий план могильника Тыткескень-VI, подготовленный по окончании полевых работ в 1990-х гг. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 9; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 2.-1]. Точная инструментальная съемка показала, что обозначенный курган №80 располагался в 23,8 м к югу–юго-востоку от выкладки №79. В 3,8 м к северу от него находился раскоп кургана №62, вскрытого Катунской экспедицией в конце XX в. Примерно на таком же расстоянии от кургана №80, но к югу, отстоял отвал кургана №4, исследованного в 1988 г. Новый тахеометрический план памятника (рис. 3) позволяет однозначно утверждать, что благодаря раскопкам кургана №80 удалось ликвидировать предполагавшийся «разрыв» в центральной (второй) микроцепочке погребальных объектов могильного поля, соединив между собой две ранее изученные группы курганов: №27, 62, 54 и №4, 3, 2, 48 [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 42, рис. 9].

После снятия дернового слоя зафиксирована полусферическая насыпь из рваных камней и речных галек, диаметром 6 м, высотой 0,4 м от уровня древнего горизонта. По ее внешнему контуру располагались рваные глыбы и валуны большого размера (рис. 15.-*1*, 17.-*1*). При зачистке северо-восточной полы кургана найден фрагмент каменной чашечки («курильницы») (рис. 18.-*1*, 19.-*8*). В южной половине зафиксирована часть каменного орудия (рис. 18.-*2*). При разборке насыпи найден мелкий неорнаментированный фрагмент тулова керамического сосуда. После удаления камней из центральной части насыпи расчищена хорошо сохранившаяся крепида диаметром 4,6 м, в пределах которой находилась могильная яма размерами 1,8×1,2 м, вытянутая в широтном направлении (рис. 16.-*1*, 17.-*2*). Стенки могилы были прямыми. Заполнение ямы состояло в основном из мешаной супеси. Начиная с отметки 1,64 м от уровня погребенной почвы, могила оказалась забутована камнями. На дне (глубина 1,84 м), представленном материковым галечником, располагалось одиночное погребение взрослой женщины, в скорченном положении, на правом боку, ориентированной головой на восток–юго-восток (рис. 16.-*2–3*, 17.-*3*). Большую часть нижней половины скелета перекрывал древесный тлен, что стало причиной плохой сохранности многих костей. В захоронении присутствовал немногочисленный сопроводительный инвентарь: лепной керамический горшок (зафиксирован в виде развала у восточной стенки ямы), четыре перламутровые бусины (обнаружены на шейных позвонках) и металлическое зеркало (размещалось в области таза, справа) (рис. 8.-*3–9*, 19.-*1–7*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Медалевидное зеркало исследовалось рентгенофлюоресцентным спектрометром дважды. Сначала тестировалась центральная часть поверхности диска, а затем участок края, где были механически удалены окислы. Обозначилось следующее содержание химического состава цветного металла: 1) Cu (медь) – 95,02%; As (мышьяк) – 3,43%; Sb (сурьма) – 1,32%; Ni (никель) – 0,16%; Pb (свинец) – 0,07%; 2) Cu – 94,48%; As – 3,24%; Sb – 1,83%; Bi (висмут) – 0,29%; Ni – 0,16%.

Полученные результаты обнаруживают схожесть и демонстрируют медный сплав, в котором выявлено существенное присутствие мышьяка и сурьмы, являющихся вместе с другими зафиксированными элементами естественными (рудными) примесями [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 39, 73]. Судя по полученным данным, представленное изделие могло быть изготовлено за пределами Северного Алтая [Кундо, Щербаков, Рослякова, 2000].

Выкладка №80а (рис. 15.-*1, 2*) обнаружена у северо-восточной полы кургана №80. Однослойное сооружение овальной формы из рваных камней, вытянутое продольной осью по линии ЮВ–СЗ. Длина выкладки с юго-востока на северо-запад составила 2,7 м, а ширина с юго-запада на северо-восток – 1,8 м. Высота объекта от уровня древнего горизонта не превышала 0,2 м (рис. 15.-*1, 2*). При разборке сооружения и контрольном перекопе грунта археологический материал не зафиксирован.

Курган №81 (рис. 20–24), как и большинство исследованных на могильнике объектов, на современной поверхности не выделялся и был обнаружен при зондировании грунта металлическим щупом. Курган открывал с юга компактную группу погребальных сооружений №81–84, выстроенных неровной цепочкой меридиональной направленности (рис. 3). Южная пола насыпи №81 была перекрыта отвалом кургана №27, раскопанного в конце 1980-х гг.

После снятия дернового слоя и зачистки обнаружена конструкция округлой в плане формы в виде многослойной полусферической наброски, сложенной преимущественно из валунов. Размеры ее по линии Ю–С составили 5,25 м, по линии З–В – 5,1 м, высота от уровня древнего горизонта – 0,4–0,5 м (рис. 20, 21.-*1*, 22.-*1, 2*). При зачистке в южной половине насыпи найдены железный трехлопастной наконечник стрелы и фрагменты верхней части толстостенного керамического горшка периода раннего Средневековья (рис. 23.-*1–2*, 24.-*1, 3*). Обломки этого глиняного сосуда фиксировались также в других частях каменной наброски. Каменная кладка практически не содержала земли. Под насыпью выявлен контур ямы овальной формы размерами 1,3×1,15–0,75 м, ориентированной длинной осью с запада на восток. Могильное пятно хорошо выделялось на уровне древнего горизонта по темному цвету заполнения (гумус с вкраплениями песка и суглинка) и провалившимся камням. Яма была вырыта в материке, представленном супесью и эоловым песком. Грунтовое заполнение ямы состояло почти исключительно из серой супеси. В верхней части заполнения могилы (до глубины 0,5 м от уровня погребенной почвы) обнаружены фрагменты керамики и обломок орнаментированного венчика железного котла периода раннего Средневековья (рис. 23.-*3*, 24.-*2*). Размеры выбранной ямы в придонной части составили 2,55×1,6 м, глубина от уровня древнего горизонта – 1,8 м. Стенки могилы прямые с небольшими заплечиками в районе дна, имеющими высоту не более 0,3 м (рис. 21.-*1*). На отметке 1,73 м от уровня древнего горизонта прослежен тлен от продольного перекрытия деревянной рамы, обложенной по периметру крупными камнями. Ее длина составляла 1,95 м, ширина – 0,9 м, высота – 0,2–0,25 м. Несмотря на сильные разрушения конструкции, удалось установить, что стенки погребальной камеры были выполнены из досок и бревен без соединяющих пазов. В раме расчищено одиночное погребение взрослого мужчины, уложенного на правый бок со слабо согнутыми в коленях ногами, головой ориентированного на восток–северо-восток (рис. 21.-*2*, 22.-*3*). Сохранность большинства костей скелета плохая. Найденный сопроводительный инвентарь представлен керамическим сосудом, зафиксированным в виде развала в северо-восточном углу рамы, и обломком металлического миниатюрного ножа, обнаруженного у северной стенки камеры (рис. 23.-*4, 5*, 24.-*4, 5*). Рядом с ножом располагались позвонки овцы, являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи (рис. 21). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Рентгенофлюоресцентный анализ позволяет заключить, что указанный нож был медным: Cu – 98,48%; As – 0,7%; Sn – 0,64%; Ni – 0,18%. Присутствие совсем небольшого количества олова, возможно, было символической добавкой при его выплавке из меди с рудными примесями.

Курган №82 (рис. 20, 25–27, 33.-*1, 2, 5, 6*) располагался в 1,8 м к северу–северо-западу от предыдущего объекта. На современной поверхности он не просматривался. После раздерновки зафиксирована многослойная полусферическая наброска из рваных камней и валунов диаметром 6,1 м, высотой 0,45–0,5 м от уровня древнего горизонта (рис. 20, 25.-*1, 2*). В насыпи встречен фрагмент венчика керамического со-

суда бронзового века (рис. 27.-*1*). Под курганом находилась яма овальной формы, вытянутая продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Могильное пятно размерами 2,3×1,6 м четко обозначено просадом камней насыпи и заполнения более темного цвета в сравнении с остальным грунтом погребенной почвы. Яма была вырыта в эоловом грунте и имела преимущественно песчаное, серое по цвету заполнение в верхней части (до 0,3 м от уровня погребенной почвы) с включениями коричневой супеси. Стенки – отвесные, слегка расширявшиеся по мере возрастания ее глубины. Параметры могилы в придонной части выглядели следующим образом: длина 2,37 м, ширина 1,77–1,85 м. На глубине 1,8–1,85 м от уровня древнего горизонта расчищено погребение женщины, совершенное по обряду одиночной ингумации. Умершая лежала на спине со слегка согнутыми нижними конечностями, головой на восток. Ее левая рука была прямой, а правая слегка согнута (рис. 26). Судя по размещению черепа, позвонков и других костей, тело женщины первоначально лежало на спине с небольшим завалом на правый бок. Сохранность остеологического материала хорошая. За головой покойной размещался крупный рваный камень. Рядом с предплечьем левой руки зафиксирован фрагмент деревянной плахи (длиной 0,3 м, шириной 0,05 м). В погребении обнаружен следующий сопроводительный инвентарь (рис. 27.-*2–5*, 33.-*1, 2, 5, 6*): развал керамического сосуда (в северной половине ямы); круглая и плоская каменные бусины (на шейных позвонках); вотивный нож из цветного металла (на расстоянии 0,3 м к востоку–северо-востоку от головы). При контрольном перекопе дна могильной ямы ничего не обнаружено. Рентгенофлюоресцентным спектрометром на участке ручки, освобожденной от окислов, получены следующие результаты тестирования, свидетельствующие о медном сплаве с рудными примесями: Cu – 97,47%; As – 2,02%; Ni – 0,26%; Pb – 0,25%.

Выкладка №82а (рис. 20). С северо-западной стороны кургана №82 выявлено несколько крупных камней в виде кольца неправильных очертаний, размерами с севера на юг 2,35×1,95 м и максимальной высотой 0,28 м (рис. 20). Центральная часть сооружения камней не содержала. При разборке объекта и контрольном перекопе грунта каких-либо вещей и остатков ритуальных действий не прослежено. Древний горизонт представлен коричневой супесью, под которым шла материковая супесь серого цвета.

Курган №83 (рис. 20, 25.-*1*, 28, 29, 33.-*4*) находился в 1 м к северу от кургана №82. На современной поверхности он не выделялся, так как был перекрыт последовательно слоями дерна, гумуса и коричневой супеси. После зачистки была выявлена наброска (из рваных камней и валунов) подовальной формы, высотой 0,35 м от уровня древнего горизонта. Размеры сооружения по линии Ю–С составили 3,75 м, а по линии З–В – 4,35 м (рис. 20; 28.-*1*). Основание насыпи располагалось на слое коричневой супеси (рис. 29.-*1*). Кладка практически не содержала земли. Под насыпью обнаружена могильная яма, ориентированная длинными сторонами с запада на восток. Контур пятна на фоне погребенной почвы «читался» по просевшим камням и более темному грунту. Он достигал в длину 1,4 м и в ширину 1,18 м. Яма была вырыта в материке, представленном коричневой супесью и эоловым песком серого цвета. В процессе выборки заполнения размеры ямы увеличились до 2,33 и 1,58 м, соответственно. В центре могилы на отметках 0,51–0,61 м от уровня погребенной почвы расчищено перекрытие из каменных плит (рис. 28.-*2*, 29.-*2*). После его удаления обнаружен ящик прямоугольной формы, возведенный из шести сланцевых плит, толщиной 0,1–0,2 м. Внешние размеры погребальной камеры составляли 1,45×0,9 м, внутренние – 0,99×0,52 м. Высота стенок варьировала в пределах 0,4–0,5 м. В придонной части по всему периметру ямы имелись материковые заплечики высотой до 0,3 м, которые предназначались для придания большей устойчивости внутримогильной конструкции. На грунтовом дне в ящике (показатель глубины – 1,03 м от уровня древнего горизонта) исследовано одиночное погребение мужчины в сильно скорченном положении на правом боку, головой на восток (рис. 28.-*3, 4*, 29.-*3*). Сохранность большинства костей скелета хорошая. Рядом с правой берцовой костью человека лежал миниатюрный нож из цветного

металла (рис. 28.-*5*, 33.-*4*). У северной стенки ящика выявлены остатки ритуальной мясной пищи, представленной позвонками овцы. В процессе контрольного перекопа и разборки каменного ящика археологический материал не обнаружен.

Курган №84 (рис. 20, 30–32, 33.-*7, 8*) располагался в 6,2 м к северу от предыдущего объекта и также не выделялся на современной поверхности. В отличие от соседних курганов он имел насыпь, возведенную только из галек диаметром около 3,5 м при высоте 0,35–0,4 м (рис. 20, 31.-*1*). Фиксировалась следующая структура наземной конструкции: сверху в один или два слоя лежала наброска из валунов мощностью до 0,3 м, а снизу – холмик из грунта (высотой до 0,1 м), оставшегося после рытья могилы. В разрезе курган был плоским с небольшим просадом центральной части (рис. 30.-*1*, 31.-*2*). Под насыпью располагалась могильная яма, фиксируемая на уровне древнего горизонта по провалу камней и более темной окраске заполнения. Контур пятна овальной формы размерами 2,25×1,05–1,2–0,97 м был вытянут продольной осью с запада на восток. Яма вырыта в слое гумусированной супеси и эолового песка (рис. 30.-*1*). При выборке оказалось, что могила слегка расширялась в западной части и сужалась в восточной половине. В результате ее длина на уровне дна составила 2,07 м, а максимальная ширина в средней части – 1,2 м. На отметке 1 м от уровня древнего горизонта выявлен древесный тлен от продольного перекрытия беззамковой рамы трапециевидной формы длиной 1,78 м. Ширина рамы у восточной торцевой стенки достигала 0,9 м, в средней части – 0,78 м, у западной стенки – 0,63 м. С внешней стороны данной погребальной камеры фиксировался невыбранный слой материка, образовавший заплечики по всему периметру камеры, высотой до 0,4 м. На грунтовом дне (показатель глубины от уровня погребенной почвы – 1,43 м) расчищено одиночное погребение взрослого мужчины, уложенного на спину, с завалом черепа и верхней половины тела на правый бок, с согнутыми ногами, головой на восток. Левая рука была выпрямлена и покоилась кистью на тазу. Правое плечо приподнято и прислонено к нижней челюсти (рис. 30.-*2, 3*, 32.-*1*). Сохранность черепа и посткраниального скелета хорошая. В погребении встречены следующие категории сопроводительного инвентаря: керамический сосуд баночной формы (в северо-восточном углу камеры); железная бляха (на одном из поясничных позвонков); часть вотивного кинжала (?) из цветного металла (напротив головы покойного, у северной стенки рамы) (рис. 32.-*2–4*, 33.-*3, 7, 8*). Рядом с клинком кинжала зафиксированы кости овцы, являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи. В результате контрольного перекопа других находок не обнаружено.

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра выявлен химический состав сплава, из которого был сделан упомянутый клинок. Тестировался участок рукояти в месте частичного снятия поверхностных окислов. Полученный результат (Cu – 97,25%; Ni – 1,52%; As – 0,87%; Sn – 0,27%; Pb – 0,05%; Fe – 0,04%) свидетельствует о медной основе сплава. Необычным для пазырыкских изделий выглядит заметное количество никеля, хотя вряд ли это было обусловлено специальной добавкой. Вероятнее всего, такой и другие компоненты можно рассматривать в качестве рудных примесей. Отмеченный факт следует дополнительного рассмотрения при накоплении формирующихся данных.

Курган №85 (рис. 34.-*1–2*, 34–43) находился в 2,5 м севернее кургана №74. Он представлял собой сильно задернованную многослойную каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 0,5–0,7 м, сползшую по конусу аллювиального выноса с горы. В разрезе кладка была плоской и состояла почти исключительно из рваных камней с небольшим включением суглинка и мешаной супеси (рис. 34.-*1*, 35.-*1*). В северо-восточном секторе кургана зафиксирован прокал от костра размерами 0,55×0,4 м. Со всей поверхности и из толщи насыпи собрана большая коллекция фрагментов от керамической посуды (учтено 275 экз.) раннего железного века и Средневековья, обнаружены три глиняных диска, а также многочисленный остеологический материал, представленный костями животных (рис. 38–39, 41.-*1–12, 15, 16, 18*, 42.-*1–9*). Не менее представительная серия неорнаментированных обломков керамики (207 экз.) происходила из

околокурганного пространства, преимущественно из сползшей вниз по склону восточной половины погребального сооружения (рис. 40, 41.-*14, 17, 19–24*). Под северным краем насыпи найдены развал керамического сосуда (рис. 42.-*10*) и несколько заготовок из рога (рис. 43).

При разборке насыпи зафиксированы остатки кольцевой крепиды размерами 7,05×6,85 м. С юго-западной стороны ее находился вертикально вкопанный камень высотой 0,33 м над уровнем древнего горизонта, являвшийся обломком стелы (рис. 36.-*1*, 37.-*1–4*). Основание насыпи располагалось на слое суглинка с вкраплениями гумуса и супеси. В центре кольца на уровне погребенной почвы располагался грубо сделанный каменный ящик размерами 1,94×1,94 м, высотой до 0,55 м, ориентированный стенками по сторонам света. Сверху он был заложен более мелкими рваными камнями. После удаления каменно-земляного заполнения исследовано плохо сохранившееся погребение взрослого человека, уложенного скорченно на левом боку, головой на запад (рис. 35.-*2*, 36.-*2, 3*). Грунтовое дно камеры было углублено в древний горизонт на 0,1–0,15 м. Инвентарь при покойном отсутствовал. В результате контрольного перекопа находок не обнаружено. При зачистке подкурганного пространства было прослежено несколько темных пятен разной формы, которые могли быть связаны с находящимся в данном месте культурным слоем более раннего времени.

Выкладка №85а (рис. 34.-*1, 3*) представляла собой интенсивно задернованный плоский каменный объект округлой формы. Она примыкала к северному краю развала насыпи кургана №85 и просматривалась на современной поверхности по отдельным крупным камням. Примерные границы выкладки составляли около 3,6 м, высота – 0,45 м (рис. 34.-*1*). Она была возведена из рваных камней вперемежку с гумусированным грунтом и располагалась на слое суглинка (рис. 34.-*3*). В разных местах сооружения зафиксированы колотые и целые кости животных, а также обломки керамической посуды без орнамента. Под юго-восточным краем насыпи выявлен прокал диаметром 0,44 м, глубиной 0,15 м. Находок в нем не обнаружено.

Выкладка №86 (рис. 44.-*1, 2*, 45.-*1*, 46.-*1, 3, 4*) располагалась в 10,1 м к северу от раннесредневекового кургана №1 (исследован в 1988 г.), в 4 м к северо-востоку от раскопа кургана №48 (исследован в 1990 г.) (рис. 3). Интенсивно задернованное каменное сооружение обнаружено на глубине 0,2 м от современной поверхности и представляло собой полусферическую вымостку округлой формы размерами 2×1,8 м, высотой 0,25 м, выполненную из валунов (рис. 44.-*2*, 46.-*3*). В разрезе хорошо «читалось», что камни перекрывали холмик коричневой супеси. Древний горизонт представлен также супесью, выделявшейся более темным цветом на фоне серого материкового песка. После разборки выкладки на глубине 0,2 м от уровня древнего горизонта найден череп лошади, ориентированный лицевой частью на восток. Ниже уровня его расположения, к востоку от челюсти, зафиксирована нижняя челюсть овцы (рис. 46.-*1, 4*). Череп принадлежал взрослому жеребцу 10–12 лет*. В правой теменной кости выявлено отверстие округлой формы, вероятно, след от удара в процессе забоя животного. У лошади отмечен неправильный прикус в результате патологии развития зубной системы. Возраст овцы – около шести месяцев. Другой археологический материал не выявлен.

Выкладка №87 (рис. 44.-*1, 3*, 45.-*2*, 46.-*2, 5, 6*) зафиксирована в 19,5 м к северу–северо-востоку от предыдущего сооружения после снятия слоя гумуса (рис. 3). На уровне древней поверхности она сохранилась в виде плоской кладки овальной в плане формы размерами 1,25×0,95 м, высотой до 0,15 м, вытянутой продольной осью по линии ЮВ–СЗ. Конструкция выполнена в основном из рваных камней и напоминала собой заполнение могильной ямы (рис. 44.-*3*, 46.-*5*). Под камнями обнаружена яма неправильных овальных очертаний максимальными размерами 1,2×1,13 м, вырытая

* Определения археозоологических материалов выполнены кандидатом биологических наук П.А. Косинцевым.

в слое коричневой супеси и имеющая песчаное заполнение. В ней, на глубине 0,17 м от уровня погребенной почвы, находился череп лошади, обращенный лицевой частью на юго-восток (рис. 44.-*3*, 46.-*6*). Череп принадлежал достаточно старой особи – жеребцу в возрасте более 20 лет. В правой теменной кости зафиксировано округлое отверстие, являющееся следом от удара в результате забоя животного. Другой археологический материал не обнаружен.

Курган №88 (рис. 47–52, 78.-*2*) располагался в 0,5 м к северу от края раскопа №71, исследованного в конце XX в. (рис. 3). Надмогильная конструкция, обнаруженная при снятии дернового слоя и зачистки, представляла собой насыпь, сложенную из рваных камней и галек. Она имела размеры 3,8×3,35 м, высоту – 0,35–0,4 м от уровня древнего горизонта (рис. 47, 49.-*1*). В разрезе хорошо прослеживалась двухслойная полусферическая наброска из рваных камней мощностью до 0,2 м, перекрывавшая холмик грунта высотой до 0,15 м, оставшегося после засыпки могилы. По периметру сооружения была зафиксирована овальная крепида из более крупных камней, вытянутая с юго-восток на северо-запад. Внутренние размеры кольца составляли такие показатели: 3×2,35 м (рис. 48.-*1*, 49.-*2*). В этих границах находилось пятно могильной ямы длиной 1,9 м, шириной 1,15 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Оно имело овальную в плане форму и по своему цвету плохо выделялось на фоне остального песчаного грунта. В процессе выборки выяснилось, что размеры ямы составляют 2×1,25 м, а глубина ее от уровня древнего горизонта оказалась 1,42 м. Могила была вырыта в древнем горизонте и материке, представленными, соответственно, светлой супесью и эоловым песком. Она имела отвесные стенки. По центру ямы на отметках 0,92–1 м от уровня погребенной почвы зафиксированы плиты и крупные валуны от перекрытия погребальной камеры. Под ними располагался каменный ящик прямоугольной в плане формы, выполненный из шести сланцевых плит, заглубленных в материк или установленных на дно. Его внешние и внутренние размеры, соответственно, составляли такие параметры: 1,8×0,85 и 1,33×0,57 м. Высота ящика от дна могилы достигала 0,41 м (рис. 48.-*2, 3*, 49.-*3*). Внутри камеры расчищено непотревоженное одиночное погребение взрослого мужчины, уложенного скорченно на правом боку и головой ориентированного на северо-восток. Руки человека размещались прямо перед туловищем, ноги были согнуты в коленях и поджаты пятками к тазу (рис. 50). При покойном имелся следующий инвентарь (рис. 51, 52): керамический круглодонный сосуд (располагался в области головы); миниатюрный металлический чекан с деревянной рукоятью (зафиксирован у правой бедренной кости); три костяных наконечника стрелы с черешковым насадом (размещались рядом с левой берцовой костью). Напротив груди человека лежали кости овцы (крестец с позвонками), являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи. При контрольном перекопе ничего не обнаружено.

Рентгенофлюоресцентным спектрометром на участке обушка вотивного чека исследовался участок, где удалялись поверхностные окислы. Зафиксирован бронзовый сплав, характерный для изделий пазырыкской культуры: Cu – 98,17%; Sn – 1,03%; As – 0,7%; Ni – 0,1%. Кроме этого, для сравнительного анализа тестировалось место слома втулки, покрытое окислами. Это позволило получить дополнительную информацию, где количественные показатели имеют условный характер: Cu – 89,61%; Sn – 6,82%; As – 1,3%; Sb – 1,07%; Ni – 0,65%; Bi – 0,24%; Fe – 0,19%; Pb – 0,12%. Эти данные расширяют круг примесей, имевших место в медной руде.

Курган №89 (рис. 47, 53–60) находился в 0,35 м к северо-западу от предыдущего кургана (рис. 3) и выявлен при снятии дернового слоя. Он представлял собой полусферическую наброску размерами 4,5×3,6 м из галек и рваных камней, высотой до 0,5 м (рис. 54.-*1*). По разрезу выявлено, что каменная наброска из валунов (мощностью 0,15 м) перекрывала холмик песчаного грунта (высота до 0,15 м), полученного при рытье могилы. При разборке насыпи зафиксирована овальная крепида длиной 4,25 м, шириной 3,2 м, возведенная почти по периметру могильной ямы (рис. 53.-*1,*

2, 54.-*2*), которая оказалась ориентирована длинной осью по линии З–В. Прямоугольный контур могильного пятна имел такие размеры: 2,55×1,75 м. Яма была вырыта в слое коричневой супеси и серого материкового песка. В верхней части заполнения (до 0,3 м от уровня древнего горизонта) имелись мелкие камни, провалившиеся туда из насыпи. В результате выборки грунта оказалось, что стенки могилы в западной и восточной части расширялись в придонной части, благодаря чему ее длина достигла 2,88 м. На отметке 1,2 м от уровня древнего горизонта прослежены остатки деревянной конструкции типа рамы без перекрытия и дна. Несмотря на плохую сохранность, удалось выяснить, что ее стенки были сделаны из стесанных бревен и жердей толщиной 0,06–0,11 м. Внешние размеры рамы составили 2,62×1,57 м, внутренние – 2,4×1,38 м, высота – 0,14–0,2 м. У восточного края ямы отмечена материковая приступка высотой 0,1 м (рис. 53.-*2, 3*). На дне могилы (показатель глубины от уровня древнего горизонта – 1,5 м) расчищены скелеты трех взрослых человек (мужчина, женщина и индивид с неустановленной пока половой принадлежностью) и одного ребенка 5,5 лет, ориентированных черепами в противоположные стороны («валетом»), уложенных в разных позах. Умершие, обращенные головой в восточный сектор, покоились на правом боку с сильно подогнутыми в коленях ногами (скелеты №1 и 2). Среди погребенных людей, ориентированных головами в западном направлении, мужчина (скелет №3) располагался на спине, а ребенок (скелет №4) – на левом боку с согнутыми нижними конечностями (рис. 55, 56.-*1*). Сохранность костей взрослых людей удовлетворительная, а детского скелета – плохая.

В погребении найден разнообразный сопроводительный инвентарь. Большинство предметов располагалось рядом со скелетом №3, который принадлежал взрослому мужчине. Это следующие категории изделий: кинжал (у правого бедра); колчанной крюк (рядом с правым крылом таза); ворворка (на поясных позвонках); обойма (на поясных позвонках); прорезная бляха с остатками кожаного ремешка (на поясных позвонках, рядом с обоймой); костяной черешковый наконечник стрелы (с внешней стороны правого плеча) (рис. 55, 56.-*2, 3*, 57.-*1–5, 7*, 58.-*1–6*). У скелета №2 в районе правой кисти находилось металлическое изделие с петелькой (возможно, бракованный металлический колокольчик) (рис. 57.-*8*, 58.-*8*). Взрослым людям предназначалась керамическая посуда, которая размещалась в области голов покойных. Рядом со скелетами №1 и 2 обнаружены хорошо сохранившиеся кувшиновидный сосуд (рис. 59.-*2*, 60.-*1*) и банка (рис. 59.-*3*, 60.-*2*) с налепными «ушками» и отверстиями. Со скелетом №3 связан кринковидный сосуд с едва прослеживающимся расписным орнаментом. Данное изделие зафиксировано в виде развала (рис. 58.-*9*, 59.-*1*). В северной половине камеры обнаружены позвонки овцы, являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи. В одном из скоплений костей мелкого рогатого скота расчищен медный миниатюрный нож (рис. 57.-*6*, 58.-*7*). При контрольном перекопе археологический материал не обнаружен.

Обнаруженные металлические изделия исследовались с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра. Сначала в двух разных местах изучался вотивный кинжал (перекрестие и клинок), поверхность которого после раскопок была освобождена от окислов с помощью раствора лимонной кислоты. Получены следующие результаты, характерные для бронзовых изделий пазырыкской культуры: 1) Cu (медь) – 95,62%; Sn (олово) – 3,36%; Pb (свинец) – 0,53%; As (мышьяк) – 0,3%; Ni (никель) – 0,19%; 2) Cu – 95,31%; Sn – 3,33%; Pb – 0,86%; As – 0,36%; Ni – 0,14%.

Затем трижды тестировалась поясная обойма:

– окисел с внешней стороны: Cu – 94,85%; Sn – 3,45%; Pb – 1,18%; As – 0,31%; Ni – 0,13%; Fe (железо) – 0,08%;

– участок с удаленными окислами в двух разных местах: 1) Cu – 94,67%; Sn – 3,62%; Pb – 1,11%; As – 0,48%; Ni – 0,12%; 2) Cu – 95,07%; Sn – 3,3%; Pb – 1,07%; As – 0,45%; Ni – 0,11%.

Зафиксированные показатели аналогичны предыдущим (по кинжалу) и также характерны для изученных бронзовых изделий пазырыкского времени.

Определение химического состава следующих находок производилось на основе тестирования участков, на которых механическим путем удалялись поверхностные окислы:

– нож (медный): Cu – 98,99%; As – 0,59%; Sb (сурьма) – 0,42%;

– колчанный крюк (бронзовый): Cu – 85,54%; Sn – 11,05%; Pb – 1,53%; As – 1,49%; Ni – 0,25%; Fe – 0,14%;

– обойма (медная), частичное снятие окислов: Cu – 98,76%; As – 0,64%; Sn – 0,32%; Ni – 0,22%; Pb – 0,06%;

– изделие с петлей (медное): Cu – 98,34%; As – 1,31%; Ni – 0,23%; Pb – 0,07%; Fe – 0,05%.

– ворворка (бронзовая): Cu – 87,69%; Sn – 9,53%; Pb – 1,25%; As – 1,16%; Ni – 0,23%; Fe – 0,14%.

Представленные показатели дополняют формируемый корпус источников по производству металлических изделий из цветных металлов, обнаруживаемых в памятниках пазырыкской культуры. Для их объективной интерпретации требуется наличие дополнительных источников (руда, шлаки, сплески и т.д.) и памятников (поселения, мастерские, производственные площадки и др.).

Выкладка №89а (рис. 47) обнаружена при снятии гумусного слоя, в 1,95 м к западу от кургана №89. Это небольшое сооружение неправильной овальной формы размерами 2,25×1,75 м, высотой до 0,3 м из крупных рваных камней, уложенных в один слой. Центральная часть выкладки оказалась пустой (рис. 35). Объект не содержал никакого археологического материала. По-видимому, являлся «поминальником».

Курган №90 (рис. 47, 61–63) располагался в 5,25 м к северу–северо-востоку от кургана №89 (рис. 3). После снятия дерна и гумуса и зачистки выявлена уплощенная наброска округлой в плане формы размерами 4×4,35 м, высотой 0,2–0,3 м от уровня древнего горизонта, сделанная преимущественно из рваных камней с незначительными включениями гумусированной супеси (рис. 62.-*1*). В основании насыпи находилась кольцевая крепида с внутренними размерами 3,5×3 м, в пределах которой устроена могильная яма прямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная длинной осью по линии ЮВ–СЗ (рис. 61.-*1*, 62.-*2*). Границы могильного пятна хорошо фиксировались по просаду каменной кладки. На уровне погребенной почвы яма имела длину 2,4 м, а ширину – 1,47 м. Древний горизонт представлен коричневой супесью, материк – серым эоловым песком. Стенки ямы в верхней части были отвесные, а с отметки 1 м постепенно расширялись по мере возрастания глубины. Благодаря этому параметры могилы в придонной части увеличились до показателей 2,7×1,78 м. На отметке 1,95 м от уровня древнего горизонта расчищена деревянная рама длиной 2,28 м, шириной 1,45 м, высотой 0,1–0,2 м с остатками просевшего продольного перекрытия из плах. Внутренние размеры данного сооружения составили такие размеры: 2,1×1,3 м. Дерево имело очень плохую сохранность. Однако нам удалось определить, что длинные стенки камеры были выполнены из жердей диаметром около 0,08 м. В некоторых местах вдоль северной стенки внутримогильной конструкции располагались валуны. На дне рамы (показатель глубины от уровня древнего горизонта – 2 м) исследовано одиночное погребение взрослой женщины, уложенной на спину с завалом верхней части тела на правый бок и подогнутыми в коленях ногами. Головой умершая была ориентирована на юго-восток. Левая рука располагалась прямо, правая – согнутой под прямым углом (рис. 61.-*2, 3*, 63.-*1*). Сохранность скелета очень плохая, многие кости представлены трухой. Напротив головы человека, в северной половине камеры, обнаружены позвонки овцы, являвшиеся остатками ритуальной мясной пищи. В этом скоплении костей лежал железный нож (рис. 61.-*2*, 63.-*2*). У северо-восточного угла рамы зафиксирован развал керамического сосуда (рис. 61.-*2*, 63.-*3*). Мелкие фрагменты сильно разрушенного железного предмета неясного назначения расчищены у верхнего эпифиза правой плечевой кости. В контрольном перекопе археологический материал отсутствовал.

Курган №91 (рис. 47, 64, 65) находился в 4,25 м к юго-западу от кургана №89 и планиграфически связан с расположенным от него к востоку курганом №71 (рис. 3). Данный погребальный объект был самым южным в исследованной группе курганов №88–93. Насыпь кургана зафиксирована только после снятия гумусированного горизонта и представляла собой подовальную наброску размерами 3,05×2,35 м, высотой 0,25–0,35 м, сложенную в основном из галечника с небольшим включением супеси (рис. 47, 64.-*1*, 65.-*1*). В пределах этой площади располагалась могильная яма, хорошо просматривавшаяся на фоне погребенной почвы за счет более темного цвета грунта и провала каменной кладки. Могильное пятно имело длину 1,44 м, ширину 0,8 м. Яма с отвесными стенками была вырыта в слое коричневой супеси и серого материкового песка. В процессе выборки заполнения оказалось, что реальные параметры могилы составляли 1,73×1,1 м. На глубине 1,08–1,29 м выявлена обкладка из валунов, которая почти по всему периметру оконтуривала деревянную раму размерами 1,36×0,86 м, высотой до 0,15 м. Последняя была выполнена из тонких тесаных жердей толщиной 0,05–0,07 м плохой сохранности. Внутри этой камеры на отметке 1,45 м от уровня древнего горизонта располагалось непотревоженное одиночное погребение ребенка 5,5–6 лет, уложенного на правый бок с согнутыми ногами, головой ориентированного на восток–юго-восток (рис. 64.-*2*, 65.-*2*). Необычным выглядит зафиксированное «*in situ*» размещение берцовых костей, сложенных друг на друга крестом. Сохранность антропологического материала плохая. На большинстве костей скелета отмечены следы деформации в результате давления грунта. В захоронении найдены сильно фрагментированный развал керамического сосуда (в северо-восточном углу рамы, за черепом) и металлическая серьга (на левой стороне черепа) (рис. 64.-*3, 4*). При контрольном перекопе ничего не найдено. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа свидетельствуют о том, что серьга серебряная: Ag (серебро) – 93,82%; Cu – 2,7%; Sn – 2,12%; Fe – 0,85%; Pb – 0,26%; Bi – 0,25%.

Курган №92 (рис. 47, 66–69) отстоял на 1,2 м к северо-западу от кургана №89 (рис. 3, 47). Насыпь была перекрыта последовательно дерном, гумусом и коричневой супесью, переходившей в древний горизонт, на котором располагалось основание кургана. Она представляла собой полусферическую наброску размерами 3,1×3,35 м, высотой 0,33–0,39 м, сделанную преимущественно из рваных камней. Северо-восточная часть полы кургана разрушена, а в центре фиксировалась небольшая западина (рис. 67.-*1*). По краю насыпи находились более крупные камни, образующие кольцевую крепиду внутренним диаметром 2,3 м. В пределах этой выкладки хорошо «читалось» пятно могильной ямы длиной 2,41 м, шириной 1,47 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 66.-*1*, 67.-*2*). Оно выделялось на фоне погребенной почвы по просаду камней насыпи и грунтовому заполнению более темного цвета. Могила была вырыта в толще коричневой супеси и серого материкового песка и имела аналогичное грунтовое заполнение. Северная и западная стенки ямы слегка расширялись в придонной части, благодаря чему размеры могилы составили 2,14×1,45 м. На отметке 1,2 м от уровня древнего горизонта был зафиксирован тлен от продольного перекрытия из тонких жердей и плах. Лучше всего оно сохранилось в юго-западной части могилы. Под перекрытием располагалась плохой сохранности деревянная рама прямоугольной формы, внутренними размерами 1,7×0,71 м, высотой 0,27 м. Внутри камеры на глубине 1,47 м от погребенной почвы расчищено захоронение двух человек (взрослого мужчины и ребенка 1,5–2 лет), ориентированных головами на восток–северо-восток. Кости людей были уложены кучками, имитировавшими тела покойных (отдельно ноги и таз, кости рук, черепа), правда, с нарушением анатомического порядка (рис. 66.-*2, 3*, 67.-*3*, 68.-*2*). Скелеты имели плохую сохранность, при этом некоторые кости (преимущественно ребра) отсутствовали. Сопроводительный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами, стоявшими в области черепов, и железным короткоклинковым ножом плохой сохранности у костей руки северного скелета (рис. 68.-*1, 3*, 69). Рядом с последним найдены

позвонки овцы, связанные с ритуальной мясной пищей. При контрольном перекопе археологический материал не найден.

Курган №93 (рис. 47, 70–72) располагался в 1 м к северу от предыдущего кургана (рис. 3). Сверху вниз курган был последовательно перекрыт дерном и гумусом. Насыпь располагалась на всю высоту в слое коричневой супеси, мощностью до 0,25 м, переходившей в древний горизонт. Она представляла собой полусферическую многослойную наброску размерами 3,6×3,4 м, высотой 0,45 м, возведенную из рваных камней и галек, которая перекрывала холмик песчаного грунта высотой до 0,15 м, оставшегося после закапывания могилы (рис. 70.-*1*, 71.-*1*). По краю кургана была отчетливо видна кольцевая крепида размерами 3,6×3,4 м из валунов, в пределах которой располагалась могильная яма подпрямоугольной формы, вытянутая продольной осью с запада на восток. Границы пятна ямы фиксировались по темному цвету грунта и просаду камней насыпи. Длина ямы в погребенной почве составляла 2,2 м, ширина – 1,2 м. При выборке заполнения на разных глубинах встречались фрагменты сгнившего дерева. В придонной части прослежено скопление углей. С глубины 0,9 м стенки ямы немного расширялись, в результате чего ширина могилы на уровне дна увеличилась до 1,4 м. На отметке 1,25 м от древней поверхности зафиксированы остатки деревянной рамы с продольным перекрытием, толщиной 0,05 м. Камера имела прямоугольную форму и была длиной 21,5 м, шириной 1,2 м, высотой 0,15 м. Внутренние размеры сооружения составляли 19,7×1,01 м. От конструкции сохранился только тлен. Внутри рамы на глубине 1,4 м от уровня древнего горизонта расчищено одиночное погребение женщины, уложенной на правый бок с согнутыми в коленях ногами, ориентированной головой на восток (рис. 70.-*2, 3*, 71.-*2*). Из-за обилия дерева, размещавшегося сразу над человеком, сохранность остеологического материала очень плохая. В районе кисти левой руки покойного найдена верхняя часть сломанного ножа из цветного металла (рис. 72.-*1*). Другой фрагмент ножа («острие») лежал у правого плеча человека, рядом с «курдюком» овцы. В области головы расчищен развал керамического горшка (рис. 72.-*2*). В результате контрольного перекопа других вещей не обнаружено.

Рентгенофлюоресцентным спектрометром исследовался участок крупного фрагмента рукояти, где были удалены поверхностные окислы. Получены следующие результаты, свидетельствующие о бронзовом сплаве с рудными примесями: Cu – 90,09%; Sn – 8,84%; As – 0,58%; Pb – 0,31%; Fe – 0,1%; Ni – 0,08%. Кроме этого, тестировался второй обломок, представлявший окончание ножа. Он был покрыт окислами, что повлияло на показатели зафиксированного поэлементного ряда: Cu – 87,86%; Sn – 10,87%; Fe – 0,78%; Pb – 0,49%. Однако такие данные подтвердили наличие основных диагностирующих компонентов.

Курган №94 (рис. 73–77, 78.-*1*) зафиксирован в 4,8 м к западу от кургана №30, раскопанного в предыдущие полевые сезоны, на расстоянии 6,4 м к югу от траншеи, хорошо видимой на современной поверхности и помеченной на планах разных лет (рис. 3). Исследованием этого объекта полностью завершалось изучение центральной цепочки погребальных объектов могильного поля Тыткескень-VI. Как и многие другие погребальные сооружения некрополя, курган №94 обнаружен после снятия дерна и гумуса. До раскопок он представлял собой двухслойную уплощенную насыпь овальной формы размерами 6×5 м, высотой 0,5 м из рваного камня и гальки. В центре сооружения имелась небольшая западина (рис. 73, 74.-*1*). При разборке насыпи найдены фрагменты археологически реконструируемого керамического сосуда типа банки, украшенной треугольными вдавлениями в области венчика (рис. 76.-*7*). Под насыпью выявлено овальное пятно могильной ямы длиной 2,27 м, шириной 1,25 м, ориентированное продольной осью по линии З–В. Контур могилы хорошо просматривался на уровне погребенной почвы по более темному цвету грунта и просаду каменной кладки. Яма была вырыта в слое коричневого супеси и серого материкового песка, имея аналогичное по структуре грунтовое заполнение, в верхнем слое (до глубины 0,3 м от уровня древнего горизонта) с включением осевших камней из насыпи (рис. 74.-*2*). По

мере исследования выяснилось, что южная стенка могилы немного расширялась ко дну. В результате размеры ямы увеличились до показателей 2,43×1,5 м. С глубины 1,21 м прослежена деревянная погребальная камера в виде трапециевидной рамы, длиной 1,7 м, высотой до 0,2 м. Ширина рамы у восточной торцевой стенки достигала 0,76 м, в средней части и у западной стенки составляла 0,5–0,54 м. Толщина стенок варьировала в пределах 0,06–0,1 см. Сверху она была перекрыта продольными плахами, среди которых сохранилась одна доска. За длинными сторонами камеры находился слой невыбранного материкового грунта, образующий приступки высотой 0,2 м. Внутри рамы на глубине 1,54 м от уровня древнего горизонта располагалось непотревоженное погребение женщины, уложенной на живот со слегка подогнутыми в коленях ногами, головой ориентированной на восток. Слабо согнутые в локтях верхние конечности размещались перед туловищем (рис. 75). Сохранность антропологического материала удовлетворительная. С женщиной был помещен следующий инвентарь (рис. 76.-*1, 2, 3–6, 8, 9*, 77.-*1–4*): металлическое медалевидное зеркало (выявлено с внешней стороны правого крыла таза), фрагменты железных булавок (лежали за головой), серебряная серьга (зафиксирована у левой лопатки), керамический горшок с рассеченным налепным валиком (стоял у северной стенки рамы в проекции груди, рядом с локтем левой руки), железный короткоклинковый нож (расчищен в изголовье, среди костей овцы, являвшихся остатками ритуальной мясной пищи). При контрольном перекопе ничего не обнаружено.

Найденное зеркало тестировалось рентгенофлюоресцентным спектрометром дважды [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 40, 73]. Сначала исследовалась центральная часть поверхности диска, а затем участок края, где были механически удалены окислы. Обозначилось следующее содержание химического состава цветного металла: 1) Cu – 97,81%; As – 0,75%; Pb – 0,62%; Sn – 0,43%; Ni – 0,22%; Fe – 0,17%; 2) Cu – 97,94%; As – 0,94%; Pb – 0,6%; Sn – 0,4%; Ni – 0,12%. Полученные результаты обнаруживают уже зафиксированную выше специфику медного сплава, в который символически добавлялось олово при наличии рудных примесей.

Для подтверждения предполагаемого сплава серьги рентгенофлюоресцентным спектрометром тестировались два участка без удаления поверхностных окислов. Полученные результаты указывают, что изделие действительно серебряное: 1) Ag – 95,51%; Cu – 2,4%; Sn – 1,44%; Pb – 0,23%; Fe – 0,42%; 2) Ag – 93,56%; Cu – 3,06%; Sn – 2,37%; Fe – 0,82%; Pb – 0,19%.

Курган №96 (рис. 79–81) обнаружен в границах раскопа поселенческого комплекса примерно в 4 м к северу от ранее исследованного кургана №55, (рис. 3). Каменная насыпь находилась под слоем дерна, гумуса и коричневой супеси мощностью 0,25 м. Южный край насыпи был перекрыт отвалом прежнего раскопа, мощность которого достигала 0,7–0,9 м. Курган располагался в слое серой супеси и представлял собой уплощенную наброску размерами 6,7×5,8 м, высотой до 0,2 м от уровня древнего горизонта из рваных камней и галек, уложенных в два слоя (рис. 79.-*1*, 80.-*1, 2*). В центральной части насыпи на уровне погребенной почвы выявлена выкладка диаметром 2,5 м из более крупных камней, высотой 0,3 м. Ее внутреннее пространство заполнено мелкими рваными камнями и галькой вперемежку с грунтом. В границах данного кольца, а также с его юго-восточной стороны зафиксированы остатки разрушенного погребения человека. От скелета сохранились фрагменты длинных костей рук и зубы (рис. 79.-*2, 3,* 80.-*2*, 81). У северной полы кургана найдены мелкие фрагменты керамики без орнамента. В результате контрольного перекопа подкурганного пространства археологический материал раннего железного века не встречен.

Курган №97 (рис. 82–84) располагался в 30 м к юго-западу от предыдущего объекта. К юго-востоку от него находился раскоп начала 1990 г., отвалы которого перекрывали часть кургана (рис. 3). Насыпь была перекрыта слоями коричневой супеси и серого песка (рис. 82). Курган имел наброску размерами 6,5×5,3 м, высотой 0,35 м, состоявшую в основном из рваных камней, уложенных, как правило, в два слоя

(рис. 83.-*1*). При зачистке и разборке каменной кладки найден разнообразный археологический материал. Наиболее показательными были бронзовые изделия: сломанная поясная обойма, две серьги, фрагмент украшения (рис. 83.-*2, 3, 5, 6*, 84.-*2, 3–5*). Из разных мест насыпи и околокурганного пространства происходит несколько фрагментов керамики с орнаментом и большое количество неорнаментированных обломков, среди которых имелись венчики и донца (рис. 84.-*6–17*). Кроме того, зафиксирован обломок каменной чашечки (рис. 84.-*18*). С южной стороны кургана встречены колотые кости животных и мелкие угольки, являвшиеся остатками каких-то ритуальных действий. Под юго-западной полой насыпи выявлен прокал диметром 0,25 м, глубиной 0,15 м, где была найдена целая поясная обойма из цветного металла (рис. 83.-*4*, 84.-*1*). Погребения данный курган не содержал. Материк представлен эоловой супесью серого цвета.

С помощью рентгенофлюресцентного спектрометра выявлены разные сплавы. Поясная обойма тестировалась трижды, в том числе на участках, где была удалена благородная патина свинцового цвета:

– Cu – 86,56%; Sn – 12,26%; Sb – 0,68%; Pb – 0,3%; Bi – 0,3%; Fe – 0,09%;

– Cu – 86,76%; Sn – 12,38%; Sb – 0,5%; Pb – 0,28%; Fe – 0,08%;

– Cu – 85,3%; Sn – 12,32%; Sb – 0,61%; Pb – 0,53%; Fe – 1,23%.

Зафиксированные результаты демонстрируют бронзовый сплав с характерными рудными примесями.

Крупная серьга была изготовлена из меди. Об этом свидетельствуют следующие показатели, полученные дважды в разных местах одного участка, на котором были удалены поверхностные окислы:

– Cu – 98,52%; As – 1,16%; Pb – 0,1%; Fe – 0,23%;

– Cu – 98,76%; As – 1,12%; Fe – 0,12%.

Результаты аналогичного тестирования малой серьги (?) такие:

Cu – 99,17%; As – 0,67%; Pb – 0,16%.

В заключение стоит отметить, что при раскопках верхних культурных слоев поселения Тыткескень-VI получена коллекция изделий поздней древности и раннего Средневековья, представленная преимущественно керамическим материалом (более 800 обломков от посуды). В ней насчитываются не менее 25 фрагментированных сосудов (рис. 85–86) и обломки других вещей, в том числе из металла (рис. 87–90). Большая часть таких находок приурочена к околокурганному пространству, а меньшая часть зафиксирована на других участках. Этот корпус артефактов является далеко не исчерпывающим, если учесть, что фрагменты глиняной посуды I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. встречались в период раскопочных работ на территории данного поселения в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К сожалению, данные предметы в свое время не были опубликованы и ныне хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина.

Анализ всех археологических материалов периода поздней древности и раннего Средневековья, полученных в процессе раскопок памятника Тыткескень-VI, представлен в следующих главах монографии.

ГЛАВА IV

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ

Полученный в 2006 г. культурно-хронологический комплекс аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) представлен четырьмя курганами и тремя ритуальными выкладками. За все годы работ на памятнике Тыткескень-VI исследовано более 15 погребальных и ритуальных сооружений бийкенской археологической культуры. В 1989 г. был раскопан курган №26, в 1990 г. – №51, в 1993 г. – №55 и 56. В 1991–1992 гг. на рассматриваемом могильнике вскрыты 5–6 объектов, которые имели насыпь в 1–2 слоя камней и крепиду из наиболее крупных булыжников, в центре которых находилась неглубокая яма или располагался грубо оформленный каменный ящик, ориентированный по линии ЮЗ–СВ и установленный на уровень древнего горизонта. В погребальных камерах кости человека отсутствовали или плохо сохранившийся остеологический материал находился в беспорядке, а сопроводительного инвентаря не было [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 39]. К сожалению, полная информация об этих раскопанных курганах не сохранилась. Имеются лишь отдельные части планов раскопанных курганов. Учитывая небольшое количество объектов аржано-майэмирского времени, исследованных в 2006, считаем целесообразным рассмотреть в совокупности весь имеющийся корпус археологических материалов 1-й половины I тыс. до н.э., выявленный на памятнике Тыткескень-VI.

Обнаруженные погребальные и ритуальные сооружения образовывали несколько планиграфических групп. Одна из них (курганы №74 и 85, а также выкладка №85а) располагалась в юго-западной части катунской террасы на небольшой возвышенности, у подножья отдельно стоящей горы, к северу от полотна старого тракта, шедшего вверх по течению р. Тыткескень (рис. 7.-*1*). В 96–100 м к востоку от этого скопления, в нижней части долины и к югу от дороги, размещались курганы №26, 55, 56, 96 и 97, которые занимали восточную часть территории многослойного поселения (рис. 3). В 115 м к северо-востоку от данной группы находились ритуальные выкладки №86 и 87. Они были обнаружены недалеко от края террасы Катуни с восточной стороны цепочки курганов №4, 3, 2 и 48, относящихся к пазырыкской культуре. В 28 м к северу–северо-западу от курганов №96 и 97 располагался объект №51. Остальные упомянутые конструкции находились в той же зоне, ближе к горе.

Характерной чертой большинства перечисленных объектов являлась локализация их микроцепочками по два-три сооружения по линии ЗСЗ–ВЮВ (курганы №26, 55, 56, 96, 97) или по линии ЮЮВ–ССЗ (курганы №74, 85, выкладка №85а). Цепочки в нижней части долины располагались практически параллельно на расстоянии 3,8–4,6 м друг от друга. Дистанция между курганами внутри цепочек колебалась от 2,7 до 30 м. Зафиксированные особенности являются довольно «типичными» показателями для планиграфии многих погребальных комплексов Алтая «раннескифского» времени [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 56; Суразаков, Тишкин, 2003, с. 194–197].

Большинство исследованных курганов имели следы повреждений, являвшихся результатами антропогенного воздействия разного характера. Например, в центре кургана №26 фиксировалась небольшая западина от проникновения в могилу. Отсут-

ствие многих камней в насыпи данного объекта было следствием того, что их брали на возведение более поздних конструкций. У кургана №74 южный и восточный края полностью разрушены полотном старого Чуйского тракта. Наброска кургана №85 сильно сползла вниз по конусу аллювиального выноса, а в ее северо-восточном секторе камни частично удалены при устройстве очага. Полы курганов №96 и 97 оказались перекрыты отвалами прежних раскопов и частично разобраны при изучении поселения.

Исследованные погребальные объекты бийкенской культуры на памятнике Тыткескень-VI имели свои особенности конструкции, способов захоронения и элементов ритуала (табл. 23.-*1–5, 8, 9*). Все курганы представляли собой уплощенные многослойные насыпи диаметром от 5,6 до 13 м, высотой до 1 м, выполненные преимущественно из относительно крупных рваных камней. В основании наземной конструкции трех курганов (№55, 56 и 85) находились выделявшиеся кольцевые выкладки (в виде крепиды или невысокой стенки), выложенные по периметру. В центре курганов №51, 74 и 85 для умершего человека была сооружена погребальная камера в виде массивного каменного ящика подквадратной формы (длиной 1,43–1,96 м, шириной 1,35–1,94 м, высотой 0,36–0,55 м), установленного на уровень древнего горизонта и ориентированного стенками по сторонам света. Сверху каждый ящик был плотно заложен более мелкими рваными камнями. В курганах №26 и 56 погребения людей производились в могильных ямах (глубиной 0,5–1 м от уровня древнего горизонта), перекрытых сверху каменными плитами. В курганах №55 и 96 сохранились одиночные и сильно разрушенные погребения людей, выполненные на уровне древней почвы без хорошо оформленной камеры. Первоначально вокруг тела покойника могла сооружаться небольшая выкладка, остатки которой удалось проследить в процессе раскопок кургана №96. Курган №97 не содержал могилы и может рассматриваться в качестве «ритуального» кенотафа. Под его юго-западной полой имелся прокал (диметром 0,25 м и глубиной 0,15 м), в котором обнаружена бронзовая поясная обойма (рис. 83–84).

Обобщая представленные выше характеристики, следует отметить, что курганы №51, 55, 74, 85 и 96 представляют одну из самых распространенных традиций организации сакрального пространства для умершего человека у кочевников Алтая аржано-майэмирского времени, зафиксированную на многих памятниках (типы 4, 5, 8 и 11 погребальных сооружений бийкенской культуры) [Тишкин, 1996а–б; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 45; Суразаков, Тишкин, 2007]. Погребальные объекты, аналогичные по устройству курганам №26 и 56 (типы 2, 10 [Тишкин, 1996а]), на Алтае пока встречены редко: Кызыл-Джар-IX, Айрыдаш-I (курган №15а), Кур-Кечу (курган №7), Курту-II (курган №1) и др. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 45].

В раскопанных курганах зафиксированы останки семи взрослых людей, которые в своей массе были сильно потревожены еще в древности. Среди них как мужской идентифицирован скелет из кургана №26 [Тур, 1997, с. 136], хотя при этом в могиле было найдено металлическое зеркало с ручкой, что больше характерно для женских погребений. Остальной антропологический материал очень фрагментарен, к тому же отличался крайне плохой сохранностью, что обусловлено наземным характером захоронения, а также действиями грабителей или осквернителей.

Имеющиеся в распоряжении археологические источники позволяют утверждать, что умершие люди были похоронены по обряду одиночной ингумации, преимущественно в сильно скорченной позе на боку. В курганах №74 и 85 прослеживалось трупоположение на левом боку, головой на запад и северо-запад, что является доминирующей традицией погребального обряда населения бийкенской культуры [Тишкин, 1996а–б; 2007а, с. 112–115; 2019а; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 48, 51]. Курган №26 содержал захоронение человека, уложенного на спину с прямыми ногами, головой ориентированного на север–северо-запад. Случаи придания покойным в могиле «вытянутого» положения в бийкенской культуре встречаются редко и характерны для позднего этапа ее развития. Сочетание на одном памятнике обеих традиций демонстрирует полиэтничный состав населения Алтайской горной страны во 2-й четверти I тыс. до н.э. Необходимо

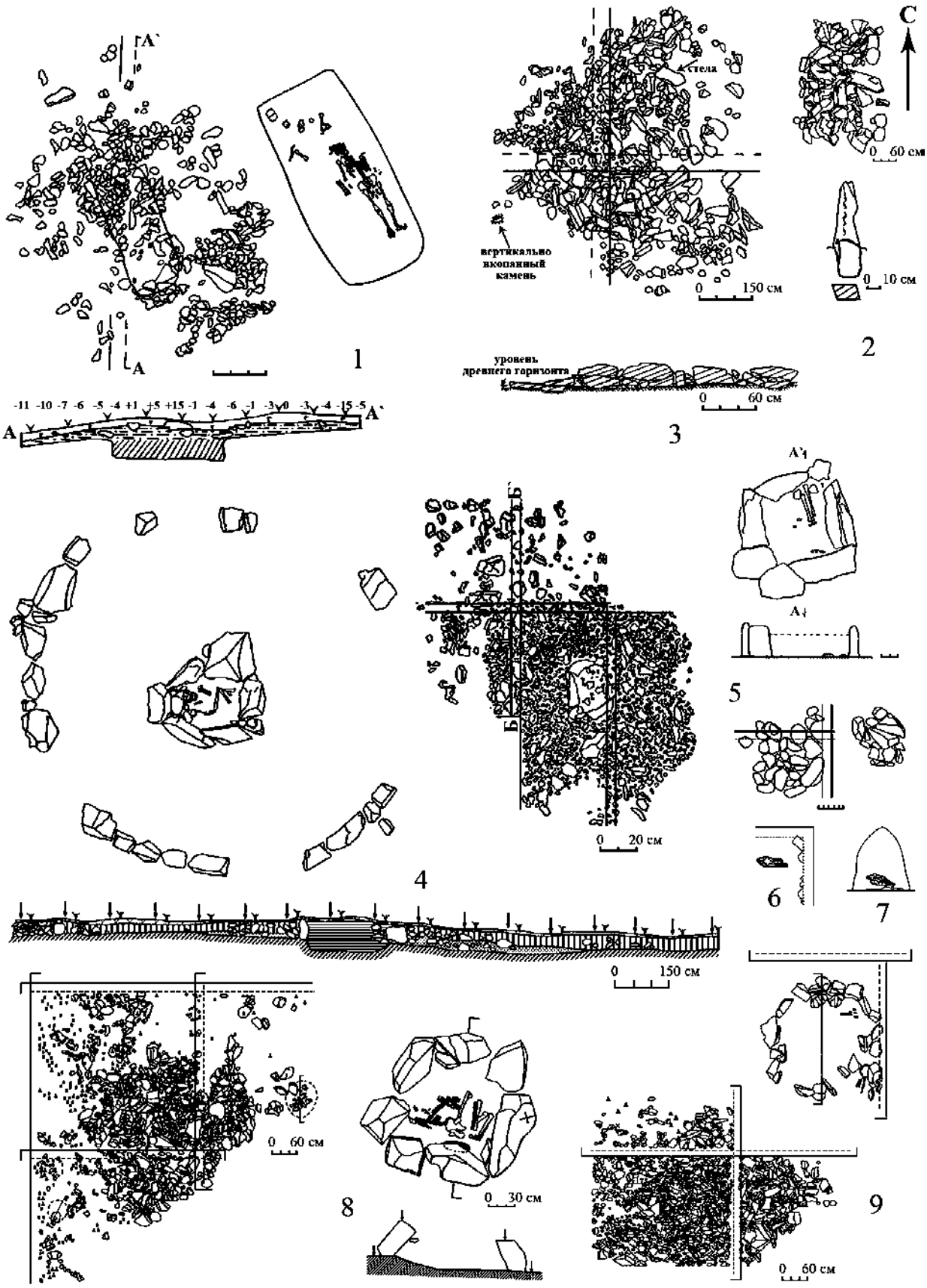

Табл. 23. Погребальные и ритуальные объекты бийкенской культуры, исследованные на памятнике Тыткескень-VI: *1* – курган №26; *2* – курган №55; *3* – курган №56; *4* – курган №85; *5* – курган №51; *6* – выкладка №86; *7* – выкладка №87; *8* – курган №74; *9* – курган №96 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б])

напомнить, что погребения в такой позе являлись одной из особенностей майэмирской (майемерской) культуры Северо-Западного Алтая и Восточного Казахстана [Тишкин, 2003; 2007а, с. 120; 2019б; Шульга, 2008; 2016; и др.]. Завершая рассмотрение ориентации и положения умерших людей в погребениях аржано-майэмирского времени могильника Тыткескень-VI, следует указать на отсутствие у человека из кургана №74 головы, а в отношении покойного из кургана №26 факт преднамеренного разрушения черепа, связанного, скорее всего, с актом осквернения или ограбления могилы.

Важно обратить внимание на такую составляющую погребально-поминальной практики населения бийкенской культуры, как возведение различного рода околокурганных объектов. Поскольку развернутая характеристика данных сооружений и их интерпретация неоднократно приводились [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 57–58; Тишкин, Леонова, 2003, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 114; Тишкин, 2007а, с. 109–113; Шелепова, 2009, с. 11–12], в данной работе ограничимся только перечислением всех зафиксированных случаев нахождения рядом с курганами стел, ям и ритуальных выкладок.

У полы кургана №55 с запада–юго-запада обнаружен вертикально вкопанный камень, возвышавшийся над уровнем древней поверхности на 0,21 м и являвшийся, по-видимому, основанием стелы. Сваленный обелиск зафиксирован в северо-восточном секторе насыпи (табл. 23.-*2*). Первоначально он был вкопан в яму глубиной 0,47 м, плотно забутованную землей и обложенную камнями. Обработанный камень имел наибольшую длину 0,8 м, ширину 0,23 м, толщину до 0,13 м, характерную скошенность вверху, обозначенный «поясок» и выделенное основание. Обе указанные стелы образовывали линию ЮЗ–СВ. Данная ситуация отмечалась и на других памятниках бийкенской культуры (см., например: [Тишкин, 1996б]). У кургана №85 обломок вертикально вкопанной стелы высотой 0,33 м над уровнем древнего горизонта находился с юго-западной стороны крепиды (табл. 23.-*4*).

Рядом с курганом №74 оказалось вырыто несколько ям (табл. 23.-*8*). Одна из них (№1), размерами 0,56×0,44 м и глубиной 0,24 м от уровня древнего горизонта, располагалась у юго-западной полы, другая (№2), размерами 0,88×0,76 м и глубиной 0,4 м от уровня погребенной почвы, заложенная сверху камнями, – в 0,6 м к востоку от края насыпи. Никаких находок они не содержали, что затрудняет адекватную интерпретацию.

С северной стороны кургана №85 размещалась ритуальная выкладка (№85а), представлявшая собой наброску диаметром около 3,6 м, высотой 0,45 м, сложенную из рваных камней вперемежку с гумусированным грунтом. В разных местах этого сооружения собрано большое количество колотых и целых костей животных, а также обломки керамической посуды без орнамента (учтено 165 экз.) Под юго-восточным краем выкладки зафиксирован прокал диаметром 0,44 м и глубиной 0,15 м. Археологический материал в нем не обнаружен.

Значительный интерес представляют ритуальные выкладки №86 и 87 [Шелепова, 2007], располагавшиеся обособленно от рассмотренных погребальных сооружений аржано-майэмирского времени. Одна из них (№86) имела вид полусферической вымостки округлой формы (размерами 2×1,8 м и высотой 0,25 м), сделанной из валунов. Другая (№87) оказалась овальной кладкой (размерами 1,25×0,95 м, высотой до 0,15 м). Она была сооружена из уложенных в один слой плоских плит и напоминала собой заполнение могильной ямы. Под камнями указанных двух объектов, на глубине 0,17–0,2 м от уровня древнего горизонта, находилось по одному черепу лошади (в одном случае еще зафиксирована нижняя челюсть овцы), обращенной лицевой частью на восток или юго-восток (табл. 23.-*6, 7*). Захороненные головы принадлежали взрослым жеребцам: в возрасте 10–12 лет с неправильным прикусом (выкладка №86) и старше 20 лет (выкладка №87). У обоих животных в правой теменной кости выявлено отверстие округлой формы, вероятно, след от удара в результате забоя. Похожие объекты были раскопаны на противоположном берегу Катуни на памятнике Бике-I, рядом с курганом афанасьевской культуры [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990], но, вероятнее всего, напрямую с ним не связанные. На Тыткескене-VI они имели другой

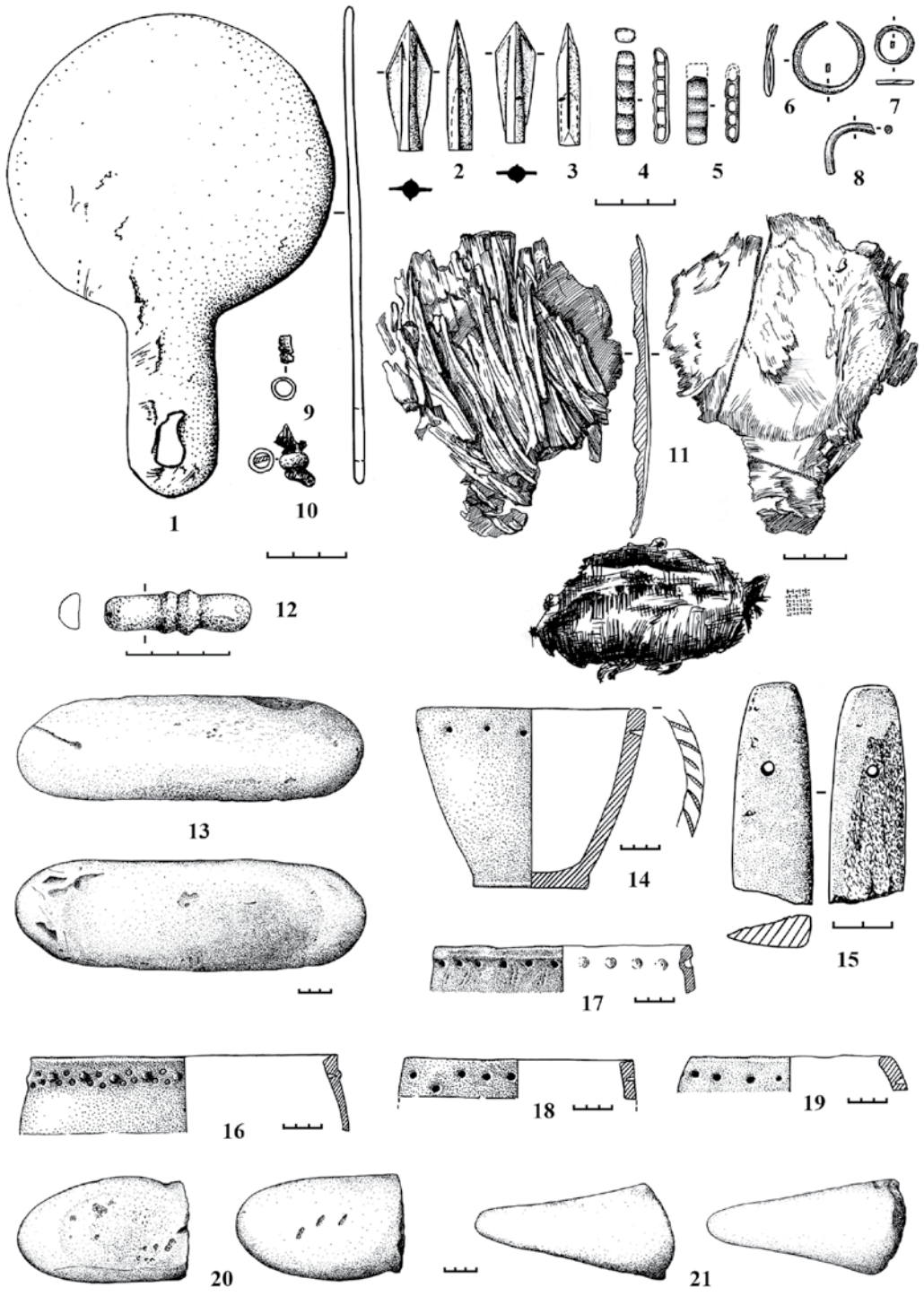

Табл. 24. Предметный комплекс бийкенской культуры из памятника Тыткескень-VI:
1, 9–12 – курган №26; *2–3* – курган №56; *4–8* – курган №97; *13, 20–21* – курган №74;
15 – курган №55; *14, 16–19* – курган №85 (*1–9* – бронза; *11* – кожа, шерсть;
12–13, 15, 20–21 – камень; *14, 16–19* – керамика) (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б])

контекст и предварительно могут быть отнесены к аржано-майэмирскому времени, так как именно для этого периода характерна традиция ритуального захоронения голов коней [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 59–60], что наиболее характерно для жертвенников Монголии (см., например: [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2016]).

В курганах бийкенской культуры обнаружен немногочисленный археологический материал, но относительно информативный в плане датировки (табл. 24). Наиболее ран-

ними, скорее всего, являются курганы №74, 85 и выкладка №85а. Результаты радиоуглеродного анализа образца из костей человека, погребенного в кургане №85 (GU-14927 – 2595±35 лет; 1 sigma cal BC 803 (797) 788, 2 sigma cal BC 823 (797) 672), дают основания относить эту группу сооружений к семисартскому этапу (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) бийкенской культуры [Тишкин, 2007а, с. 96, 246–247; 2007б, с. 149–151, рис. 2–4]. Сопроводительный инвентарь в непотревоженном кургане №85, к сожалению, отсутствовал. Однако следует отметить, что в процессе зачистки и разборки насыпи данного кургана была получена серия фрагментированных глиняных сосудов, внешний вид и характерная орнаментация которых («ямки», «жемчужник», «вдавления палочкой», «вдавления трубочкой», «угловые вдавления», «валик с рассечением») обнаруживают сходство с немногочисленной керамикой из других погребальных памятников, ритуальных сооружений, поселений, культовых мест и святилищ Алтая «раннескифского» времени [Тишкин, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 120–124; Шульга, 2015].

Радиоуглеродное исследование костного материала из кургана №74 было выполнено дважды и в разных лабораториях. Полученный спектр результатов продемонстрировал широкие хронологические рамки: Le-7649 – 2500±120 лет; 1 sigma cal BC 790–516, 2 sigma cal BC 845–377; GU-14926 – 2320±35 лет; 1 sigma cal BC 405–376, 2 sigma cal BC 413– 353 [Тишкин, 2007а, с. 96, 247–248; 2007б, с. 149–151, рис. 2–4]. Вероятно, во втором случае на результаты анализа повлияли условия нахождения костей на уровне земной поверхности.

Обнаруженный вещевой комплекс в погребальной камере из кургана №74 включал хронологически нейтральные предметы, среди которых были каменный курант зернотерки (табл. 24.-*13*) и три небольших фрагмента от разных керамических сосудов. Важным представляется впервые зафиксированный случай нахождения куранта в погребальной камере для человека. Зернотерки прежде находили на Алтае в основном в курганных насыпях [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 58; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 43–69].

Самая выразительная коллекция предметов происходит из курганов, расположенных в нижней (южной) части террасы, и относящихся к бойтыгемскому этапу (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) бийкенской культуры [Тишкин, 2007а, с. 96–97; 2007б, с. 152; рис. 6, 7]. Особого внимания заслуживают находки из кургана №26 [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 38–39, рис. 10]: бронзовое зеркало с диаметром диска 12,2 см и длинной боковой ручкой, помещенное в тканево-меховой чехол (табл. 24.-*1, 11*), каменная (арагонитовая?) трехжелобчатая застежка (табл. 24.-*12*), бронзовые колечки с обрывками кожаного ремешка (табл. 24.-*9, 10*). Бронзовые зеркала данного типа на Алтае встречаются нечасто и датируются VII–VI вв. до н.э. [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 93–94]. Кроме всего, в этом кургане был обнаружен фрагмент ткани, являющейся на сегодняшний день самой древней шерстяной материей, которая сохранилась в курганах Алтая «эпохи ранних кочевников». Результаты изучения данного образца, полученные в 1991 г. научным сотрудником лаборатории химических исследований Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук, выглядят следующим образом: «Ткань темно-коричневого цвета. Переплетение полотняное. Плотность нитей на 1 см 16×20. Местами ткань перекошена. Толщина нитей как основы, так и утка неравномерна и составляет 0,25–0,3 мм. Крутка нитей и основы и утка в Z. Волокна нитей как основы, так и утка являются однородными по качественному составу и представляют собой 100% шерсть. Тонина волокон, входящих в состав нитей, различна: волокна, имеющие тонину 25 мкм, – 70 шт; волокна, имеющие тонину 15 мкм, – 17 шт. Общее количество волокон в нити 87 шт. Средняя тонина волокон в нити – 23 мкм. Волокна, составляющие нити данного образца ткани по их тонине и строению, причисляются к пуховым… Нити основы и утка в данном образце идентичны» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 39]. Данные выводы продублированы заключениями Т.Н. Глушковой, выполнившей анализ образца ткани в 1995 г.: «Это фрагмент ткани полотняного переплетения, плотной и достаточно тонкой. Нити ткани крученые по схеме Z, тонина нитей 0,25–0,3 мм, уток и основа одинаковы. Плотность ткани 24 нити на 1 см по основе, 22 нити на 1 см по утку (уток и основа определены по соотношению

плотности, кромка отсутствует). Нити в полотне ткани равномерного натяжения, фактура однородная. Ткань была пропитана оливковым маслом, что затрудняет исследование материалов. В частности, невозможно точно определить сырье. По косвенным признакам можно предполагать, что это шерсть (?). На фрагменте ткани сохранился участок шва, где край ткани подогнут и подшит через край двойной ниткой, аналогичной нити из полотна» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 39; Тишкин, 2019в, с. 142–144].

Важными для датировки комплексов аржано-майэмирского времени памятника Тыткескень-VI являются бронзовые поясные обоймы из кургана №97 (табл. 24.-*4, 5*), обнаруженные в насыпи и в прокале под наземной конструкцией. Данные элементы поясной гарнитуры обнаруживают значительные сходства с изделиями из кургана №14 Быстрянского могильника [Завитухина, 1966, рис. 3.-9–11]. Похожие предметы зафиксированы в других погребениях Алтая и Казахстана «раннескифского» времени [Шульга, 2008, рис. 82]. Период бытования таких вещей определяется 2-й половиной VII – 2–3-й четвертью VI в. до н.э. Указанной датировке не противоречат зафиксированные в насыпи кургана №96 металлические серьги. Следует отметить, что такие кольцевидные изделия широко представлены в виде изображений на «оленных» камнях [Кубарев, 1979; Волков, 2002; и др.].

В кургане №55 обнаружен каменный оселок (табл. 24.-*15*), датирующийся в широком хронологическом диапазоне. Бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел с асимметрично ромбическим пером, найденные в кургане №56 (табл. 24.-*2, 3*), появились на Алтае с VIII в. до н.э., но наиболее популярны они стали в VII–VI вв. до н.э. [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 82; Тишкин, 2007б, рис. 3, 6]. Оба эти изделия протестированы с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра для определения состава сплава. Получены результаты, несколько отличающиеся друг от друга. Первый наконечник (табл. 24.-*3*) был сделан из медно-оловянно-свинцового (бронзового) сплава, в котором фиксировалась характерная рудная примесь в виде мышьяка (As): 1) Cu – 87,1%; Sn – 11,32%; Pb – 1,17%; As – 0,41%; 2) Cu – 87,86%; Sn – 10,67%; Pb – 0,98%; As – 0,33%; Fe – 0,16%. Второй наконечник (табл. 24.-*2*) изготовлен по аналогичной рецептуре, но с меньшим содержанием олова (Sn) и без выявленного мышьяка: 1) Cu – 96,85%; Sn – 2,37%; Pb – 0,78%; 2) Cu – 95,44%; Sn – 3,25%; Pb – 1,07%; Fe – 0,24%.

Следует отметить, что большинство находок из цветного металла аржано-майэмирского времени, представленные в данной монографии, уже анализировались на предмет химического состава [Tishkin, 2017] и демонстрируют традиции бронзолитейного производства «раннескифского» времени Алтая и сопредельных территорий, связанные с изготовлением оловянных бронз [Хаврин, 2008].

Курганы №51и 96 инвентаря не содержали, поэтому определить их археологический возраст в рамках выделенных этапов бийкенской культуры не представляется возможным. Хронологическая интерпретация выкладок №86 и 87 также вызывает трудности в связи с отсутствием в них предметного комплекса. Однако есть перспектива получения радиоуглеродных определений по сохранившимся костям животных, которые могут быть использованы и при проведении палеогенетических исследований.

С учетом датированных аналогий сопроводительного инвентаря и результатов естественнонаучного изучения остеологического материала курганы аржано-майэмирского времени, раскопанные на могильнике Тыткескень-VI, следует определить 2-й половиной VIII – 2–3-й четвертью VI в. до н.э., что отражает время расцвета и завершения на Алтае самобытной бийкенской археологической культуры. Кроме вышеизложенного, нужно указать, что аналогичные курганы данной общности были раскопаны и на ближайшем памятнике Тыткескень-I [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 36–38], который локализован на правом берегу у устья одноименной речки. По всей видимости, все изученные объекты отражают единый комплекс, оставленный носителями культуры «раннескифского» времени, за которой закрепилось обозначение «бийкенская» [Кирюшин, Тишкин, 1999, с. 74; Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 159; Тишкин, 2007а–б, 2011; 2019а; Шульга, 2008; и др.].

ГЛАВА V

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ

В результате работ Катунской экспедиции АГУ на памятнике Тыткескень-VI в 2006 г. был существенно расширен корпус археологических источников по пазырыкскому времени (2-я половина VI – III в. до н.э.). Данный культурно-хронологический комплекс представлен материалами раскопок 12 курганов и восьми выкладок. С учетом полевых изысканий на могильнике в 1988–1993 гг. общая серия изученных объектов скифо-сакского времени насчитывает 55 подкурганных захоронений, 12 разных выкладок и четыре ритуальных объекта. Последние, за исключением №41, представлявшего собой сооружение из двух каменных дуг, по планиграфии и конструкции не отличались от полноценных курганов, но не содержали могил и, как правило, вещей. Исследованный некрополь Тыткескень-VI является на сегодняшний день одним из самых крупных по числу вскрытых курганов рядового населения пазырыкской культуры в Северном Алтае. Данный факт важен при рассмотрении многих имеющихся проблем, о которых речь пойдет в настоящей главе. Следует указать, что сплошное вскрытие больших площадей на курганных могильниках обеспечивает существенный информационный потенциал.

Основные элементы погребального обряда и вещевого набора у населения пазырыкской культуры неоднократно анализировались многими специалистами [Суразаков, 1989; Кубарев, 1987; 1991; 1992; Полосьмак, 1994; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003а; Кирюшин, Степанова, 2004; Кубарев, Шульга, 2007; Бородовский, Бородовская, 2013; и др.]. Учитывая это обстоятельство, ограничимся рассмотрением полученных археологических источников в сравнении с уже имеющимися материалами из могильника Тыткескень-VI, а также с данными по другим памятникам Алтая 2-й половины VI – III в. до н.э.

Подготовленный в 2006 г. тахеометрический план памятника (рис. 3) позволил уточнить сведения относительно максимальных и минимальных расстояний между ранее изученными и дополнительно выявленными погребальными сооружениями, что дает возможность откорректировать некоторые выводы относительно планиграфии некрополя Тыткескень-VI и составить более объективное представление о его пространственной структуре. Исследованные в 2006 г. курганы (№80–84, 88–94) и выкладки (№75–79, 80а, 82а, 89а) пазырыкской культуры заполнили практически все свободные участки в центральной цепочке сооружений, вытянутой с юга на север, вдоль восточного края террасы Катуни. Результаты инструментальной съемки свидетельствуют, что значительного разрыва между курганами №4 и 62 не было. Оказалось, что курган №27, являвшийся одним из наиболее ранних на пазырыкском могильнике Тыткескень-VI, фактически открывал с юга исследованную в 2006 г. группу курганов №81–84, находясь на удалении (7,2 м) от курганов №54 и 62. Группу из этих двух сооружений с юга ограничивал курган №80. При этом всего в 5 м от него располагался курган №4. В результате получилось, что реальная дистанция между курганами №27 и 4 составляла 40 м, а не более, как это отражено на прежнем глазомерном плане [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 48, рис. 9].

Для северной цепочки подтвердилось наличие трех групп (рис. 3): 1) курганы №11–18; 2) курганы №19–25; 3) курганы №41–45, 47, 6–9 [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 41]. Центральная цепочка также включала три группы: 1) курганы №94, 30, 29, 90, 93, 92, 89, 88, 91, 71–73; 2) курганы №84, 83, 82, 81, 27; 3) курганы №54, 62, 80, 4, 3, 2, 48. Между первой и второй группами обособленно находился курган №28, одинаково удаленный от курганов №72 и 84. Внутри данных скоплений курганы образовывали более или менее четкие линии из 2–4 объектов (№29 и 90; №88, 89, 92 и 93; №72 и 71; №84, 83 и 82; №81 и 27; №54, 62 и 80; №4, 3 и 2), имевших различные отклонения по меридиану. К востоку или к западу от них могли располагаться курганы (№90, 91, 73, 48), не вписывавшиеся в ровный ряд. Среди раскопанных погребальных сооружений не отмечено ни одного случая, чтобы одна насыпь перекрывала другую или соприкасалась друг с другом полами. Важно подчеркнуть, что все курганы пазырыкской культуры располагались дистанцированно от погребальных сооружений аржано-майэмирского времени, что дополнительно подчеркивало отсутствие между ними культурно-генетической связи.

Зафиксирована достаточно стандартная ситуация размещения ритуальных выкладок преимущественно с западной стороны курганов на разном расстоянии. В качестве исключения можно упомянуть объект №80а, находившийся с северо-восточной стороны соответствующего кургана. В конструктивном отношении ритуальные сооружения представлены двумя разновидностями: 1) плоскими выкладками округлой формы (размерами от 1 до 3,5 м, высотой до 0,25 м) из плотно уложенных камней (№38–40, 46, 75–78); 2) кольцевыми выкладками (№82а, №89а, 79, 80а) из рваных камней с незаполненной центральной частью (размерами 2,2–2,35×1,4–1,95 м, высотой до 0,3 м). Под некоторыми такими сооружениями были небольшие ямы. При разборке нескольких ритуальных конструкций или рядом с ними обнаружены мелкие фрагменты неорнаментированной керамической посуды, а также колотые кости животных. Аналогичные по устройству объекты исследованы на других памятниках пазырыкской культуры Алтая [Тишкин, Шелепова, 2006]. Их расположение и состав зафиксированных находок свидетельствуют о «поминальном» характере сооружений.

Курганы пазырыкского времени на комплексе Тыткескень-VI имели плоские, реже полусферические наброски округлой в плане формы, которые сложены из рваного камня и галек вперемежку, обычно перекрывавшие холмик песчаного грунта высотой до 0,2 м, оставшегося после закапывания могилы. Несколько насыпей сделаны только из окатанных камней (курганы №8, 15, 17, 30, 41/2, 44, 45, 84, 91). По размерам все наброски относились к категории малых с размерами от 2 до 10,5 м и имели высоту не более 0,5 м. Примерно у трети курганов зафиксирована кольцевая крепида из крупных валунов и рваных камней (табл. 25.-*1–3*). Под насыпями размещалась обычно одна могила прямоугольной или овальной формы, ориентированная по линии З–В (с разными отклонениями). Раскопано одно грунтовое погребение (объект №47). Ямы были с отвесными или слегка расширявшимися ко дну стенками, а иногда с заплечиками (10 случаев). Длина и ширина ям варьировала в пределах 1,25–3,1 и 0,7–2,5 м, соответственно. Глубина колебалась от 0,35 до 2,4 м (наиболее распространенные показатели глубины попадают в интервал 1,4–1,8 м). Заполнение могил – грунтовое, в виде мешаной супеси и серого материкового песка.

Погребальные камеры из курганов, исследованных в 2006 г., представлены в своем большинстве деревянными рамами с перекрытием (курганы №81, 84, 89–94), каменными ящиками из вертикально поставленных плит с перекрытием (курганы №83, 88), а также ямами без внутримогильных конструкций (курганы №80, 82). Общая картина количественного распределения обозначенных сооружений с учетом статистики по материалам, полученным в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 59–62, 161–162], выглядит следующим образом: деревянные рамы – 19 случаев, каменные ящики – 7, обкладки – 7, срубы – 6, ямы – 4, ямы с перекрытием из жердей и досок – 2, деревянный ящик – 1. Каких-либо закономерностей в планиграфии курганов в соответствие с той или иной разновидностью погребальных камер не прослежено.

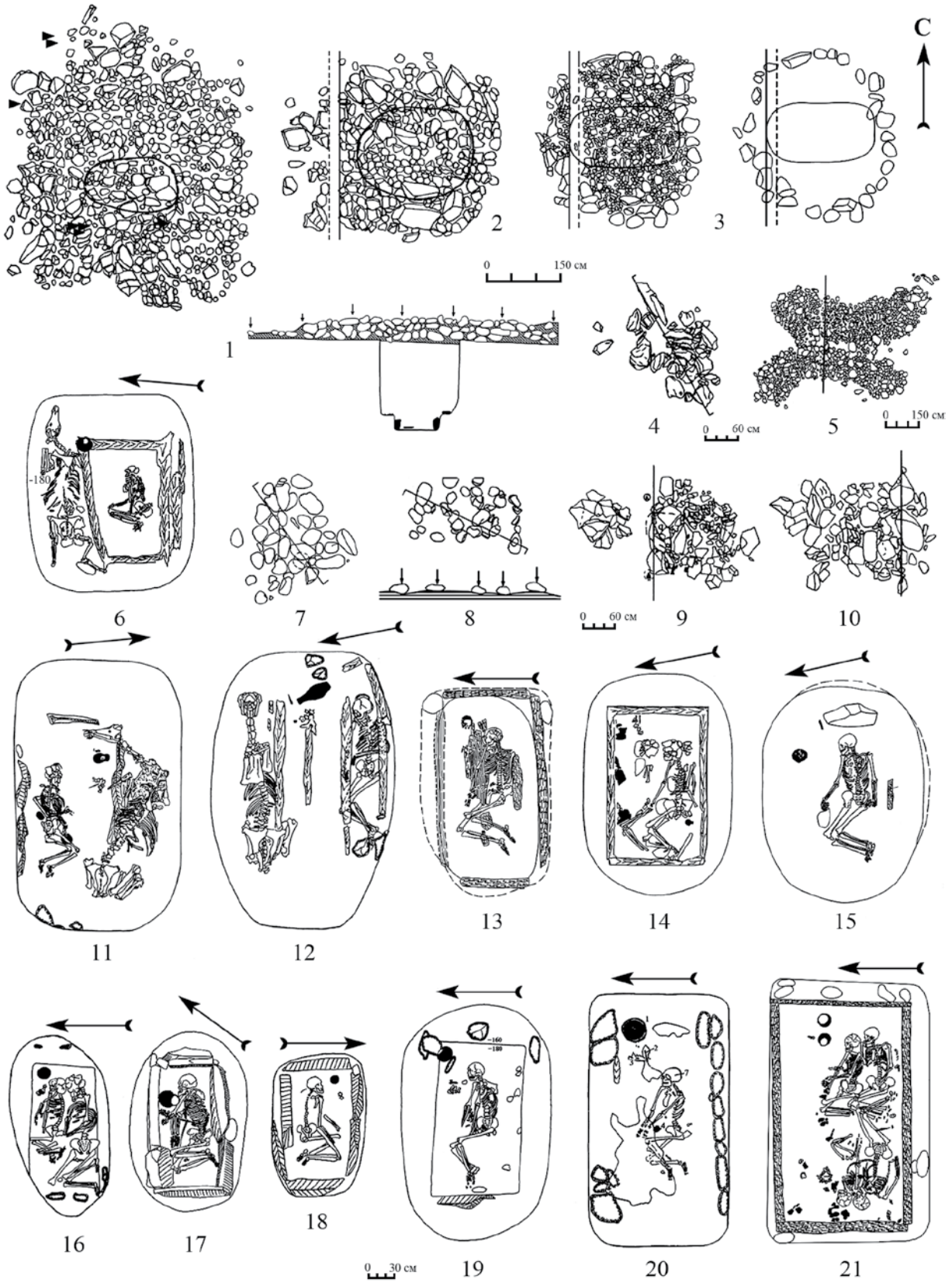

Табл. 25. Погребальные и ритуальные сооружения пазырыкской культуры:
1 – курган №81; *2* – курган №83; *3* – курган №93; *4* – выкладка №80а; *5* – объект №41; *6* – курган №21; *7* – выкладка №75; *8* – выкладка №79; *9* – выкладка №38; *10* – выкладка №40; *11* – курган №27; *12* – курган №62; *13* – курган №93; *14* – курган №24; *15* – курган №82; *16* – курган №72; *17* – курган №88; *18* – курган №34; *19* – курган №71; *20* – курган №14; *21* – курган №89 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б])

Устойчивым этнокультурным маркером погребальной практики являются способы захоронения и элементы ритуала. Погребения пазырыкской культуры были совершены преимущественно по обряду одиночной ингумации (табл. 25.-*13–20*). В 12 курганах, раскопанных в 2006 г., сохранились костные остатки 14 взрослых человек и двух детей без сопроводительных захоронений верховых лошадей*. На памятнике зафиксированы пять парных и три коллективных погребений. Среди новых материалов стоит отметить парное трупоположение взрослых людей в кургане №92, кости которых были уложены кучками, имитировавшими тела покойных (отдельно ноги и таз, кости рук, черепа) с нарушением анатомического порядка. Отсутствие явных следов проникновения в могилу, особенности размещения костей, а также отсутствие некоторых частей скелета (преимущественно ребер) указывают на «вторичный» характер погребений, что являлось устойчивой традицией и зафиксировано на разных памятниках [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Бородовский, Бородовская, 2013, 2014; и др.]. В кургане №89 содержалось захоронение трех взрослых человек и одного ребенка.

В курганах, раскопанных на памятнике в 2006 г., преобладающим было положение умерших людей на правом боку со слабо согнутыми ногами (реже в сильно скорченной позе), с ориентацией головой на восток (курганы №82, 83, 93), восток–северо-восток (курганы №81, 92), северо-восток (курган №88), восток–юго-восток (курганы №80, 91). В трех могилах люди лежали на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на восток (курганы №82, 84) и восток–северо-восток (курган №90). В кургане №94 обнаружено трупоположение женщины ничком, головой на восток.

В обобщенной серии погребений, полученной за все годы работ на рассматриваемом памятнике, также преобладало положение на правом боку при большой редкости других поз (на спине (4 случая) и на левом боку (3) с согнутыми нижними конечностями). При этом умершие обращены головой в восточный (47 случаев), западный (30) и северный (2) сектора горизонта. Устойчивая корреляция ориентации и позы умерших людей могут выступать в качестве одного из этнических разделителей носителей пазырыкской культуры.

Почти со всеми погребенными людьми отмечены свидетельства помещения ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям пояснично-крестцовой части овец.

Отдельного внимания заслуживает могила с коллективным погребением из кургана №89, в которой зафиксирована ориентация умерших людей в противоположных направлениях и при этом в разных позах. Два взрослых индивида, обращенных головами в восточный сектор, лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Взрослый мужчина и ребенок, ориентированные головами на запад–северо-запад, покоились соответственно на спине и на левом боку с согнутыми нижними конечностями (табл. 25.-*21*, 26). На сегодняшний день это единственное в своем роде коллективное погребение среди известных комплексов пазырыкской общности. Можно указать ближайшую аналогию: неопубликованный курган, раскопанный на могильнике Айрыдаш-I, в котором находилось захоронение трех человек, ориентированных головами по антитезе. Для погребальной практики кочевников Алтая раннего железного века коллективные захоронения являются весьма редкими. В пазырыкской культуре такой вариант ингумации фиксируется преимущественно в памятниках на северо-западной, юго-восточной и северной окраинах распространения названной общности и отражает полиэтничный состав населения Алтайской горной страны во 2-й половине I тыс. до н.э. [Могильников, Суразаков, 1980, с. 180–191; 2003, с. 26–63; Кубарев, Кочеев, 1983, с. 90–108; Кубарев, 1987, с. 26, 27; 1991, с. 37, 38; 1992, с. 25, 27; Суразаков, 1989, с. 114, 149, 150, табл. 1; 1997, с. 85–86, рис. II.-1; Степанова, Неверов, 1994; Худяков, 1998, с. 99; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 44, 45, 67, рис. 19, 22.-I; Тишкин, Матренин, Семибратов, 2009, с. 59–62]. Наличие данных погребальных

* Всего на памятнике Тыткескень-VI только в трех курганах (№21, 27, 62) имелось по сопроводительному захоронению верхового коня в северной половине ямы.

Табл. 26. Коллективное погребение в кургане №89

комплексов в Юго-Восточном Алтае (Кош-Агачский район Республики Алтай) многие специалисты обоснованно связывают с проникновением в среду пазырыкского населения носителей саглынской культуры Тувы и Северо-Западной Монголии. Вопрос о причинах появления коллективных захоронений в других частях Алтая в литературе пока не получил своего решения. Важно, что особенности погребального обряда в кургане №89 показывают его иной этнический контекст по сравнению с материалами из памятников Юго-Восточного Алтая. Поэтому зафиксированная ситуация с присутствием разных способов трупоположения в одном закрытом комплексе в очередной раз демонстрирует тесное взаимодействие носителей разных погребальных традиций в рамках пазырыкской общности. При этом следует понимать, что появление такого необычного погребального объекта могло быть вызвано причинами мировоззренческого характера, социально-семейными обстоятельствами, условиями смерти или какими-то другими обстоятельствами [Тишкин, Дашковский, 2003а]. Для получения конкретных выводов в этом плане остается надеяться на результаты комплексного антропологического и палеогенетического изучения остеологических материалов.

Таким образом, большинство пазырыкских курганов, раскопанных на могильнике Тыткескень-VI, соотносятся с двумя погребальными традициями населения Алтая конца VI – III в. до н.э. Доминирующая из них представлена ингумацией людей без сопроводительного захоронения верхового коня, с ориентацией головами в восточный или западный секторы и в различных погребальных камерах. Эти зафиксированные показатели дополнительно свидетельствуют о том, что они оставлены носителями локального варианта пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 1997; 2003, с. 68, 107–114; Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 147–149, 2003б; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 133–136; Степанова, 2004, с. 269–273]. Такое рядовое население в антропологическом отношении имело определенные отличия от животноводческих популяций из других районов Алтая [Тур, 2003].

Курганы пазырыкской культуры, исследованные на памятнике Тыткескень-VI в 2006 г., содержали непотревоженные захоронения. Несмотря на это обстоятельство, получена сравнительно небольшая серия предметов, включающая разные функциональные категории.

Предметы вооружения представлены наступательными средствами ведения ближнего и дальнего боя. Они немногочисленны и происходят только из курганов №84, 88 и 89. Сравнительно мало таких изделий было найдено на могильнике и в предыдущие годы.

Кинжал обнаружен в кургане №89 у правого бедра погребенного (табл. 27.-*1*, рис. 57.-*1*, 58.-*1*). Это уменьшенная бронзовая модель клинкового оружия общей длиной 16 см, из которых 8,3 см приходится на боевую часть. Перекрестие кинжала имеет бабочковидную форму. Рубчатая рукоять снабжена небольшим отверстием в верхней части и завершается брусковидным навершием. В поперечном сечении клинок ромбический, без выраженного ребра жесткости. В могильнике Тыткескень-VI уменьшенный бронзовый кинжал с похожей желобчатой рукоятью и прямым навершием, но с перекрестием, «сломанным» под тупым углом, найден в кургане №6, который

датируется V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 26.-10]. Близкие по оформлению, но не совсем идентичные экземпляры колюще-режущего оружия происходят из других памятников пазырыкской культуры (например: Яломан-III (курган №1), Кайнду (курган №12), Кок-Эдиган (курган №7), Усть-Эдиган (курган №74), Верх-Еланда-II (курган №9), Узунтал-III (курган №2), Ак-Алаха-I (курган №2), Тербедок (курган №2), Ала-Гаил-3 (курган №5), Тете-4 (курганы №4 и 6) [Тишкин, Дашковский, 2003в, рис. 2.-1, 2007; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 16.-1; 17.-1; 18.-5, 6; 19.-2, 10; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 22.-4; 47.-5; 48.-6]). Кинжалы с указанными признаками существовали в течение длительного периода – с конца VI до IV в. до н.э. Уменьшенные по размерам изделия были наиболее популярными в V–IV вв. до н.э. Такая датировка, скорее всего, будет наиболее приемлемой и для кинжала из кургана №89, в котором отсутствовали заведомо ранние (2-я половина VI – начало V в. до н.э.) и поздние (конец IV – III в. до н.э.) предметы. В кургане №84 сохранился фрагмент медного вотивного (вероятно, бракованного) кинжала длиной 7,1 см (табл. 27.-*2*). Судя по его расположению рядом с остатками ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям овцы, клинок переиспользовался в качестве ножа.

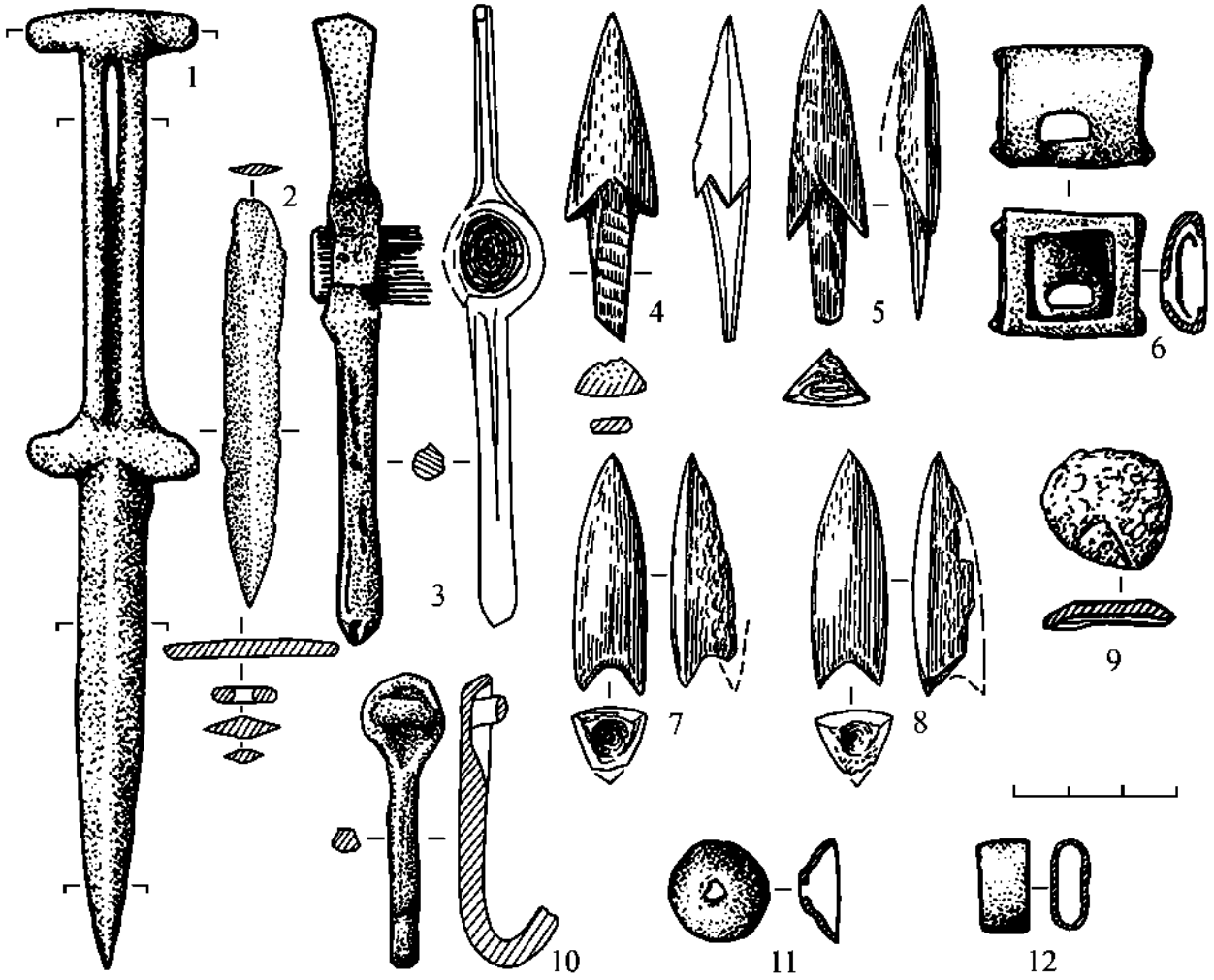

Табл. 27. Оружие и снаряжение

Миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти, найденный в кургане №88, был проушным, с шестигранным в сечении бойком и плоским обушком (табл. 27.-*3*, рис. 51.-*4*, 52.-*4*). Он находился с правой стороны грудной клетки погребенного человека. Общая длина металлической части предмета составляет 11,7 см, сохранившейся части рукояти – не менее 27 см. Аналогичные изделия, полностью совпадающие по всем деталям оформления и даже по размерам, представлены в кур-

ганах №3 и 72 могильника Тыткескень-VI. Находки из курганов №88 и 72 настолько похожи, что создается впечатление, что они отлиты в одной форме. К этому следует добавить, что данные курганы располагались по соседству. Чеканы с плоским обушком встречаются в погребениях пазырыкской культуры относительно не часто. Они получены, например, в ходе раскопок могильников Кызыл-Джар-I, Кастахта, Юстыд-I и XII, Кор-Кечу, Тербедок, Боротал-II, Чичке-I [Кочеев, 1988, с. 148–149, 160; Могильников, 1983, с. 28; Кубарев, 1991, табл. IX.-5; XLVII.-26; 1992, табл. XXV.-10; Суразаков, 1989, с. 53; Мамадаков, Неверов, 2001, рис. 6.-2; 7.-3; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 18.-6; 24.-3; 42.-9; 67.-11; и др.]. Время бытования таких чеканов определяется в широком хронологическом диапазоне (V–III вв. до н.э.) [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 60]. Учитывая датировку кургана №72 могильника Тыткескень-VI [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 106–107], рассматриваемое изделие из кургана №88 можно отнести к концу V – IV в. до н.э.

Оружие дистанционного боя представлено находками четырех костяных наконечников стрел из двух курганов. По конструкции насада, сечению и форме пера они представлены двумя типами. К первому типу (1 экз. из кургана №88; 1 экз. из кургана №89) относятся черешковые наконечники, имеющие трехгранное в сечении перо удлиненно-треугольной формы длиной до 5,8 см (поражающая часть составляет 3,5–4,3 см), с плечиками-шипами (табл. 27.-*4, 5*, рис. 51.-*1*, 57.-*4*). Ко второму типу (2 экз. из кургана №88) принадлежат наконечники со скрытой втулкой и трехгранным удлиненно-треугольным пером (длина 4,4 см) с вырезами в основании, которые образуют шипы (табл. 27.-*7, 8*). Черешковые модификации наконечников стрел встречаются в памятниках разных этапов пазырыкской культуры Алтая. Впрочем, они были характерны для VI–II вв. до н.э. многих регионов Евразии. Тенденция развития данных наконечников на Алтае заключалась в уменьшении размеров от 8–7 см в VII–V в. до 5,5–4,5 см в IV–III вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 76]. Рассматриваемые изделия можно сопоставить с «поздними» образцами, что позволяет датировать их, по-видимому, ближе к концу V – IV в. до н.э. Костяные втульчатые наконечники стрел также имеют широкий период использования населением пазырыкской культуры. По своим морфологическим признакам (небольшие размеры, трехгранное сечение, шипы) экземпляры из могильника Тыткескень-VI представлены развитыми формами, характерными для V–III вв. до н.э. [Кочеев, 1993, с. 175]. Похожие экземпляры ранее были обнаружены в кургане №47, который датирован V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 23.-3–6, 8, 9].

К *снаряжению человека* относится бронзовый крюк из кургана №89, отлитый в виде стержня с округлым щитком и фиксировавшийся к ремню с помощью поперечной петельки (табл. 27.-*10*). Изделие зафиксировано рядом с правым крылом человеческого таза, что может указывать на его использование в качестве застежки саадачного пояса. Подобные изделия известны во многих погребальных комплексах пазырыкской культуры, относящихся преимущественно к V–IV вв. до н.э. [Сорокин, 1974, рис. 7.-4, с. 62; Могильников, Елин, 1982, с. 108; Могильников, 1983, рис. 3.-6, с. 25; Суразаков, 1989, рис. 23.-6–8; 41.-11; 44.-5; 45.-12; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 71.-33; и др.]. Значительное количество аналогий им обнаружено в предгорьях и степях Алтая, в Новосибирском Приобье, Барабе и Туве [Мананай-Оол, 1970; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120.-16; Полосьмак, 1987, с. 76; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXXII.-36; и др.]. На могильнике Тыткескень-VI практически идентичный экземпляр происходит из кургана №11, который датирован V в. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 12.-5, с. 106].

В состав поясной гарнитуры из кургана №89 входят ворворка, поясная бляха-обойма и бляха-пронизь. Бронзовая ворворка (табл. 27.-*11*, рис. 57.-*5*, 58.-*4*) по своим морфологическим характеристикам занимает промежуточное положение между усеченно-коническими и полусферическими модификациями. Судя по материалам могильника Тыткескень-VI и других памятников Алтая пазырыкского времени, дан-

ные предметы, видимо, появились еще в конце VI в. до н.э., но наиболее широко распространились с V в. до н.э. Верхняя хронологическая граница бытования таких ворворок на Алтае соотносится с окончанием пазырыкского периода (конец III в. до н.э.) [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 44.-1, 3, 9, 17].

Впервые на могильнике Тыткескень-VI найдена поясная бляха-обойма подквадратной формы со слегка вогнутыми короткими сторонами и прорезями на лицевой и тыльной частях корпуса (табл. 27.-*6*, рис. 57.-*3*). Бронзовое изделие имеет размеры 2,6×2,2 см и «D-образное» поперечное сечение. Прототипы таких деталей появились на Алтае в поздних комплексах аржано-майэмирского времени [Кубарев, 1998, рис. 2.-2]. Данные изделия предназначались для ношения колчана (горита). Населением пазырыкской культуры они использовались в течение продолжительного времени [Суразаков, 1989, с. 72–73, рис. 41.-12, 13; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 49.-1; 94.-3; 97.-34; 107.-1; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 17.-6; 22.-2; 47.-9]. При этом различия между «ранними» (2-я половина VI – начало V в. до н.э.) и «поздними» (V–IV вв. до н.э.) экземплярами не выявляются. В связи с этим следует, пожалуй, заметить, что некоторые ранние изделия могли быть специфичными по исполнению. Например, иметь корпус из согнутой тонкой пластины [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 13.-1]. Больше всего блях-обойм происходит из закрытых комплексов V–IV вв. до н.э. Не ранее V в. до н.э. они известны в культурах скифо-сакского времени предгорно-равнинной зоны Алтая [Суразаков, 1989, рис. 33.-3; Могильников, 1997, рис. 54.-8, 4; Фролов, 2008, рис. 85.-16; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 115.-4–7, с. 165–167].

Медная бляха-пронизь размерами 1,75×0,9 см (табл. 27.-*12*, рис. 57.-*7*, 58.-*5*) на могильнике Тыткескень-VI найдена также впервые. Изделие имеет относительно небольшой круг аналогий в материалах пазырыкской культуры, особенно с территории Северного Алтая [Тишкин, Матренин, Семибратов, 2009, рис. 4.-4, фото 5]. Происхождение таких деталей ременных гарнитур в определенной мере можно связывать с уздечными украшениями аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) и раннепазырыкского этапа (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.), наподобие тех, что были обнаружены на могильнике Тыткескень-VI в кургане №27 [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 33]. На соседних территориях различные по исполнению бляхи-пронизи из цветного металла представлены в наборах вещей V–II вв. до н.э. староалейской, каменской и саглынской культур [Суразаков, 1989, рис. 33.-1; Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 112, рис. 13.-13; 15.-3; 16.-7; Фролов, 2008, рис. 116.-26; 119.-8; 120.-6; 136.-12, 13; Семенов, 2003, табл. 66.-1; 82.-4; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 115.-13, 14, 15, 16]. Применение данных предметов кочевниками Алтая в качестве деталей поясных гарнитур началось во 2-й половине VI в. до н.э., но получило наибольшую популярность в V–IV вв. до н.э.

К элементам поясной гарнитуры, по-видимому, относится железная бляха округлой формы (диаметром 2,2–2,4 см) со слегка выпуклым корпусом из кургана №84 (табл. 27.-*9*, рис. 32.-*2*, 33.-*7*). Она могла иметь крепление в виде петли на оборотной стороне. Данное изделие выполняло, скорее всего, функцию пуговицы-застежки. Похожие бляхи (правда, из цветного металла), найденные в предыдущие годы на рассматриваемом могильнике, использовались в качестве наверший булавок или в роли пуговиц [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 12.-4; 15.-6]. С учетом известных аналогий обнаруженный экземпляр датируется в широких рамках (конец VI – IV в. до н.э.).

Комплекс украшений, зафиксированный при раскопках памятника Тыткескень-VI в 2006 г., включает бусы, металлические серьги, булавки, подвеску. Бусы представлены находками из курганов №80 и 82 в количестве семи экземпляров. Хронологически показательной является плоская нефритовая (?) бусина из кургана №82. Она имеет абрис в виде вытянутого восьмиугольника (длиной 1,2 см, шириной 0,8 см, толщиной 0,3 см) со сглаженными углами и диагонально просверленными отверстиями на противоположных концах (табл. 28.-*1*, рис. 27.-*2*, 33.-*5*). Для Алтая бусы ромбовидной

и прямоугольной формы с диагональным сверлением, изготовленные из сердолика и других минералов, выступают одним из индикаторов сопроводительного инвентаря раннепазырыкских комплексов VI – начала V в. до н.э. Близкие по оформлению украшения происходят из курганов №2, 14, 18, 33 могильника Тыткескень-VI, датировка которых уже была обоснована [Кирюшин, Степанова, 1999; 2004, рис. 41; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 104–105]. За пределами Алтая похожие бусы известны в более поздних памятниках староалейской культуры [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 104–105, 114, рис. 12.-2, 6; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 115, рис. 2.-4; Фролов, 2008, рис. 152].

Пастовые бусы (табл. 28.-*2–7*, рис. 27.-*3*, 33-*6*) шаровидной (1 экз. из кургана №82) и бочонковидной формы (диаметром 0,55 или 0,75–0,8 см) белого и перламутрово-синеватого цвета (5 экз. из кургана №80) – не такие частые находки в пазырыкских памятниках Алтая. На Тыткескене-VI и в других археологических комплексах Северного Алтая они происходят из погребений, датирующихся концом VI – началом V в. до н.э. и V в. до н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 92, 106].

Серебряные серьги найдены в курганах №91 и 94. Оба изделия относятся к разновидности восьмерковидных и выполнены из тонкой проволоки прямоугольного или округлого сечения, свернутой в 1,2–1,3 оборота, один конец которой дополнительно загнут и образует маленькую петельку, перпендикулярную относительно большого кольца диаметром 1,2 или 2,3–2,6 см (табл. 29.-*8, 9*, рис. 76.-*2*, 77.-*2*). Восьмерковидные серьги с цельно изготовленным кольцом широко встречаются на Алтае и сопредельных территориях в памятниках пазырыкского и хуннуского (сюннуского) времени. Такие украшения датируются в широком хронологическом диапазоне с конца VI в. до н.э. до II–I вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 94–96; Трифанова, 2004, табл. I; Тетерин, 2005, рис. 1; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 122]. В нашем случае важно отметить, что восьмерковидные серьги с цельно изготовленным нижним кольцом не обнаружены в хронологической группе погребений конца VI – начала V в. до н.э. могильника Тыткескень-VI, что может свидетельствовать об их более позднем распространении у населения, оставившего данный некрополь.

Две железные булавки из кургана №94 представлены в обломках и имеют плохую сохранность шаровидной головки (табл. 28.-*10, 11*). На Алтае такие украшения встречаются редко. Они были весьма популярны у населения Алтайской лесостепи и предгорной зоны в V–III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 78; Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 111, 114, рис. 11; Киреев, 1994, с. 41; Горбунов и др., 2001; Фролов, 2008, рис. 95.-8–11; 97.-26–30; 143; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 123; и др.]. В процессе раскопок памятника Тыткескень-VI данный элемент прически засвидетельствован в погребениях, датирующихся концом VI – началом V в. до н.э. и V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 84–85, 104–107].

Медная подвеска (от бракованного колокольчика или от имитации зеркала ?), найденная в кургане №89 (табл. 28.-*12*, рис. 58.-*8*), не имеет аналогий в материалах пазырыкской культуры Северного Алтая.

Самой многочисленной категорией орудий труда из захоронений пазырыкской культуры являются металлические ножи. Коллекция данных артефактов из раскопок 2006 г. насчитывает пять изделий из цветного металла и три железных экземпляра разной степени сохранности. Среди первых выделяются два ножа с выраженным уступом, прямой спинкой и петлевидным окончанием рукояти, имеющие общую длину 9,6–12 см (с треугольным сечением) и максимальную ширину клинка до 1,6 см. Они найдены в курганах №82 и 93 (табл. 29.-*1, 2*). Ножи с петельчатым окончанием рукояти пользовались наибольшей популярностью у населения Алтая в раннепазырыкское время (конец VI – 1-я половина V в. до н.э.) [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 74]. Похожие орудия труда, немного отличающиеся оформлением места перехода клинка в рукоять, происходят из курганов №27 и 43 памятника Тыткескень-VI [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 24.-4; 34.-5]. Остальные коротколезвийные ножи с невыделенной

глухой рукоятью из курганов №81, 83 и 89 длиной 4,3–5,8 см (табл. 29.-*3–5*) имеют более широкий круг аналогий среди изделий, обнаруженных в погребениях пазырыкской культуры. В могильнике Тыткескень-VI они зафиксированы в объектах V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 80]. Фрагментированные железные ножи с выделенной рукоятью и прямой спинкой длиной 9,5–9,7 см из курганов №90 и 94 датировать сложно (табл. 29.-*6, 7*). Принимая во внимание широкое распространение железных ножей у населения Алтая с IV в. до н.э. [Суразаков, 1989, с. 20–21], а также их отсутствие в раннепазырыкских материалах некрополя Тыткескень-VI, данные экземпляры можно условно отнести к V–IV вв. до н.э. Небольшой обломок железного ножа из кургана №92 (табл. 29.-*8*) морфологической атрибуции не поддается.

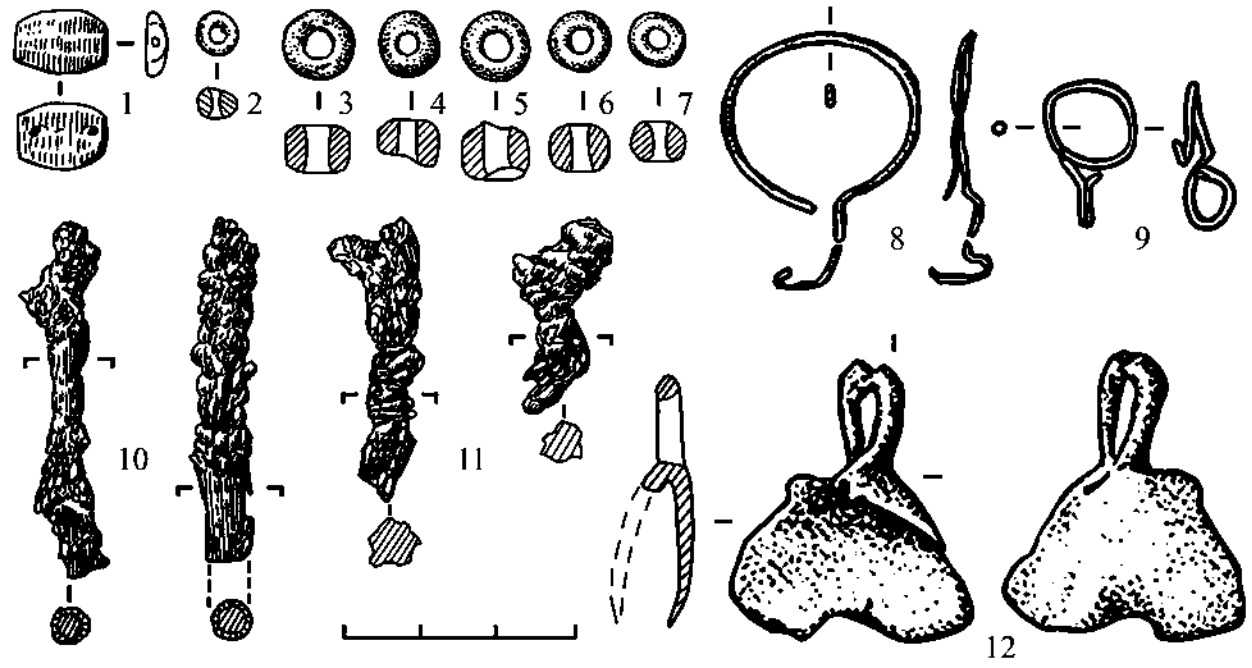

Табл. 28. Украшения

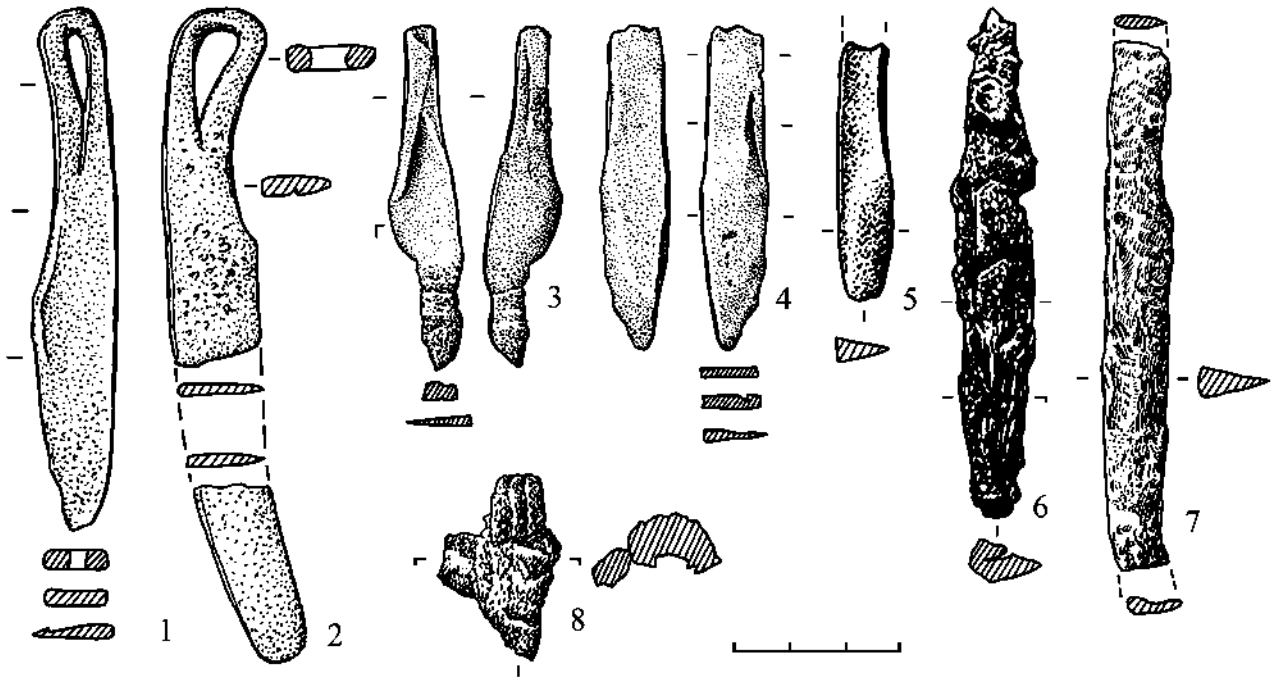

Табл. 29. Орудия труда. Ножи

К орудийному набору принадлежит обнаруженный в насыпи кургана №80 абразив, сделанный из сломанного каменного куранта размерами 7,9×5,7×3,8 см (табл. 30). К культурно-хронологическому комплексу пазырыкского времени относятся, по-видимому, обломки каменных абразивов, пестов, отбойников, наковален, шлифовальных плит, а также керамическое пряслице и «грузило» из верхнего культурного слоя поселения Тыткескень-VI (рис. 87-*2, 5–7*, 88–89). Хронология данных предметов укладывается в рамки всего скифо-сакского времени.

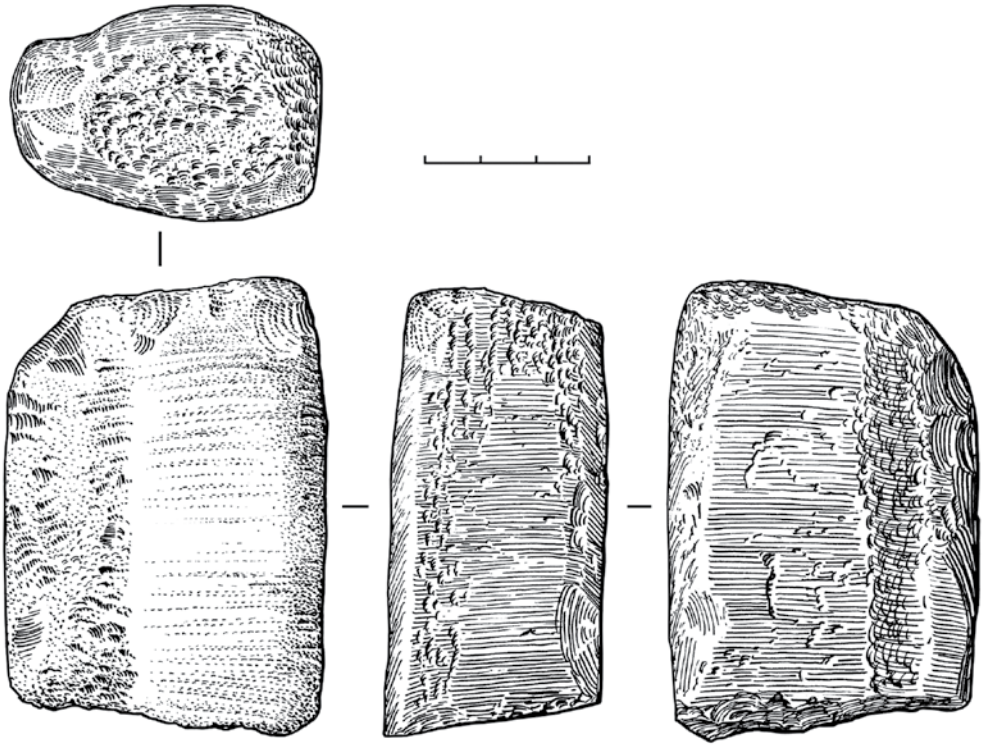

Табл. 30. Абразив

Важными в плане датировки являются миниатюрные зеркала с короткой боковой ручкой из цветного металла, относящиеся к разновидности «медалевидных». Зеркало из кургана №80 представляет собой округлый и плоский диск с короткой боковой ручкой, в которой имеется овальное отверстие размерами 1,45×0,95 см. Сохранность предмета удовлетворительная, поверхность покрыта окислами и местами патиной. Вес находки 72 г. Диаметр диска 6,9–7,1 см, толщина 0,2–0,3 см (табл. 31.-*1*). Находка относится к пазырыкской культуре, датируется в пределах V–IV вв. до н.э. и хранится в МАЭА АГУ (колл. №587/1) [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 39, 73].

Второе зеркало происходит из кургана №94 (табл. 31.-*2*). Оно представляет собой округлый и плоский диск с короткой боковой ручкой, в которой имеется отверстие, закрытое сохранившимся фрагментом кожаного ремешка для подвешивания. Сохранность предмета удовлетворительная, вся поверхность покрыта окислами. Вес находки 36 г. Диаметр диска 5–5,35 см, толщина 0,15–0,25 см. Длина ручки 1,5 см, ширина от 1,75 до 1,95 см. Находка была опубликована [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, Матренин, 2006, рис. 2.-3], отнесена к пазырыкской культуре, датируется в пределах V–IV вв. до н.э. и хранится в МАЭА АГУ (колл. №587/2) [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 40, 73].

Зеркала с короткой боковой ручкой известны на Алтае уже в комплексах конца VI – начала V в. до н.э., но отличаются большими размерами. Для сравнения следует привести относительно ранние образцы из курганов №2 и 14 могильника Тыткескень-VI с диаметром 8,5–8,75 и 7,4 см, соответственно [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 15.-1; 50.-4; Тишкин, Серегин, 2011а, с. 32]. Зеркало из кургана №80 аналогично изделиям из курганов №14 и 25 могильника Тыткескень-VI и относится,

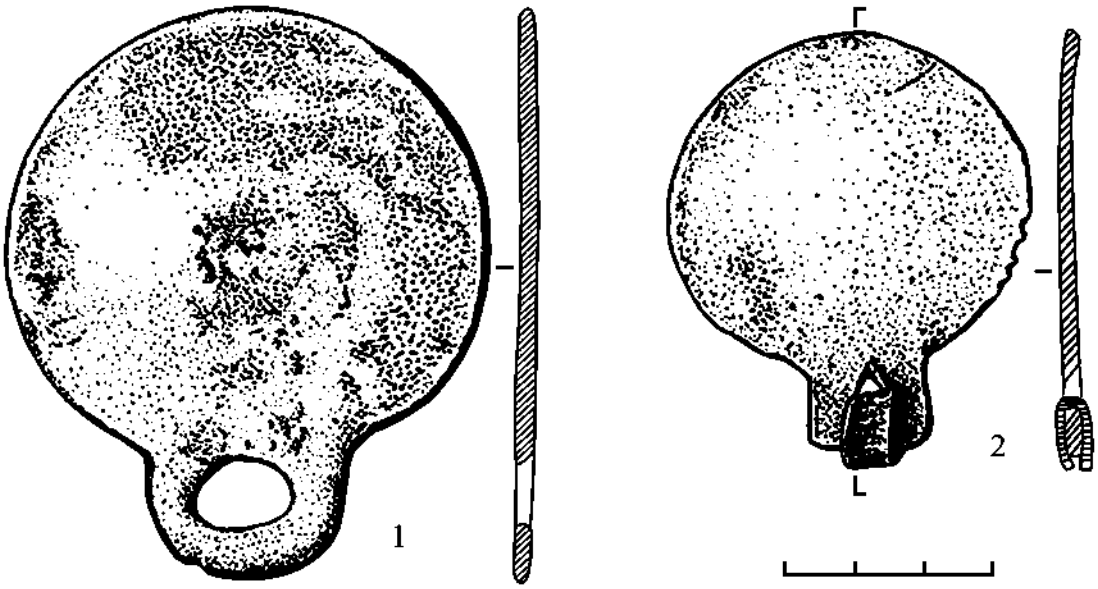

Табл. 31. Металлические зеркала

скорее всего, к V – началу IV в. до н.э., а зеркало из кургана №94, сопоставимое с находками из курганов №23 и 24 данного некрополя, является более поздним (IV в. до н.э.) [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 15.-1; 18.-3; 19.-1; 20.-4; с. 106].

Среди бытовых предметов нужно упомянуть фрагмент венчика бронзового котла (рис. 87.-1), зафиксированного при раскопках культурного слоя периода поздней древности на поселении Тыткескень-VI (первый (верхний) горизонт, кв. 61–62; 125–126). Его принадлежность к пазырыкской культуре может быть в определенной мере подкрепляться результатами рентгенофлюоресцентного анализа металлического сплава. С помощью спектрометра тестировался участок слома без удаления поверхностных загрязнений. Получены следующие результаты: Cu (медь) – 77,81%; As (мышьяк) – 7,71%; Fe (железо) – 7,32%; Pb (свинец) – 4,04%; Bi (висмут) – 1,26%; Sn (олово) – 0,91%; Sb (сурьма) – 0,79%; Mn (марганец) – 0,08%; Ni (никель) – 0,08%. Кроме этого, исследовалась внутренняя сторона находки, где механическим путем были частично удалены окислы. Зафиксированы такие показатели: Cu – 94,09%; As – 2,89%; Fe – 1,68%; Pb – 0,72%; Sn – 0,42%; Bi – 0,14%; Ni – 0,06%. Эти данные указывают, что котел был медный. Имеющийся перечень других элементов отражает набор рудных примесей, характерный для изделий пазырыкской культуры, которые изготовлены из цветных металлов. Однако высказанное предположение требует более обоснованных доказательств, в том числе при сравнительном анализе других результатов рентгенофлюоресцентных определений.

В насыпи кургана №80 найден обломок каменной чашечки («курильницы») округлой формы без ножек (табл. 32, рис. 19.-*8*), похожей на те, что входили в сопроводительный инвентарь курганов №2 и 27, ранее раскопанных на памятнике Тыткескень-VI. Такие предметы имеют аналогии за пределами Алтая. Особенно они распространены в материалах каменской и староалейской культур Верхнего Приобья и датируются в широких хронологических рамках: от VI до II в. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XIII.-11, 12, 18, 21; XV.-19; XXXVI.-13; XLII.-13;

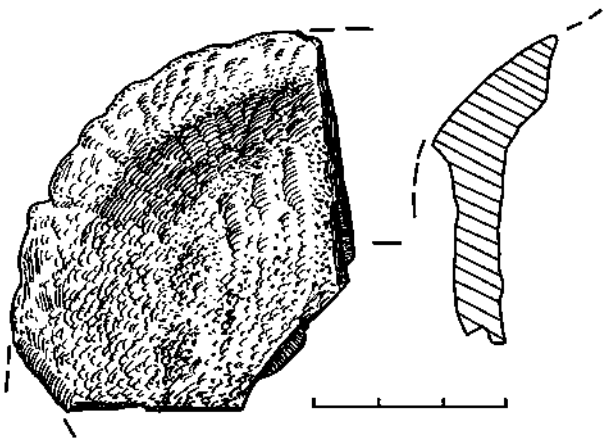

Табл. 32. Обломок каменной «курильницы»

XLVI.-11; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 80–81; Фролов, 2008, рис. 86.-8, 12; 91.-12; 96.-26, 27; 103.-1; 141.-26; 152; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 126.-4, 10, 12; 127.-4, 8, 15, 18; и др.].

Наиболее многочисленную и разнообразную категорию изделий бытового назначения составляет *керамическая посуда*. В 12 курганах, которые исследовались в 2006 г., сохранилось 15 глиняных емкостей, представленных целыми и археологически реконструированными изделиями (табл. 33). Умершему человеку, как правило, ставили по одному сосуду в северной половине могилы (в основном рядом с головой, реже напротив груди). Вся посуда сделана ручным способом, вероятно, из местного сырья с использованием в виде отощителя песка и дресвы.

В качестве образца для системного описания глиняной посуды применялась классификационная схема, основанная на выделении кухонных и столовых сосудов, группируемых на плоскодонные и круглодонные изделия, типы которых определялись по сочетанию наиболее изменчивых признаков: высота венчика, диметр тулова и высота сосуда [Степанова, 1998; 2000, с. 18; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 91–94; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 25–33]. Дополнительные декоративные элементы (тип орнаментации, росписи, налепные «ушки» и валики) рассматривались на уровне характеристики вариантов выделяемых типов изделий.

Важно понимать, что хронологическая интерпретация керамических материалов является более чем условной и может быть выполнена главным образом исходя из показателя частоты встречаемости конкретных типов в закрытых комплексах с установленной датой. Поскольку такая работа уже частично проделана, а ее результаты в определенном объеме введены в научный оборот, считаем целесообразным ограничиться следующими выкладками.

Кухонная посуда представлена горшками и корчагами. Горшки относятся к двум типам.

Первый тип – с раздутым округлым туловом (диаметр больше высоты) с невысоким прямым венчиком и парой налепных «ушек» из не сомкнутого в кольцо жгута, наложенного длинной стороной вокруг отверстий на венчике. Найдены два таких горшка хорошей сохранности (табл. 33.-*1, 2*, рис. 33-*8*, 60.-*2*). Изделие из кургана №84 имеет диаметр венчика 10,2–10,6 см, тулова – 11,7 см, дна – 8,5 см, высоту – 10,6 см. Сосуд из кургана №89 высотой 13,8 см с диаметром венчика, тулова и дна, соответственно, 12–12,6; 14,6–14,8 и 9,4 см. Оба сосуда тонкостенные (толщина до 0,5 см) из хорошо отмученного плотного теста. Внешняя и внутренняя поверхность заглажена и имеет светло-коричневую окраску. У горшка из кургана №89 прослеживаются темные пятна, полученные в процессе обжига. На памятнике Тыткескень-VI посуда данного типа найдена впервые. В пазырыкских погребениях такие горшки встречаются редко и датируются преимущественно V–IV вв. до н.э. Чаще их обнаруживают в памятниках скифо-сакского времени Алтайской лесостепи [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 36].

Второй тип – с раздутым округлым туловом с невысоким слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментированный треугольными вдавлениями. Сосуд зафиксирован в обломках при разборке насыпи кургана №94 (табл. 33.-*3*). Реконструируются следующие параметры изделия. Диаметр венчика составляет 15,2 см, диаметр тулова – 18 см, дна – 10,4 см. Предполагаемая высота горшка – 15,6 см. Внешняя и внутренняя поверхность имеет светло-коричневый цвет. Структура теста рыхлая, слоистая. Толщина стенок колеблется в пределах 0,9–1 см. Подобные по форме и хорошо сохранившиеся горшки происходят из погребения в кургане №3 могильника Айрыдаш-III, а также из насыпи Второго Башадарского кургана [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 3.-1; 10.-2]. Орнаментация напоминает собой керамику «поселенческого» типа [Кирюшин, Кунгуров, 1994, рис. 9.-5, 8; Кунгуров, 1994, рис. 7.-7, 10; Шульга, 1998, рис. 7.-3, 5–7; 8.-5, 8, 9, 11; 2015; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 11.-2, 3]. Похожая посуда часто встречается в памятниках скифо-сакского времени Верхнего Приобья [Троицкая, Бо-

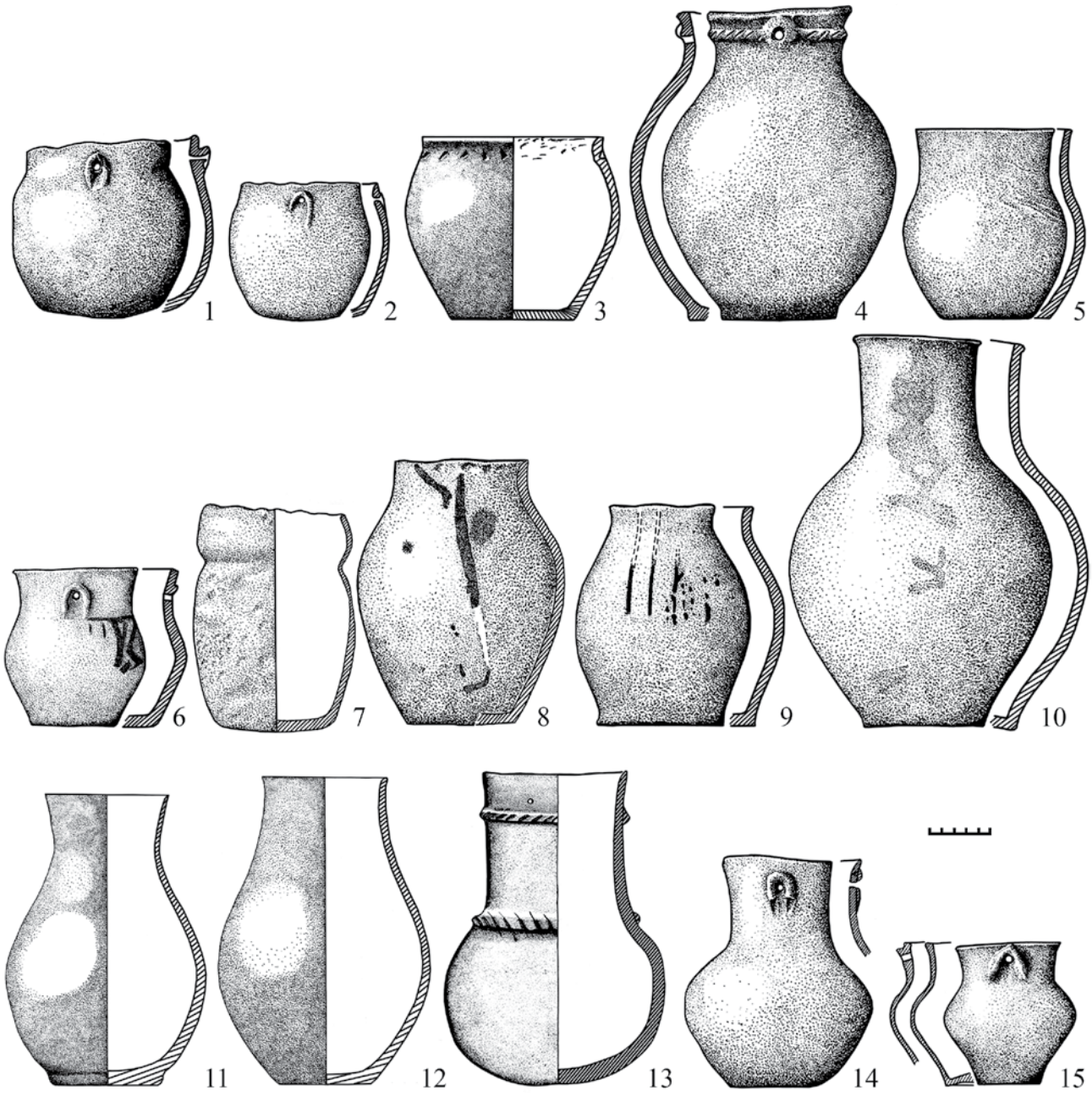

Табл. 33. Керамическая посуда

родовский, 1994, табл. XXII.-21; XXVI.-21; XXXIX.-9, 13; XLIX.-27; L.-11; Фролов, 2008, рис. 76.-21, 22, 25; 110.-2, 23, 28; 134.-28; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 8.-3; 13.-1, 9; 17.-5; 33.-5; 72.-7; 102.-4; и др.].

Корчага представлена одним типом – с сильно раздутым туловом, низким прямым венчиком, украшенным налепным валиком с рассечением и парой налепных «ушек» из сомкнутого в кольцо жгута, наложенного длинной стороной вокруг отверстий на горловине. Диаметр венчика составляет 12,2 см, диаметр тулова – 19,8–20,5 см, диаметр дна – 9,6 см, высота сосуда – 24,5–25 см. Внешняя и внутренняя поверхность изделия светло-коричневого цвета с обширными черными пятнами на тулове. Тесто плотное. Сохранность сосуда хорошая. Емкость происходит из погребальной камеры кургана №94 (табл. 33.-*4*; рис. 77.-*3*, 78.-*1*). Аналогичная корчага найдена на могильнике Тыткескень-VI в кургане №7, который относится к V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 26.-12].

Кринки включают один тип – приземистые сосуды с относительно высокой шейкой и прямым венчиком большого диаметра. Они классифицируются на два варианта.

Вариант *а* – без орнамента и «ушек». Фрагментированный сосуд плохой сохранности найден в кургане №81 (табл. 33.-*5*, рис. 24.-*4*). Диаметр венчика составляет 11,3 см, тулова – 13,3 см, дна – 8–8,5 см. Высота – 16 см. Изделие толстостенное (до 0,7–0,9 см), фрагментированное, сделанное из плохо отмученного теста. Внешняя и внутренняя поверхность имеет темно-коричневую окраску с черными пятнами от обжига.

Вариант *б* – с расписным орнаментом и парой налепных «ушек» из не сомкнутого в кольцо жгута, наложенного длинной стороной вокруг отверстий на венчике. Фрагментированный сосуд удовлетворительной сохранности обнаружен в кургане №82 (табл. 33.-*6*, рис. 33.-*1*). Узор представлен дуговидно изогнутыми линиями, выполненными краской темно-коричневого цвета. Окружности венчика, тулова и дна имеют диаметр 10,1; 10,3 и 7 см, соответственно. Высота сосуда 12,7 см. Изделие светло-коричневое, толстостенное (толщина 0,7 см), из плохо отмученного теста. Внешняя и внутренняя поверхность заглажены.

Кринки на Алтае использовались с конца VI в. и бытовали до конца существования пазырыкской культуры. Близкие по формам сосуды, но с более низким горлом происходят из могильников Кайнду (курганы №2, 5, 7), Верх-Еланда-II (курганы №2, 4), Барбургазы-I (курганы №14, 17, 21), Юстыд-I (курган №10), Юстыд-XII (курган №11), Кызыл-Джар-I (курган №3), Кызыл-Джар-V (курган №1) (обзор по: [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 29, рис. 5.-1–3, 6, 7]).

Кринкообразные изделия подразделяются на два типа.

Первый тип – приземистый сосуд с низкой шейкой и прямым венчиком, отделенным от тулова небольшим сужением-«перехватом». Такой экземпляр обнаружен в кургане №93 (табл. 33.-*7*, рис. 72.-*2*). Диаметры венчика, тулова и дна варьируют в незначительных пределах: 10,7; 10,6; 8,2–8,5 см. Высота сосуда 15,8–16,2 см. Тесто плохого качества. Изделие тонкостенное (0,4–0,6 см), светло-коричневого цвета (местами с рыжими пятнами), с разрушенным наполовину туловом и волнистым венчиком. Сосуд выполнен небрежно. Общая сохранность предмета плохая. Аналогичные изделия в пазырыкской культуре Алтая авторам пока не известны.

Второй тип – приземистые плавно профилированные сосуды с широким низким горлышком, диаметр которого заметно меньше диаметра тулова. Венчик прямой или слегка отогнутый. Выделяется несколько вариантов.

Вариант *а* – без орнамента. Фрагментированный сосуд удовлетворительной сохранности найден в кургане №80 (табл. 33.-*8*, рис. 19.-*7*). Диаметр венчика 10,1–10,6 см, тулова 16,9 см, дна 8,4–8,6 см. Высота 19,3–20,7 см. Изделие светло-коричневого цвета из плохо отмученного теста с толщиной стенок до 0,7 см. Внешняя и внутренняя поверхность корпуса хорошо заглажены.

Вариант *б* – с расписным орнаментом в виде вертикальных линий, выполненных коричневой краской. Такой сосуд происходит из кургана №89 (табл. 33.-*9*). Диаметр венчика составляет 8,6 см, тулова – 15 см, дна – 10,5 см. В высоту сосуд достигает 17,6 см. Изделие выполнено из плохо отмученного теста светло-коричневого (местами рыжеватого) цвета. Толщина стенок до 0,5–0,7 см. На внешней поверхности имеются следы небрежного вертикального лощения и фиксируются несколько вертикальных полос, выполненных темно-коричневой краской. Сохранность сосуда удовлетворительная.

Близкая по оформлению кринкообразная посуда неоднократно встречалась на могильнике Тыткескень-VI (курганы №2, 13, 18, 23, 27, 48/2, 72) [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 92–93, рис. 11.-1; 16.-3; 18.-2; 24.-8; 26.-9; 30.-3; 34.-2; 50.-1; 51.-4]. Они найдены также на других ближайших и отдаленных памятниках: Бике-I (курган №2), Ороктой-Эке (курган №23), Верх-Еланда-II (курганы №9, №12), Айрыдаш-IV (курган №17), Чоба-VI (курган №3), Кок-Эдиган (курган №2), Ело-2 (курган №3), Малталу-IV (курган №14), Юстыд-I (курган №7) и др. (обзор по: [Кирюшин,

Степанова, 2004, рис. 4.-1–8. 13, 14]). Похожие сосуды были в обиходе у населения быстрянской и каменской культур, а также у кочевников Тувы, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана. Датируются они с конца VI по II в. до н.э. В Северном Алтае большинство аналогий принадлежит к V в. до н.э.

Столовая посуда представлена кувшинами и кувшиновидными сосудами нескольких типов.

Кувшины включают один тип – узкогорлый сосуд с низкой шейкой, прямым венчиком, узким дном. Такой сосуд найден в кургане №92 (табл. 33.-*10*, рис. 69.-*2*). Диаметр венчика 8,4–8,7 см, диаметр тулова 18,1–18,5 см, диаметр дна 8,2 см. Высота 27 см. На одном боку сосуда, на горловине и плечике прослеживается размытый расписной орнамент серого цвета в виде волнистой линии вертикальной направленности. На другой стороне сосуда в области тулова имеется обширное серое пятно округлой формы. Изделие, светло-коричневого цвета и толщиной стенок 0,6–0,8 см, имеет хорошую сохранность. Кувшины – это самая популярная разновидность глиняной посуды носителей пазырыкской культуры. Однако на могильнике Тыткескень-VI в количественном отношении их меньше, что является общей чертой погребальной практики населения Северного Алтая конца VI – III в. до н.э. Кувшины, подобные экземпляру из кургана №92, зафиксированы в погребальных комплексах V–III вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 34].

Кувшиновидные изделия представлены тремя типами.

Первый тип – высокие сосуды с высокой широкой шейкой и отогнутым венчиком. Диаметр венчика составляет 10–10,5 см, диаметр тулова – 17 см, диаметр дна – 7,6–8 см. Высота сосудов – около 25 см. С такими показателями найдены два керамических сосуда в курганах №90 и 91. Они светло-коричневого цвета, с многочисленными повреждениями корпуса из очень плохо отмученного теста, с большой концентрацией грубо колотого камня и песка. Толщина стенок колеблется в пределах 0,5–0,6 (курган №91) и 0,8–0,9 см (курган №90). Изделия реконструированы по сохранившимся обломкам плохой сохранности (табл. 33.-*11, 12*). Сосуды такого типа аналогичны находкам из курганов №24, 47 и 73 могильника Тыткескень-VI, датирующихся V в. до н.э. и V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, табл. 8.-2, 3, 6, с. 107].

Второй тип – высокий сосуд с широким горлом, прямым венчиком и шаровидным туловом, переходящим в круглое дно. Такое кувшиновидное изделие встречено в кургане №88 (табл. 33.-*13*, рис. 52.-*5*, 78.-*2*). Оно орнаментировано двумя рассеченными налепными валиками горизонтальной направленности: в верхней и нижней части шейки. На одной стороне горлышка имеется небольшое сквозное отверстие. Диаметр венчика 11,5 см, диаметр тулова 16,5 см, высота сосуда 25 см. Толщина стенок 0,6–0,8 см. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета с темно-серой и черной шейкой. У изделия повреждены венчик и «верхний» валик. В остальном же его сохранность хорошая. Сосуд не имеет подобий среди тыткескенской глиняной посуды. В пазырыкской культуре похожее изделие обнаружено в кургане №2 могильника Арагол V–IV вв. до н.э. [Суразаков, 1989, рис. 28.-4]. Кувшиновидная посуда с сильно раздутым округлым туловом и плоским дном, близкая рассматриваемым экземплярам, имеется в могильниках Уландрык-I (курган №9), Катонский (курганы №5, 14), Шибе, во Втором Башадарском кургане [Суразаков, 1989, рис. 28.-3, 5, 6; 47.-17; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 7.-10]. Круглодонная кувшиновидная посуда встречается в культурах скифо-сакского времени Верхнего Приобья и Тувы [Завитухина, 1966, рис. 5.-2, 6, 7; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXVI.-36; XXXIX.-1, 3, 5, 10, 20; XL.-5; XLII.-14; XLVII.-9, 11, 18; Семенов, 2003, табл. 70.-1; 103.-1; Фролов, 2008, рис. 76.-23; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 14.-2; 51.-7; 55.-16; 62.-7; 77.-10; 80.-9; 82.-10; 100.-7].

Третий тип – приземистые сосуды с высоким широким горлом, резко профилированным раздутым туловом, прямым или слегка отогнутым венчиком. Снабжены парой налепных «ушек» из не сомкнутого в кольцо жгута, наложенного длинной стороной

вокруг отверстий на венчике. Найдены два таких изделия из плотно отмученного теста светло-коричневого цвета с толщиной стенок 0,5–0,8 см. Сохранность посуды хорошая, с несущественными повреждениями венчика. Кувшиновидный сосуд из кургана №89 имеет диаметр венчика 9–9,3 см, диаметр тулова – 14,6–14,8 см, диаметр дна – 7,5 см. Его высота 16,6–17 см (табл. 33.-*14*, рис. 60.-*1*, 78.-*4*). Изделие из кургана №92 характеризуется следующими параметрами: диаметр венчика 8,4–8,6 см, диаметр тулова 10,5 см, диаметр дна 5,4 см, высота 9,8 см (табл. 33.-*15*, рис. 69.-*3*, 78.-*6*). На поверхности одного бока в области тулова обширное темно-серое пятно округлой формы. Для устойчивости дно емкости утолщено. Сосуды этого типа имеют наибольшее сходство с керамикой из кургана №29 могильника Тыткескень-VI и кургана №19 некрополя Малталу-IV. Датируются они V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 94, рис. 28.-1; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 8.-8].

Рассмотренная коллекция керамической посуды из курганов пазырыкской культуры, раскопанных в 2006 г., представлена в основном уже известными типами глиняной посуды. В заключение характеристики керамического комплекса стоит обратиться к давно актуальному вопросу о культурно-хронологической атрибуции обломков керамической посуды из насыпей курганов. Благодаря наблюдениям многих специалистов в настоящий момент общепризнан вывод, что керамика из надмогильных сооружений пазырыкской культуры имеет значительное сходство с керамикой из ритуальных объектов и культурных слоев поселений Алтая периода поздней древности [Шульга, 1992, 1996, 1998; Степанова, 1994; Абдулганеев, 1998; Марсадолов, 2003; Тишкин, 2005; Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 120–124]. Однако в силу объективных и субъективных причин по-прежнему не обоснованы надежные критерии дифференциации таких находок в рамках традиций «гончарства» бийкенской, пазырыкской и булан-кобинской культур. Это обстоятельство не позволяет однозначно отличить фрагментированные сосуды пазырыкского времени среди обширного керамического материала, полученного при исследовании поселения Тыткескень-VI, а также насыпей и околокурганного пространства некоторых курганов аржано-майэмирского периода (рис. 38, 39.-*6*, 40, 41, 42.-*4–9*, 84.-*9–15, 17*. 85.-*1–3, 5–8*, 86.-*2–21*). По всей видимости, для этого нужна отдельная и кропотливая работа.

Зафиксированные аналогии разным категориям сопроводительного инвентаря дают основания датировать курганы, исследованные в 2006 г. на могильнике Тыткескень-VI, в целом датировать 2-й половиной VI – 3-й четвертью IV в. до н.э. Кроме этого, можно выделить среди них две разновременные группы, соответствующие башадарскому (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.) и кызыл-джарскому (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.) этапам пазырыкской культуры [Тишкин, 2006; 2007а, с. 150–151; Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 160]. Определенно к раннему этапу относятся курганы №82 и 93. Курганы №80, 81, 83, 84, 88–92 и 94 содержат предметы, существовавшие в широких рамках, но более всего характерные для 2-й половины V – IV в. до н.э. Более поздние комплексы пазырыкского времени не выявлены.

С учетом всех известных на сегодняшний день археологических источников предметный комплекс 2-й половины VI – 1-й половины V в. до н.э. могильника Тыткескень-VI (курганы №2, 4, 13, 14, 18, 27, 33, 43, 54, 82, 93) характеризуется следующим образом. Прежде всего нужно отметить комплект конского снаряжения раннего типа из кургана №27: удила с кольчатыми окончаниями, вертикальные с изогнутыми концами двудырчатые псалии, распределители ремней с округлым корпусом и четырьмя боковыми отверстиями, уздечные пронизи, бляха в виде головы хищной птицы, подпружные пряжки с Г-образным шпеньком, костяная В-образная пронизь, роговой каплевидный блок и др. (табл. 34.-*1–9*). Хронологически показательными следует считать украшения и детали костюма, к которым относятся сердоликовые бусы шаровидной и бочонковидной формы с двусторонним сверлением (курганы №2, 14, 18, 27, 33, 54), сердоликовые и нефритовые бусы ромбовидной (табл. 34.-*31, 33*) и прямоугольной (табл. 34.-*30, 32*) формы с диагональным сверлением (курганы №2, 14, 18, 27, 33,

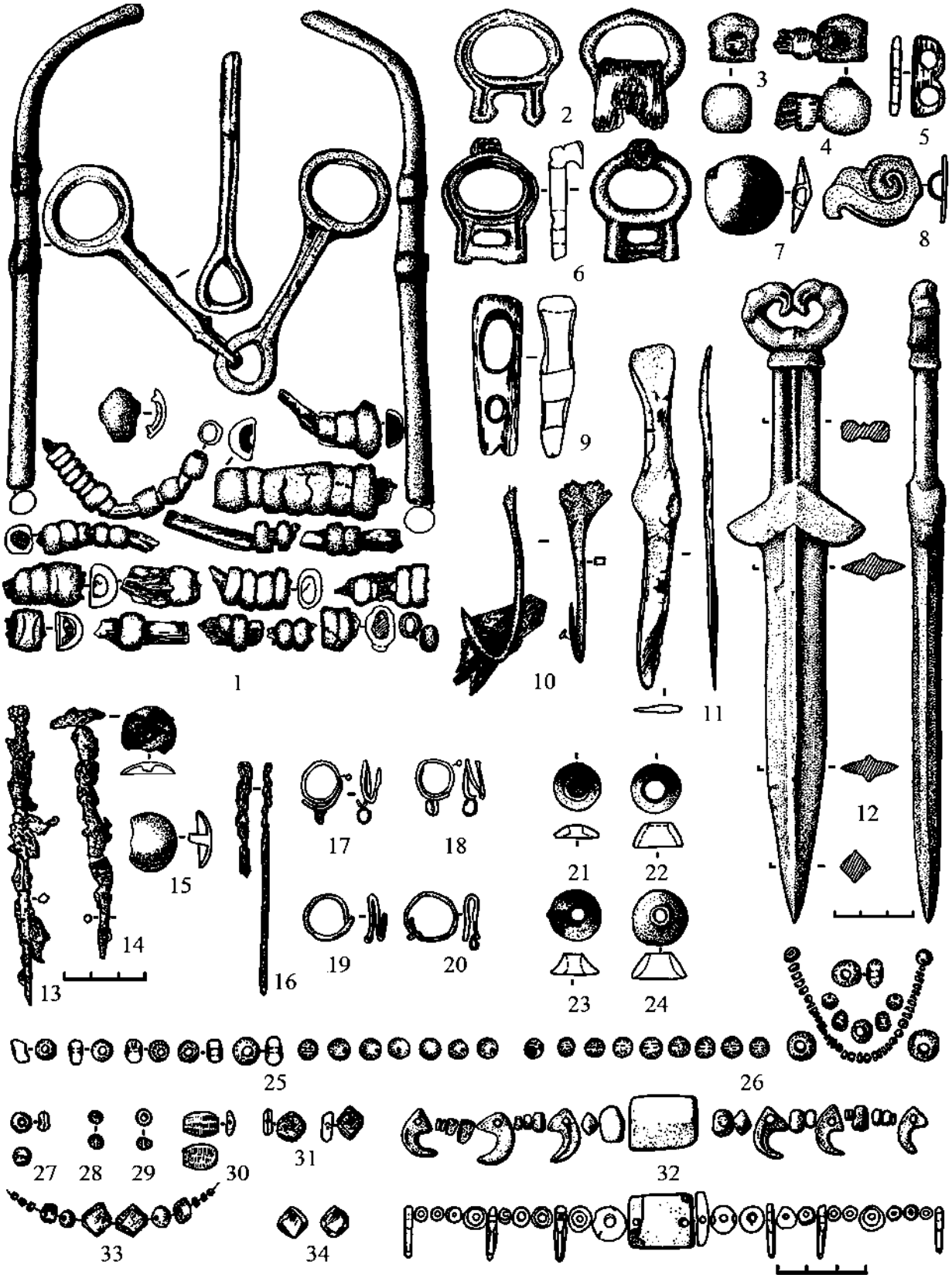

Табл. 34. Снаряжение верхового коня, предметы вооружения и украшения из курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.): *1 – 9, 17, 18, 24, 27* – курган №27; *10* – курган №43; *11, 15* – курган №13; *12, 21, 22, 23* – курган №4; *13, 33* – курган №2; *14, 19, 20, 25, 31* – курган №14; *26, 34* – курган №18; *28* – курган №54; *29, 30* – курган №82; *32* – курган №33 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б]) (*1–4, 7, 8, 10–12, 15, 21–24* – бронза*; 5, 9* – кость; *13* – железо; *14* – железо и бронза; *16–20* – золото; *25–29* – стекло; *30–32, 34* – камень; *33* – стекло, камень)

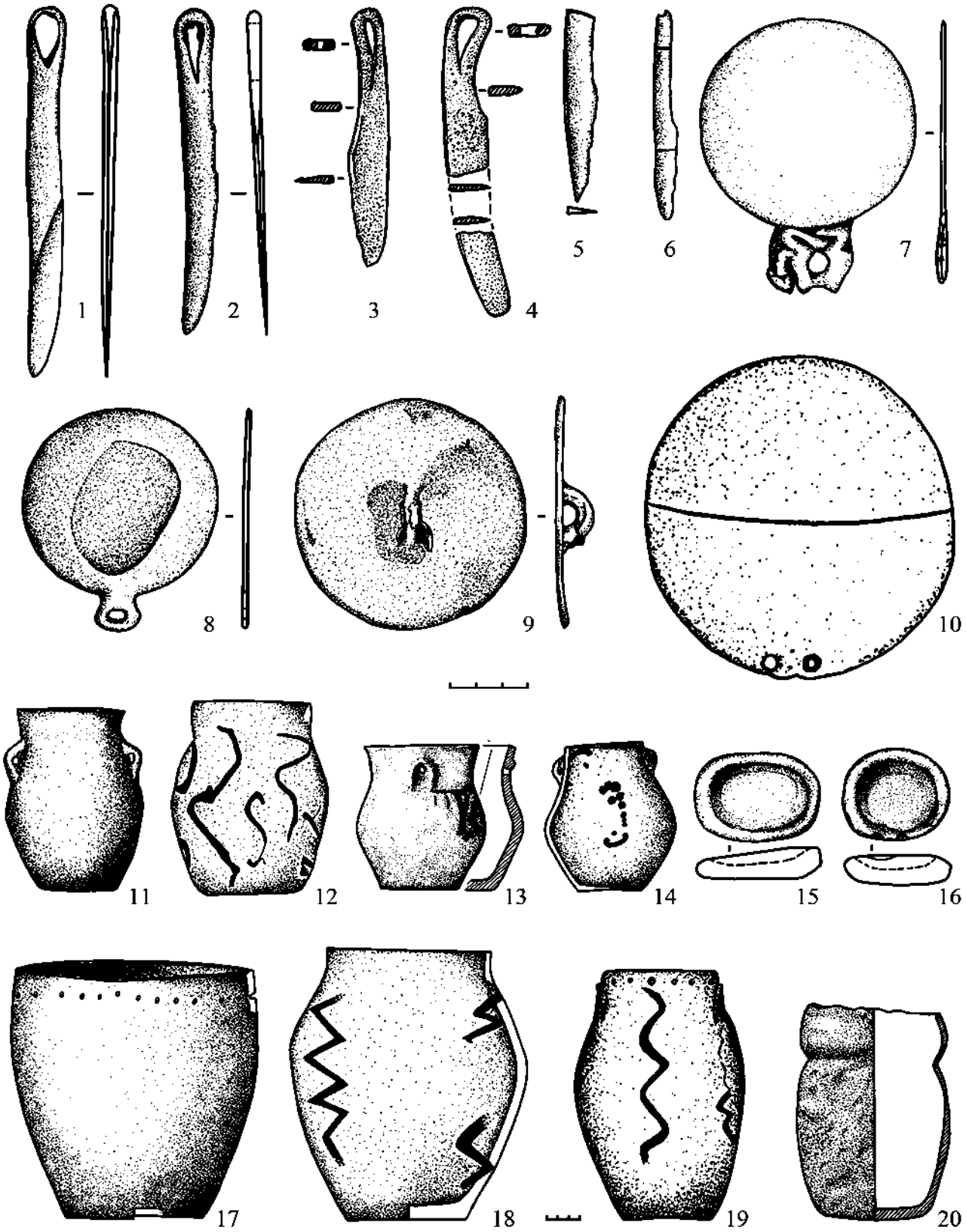

Табл. 35. Орудия труда и предметы быта из курганов пазырыкской культуры (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.): *1, 10, 11, 16* – курган №27; *2* – курган №43; *3, 13* – курган №82; *4, 20* – курган №93; *5, 7, 14, 15* – курган №2; *6, 19* – курган №54; *8, 17* – курган №14; *9, 18* – курган №18; *12* – курган №13 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б]) (*1–10* – бронза; *11–14, 17–20* – керамика; *15, 16* – камень)

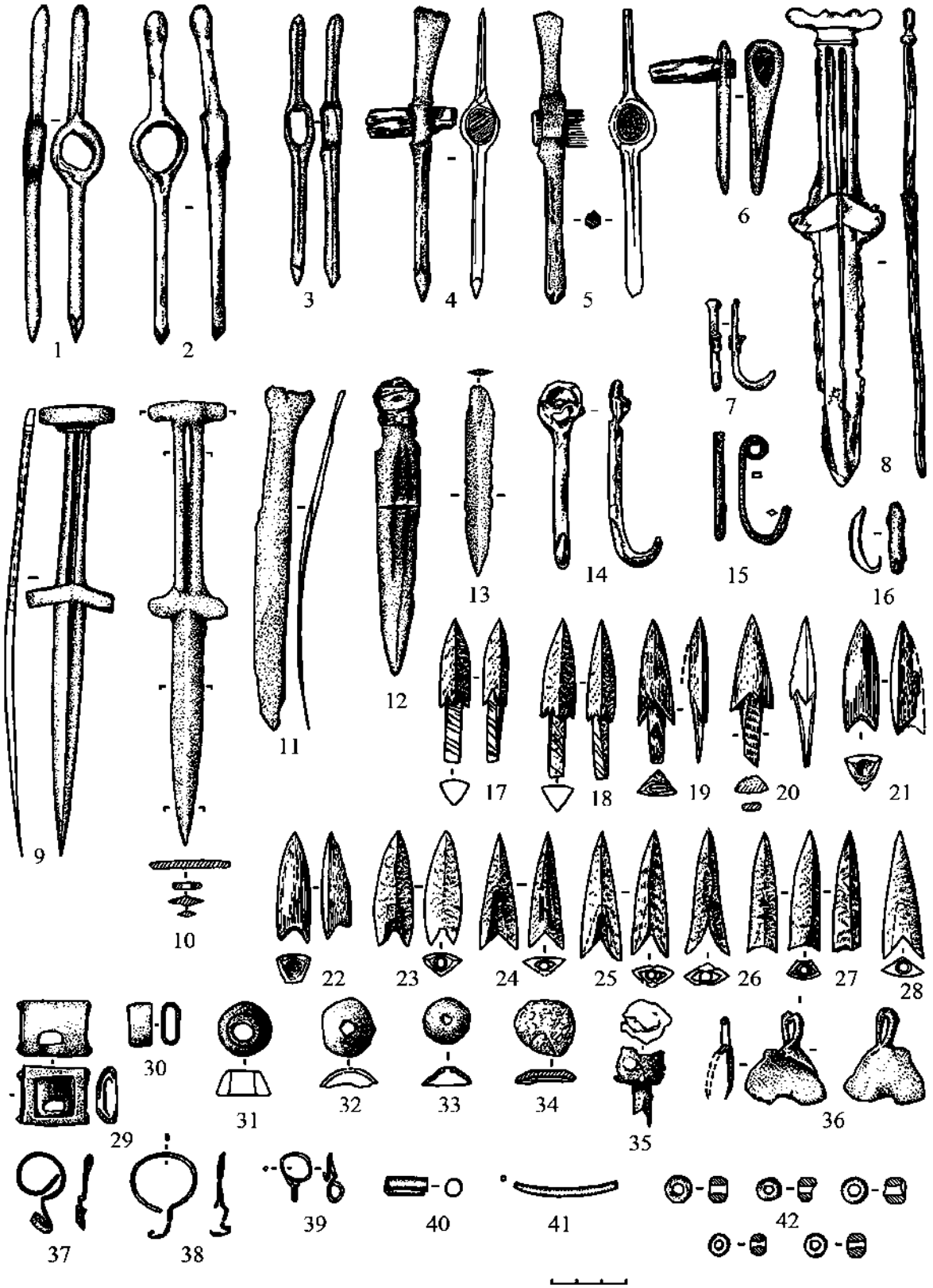

Табл. 36. Оружие, предметы костюма и украшения из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.): *1, 9, 32, 40* – курган №6; *2, 8, 14* – курган №11; *3, 12* – курган №29; *4, 16, 31* – курган №72; *5, 19, 21, 22* – курган №88; *6, 11* – курган №71; *7* – курган №16; *10, 20, 29, 30, 33, 36* – курган №89; *13, 34* – курган №84; *15* – курган №48/1; *17, 18* – курган №28; *23 – 28* – курган №47; *35* – курган №31; *37* – курган №25; *38* – курган №94; *39* – курган №91; *41* – курган №29; *42* – курган №80 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б]) (*1–18, 29–33, 36, 37, 39–41* – бронза; *19–28* – кость; *34, 35* – железо; *38* – серебро; *42* – стекло)

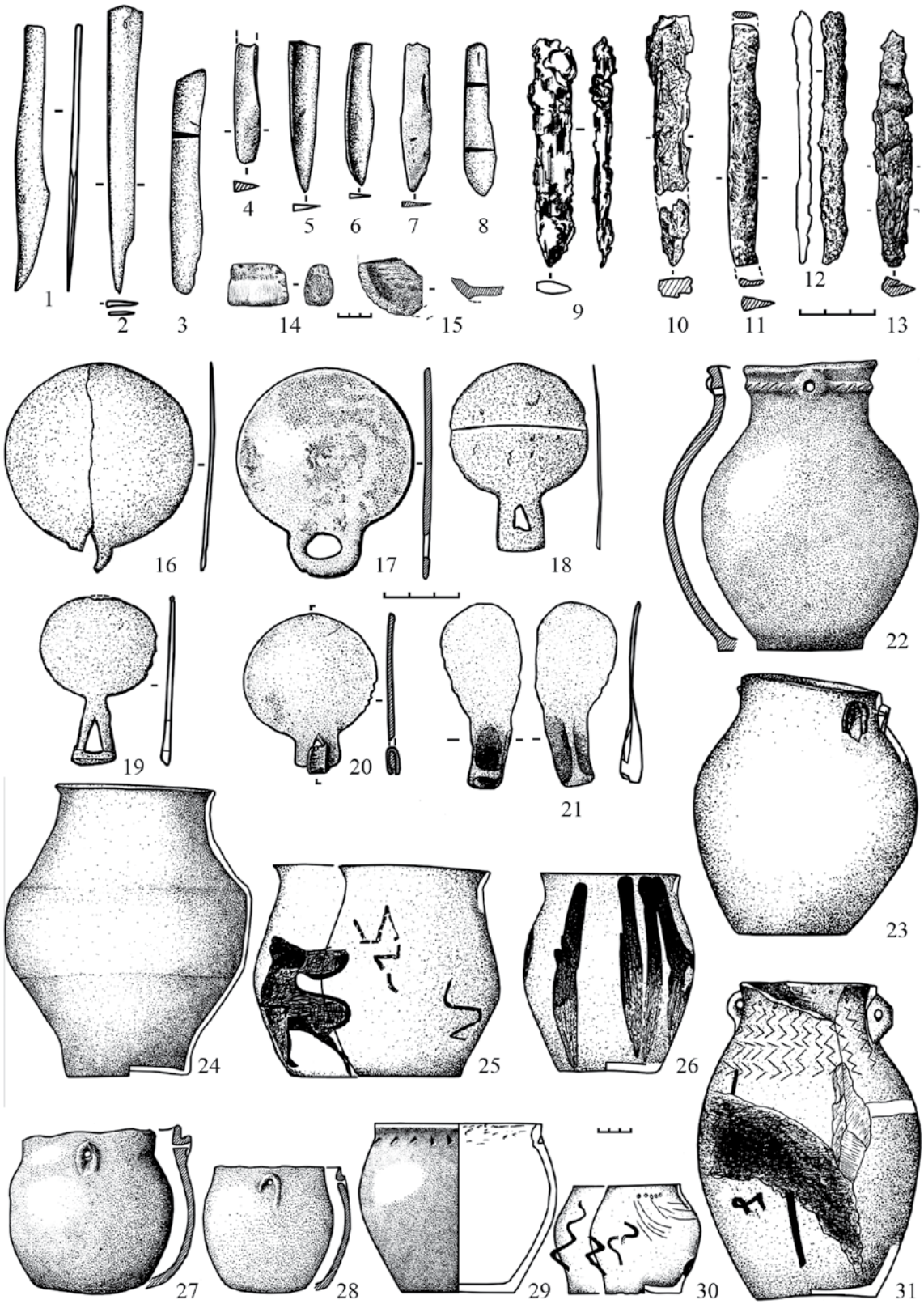

Табл. 37. Орудия труда и предметы быта из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.): *1* – курган №48/1; *2, 16* – курган №25/1; *3, 26* – курган №71; *4, 27* – курган №89; *5, 23* – курган №7; *6* – курган №6; *7* – курган №83; *8* – курган №28; *9* – курган №12; *10, 31* – курган №47; *11* – курган №90; *12, 19, 21* – курган №24; *13* – курган №94; *14, 15, 17* – курган №80; *18* – курган №23; *20, 22, 29* – курган №94; *24* – курган №11; *25* – курган №19; *28* – курган №84; *30* – курган №3 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б]) (*1–8, 16–21* – бронза; *9–13* – железо; *14, 15* – камень; *22–31* – керамика)

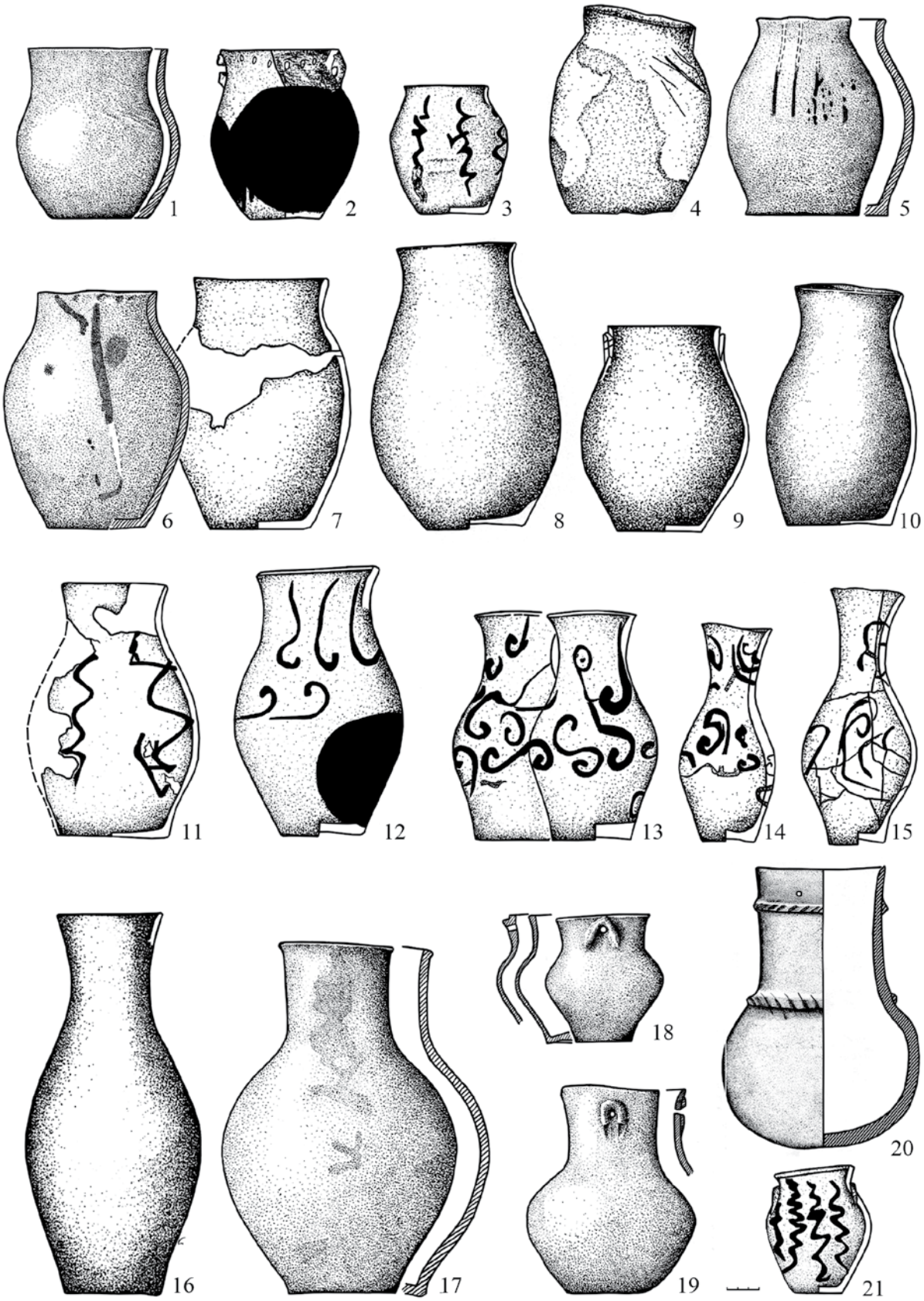

Табл. 38. Керамический комплекс из курганов пазырыкской культуры (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.): *1* – курган №81; *2, 12* – курган №47; *3* – курган №21; *4* – курган №72; *5, 19* – курган №89; *6* – курган №80; *7* – курган №6; *8* – курган №21; *9* – курган №8; *10* – курган №42; *11* – курган №24; *13* – курган №12; *14, 15* – курган №73; *16* – курган №62; *17, 18* – курган №92; *20* – курган №88; *21* – курган №48/2 (по: [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011б])

54, 82), плоские дисковидные бусы из магнезита или барита (курган №18), подвески в виде имитаций костей медведя (табл. 34.-*32*) (курган №33), стеклянные шаровидные бусы (курганы №2, 14, 18, 33, 82), золотые восьмерковидные серьги (табл. 34.-*17–20*) с отдельно изготовленным и припаянным нижним кольцом (курганы №14, 27), железные булавки с шаровидной полой (курганы №2, 33) или цельной (курган №27) головкой (табл. 34.-*13*), обложенной золотым листком или с полусферической бронзовой шляпкой (табл. 34.-*14*) (курган №14). Важными в плане датировки являются сравнительно большие по размерам зеркала (диаметр диска 7,2–12,5 см) без ручки и с отверстиями на краю диска (табл. 35.-*10*) (курган №27), с центральной петлей (табл. 35.-*9*) (курган №18), с короткой боковой ручкой в виде лежащего двугорбого верблюда (табл. 35.-*7*) (курган №2) и в виде обычной овальной петли (табл. 35.-*8*) (курган №14). Следует также назвать показательные бронзовые ножи с прямой спинкой и петлевидным окончанием рукояти (табл. 35.-*1–4*) длиной 8,8–14,2 см (курганы №27, 43, 82, 93). Среди предметов вооружения имеется полноразмерный бронзовый кинжал с навершием в виде обращенных друг к другу голов грифонов (табл. 34.-*12*) (курган №4). Другие изделия (в особенности керамическая посуда) из погребений данной хронологической группы бытуют в широком диапазоне с конца VI по IV в. до н.э. включительно.

Вещевой набор 2-й половины V – 3-й четверти IV в. до н.э. (курганы №6, 7, 9, 11, 12, 16, 19, 21, 23, 24, 25, 28, 29, 31, 42, 44, 47, 48, 71, 72, 80, 84, 88–92, 94) отличается такими показателями (табл. 36–38): прежде всего это присутствие среди предметов вооружения уменьшенных бронзовых чеканов (табл. 36.-*1–5*) (курганы №6, 11, 29, 72, 88) и кинжалов (табл. 36.-*8–13*) (курганы №6, 11, 29, 71, 84, 89), костяных удлиненно-треугольных шипастых наконечников стрел небольшой длины (до 5,5 см) с трехгранным и подромбическим пером с черешковым и втульчатым насадом (табл. 36.-*17–28*) (курганы №3, 9, 28, 88, 89), а также разнообразных по конструкции бронзовых колчанных крюков (табл. 36.-*7, 14–16*) (курганы №11, 16, 48, 72, 89). Комплекс украшений и деталей костюма включает такие вещи, как восьмерковидные серьги с цельно изготовленным нижним кольцом (табл. 36.-*37, 38, 39*) (курганы №25, 91, 94), железную булавку с шаровидной полой головкой (табл. 36.-*35*) (курган №31), бронзовую поясную бляху с отверстием (табл. 36.-*29*), медную бляху-пронизь (табл. 36.-*30*) и подвеску (табл. 36.-*36*) (курган №89), немногочисленные находки стеклянных бус (табл. 36.-*42*) (курган №80). Металлические зеркала с маленькой боковой ручкой (курганы №21, 24, 25, 47, 80, 94) представлены уменьшенными экземплярами с диметром диска от 4,6 до 7,4 см (табл. 37.-*16–21*). К этому следует добавить наличие в погребениях большого количества короткоклинковых ножей с прямой и слегка изогнутой спинкой и цельной рукоятью глухой, реже с небольшим отверстием (табл. 37.-*1–13*). Керамическая посуда не обнаруживает существенных отличий от изделий ранней хронологической группы (табл. 37.-*22–31*; 38).

Представленное выше деление археологического материала не противоречит прежней интерпретации пазырыкского комплекса могильника Тыткескень-VI, основным результатом которой было обоснование трех хронологических групп объектов: конец VI – V в. до н.э.; V в. до н.э.; V–IV вв. до н.э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 104–107; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 106–109]. «Смазанные» различия между предметными комплексами V в. до н.э. и V–IV вв. до н.э. при отсутствии надежных хроноиндикаторов делают более логичным их рассмотрение в рамках одного временного пласта. Безусловно, следует указать, что археологический возраст некоторых курганов (№3, 8, 17, 20, 34, 41, 62, 73) не может быть определен уверенно в рамках обозначенных этапов.

В завершение настоящей главы необходимо еще раз подчеркнуть, что курганный могильник Тыткескень-VI является одним из базовых памятников рядового населения пазырыкской культуры Северного Алтая, который имеет принципиальную важность для относительной датировки погребальных комплексов других некрополей, а также осуществления различного рода археологических, палеоантропологических и других реконструкций.

ГЛАВА VI

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Важным результатом исследований на могильнике Тыткескень-VI стали раскопки в 1989 г. группы погребений булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского («гунно-сарматского») времени, которое являлось до конца XX в. одним из слабо изученных периодов древней истории Алтая. При проведении археологических работ в 2006 г. объектов, датирующихся II в. до н.э. – 1-й половиной V в. н.э., не обнаружено. Практически все полученные ранее материалы булан-кобинской культуры памятника были опубликованы в барнаульском сборнике научных трудов «Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла» [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992]. Они дополнили немногочисленный тогда корпус археологических источников 1-й половины I тыс. н.э. с территории Северного Алтая, введенных в научный оборот и представленных погребениями из могильников Бике-I, Верх-Еланда-II, Кор-Кобы-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 43–44, 60–83, 89–92; Ларин, 1990, с. 6–7, рис. IX и X; Неверов, Степанова, 1990, с. 120–121; Серегин, Матренин, 2014, с. 123, 125–126, 132–133]. Следует указать, что качество вышеотмеченного издания, которое вышло в свет больше четверти века назад, оставляло желать лучшего. Кроме того, сборник оказался малодоступным широкому кругу специалистов. Принимая во внимание данные обстоятельства, а также учитывая значительное увеличение археологических источников хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, произошедшее в конце XX – начале XXI столетия, в рамках данной главы считаем целесообразным еще раз рассмотреть результаты раскопок объектов булан-кобинской культуры вблизи устья р. Тыткескень[*]. Для этого необходимо выполнить сравнительный анализ полученных материалов с учетом современного состояния накопленных сведений и изменений в области хронологической интерпретации памятников Северной и Центральной Азии II в. до н.э. – V в. н.э.[**]

Курганы булан-кобинской культуры располагались в южной части могильного поля на небольшом естественном всхолмлении, в 68–71 м к северо-западу от устья р. Тыткескень и к западу от песчаного карьера, который был разработан позже окончания экспедиционных работ в 1993 г. (рис. 3). Насыпи оказались сильно задернованными и плохо фиксировались на современной поверхности.

При визуальном осмотре стало совершенно ясно, что в непосредственной близости друг от друга располагается несколько небольших по размерам каменных сооружений. Для их изучения был заложен прямоугольный раскоп (длиной с юга на север –

[*] Настоящая глава представляет собой немного измененный и дополненный текст статьи «Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае» [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014].

[**] На сегодняшний день в разных частях данного региона раскопано уже более 800 погребений II в. до н.э. – 1-й половины V в. н.э. на более чем 50 могильниках. Имеются полностью исследованные погребальные комплексы, насчитывающие несколько десятков и даже более сотни захоронений. Наступивший в XXI в. новый этап изучения хуннуско-сяньбийско-жужанского времени характеризуется заметным расширением спектра проблематики и направлений исследовательской деятельности. Важной тенденцией стало появление существенного числа обобщающих аналитических публикаций и монографий.

16,85 м, шириной с запада на восток – 7,25 м), в котором оказались шесть курганов, выстроенных в цепочку почти строго по меридиану, и одна ритуальная выкладка, не вписывавшаяся в эту линию (табл. 39.-*1*). Все обнаруженные объекты получили самостоятельную нумерацию, не привязанную к обозначениям уже исследованных к тому времени курганов скифо-сакского и тюркского времени. Следует объяснить наличие небольшой прирезки к указанному раскопу. Такая необходимость возникла при обнаружении небольших скоплений камней, которые, как оказалось, сместились по склону и не представляли какой-либо конструкции. Описание выявленных и исследованных объектов представлено ниже.

Курган №1 имел уплощенную каменную насыпь овальной в плане формы (размерами 3,8×2,25 м), вытянутую по линии З–В. По периметру сооружения прослеживалась выкладка, составленная преимущественно из окатанных и более крупных камней. Она была частично нарушена с восточной и северо-восточной стороны. Практически под однослойной наброской находилась овальная могильная яма размерами 2,28×0,85 м и глубиной 0,48 м, ориентированная длинной осью также в широтном направлении (табл. 39.-*1*). Ее контур немного расширялся в восточной части. У северной границы ямы стоял крупный камень. В могиле зафиксирован скелет мужчины 25–35 лет (все половозрастные определения по результатам раскопок рассматриваемой группы были выполнены А.Р. Кимом). Погребенный человек лежал вытянуто на спине, головой на запад. Его левая рука размещалась вдоль туловища, а правая была чуть согнута в локте и уложена кистью на живот (табл. 39.-*3*). Кости ступней ног отсутствовали. С умершим мужчиной обнаружены сильно корродированные железные детали пояса. Две пряжки с подвижным язычком (табл. 40.-*27–28*) и фрагментированный кольцевой блок (табл. 40.-*31*) располагались на тазовых костях, а бляха-полуобойма с кольцом (табл. 40.-*29*) лежала у левой большеберцовой кости. Остальной сопроводительный инвентарь представлен костяным наконечником стрелы, зафиксированным с внутренней стороны левого плеча (табл. 40.-*11*), и костяной трубочкой, найденной в области таза погребенного (табл. 40.-*21*).

Курган №2 имел плоскую каменную насыпь овальной формы размерами 4,5×2 м, вытянутую по линии З–В. По внешнему контуру наброски прослеживались более крупные булыжники и гальки, образовывавшие овальную крепиду (табл. 39.-*1*). Под наброской находилась могильная яма (размерами 2,3×0,64 м, глубиной 0,5 м) с широтной ориентацией по длинной оси (табл. 39.-*4*). У восточной и западной стенки могилы располагались камни, а по всему периметру шла полоса тлена (толщиной 3–4 см) от деревянной рамы. На большей части поверхности могильной ямы фиксировались остатки древесного перекрытия. Внутри могилы расчищено одиночное погребение мужчины 50–55 лет, уложенного на спину, с прямыми нижними и верхними конечностями, головой на запад. У северной стенки, параллельно левой бедренной кости человека, находился крупный камень. Сопроводительный инвентарь включал железные предметы, среди которых был наконечник стрелы (табл. 40.-*7*), обнаруженный на поясных позвонках острием в сторону головы покойного, а также фиксировались пряжки с подвижным язычком: «т-образная» (табл. 40.-*22*), найденная у левой бедренной кости, и округлая, лежавшая в области таза (табл. 40.-*25*).

Между первым и вторым курганами (в 1,45 м к западу) выявлено пятно прокала от костра размерами 0,4×0,35 м, мощностью 2,5 см (табл. 39.-*2*).

Курган №3 оказался в центре раскопа. Он представлял собой уплощенную однослойную насыпь овальной формы размерами 4,3×2,25 м, состоявшую преимущественно из окатанных камней и вытянутую по линии З–В. По внешнему контуру наброски прослеживалась кольцевая крепида (табл. 39.-*1*). После снятия каменной кладки, на глубине 0,45 м от уровня древней поверхности, зафиксирован контур могильной ямы (длина – 2,15 м, ширина – 0,54 м), который выделялся частично сохранившимися остатками деревянной рамы. Внутри этой камеры находился умерший мужчина 35–40 лет. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки покойного располагались

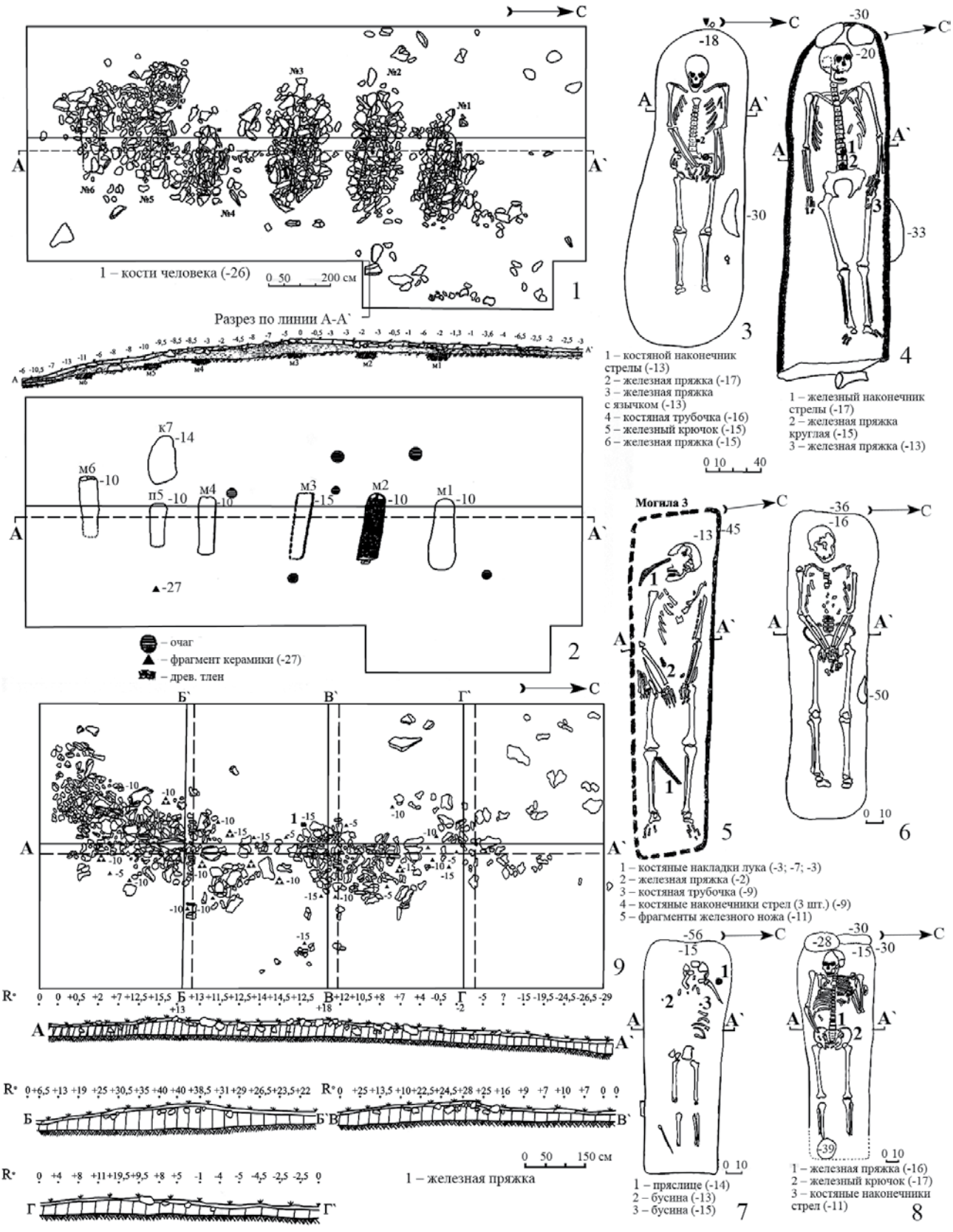

Табл. 39. Погребальные и ритуальные сооружения булан-кобинской культуры, исследованные на памятнике Тыткескень-VI: *1, 2* – план и разрез курганов №1–7; *3* – погребение из кургана №1; *4* – погребение из кургана №2; *5* – погребение из кургана №3; *6* – погребение из кургана №4; *7* – погребение из кургана №5; *8* – погребение из кургана №6; *9* – план и разрезы объекта №50 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014])

вдоль туловища, а кисти были сложены ниже живота (табл. 39.-*5*). В центральной части могилы прослежен тлен от деревянного перекрытия. С умершим обнаружены роговые накладки от сложносоставного лука (табл. 40.-*1–6*), зафиксированные в южной половине могилы, глубина которой достигала 0,58 м. Под срединными накладками, в области пояса человека, найдены три костяных наконечника стрел (табл. 40.-*9, 13–14*) и рядом костяная трубочка (табл. 40.-*20*). Кроме того, в могиле обнаружены сильно корродированный железный нож (у правого крыла таза) и сохранившаяся в обломках поясная пряжка (табл. 40.-*8, 23*).

Севернее контура могильной ямы выявлены два округлых прокала от горевших костров. Аналогичное пятно зафиксировано и к востоку (табл. 39.-*2*). Все они были небольшими и разных диаметров.

Курган №4. Сохранившаяся каменная наброска (размерами 2,57×1,43 м) состояла преимущественно из окатанных камней, уложенных в один слой. По периметру сооружения прослеживались более крупные валуны, которые составляли овальную крепиду, ориентированную длинной осью в широтном направлении (табл. 39.-*1*). После разборки насыпи, на глубине 0,36 м от уровня древней поверхности, обнаружен прямоугольный с закругленными углами контур ямы (размерами 1,93×0,56 м), вытянутый с запада на восток. В могиле (на глубине 0,52 м) оказался погребен мужчина 50–60 лет в вытянутом положении, на спине, головой на запад (табл. 39.-*6*). Руки человека были слегка согнуты в локтях, поэтому лучевые кости и фаланги кистей оказались на тазовых костях и ниже. Инвентарь в погребении отсутствовал. У северной стенки ямы, как и в курганах №1 и 2, располагался одиночный камень. Следует указать на отсутствие большей части костей от ступней ног.

В 0,4 м к северо-западу от северной границы могильной ямы выявлены следы от костра.

Курган №5. Границы надмогильного сооружения данного объекта было сложно определить из-за близости трех насыпей. После разборки каменной кладки, состоявшей из окатанных камней, выявлен контур могильной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами (длина 1,47 м, ширина 0,55 м, ориентация по линии З–В). На дне могилы, глубиной 0,71 м от уровня древней поверхности, находилось погребение ребенка (предположительно – девочка 6–7 лет), который лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад (табл. 39.-*7*). Сопроводительный инвентарь включал неорнаментированное глиняное пряслице, располагавшееся у головы слева, и две бусины, лежавшие в районе правого плеча и шеи (табл. 40.-*17–19*). Сохранность костей зафиксированного скелета плохая. Такое же состояние отмечалось и при исследовании других погребений рассматриваемого комплекса.

Курган №6. Насыпь, форму которой из-за разрушений определить сложно, состояла преимущественно из окатанных камней. Местами по внешнему краю сохранившейся наброски фиксировались валуны более крупных размеров, образовавшие овальную крепиду (табл. 39.-*1*). Под центральной частью насыпи находилась могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами (размерами 1,9×0,65 м), внутри которой на глубине 0,69 м от уровня древней поверхности был погребен мужчина в вытянутом положении, на спине, головой на запад (табл. 39.-*8*). Левая рука покойного была сильно согнута в локте и подтянута к плечу. Правая рука, слегка согнутая в локте, кистью покоилась на животе. У скелета отсутствовали кости стоп (табл. 39.-*8*). В области пояса человека найдены круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. 40.-*26*) и обломанное железное кольцо (табл. 40.-*32*), зафиксированное при разборке тазовых костей. С внешней стороны левого плеча лежали целые и плохо сохранившиеся костяные наконечники стрел (табл. 40.-*10, 12, 15–16*).

Курган №7 располагался к западу от объекта №5 и имел форму кольца, выложенного крупными рваными камнями с заполнением из более мелких окатанных валунов и галек. Под наброской зафиксирован овальный контур пятна темной супеси разме-

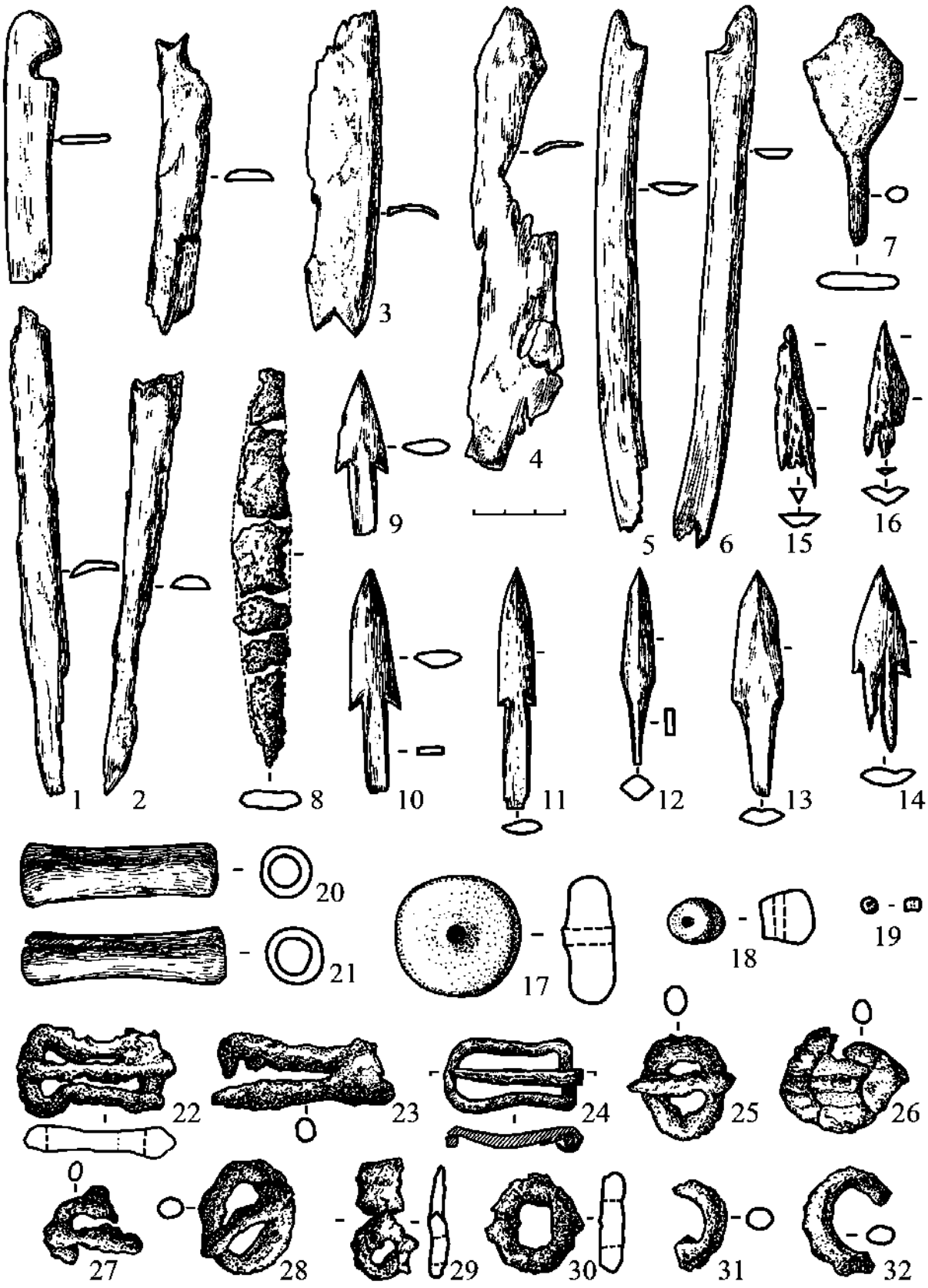

Табл. 40. Предметный комплекс булан-кобинской культуры из памятника Тыткескень-VI:
1–6, 8, 9, 13, 14, 20, 23 – курган №3; *7, 22, 25* – курган №2;
10, 12, 15, 16, 26, 32 – курган №6; *11, 21, 27, 28–31* – курган №1;
17–19 – курган №5; *24* – объект №50 (по: [Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014])
(*1–6, 9–16, 20, 21* – кость, рог; *7, 8, 22–32* – железо; *17* – керамика; *18, 19* – камень)

рами 1,5×0,85 м (табл. 39.-*1, 2*). Захоронений и археологического материала курган не содержал. Данный объект является, скорее всего, ритуальным сооружением.

Проанализируем теперь зафиксированные особенности обряда и предметного комплекса рассмотренных погребений.

Планиграфия исследованных на могильнике Тыткескень-VI курганов булан-кобинской культуры демонстрирует их «отстраненное» положение от памятников предшествующей пазырыкской культуры, что обусловлено не только хронологической дистанцией между данными комплексами, но и отсутствием генетической преемственности между населением Алтая скифо-сакского и хуннуско-сяньбийского времени [Тишкин, 2001; 2006; Матренин, 2005а, с. 12, 15–16; 2008; Тишкин, Матренин, 2007б, с. 40–41, 50–52; Серегин, Матренин, 2016, с. 136, 144–147; Тишкин, Матренин, Горбунов, 2019, с. 295–296]. Полученные археологические материалы отражают одну из распространенных погребальных традиций кочевников Алтая II в. до н.э. – 1-й половины V в. н.э., отличительной чертой которой являлась одиночная ингумация без лошади и с ориентацией покойных головой в западный сектор. Среди других важных признаков данной группы захоронений следует отметить такие показатели, как устройство курганов с кольцевой крепидой; небольшая глубина ям (чуть более 0,5 м); внутримогильные сооружения в виде деревянных ящиков-рам, комбинированных каменно-деревянных камер, имитаций каменных ящиков из вертикально установленных плит у торцевых стенок могил, а также без таковых; отсутствие ритуальной мясной пищи, фиксируемой по костям овцы. Объекты с перечисленными выше параметрами были выделены в карбанскую группу погребений, представленную на всех этапах развития булан-кобинской культуры [Матренин, 2005б, с. 95–96; 2008; Тишкин, Матренин, 2007б, с. 48–49; Матренин, Тишкин, 2007, с. 103–108; Серегин, Матренин, 2016, с. 159–160; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 175]. Погребения данной группы раскопаны на могильниках Карбан-I, Айрыдаш-I, Чендек, Верх-Уймон, Бике-I, Бош-Туу-I, Дялян, Верх-Еланда-II, Усть-Бийке-III, Яломан-II, Кальджин-6 и 8, Степушка. В количественном отношении памятники «карбанцев» доминировали в Северном Алтае, где они известны уже с хуннуского (сюннуского) времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Тишкин, Матренин, 2007б; Матренин, 2008; Серегин, Матренин, 2016, с. 157, 159].

Определенное внимание привлекают выявленные рядом с погребениями ритуальные следы кострищ. Они располагались с северо-восточной (курган №1), восточной (курган №3), северо-западной (курган №4) сторон надмогильных конструкций, почти вплотную к ним и между насыпями (курганы №1–3). Возле одного кургана таких прокалов могло быть два и более. Важно отметить, что в исследованных по соседству захоронениях следы огня отсутствовали. Ближайшие аналогии данному элементу ритуала имеются в погребальных комплексах кокэльской культуры Тувы, где в большом количестве зафиксированы пятна от костров рядом с наземными сооружениями и под насыпями в околомогильном пространстве [Вайнштейн, 1970, с. 72; Дьяконова, 1970а, с. 193; 1970б, с. 238; Николаев, 1991, с. 56–57]. Пока трудно сказать, какой смысл имеют данные ритуальные действия у кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. На других некрополях булан-кобинской культуры, исследовавшихся широкими площадями, прокалы и очаги не обнаружены, но при этом могли встречаться угли в заполнении могильных ям и внутри погребальных камер. В некоторых случаях точно установлено, что углями посыпали трупы людей, что следует рассматривать как свидетельство обряда «очищения» огнем.

В курганах, раскопанных на памятнике Тыткескень-VI, обнаружен немногочисленный, но хронологически выразительный сопроводительный инвентарь.

К оружию относятся сложносоставной лук и железный наконечник стрелы, найденные в кургане №3 (табл. 40.-*1–6*). Сохранившийся в обломках комплект из двух пар концевых и одной пары срединных боковых накладок позволяет предполагать, что длина лука с ослабленной тетивой составляла около 1,5 м. Важные для хроноло-

гической атрибуции детали оформления накладок не определяются [Горбунов, 2006, с. 9–21], а поэтому можно принять условную датировку данного экземпляра метательного оружия в широких рамках II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.

Железный черешковый наконечник стрелы с однолопастным пером ромбической формы длиной 7,5 см и без упора (табл. 40.-*7*) имеет аналогии в сяньбийских погребениях конца I – начала III в. н.э. Приаргунья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии [Чжао Юэ, 1990, рис. 5.-3–5, 7; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, рис. I.-25; Могильник Саньдаовань..., 2004, рис. 13.-7; Ковычев, 2006, рис. 5.-10–12, 15]. Похожие наконечники представлены в более поздних памятниках дуройской и бурхотуйской культур Восточного Забайкалья [Худяков, 1991, с. 54–55, рис. 26.-17; 27; Ковычев, 2006, рис. 6.-11; Зюзин, 2008, табл. I]. Сравнительно редко плоские наконечники стрел встречались у хунну (сюнну) Забайкалья и Монголии, преимущественно в поздних комплексах конца I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. I.-3, 4, 6, 7; Худяков, 1986, рис. 6.-2, 4–7; Давыдова, 1995, табл. 186.-46; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, с. 178].

На территории Тувы единственный плоский наконечник стрелы с таким же абрисом представлен в могильнике Кокэль [Худяков, 1986, рис. 27.-23], который датируется не ранее 2-й половины – конца III в. н.э. [Николаев, 2000, с. 82; 2001, с. 21, 23–25]. Правда, двулопастные железные наконечники достаточно часто встречаются в погребальном комплексе Аймырлыг-XXXI, который относится к более раннему времени (видимо, к I – началу III в. н.э.) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 82.-1, 4, 7].

Однолопастной асимметрично-ромбический экземпляр найден в таштыкском склепе Джесос [Худяков, 1986, с. 92; рис. 36.-24; Вадецкая, 1999, табл. 113.-I]. В Верхнем Приобье данные наконечники зафиксированы в ранних одинцовских памятниках 2-й половины IV – V в. н.э. [Горбунов, 1993, рис. 3.-17; 2006, с. 36, 42; Степанова, Горбунов, 1994, рис. 1].

К настоящему времени учтено не более пяти железных однолопастных наконечников с заостренной геометрической формой пера, обнаруженных в погребениях булан-кобинской культуры. Изделия, наиболее близкие тыткескенскому экземпляру, найдены в могильниках Улита и Урочище Балчикова-3 [Шульга, Горбунов, 2002, рис. 2.-3, с. 117]. Появление в булан-кобинской культуре наконечников с таким сечением пера может быть связано с влиянием сяньбийской военной традиции. С учетом имеющихся аналогий начальный период бытования таких наконечников на Алтае можно установить в рамках II–III вв. н.э.

Снаряжение человека представлено железными поясными пряжками с подвижным язычком (6 экз.), бляхой-накладкой с подвижным-кольцом блоком (1 экз.) и блоками-кольцами (3 экз.). Пряжки по форме рамки подразделяются на округлые (курганы №1 и 6), овальные (курганы №1 и 2), трапециевидные (курган №3), «т-образные» (курган №2).

Округлые и овальные пряжки без щитка (табл. 40.-*25–28*) имеют многочисленные подобия в снаряжении многих народов Евразии II в. до н.э. – V в. н.э. На Алтае пряжки такой конструкции появились в хуннуское (сюннуское) время (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Тетерин, 1995, рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2005б; Матренин, 2013а; Матренин, 2017, с. 30–31, 41–42]. Экземпляры из могильника Тыткескень-VI отличаются от ранних модификаций небольшими размерами (до 3,5 см) и преимущественно овальным абрисом рамок, что характерно для пряжек развитого (II – 1-я половина IV в. н.э.) и позднего (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры.

«Т-образные» пряжки с подвижным язычком на основании рамки без щитка (табл. 40.-*22, 23*) в памятниках булан-кобинской культуры встречаются редко. Нам известно всего три таких экземпляра в некрополях Булан-Кобы-IV и Бош-Туу-I [Матренин, 2017, с. 31]. Следует отметить, что пряжки из могильника Тыткескень-VI являются пока единственными находками среди многочисленных деталей ременных гарнитур булан-кобинских кочевников Северного Алтая. Похожие образцы зафикси-

рованы в грунтовом могильнике таштыкской культуры Абакано-Перевоз, в материалах фоминской культуры Усть-Абинского некрополя (не ранее 2-й половины III в. н.э.), а также в могильнике Боровое в Красноярской лесостепи IV–VII вв. н.э. [Мандрыка, Макаров, 1994, рис. 3.-36; Тетерин, 1999, рис. 2.-7, 9; Ширин, 2003, с. 67, рис. 4.-7, табл. LX.-6]. Конечно, география распространения поясных застежек рассматриваемой конструкции и формы намного шире. Например, они пользовались популярностью у населения центральноевропейского Барбарикума в I – начале III в. н.э., а также у кочевых народов Восточной Европы в среднесарматское время [Арсеньева, 1977, с. 104, табл. XXXV.-12; CLV.-4; Абрамова, 1989, табл. 111.-29; Дашевская, 1989, табл. 55.-48; 1991, с. 36, табл. 63.-13; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182–183, рис. 8.-39; Малашев, 2000, с. 208; Медведев, 2004, с. 89, рис. 1.-22; Труфанов, 2004, с. 164–167, 169, рис. 3.-3, 5–9). Морфологически близкие железные пряжки, но с подвижным пластинчатым щитком происходят из булан-кобинских памятников Верх-Уймон и Яломан-II, которые относятся ко 2-й половине IV – 1-й половине V в. н.э. [Соенов, Эбель, 1992, рис. 34.-5; Тишкин, 2007а, с. 181, 268–270, 275–277].

Важно отметить, что на Алтае, в Алтайской лесостепи и Туве известны «т-образные» пряжки с подвижным язычком, закрепленным на цельной вертлюге [Дьяконова, 1970а, табл. XII.-33, 34, 47; Николаев, 2000, рис. 1.-1; 3.-2; 4.-2, 5; Памятники кокэльской культуры…, 2010, с. 44, Уманский, 1974, рис. 3.-3; Матренин, 2013а, рис. 1.-11; 2017, с. 34; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 74]. Изделие такого же типа найдено в Северо-Западной Монголии в кургане из местности Хад-Уззур, отнесенном к сяньбийско-жужанскому времени [Худяков, Цэвэндордж, 1986, рис. 1]. Самым оригинальным среди них является экземпляр из могильника Балыктыюль (Восточный Алтай) [Сорокин, 1977, рис. 6.-6], декоративное оформление которого с помощью фасеток демонстрирует сходство с ременными гарнитурами провинциально-римского облика [Малашев, 2007, с. 117]. Есть смысл продемонстрировать результаты рентгенофлюоресцентного анализа этого изделия, полученные С.В. Хавриным в Государственном Эрмитаже с помощью спектрометра ArtTAX (Brüker):

– рамка: Cu – основа; Sn – 25–29%; Pb – <0,8%; As – <0,2%; Sb, Ag, Fe – следы;

– язычок: Cu – основа; Sn – 14–16%; Zn – 1–2%; Pb – <0,8%; As – <0,3%; Fe – <0,2%; Sb – ?;

– пластина: Cu – основа; Zn – 7–10%; Pb – 3–4%; Sn – <1%; Fe – <0,8%; Ag – ?.

Эти приведенные данные, а также имеющиеся определения других изделий из цветного металла, обнаруженных в кургане №227 памятника Балыктыюль [Сорокин, 1977, рис. 6], свидетельствуют об их импортном характере.

Принимая во внимание ситуации нахождения пряжек с «т-образной» рамкой в датированных закрытых комплексах Сибири и Центральной Азии, прежде всего в памятниках кокэльской культуры, начало их распространения на территории Алтая можно определить концом II – началом III в. н.э. [Матренин, 2017, с. 44–45].

Трапециевидная бесщитковая пряжка вытянутых пропорций из кургана №3 (табл. 40.-*23*) сохранилась фрагментарно. В булан-кобинской культуре такие пряжки встречаются редко и датируются в широких рамках I в. до н.э. – IV в. н.э. (есть большая вероятность, что они существовали и в V в. н.э.) [Матренин, 2017, с. 31, 43–44].

Железная поясная бляха-полуобойма с кольцом (курган №1) является распространенной модификацией деталей ременных гарнитур из погребений булан-кобинской культуры (табл. 40.-*29*). Прототипом таких блях стали пряжки с подвижным язычком и подвижным щитком, а также распределители уздечных ремней с лопастями-полуобоймами, появившиеся впервые у хунну (сюнну) Забайкалья и Монголии около рубежа эр [Тишкин, Матренин, 2013]. Не последнюю роль в их генезисе сыграла хуннуская (сюннуская) традиция использования поясов с металлическими или каменными кольцами. В Центральной Азии наиболее ранние единичные находки таких изделий известны у сяньби Юго-Восточного Забайкалья в погребениях конца I – начала III в. н.э. могильника Зоргол-I и более поздних захоронениях могильника Дурой-I [Яремчук,

2005, рис. 96.-5]. В этом регионе они встречаются в памятниках бурхотуйской культуры IV–VI вв. н.э. [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, рис. 81.-4, 18–20]. Большое количество таких предметов происходит из памятников кокэльской культуры Тувы III–V вв. н.э. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII.-12, 22; Дьяконова, 1970а, табл. XI.-13–24, 47; XII.-5–7, 19, 23–28; Николаев, 2000, рис. 1.-4, 6, 10]. В Западной Сибири подобные железные бляхи имеются в памятниках фоминской культуры в предгорьях Кузнецкого Алатау не ранее 2-й половины III в. н.э. [Ширин, 2003, табл. LXIII.-4, 6; LXVII.-1, 2], но наиболее многочисленны у носителей верхнеобской культуры в V–VI вв. н.э. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10.-15, 16, 19; 13.-11; 17.-3–5; 55.-4; Троицкая, 1996, рис. 1.-1–4, 11, 15; Троицкая, Новиков, 1998, с. 53–54, табл. 8]. У населения Прикамья аналогичные поясные бляхи характерны для периода с III до 1-й половины VI в. н.э. На этом фоне в степях Восточной Европы и на Северном Кавказе бляхи такой конструкции в позднесарматское (2-я половина II – IV в. н.э.) и гуннское (конец IV – V в. н.э.) время представлены единичными экземплярами из цветного металла [Мошкова, 1989, табл. 82.-82; Абрамова, 1997, рис. 20.-11, 12; Засецкая, 1994, табл. 15.-8; 47.-14, 16; 46.-4; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 6.-4–8; Малашев, 2000, рис. 6.-Д; 8.-В, 2; Кривошеев, 2004, рис. II.-24, с. 119]. На территории Алтая железные бляхи-полуобоймы с кольцами появились во II в. н.э. Они выступают одной из «этнографических» черт снаряжения булан-кобинских кочевников до V в. н.э. [Тишкин, Матренин, 2013; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015; Матренин, 2017, с. 64, 74–75].

Железные кольца небольшого размера, найденные в курганах №1 и 6 (табл. 40.-*30–32*), применявшиеся в качестве «блоков», являются достаточно распространенной категорией находок в булан-кобинских погребениях II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 94–95].

В курганах №1 и 3 найдены костяные трубочки с гладким корпусом (табл. 40.-*20, 21*). В памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени уже учтено более 35 подобных изделий, которые происходят почти исключительно из погребений мужчин и фиксируются обычно в области пояса. Больше всего таких предметов (гладких, рельефных, орнаментированных) обнаружено на могильниках Булан-Кобы-IV (10 экз.), Айрыдаш-I (10 экз.) и Белый-Бом-II (4 экз.). Функциональное назначение данных изделий до конца не понятно. Наиболее вероятной выглядит интерпретация трубочек в качестве деталей рукояти плети (нагайки) [Тетерин, 2016]. В количественном отношении костяные трубочки преобладают в булан-кобинских погребениях, датирующихся II–IV вв. н.э.

К костюмному комплексу относятся две каменные бусины, найденные в кургане №5. Одна из них сплюснуто-шаровидная диаметром 0,51 см, другая – эллипсовидная симметрично усеченная диаметром 1,86–1,65 см, толщиной 0,8 см (табл. 40.-*18, 19*). Хронология обозначенных украшений плохо разработана. Необходимо отметить, что геометрические бусы эллипсовидной формы с симметрично усеченным корпусом характерны для предметных комплексов бело-бомского (II – 1-я половина IV в. н.э.) и верх-уймонского (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры из могильников Карбан-I, Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Чендек, Курайка, Улита, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II [Соенов, Эбель, 1992, рис. 10.-4; 26.-38; 1998, рис. 2.-2; 3.-3; Трифанова, 2006, рис. 13; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 49].

К орудиям труда отнесены костяные (роговые) наконечники стрел (8 экз.), железный нож и глиняное пряслице. Наконечники стрел по конструкции насада, сечению и форме пера представлены следующими типами.

К первому типу относится экземпляр с зажимным насадом, имеющий асимметрично-линзовидное в сечении перо с шипами, из кургана №3 (табл. 40.-*14*). Общая его длина составляет 6 см (3,5 см приходится на боевую часть).

Распространение роговых наконечников стрел с зажимным способом крепления у кочевых народов Северной Азии в I тыс. н.э. традиционно рассматривается как влияние материальной культуры хунну (сюнну), у которых данные проникатели являлись этнодиагностирующим элементом предметного комплекса уже в «доимперский»

(конец IV – III в. до н.э.) период проживания их на территории Внутренней Монголии [Худяков, 1986, с. 39–41; Ковалев, 2002, рис. 2.-2, 18]. Знакомство народов Южной Сибири с зажимными наконечниками стрел могло произойти, по-видимому, после перенесения ставки державы хунну (сюнну) в Северную Монголию в последней четверти II в. до н.э. При этом важно различать изделия собственно хуннуской (сюннуской) традиции и модификации, появляющиеся на основе «местной перестройки хуннуских образцов» [Худяков, 1986, с. 59]. Поздние зажимные наконечники хуннуской (сюннуской) традиции зафиксированы в погребениях сяньби конца I – начала III в. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 75.-1, 9; 82.-12; 83.-9; 84.-7, 8; 85.-9; Ковычев, 2006, рис. 5.-16]. Доступные археологические источники позволяют утверждать, что наконечники стрел с зажимным насадом отсутствуют в булан-кобинских памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. Появление их на Алтае относится, по-видимому, ко II – началу III в. н.э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 125]. Важно заметить, что булан-кобинские наконечники значительно отличаются от хуннуских (по оформлению насада, его длине относительно пера, абрису проникателя, особенностям перехода в расщепленную часть корпуса), поскольку они разрабатывались в местной культурной среде. Тыткескенский экземпляр имеет вогнутые плечики («шипы»), не характерные для более поздних модификаций зажимных наконечников 2-й половины IV – V в. н.э. [Матренин, Серегин, 2019].

Ко второму типу принадлежит черешковый наконечник асимметрично-линзовидный в сечении с треугольным шипастым пером длиной 5,4 см (боевая часть составляет 3,3 см) из кургана №3 (табл. 40.-*9*). Наконечники с такими морфологическими показателями, но обычно ромбические в сечении представлены на Алтае серией находок в неопубликованных материалах II–IV вв. н.э. из памятников Карбан-I, Айрыдаш-I, Улита, Бош-Туу-I, Булан-Кобы-IV. Несколько экземпляров обнаружено в курганах II в. до н.э. – I в. н.э. на могильнике Усть-Эдиган [Худяков, 1997а, рис. II.-5–7].

Третий тип включает черешковые наконечники с асимметрично-линзовидным шипастым пером вытянуто-треугольной формы длиной 6,2–6,8 см (длина боевой части варьирует в пределах 4,3–4,5 см) в количестве двух экземпляров из курганов №1 и 6 (табл. 40.-*10, 11*). Они известны на развитом (II – 1-я половина IV в. н.э.) и позднем (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) этапах развития булан-кобинской общности. Больше всего их найдено в могильниках Карбан-I, Булан-Кобы-IV и Кок-Паш [Мамадаков, 1990, рис. 20.-10, 11; 24.-6; 34.-8–12; 45; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 18.-3–6; 15.-1].

В четвертый тип выделены черешковые наконечники с ромбическим и четырехгранным пером шестиугольной формы, имеющие покатые плечики, плавно переходящие в черенок, представленные двумя экземплярами из курганов №3 и 6. Общая длина их составляет 6,6–6,8 см, из которых 3,9–4,1 см приходится на боевую часть (табл. 40.-*12, 13*). Подобные наконечники иногда встречаются в погребальных комплексах булан-кобинской культуры (Карбан-I, Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш), датирующихся со II по V в. н.э. Среди них опубликованы пока только экземпляры из могильника Кок-Паш [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 6.-3, 4; 19.-15].

Еще два костяных наконечника имеют плохую сохранность и не могут быть классифицированы (табл. 40.-*15, 16*).

Железный черешковый нож из кургана №3 сохранился в обломках. Он имел слегка выпуклую спинку, треугольное сечение клинка и слегка наклоненную рукоять. Реконструируемая общая длина изделия 12,7 см, из которых 8,7 см приходится на клинок (табл. 40.-*8*). Ножи с подобными морфологическими характеристиками встречаются в булан-кобинских памятниках часто и датируются в широких рамках 1-й половины I тыс. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19, 40.-10, 44.-12, 13, 46.-10; Мамадаков, 1990, рис. 85.-12–15; Соенов, Константинова, 2015, с. 20–21, рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 36, 37].

Обнаруженное в кургане №5 керамическое пряслице в виде плоского диска диаметром 2,9 см, толщиной 1,4 см в хронологическом отношении является малоинфор-

мативным (табл. 40.-*17*). Похожие предметы найдены в могильниках Усть-Эдиган, Чендек, Бике-I, Кок-Паш и др. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 44.-7; Соенов, Эбель, 1992, рис. 5.-2; 17.-3; Худяков, 1997б, рис. 3.-7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7.-36; 12.-44]. Стоит отметить, что функциональная атрибуция изделия как пряслица нуждается в отдельном исследовании.

Опираясь на выполненный сравнительный анализ сопроводительного инвентаря, можно сделать вывод, что курганы булан-кобинской культуры, раскопанные на могильнике Тыткескень-VI, относятся к бело-бомскому этапу (II – 1-я половина IV в. н.э.) и датируются, по-видимому, концом II – III в. н.э. Все они сооружены в короткий отрезок времени, соответствующий периоду военно-политического господства в Центральной Азии кочевой империи сяньби, в состав которой в качестве отдаленной периферии входили земли Алтая.

Следует отметить, что по соседству с рассмотренной группой булан-кобинских курганов под руководством Ю.Т. Мамадакова в конце 1980-х гг. было вскрыто еще несколько каменных выкладок с неглубокими могилами, внутри которых находились узкие каменные ящики или обкладки с одиночными безынвентарными погребениями людей, уложенными вытянуто на спине. К сожалению, данные погребальные сооружения не были проведены по отчетной документации, и детальная информация о них отсутствует.

Во время археологических работ на памятнике в 1990 г. получены единичные предметы хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, зафиксированные при раскопках объекта №50.

Объект №50 выявлен на гребне небольших холмиков, идущих цепочкой по середине террасы с юга на север, к востоку от полевой дороги, в 28,6 м к западу от пазырыкского кургана №4 (рис. 3). В прямоугольном раскопе размерами 14×7 м была расчищена гряда рваных камней, напоминавшая четыре разрушенные каменные выкладки овальной формы, выстроенные по линии Ю–С (табл. 39.-*9*). Среди камней найдены скопления и отдельные фрагменты неорнаментированной керамической посуды, а также колотые кости животных, залегавшие на глубине от 0,05 до 0,15 м от уровня современной поверхности. Данный объект является, по-видимому, ритуальным сооружением.

Из вещей обнаружена железная бесщитковая пряжка с подвижным язычком на основании, имеющая рамку арочной формы удлиненных пропорций со слабо вогнутыми боковыми сторонами (табл. 40.-*24*). Пряжки с арочным абрисом рамки имеют датированные аналогии в некрополях хунну (сюнну) Монголии и Забайкалья (2-я половина I в. до н.э. – I в. н.э.), «тесинцев» Среднего Енисея (2-я половина I в. до н.э. – начало II в. н.э.), в могильнике Аймырлыг-XXXI (конец I – III в.) и захоронениях кокэльской культуры Тувы (III–V вв.), в сяньбийских погребениях Приаргунья, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии (конец I – начало III в.), в памятниках Средней Азии (I в. до н.э. – начало новой эры), в материалах саргатской культуры Приишимья (I – начало III в.) [Пшеницына, 1975, рис. 5.-7; Коновалов, 1976, табл. XI.-15, 16, 20; Стамбульник, 1983, рис. 2; Субботин, 1983, рис. 1.-5; Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 10.-2; Седых, 1985, рис. 4.-4; Кузьмин, 1988, рис. 13.-19, 20; 2008, с. 85; Матвеева, 1994, рис. 24.-1; Маслов, Яблонский, 1996, с. 175–176; Erdelyi, 2000, fig. 38, 57.-54; Подушкин, 2000, с. 82, вкл., рис. 51; Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 180, зураг 2, 5, т. 205, зураг 5, т. 251, зураг 5; Hunnu Tombs at Hudgin Tolgoi in Mongolia, 2003, зураг 18.-7; Предварительное изучение сяньбийских погребений…, 2004, рис. 7.-6; Яремчук, 2005, рис. 93.-3, 102.-1, 2; Савинов, 2009, табл. XXIII.-2, XXV.-9, 10, 17, XXVII.-5, 6; Xiongnu Tombs of Duurlig Nars, 2009, p. 41; Кузьмин, 2011, табл. 56.-35, рис. 43; Treasres of the Xiongnu…, 2011, fig. 297]. Ранний этап распространения таких пряжек на территории Алтая приходится на 2-ю половину I в. до н.э. – начало I в. н.э. Аналогичные изделия обнаружены в курганах усть-эдиганского (I в. до н.э. – I в. н.э.) и бело-бомского (II – 1-я половина IV в. н.э.) этапов булан-кобинской культу-

ры [Матренин, 2017, с. 8, 44]. Комплекс вещественных находок II в. до н.э. – 1-й половины V в. н.э. из могильника Тыткескень-VI в будущем можно будет расширить за счет керамического материала, не характерного для скифо-сакского и тюркского времени. Идентификация среди керамических коллекций изделий булан-кобинской культуры пока затруднена недоступностью этих находок (из-за пандемии), хранящихся ныне в Национальном музее Республики Алтай им. Анохина (Горно-Алтайск), а также недостаточной разработанностью индикаторов культурно-хронологического разграничения фрагментированной керамики раннего железного века, обнаруживаемой в курганных насыпях, на площади могильников и поселений. К этому следует добавить немногочисленность керамической посуды из булан-кобинских погребений II–V вв. н.э.

В завершение рассмотрения археологических материалов сяньбийского времени могильника Тыткескень-VI любопытно отметить единственную радиоуглеродную дату (1970±105 лет), сделанную по отобранным образцам угля из кострища, зафиксированного в границах раскопа поселения, в его северо-западной («высокой») части [Тишкин, 2007а, с. 263–264]. Откалиброванные хронологические интервалы (68.3% (1 sigma) cal BC 112 – cal AD 134; 95.4% (2 sigma) cal BC 205 – cal AD 259) свидетельствуют о том, что для костра использовалась древесина разного происхождения.

Полученные вещественные источники подтверждают возможность освоения населением булан-кобинской культуры левобережной террасы Катуни к северу от устья р. Тыткескень в начале новой эры.

ГЛАВА VII

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Памятники раннего Средневековья на некрополе Тыткескень-VI открыты во время работ Катунской экспедиции АГУ в 1988–1989 гг. Были раскопаны три кургана тюркской археологической культуры [Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992, с. 28, рис. 3.-9–16]. Материалы исследований опубликованы спустя десять лет [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998] и дополнили серию известных тогда погребальных сооружений 2-й половины I тыс. н.э. на территории Северного Алтая [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, с. 233–239; Кубарев, 1990, с. 17–19; Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 54–57; Кубарев, 1993; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 95–99; Митько, Тетерин, 1992; Киреев, 1993; Бородовский, 1994; Тетерин, 1991; Ларин, Суразаков, 1994]. Тюркские погребения могильника Тыткескень-VI заняли важное место в разработке современной концепции культурно-хронологического и социального развития кочевников Алтая в эпоху Средневековья [Горбунов, Тишкин, 2002; 2003; Тишкин, Горбунов, 2002; 2005а, с. 161–163; Тишкин, 2006; 2007а; Серегин, Матренин, 2020]. Принимая во внимание данный факт, авторы считают необходимым переиздать и прокомментировать ранее полученные результаты исследования трех объектов (табл. 41–45), сделав их доступными для более широкого круга археологов-медиевистов и других исследователей. Это важно и для демонстрации культурно-хронологической схемы освоения Тыткескенского археологического микрорайона. Сведения о погребальных комплексах будут дополнены информацией о других находках.

Курганы раннего Средневековья находились с восточной стороны цепочки погребальных сооружений пазырыкской культуры, на краю террасы. Все они располагались на возвышенных участках и были значительно удалены друг от друга (рис. 3). Эти объекты получили свою нумерацию в соответствии с единой системой обозначений, которая отражала последовательность изучения некрополя.

Курган №1 располагался в 110 м к северу от устья р. Тыткескень на небольшом холме, в 7,7 м к юго-востоку от кургана №48 (рис. 3). Он имел насыпь, сложенную из рваных камней и валунов в 1–3 слоя, округлой формы, размерами 5,5×4,75 м, высотой 0,5 м. В центральной части находилась овальная по контуру яма длиной 2,65 м и шириной 1,5 м, длинной осью ориентированная по линии ЗСЗ–ВЮВ. На дне могилы, глубина которой в материке составила 0,65 м, было расчищено одиночное захоронение молодого мужчины 25–35 лет (здесь и далее определения А.Р. Кима), уложенного вытянуто на спину, ориентированного головой на восток–юго-восток (табл. 41.-*1*). С умершим человеком обнаружен следующий сопроводительный инвентарь. За головой, у стенки ямы на специально установленном камне, находились железные удила с псалиями (табл. 43.-*1*; 44.-*6*). На груди погребенного сохранились фрагменты берестяного колчана с железными наконечниками стрел (не менее 15 экз. и три свистунки), уложенными остриями вверх, возможно, на кармане (табл. 43.-*6–26*). У устья колчана зафиксирован железный крючок с прикипевшим к нему поперечным предметом (табл. 43.-*31*). Чуть ниже и далее на уровне таза находились железные тройники-распределители от колчанной портупеи в виде колец с тремя бляхами-зажимами: один целый, другой в обломках (табл. 43.-*32–35*; 45.-*13*). Слева от колчана, выше таза, обнаружен костяной (роговой) блок для чумбура (табл. 43.-*5*; 45.-*5*). На кисти правой руки лежал точильный брусок (табл. 43.-*36*),

а ниже – железный нож (табл. 43.-*37*). У левой лучевой кости размещалась небольшая пряжка (табл. 43.-*30*). Между бедренных костей, ниже таза, обнаружено тесло (табл. 43.-*38*). С внешней стороны левого бедра сохранились три костяные (роговые) накладки лука (табл. 43.-*27–29*). В ноги человека были помещены следующие железные изделия: подпружная пряжка (табл. 43.-*4*) и стремена (табл. 43.-*2, 3*; 44.-*2*). Рядом с данными предметами расчищены остатки ритуальной мясной пищи, представленной костями ног овцы. Помимо этого, в могиле зафиксированы неопределимые фрагменты железа.

Курган №5 находился на естественном всхолмлении, в 120 м к северу от кургана №1, в 2,3 м к востоку от пазырыкского кургана №28 (рис. 3). Насыпь овальной формы, размерами 6,2×4,4 м и высотой 0,4 м, была сложена из окатанных камней в 1–2 слоя. Под ее центром располагалась яма подпрямоугольной в плане формы длиной 2,25 м и шириной 1,4 м, вытянутая длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ. На дне могилы, глубина которой в материке оказалась 0,83 м, расчищено погребение мужчины 45–50 лет в сопровождении верхового коня (табл. 41.-*2*). Покойный лежал в северной половине могилы вытянуто на спине, головой на восток–северо-восток. Правая рука была немного согнута в локте (кости кисти располагались на крыле таза), а левая согнута в локте почти под прямым углом. За головой и в ногах погребенного стояли два камня, еще один – у стенки ямы, напротив правой ноги. С внешней стороны левой ноги, частично под бедренной костью, зафиксирован лист бересты. За головой человека обнаружены обломки двух железных наконечников стрел (табл. 42.-*5, 6*). Выше правого плеча находилась костяная (роговая) цурка (табл. 42.-*10*). В южной половине могилы размещался скелет лошади, уложенной на живот с небольшим завалом на правый бок, с подогнутыми конечностями. Головой животное было ориентировано на запад–юго-запад и частично опиралось на поставленный камень. В челюстях сохранились обломки железных удил с роговыми псалиями (табл. 42.-*1, 2, 4*; 45.-*6, 7*). У левого бока лежало одно стремя (табл. 42.-*3*; 44.-*1*).

Курган №10 обнаружен на расстоянии 232 м к северу от кургана №5, в 8,4 м к востоку от пазырыкского кургана №13 (рис. 3). Насыпь представляла собой наброску диаметром 8 м и высотой 0,5 м, сформированную из рваных камней в 1–3 слоя. В центральной части кургана, на уровне материка, прослежена однослойная выкладка из окатанных камней. Под ней обнаружена могила овальной формы, размеры которой в верхней части составляли 2,9×1,6 м. Юго-западная и северо-западная стенки наклонные, и на дне (глубина 0,45 м от уровня материка) они сужали границы ямы до показателей 2,7×1,4 м. В могиле расчищено погребение мужчины 25–30 лет с верховым конем (табл. 41.-*3*). Умерший человек лежал в северо-восточной половине могилы вытянуто на спине, головой на юго-восток. Его правая рука была согнута в локте (кости кисти лежали на крыле таза), а левая по локоть отсутствовала. С погребенным мужчиной зафиксированы следующие предметы. Под черепом найдены бусина (табл. 42.-*72*) и серьга (табл. 42.-*71*, 45.-*14*). С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра установлен следующий состав сплава изделия, который можно обозначить как сложная латунь: Cu – 86,53%; Zn – 6,43%; Pb – 5,45%; Sn – 1,38%; Fe – 0,21%. При этом тестировался участок со снятием поверхностных окислов. Для дополнительного анализа был получен тест в другом месте, где зачистка не производилась: Cu – 67,86%; Pb – 19,49%; Zn – 5,67%; Sn – 3,69%; Ag – 2,26%; Fe – 0,75%; Ni – 0,28%. В данных показателях стоит выделить наличие серебра, что хорошо отразилось в спектре.

Остальные находки располагались следующим образом. Выше левого крыла таза обнаружены кресало (табл. 42.-*79*) и костяные (роговые) цурки (табл. 42.-*11–14*; 45.-*9–12*). По левой стороне, между крестцом и локтем, а также вдоль малой берцовой кости, располагались две пары концевых накладок лука. У верхних накладок разрушены головки (табл. 42.-*47, 53*), от нижних сохранились лишь небольшие фрагменты (табл. 42.-*48, 52*). Между бедренными костями, ближе к коленям, лежали срединные накладки лука: две боковых (табл. 42.-*50, 51*) и фрагмент центральной фронтальной (табл. 42.-*49*). Накладки немного смещены, и размеры лука точно не восстанавливаются. Тетива лука, судя по изгибу концевых накладок, была спущена (или лопнула), и расстояние между их внешними краями равно 1,06 м. Рядом с правой лучевой костью расчищено скопление железных наконечников стрел, уложенных остриями вверх, а у малой берцовой кости

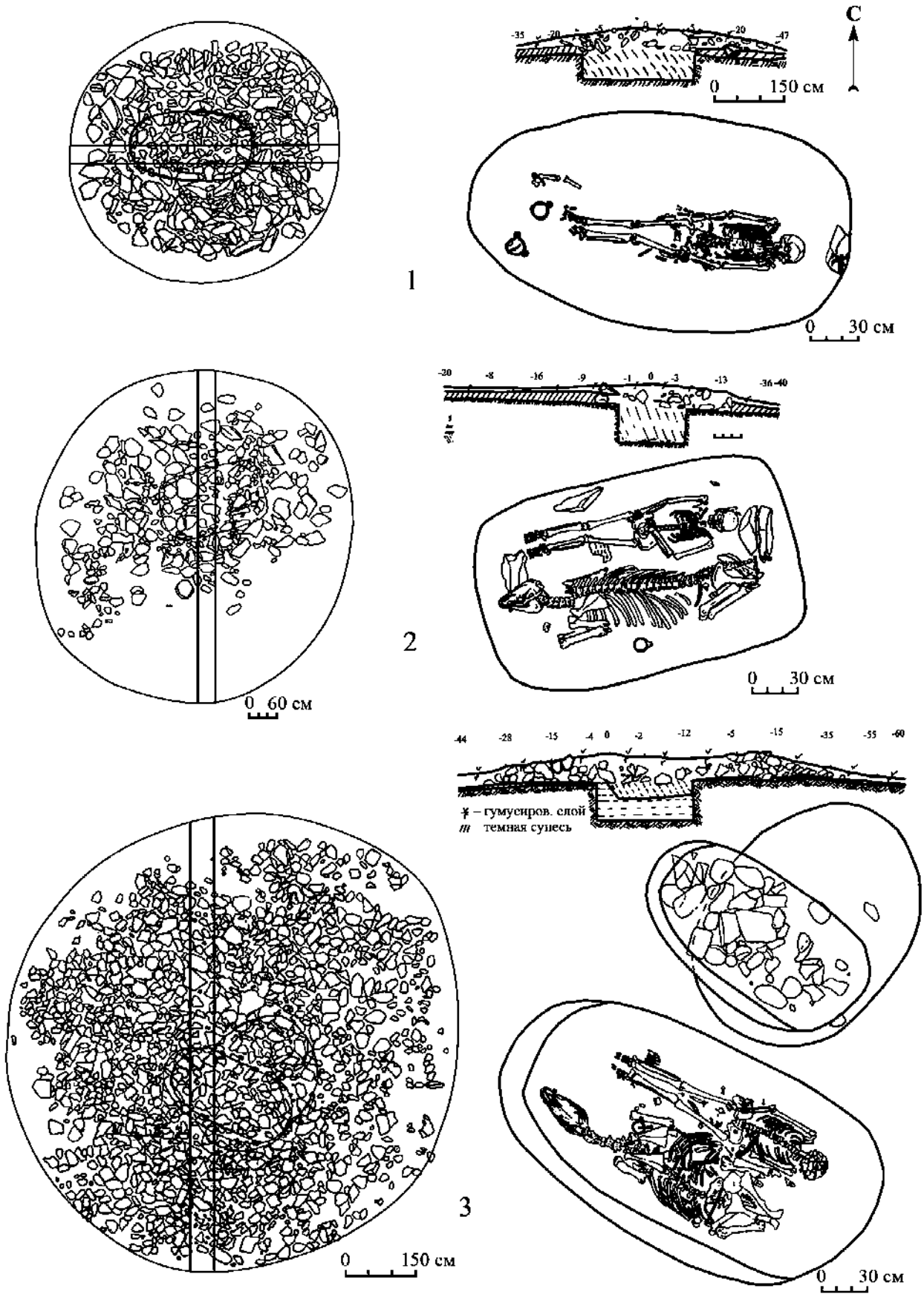

Табл. 41. Погребальные сооружения и способы захоронения тюркской культуры на памятнике Тыткескень-VI: *1* – курган №1; *2* – курган №5; *3* – курган №10

пачка наконечников – остриями вниз. Всего найдено не менее 15 экз. и 11 свистунок (табл. 42.-*19–34, 56–64*). Крупные наконечники размещались внизу, а более мелкие – вверху. Максимальное расстояние между ними составляло 0,88 м. Судя по тому, что следов бересты нет, колчан мог быть изготовлен из кожи или ткани и полностью истлел. Справа от предполагаемого колчана, за бедренной костью, располагались железные тройники-распределители из колец, снабженных тремя бляхами-зажимами (табл. 42.-*65–70, 75–77*; 45.-*2–4*): два ближе к правому бедру, в 10 см друг от друга, третий – около левого бедра. В области пояса, с обеих сторон позвоночника, лежали пряжки (табл. 42.-*73, 74*; 45.-*1*). Рядом с левой бедренной костью, ниже третьего тройника-распределителя, зафиксирован железный нож (табл. 42.-*55*). У правого колена, в 14 см от второго тройника-распределителя, найден железный колчанный крюк (табл. 42.-*78*).

Скелет лошади занимал юго-западную половину могилы. Животное было уложено на живот с подогнутыми ногами, головой ориентировано в северо-западный сектор. В челюстях лошади оказались зажаты железные удила (табл. 42.-*7*; 44.-*5*). На правой передней ноге лежало одно стремя, другое же подобное изделие обнаружено у левого бока скелета (табл. 42.-*8, 9*; 44.-*3, 4*), где найдено еще и тесло (табл. 42.-*54*). В районе спины зафиксированы костяные (роговые) детали седла: накладка на заднюю луку и рельефный кант (табл. 42.-*17*), а также накладки на переднюю луку и гладкий (деформированный) кант (табл. 42.-*18*; 45.-*15*). Возле правой лопатки лошади, на ребрах, располагалась роговая подпружная пряжка (табл. 42.-*16*). Вторая роговая подпружная пряжка обнаружена между правой задней ногой и тазом (табл. 42.-*15*; 45.-*8*). Помимо этого, в могиле встречены бесформенные куски железа и отдельные кости овцы.

Зафиксированные особенности планиграфии, конструкции наземных и внутримогильных сооружений, а также обряда захоронения демонстрируют типичные показатели погребальных комплексов тюркской культуры Алтая, бытовавшие на протяжении 2-й половины V – XI в. Курганы №5 и 10 отражают ведущую традицию погребальной практики тюркских племен данного региона. Ее важнейшей чертой является ингумация человека вытянуто на спине, головой ориентированного в восточный сектор, в сопровождении верхового коня, расположенного слева от покойного (обычно в южной половине могилы) и обращенного головой в противоположную сторону [Серегин, 2011, с. 13; Серегин, Матренин, 2016, с. 116–119]. Несколько необычно выглядит курган №1, содержавший одиночное захоронение человека, в ногах которого помещались предметы конского снаряжения. Отнесение данного объекта к тюркской археологической культуре не вызывает сомнения, так как он выполнен с учетом других обязательных элементов ритуала. Стоит отметить, что на сегодняшний день с территории Алтае-Саянской горной страны происходит не менее 50 подобных тюркских памятников. Отсутствие верхового коня объясняется, скорее всего, «нетюркской» этнической принадлежностью умершего, которая одновременно определяла его более низкий социальный статус [Серегин, 2010; Серегин, Матренин, 2016, с. 119–124]. Хотя не стоит исключать и другую интерпретацию зафиксированной ситуации.

В исследованных объектах обнаружен информативный вещественный материал, демонстрирующий последовательные этапы развития тюркской общности.

Самым ранним среди раннесредневековых объектов могильника Тыткескень-VI является курган №5. Найденные в нем роговые двудырчатые псалии использовались тюрками Алтая в течение непродолжительного времени со 2-й половины V до середины VII в. [Гаврилова, 1965, с. 80, рис. 16; Савинов, 1982, с. 113, рис. 3.-2; Овчинникова, 1990, с. 98, рис. 43.-2–7, 9, 11, 12; Могильников, 1994, с. 112, рис. 19, 25; и др.]. На катандинском этапе (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) тюркской культуры они стали заменяться роговыми псалиями с железными скобами [Гаврилова, 1965, рис. 8.-10; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9.-7; Тишкин, Серегин, 2011б, с. 8].

Металлическое стремя из круглого дрота с несомкнутым петельчатым ушком имеет округлую форму дужки, слегка вытянутой по вертикали, а также узкую прогнутую подножку. По поводу изобретения и начального этапа распространения петельчатых стремян в отечественной археологической литературе высказаны разные мнения. Длительное время была распространена точка зрения, что данная модификация стремян применялась тюрками с VII в. н.э. [Вайнштейн, 1966, с. 66; Амброз, 1973, рис. 2.-19,

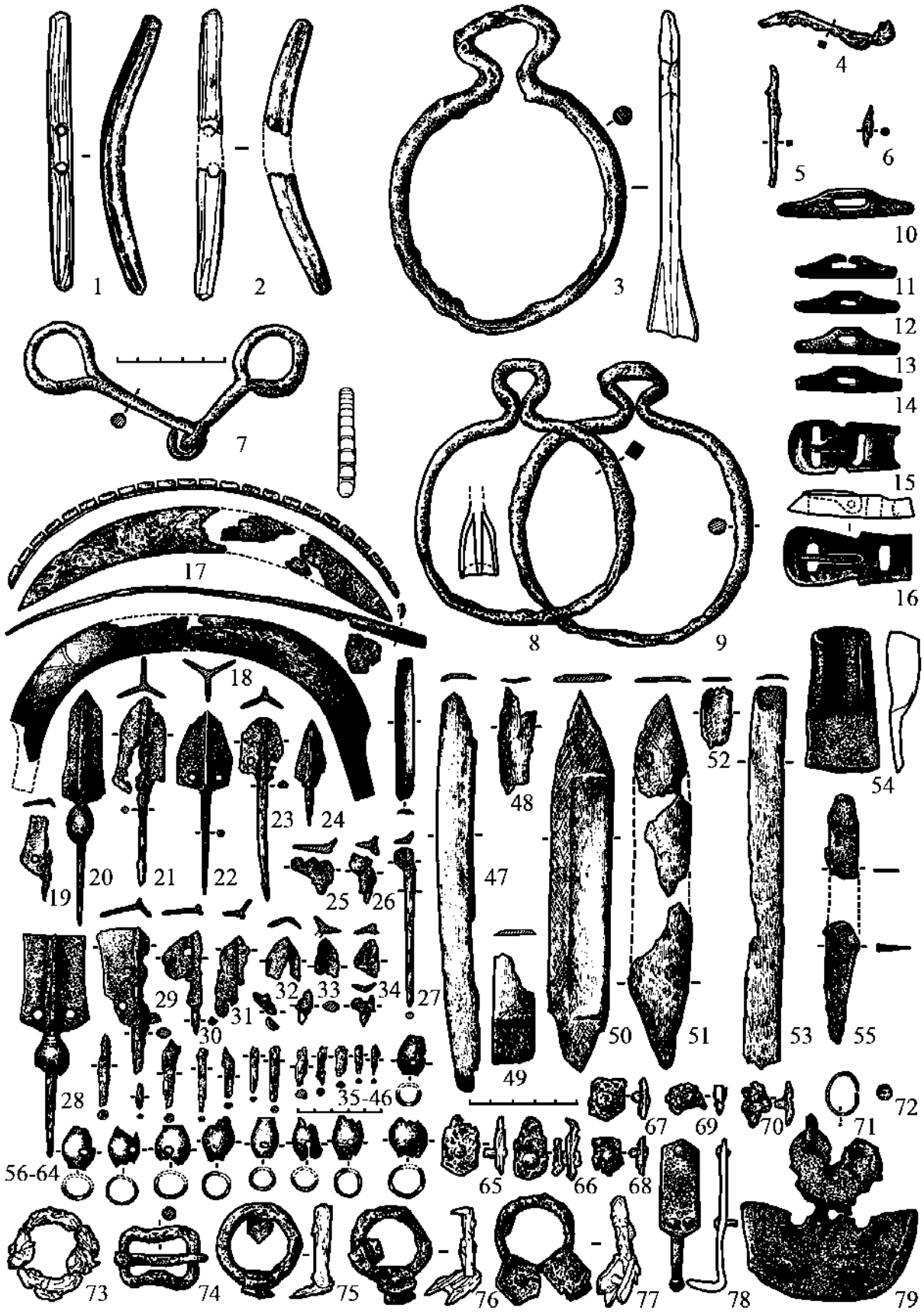

Табл. 42. Предметные комплексы тюркской культуры 1-й половины VI в. (курган №5) и 2-й половины VI – 1-й половины VII в. (курган №10) (по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998]): *1–6, 10* – курган №5; *7–9, 11–79* – курган №10 (*1, 2, 10–18, 47–53, 56–64* – кость, рог; *3–9, 19–46, 54, 55, 65–70, 72–79* – железо; *71* – бронза; *72* – стекло)

42]. К более раннему времени такие изделия впервые отнес С.П. Нестеров [1988, с. 177–178], который полагал, что у алтайских тюрок они датируются с VI в. н.э. В хронологических построениях А.С. Васютина ранние находки петельчатых стремян с территории Алтая рассматривались в рамках VI–VII вв. [Васютин, 1994, с. 59, рис. 1.-12; 3.-15; 2003, с. 59; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 57.-12; 58.-8]. В пользу удревнения нижней даты петельчатых стремян до V–VI вв. н.э. выступил Д.Г. Савинов [1996, рис. 1.-2–3]. Он предположил, что у кочевников Центральной Азии такие приспособления разрабатывались под влиянием изделий с высоким пластинчатым ушком восточно-азиатского происхождения. В настоящее время имеются основания утверждать, что ранние петельчатые стремена на Алтае датируются 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э. В отношении тыткескенского экземпляра из кургана №5 следует отметить, что по своим морфологическим характеристикам (вертикально-вытянутая дужка, изогнутая подножка, повторяющая контур дужки, расширение петли) его можно сопоставить с предметами кудыргинского этапа и датировать 1-й половиной VI в., ближе к середине столетия [Тишкин, Серегин, 2011б, с. 11]. Наличие в данном погребении только одного стремени указывает на довольно ранние аналогии, демонстрирующие сохранение практики использования такого элемента снаряжения в качестве подножки для посадки на лошадь [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 144]. Традиция помещения только одного стремени зафиксирована в ритуальных оградках тюрок 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Могильников, 1994, рис. 2.-1; 7.-1; 13.-2, 3; 14.-2; Соенов, Эбель, 1996, рис. 1.-3; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-9, 11]. Такая черта наблюдается значительно реже в кудыргинских и катандинских могилах [Гаврилова А.А., 1965, с. 25, 59; Могильников, 1994, с. 109; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 115, 116].

Учитывая датировку костяных (роговых) псалиев и особенности металлического стремени, курган №5 можно отнести к концу кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.). Время сооружения данного объекта приходится ближе к середине VI в. н.э., накануне или в самом начале образования Великого Тюркского каганата [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 161].

Следующим по времени возведения является курган №10. Нижняя хронологическая граница возведения данного погребального объекта определяется следующими категориями изделий. Прежде всего стоит отметить предметы вооружения. Сложносоставной лук из семи накладок (четырех концевых и трех срединных) с асимметричными средними рогами и рукоятью средней длины находит аналогии в тюркских памятниках Алтая 2-й половины V – VII в. [Горбунов, 2006, с. 21, 24]. Достаточно узкий период бытования (2-я половина V – 1-я половина VII в.) имеют железные наконечники стрел четырехугольной формы с кольцевым упором [Горбунов, 2006, с. 32, 39, рис. 38]. Этим же временем в тюркской культуре датируются шестиугольные наконечники с кольцевым упором. Известные редкие находки наконечников с пятиугольным абрисом и кольцевым упором (могильник Кудэргэ, курган №11) относятся ко 2-й половине VI – 1-й половине VII в. [Горбунов, 2006, с. 31].

Относительно ранний облик имеют роговые подпружные пряжки с выделенным щитком, с «т-образной» приемной и прямоугольной концевой прорезями, с овально-прямоугольной и овально-трапециевидной рамками, отличающимися плавно изогнутой дужкой без выделенного носика. На Алтае экземпляры, похожие по абрису рамок и щитков, но не идентичные по оформлению прорезей обнаружены в погребениях верх-уймонского этапа (2-я половина IV – 1-я половина V в. н.э.) булан-кобинской культуры [Сорокин, 1969; Тишкин, Матренин, 2010, рис. 1.-4; 2.-6], а также в тюркских комплексах 2-й половины V – 1-й половины VII в. [Гаврилова, 1965, табл. XIX.-20; Тишкин, Горбунов, 2005а, рис. 27.-3; Кубарев, 2005, табл. 111.-2].

Костяные (роговые) накладки на переднюю луку седла по своей форме обнаруживают типологическую близость с модификациями кудыргинского времени [Гаврилова, 1965, с. 85, табл. XV.-12], а по орнаментальному стилю (гравировка в виде сильно стилизованных растительных элементов) – сходство с образцами катандинского периода [Гаврилова, 1965, рис. 8.-1, 3; Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, рис. 11].

Верхний хронологический рубеж в датировании кургана №10 очерчивают железные распределители-тройники с подвижными лопастями, входившие в саадачный набор. Ана-

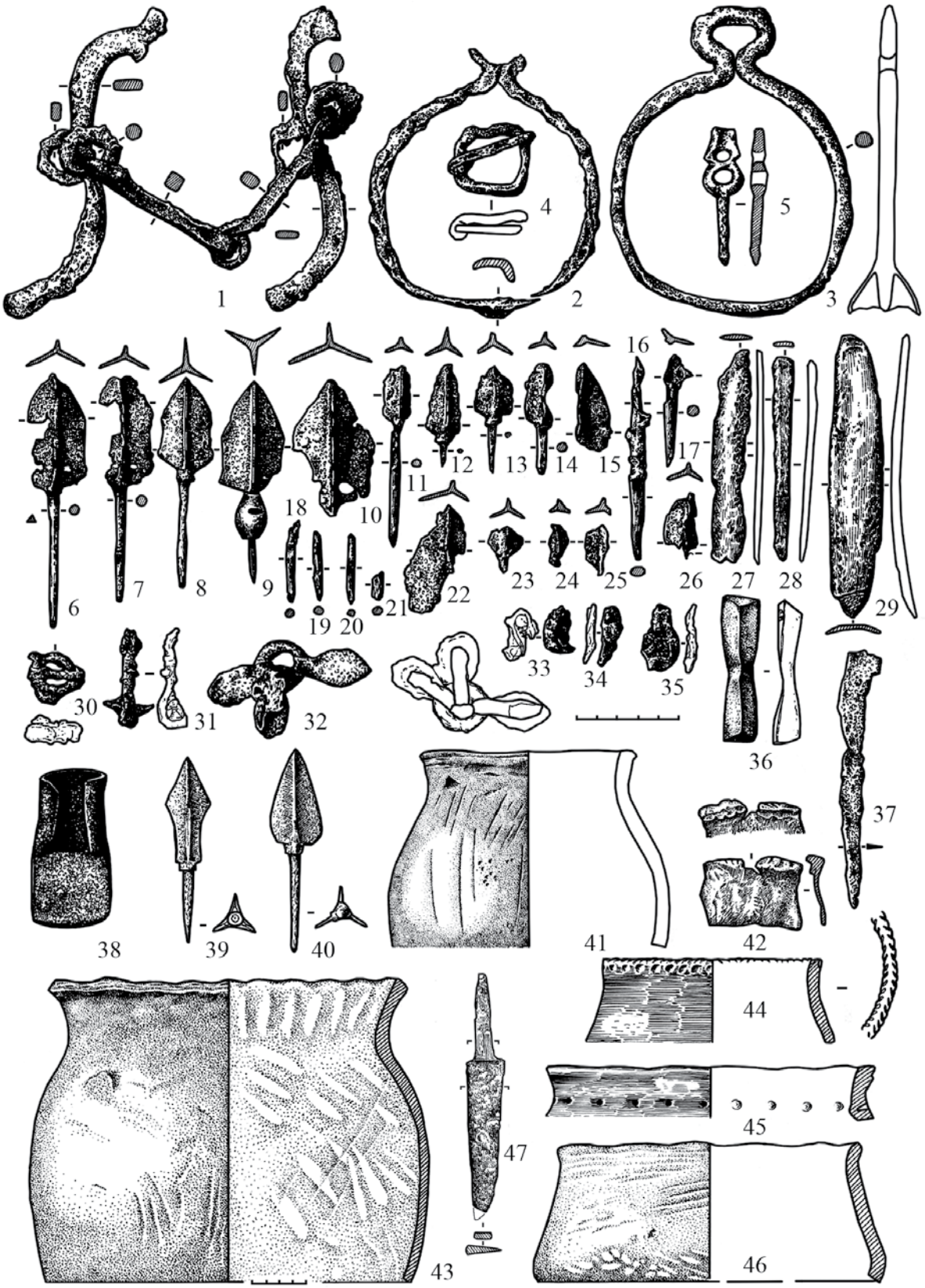

Табл. 43. Предметные комплексы тюркской культуры 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. (курган №1) и вещи периода раннего Средневековья, обнаруженные на территории могильника и поселения Тыткескень-VI (частично по: [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998]): *1–38* – курган №1; *39, 43–46* – верхний культурный слой поселения; *40–42* – насыпь и заполнение могилы кургана №81; *47* – объект №53 (*1–4, 6–26, 30–35, 37–42, 47* – железо; *5, 27, 28, 29* – кость, рог; *36* – камень; *41, 43–46* – керамика)

Табл. 44. Тыткескень-VI. Железные предметы конского снаряжения из тюркских курганов (*1* – курган №5; *2, 6* – курган №1; *3*–5 – курган №10)

логичные по конструкции изделия использовались тюрками в уздечной гарнитуре в течение 2-й половины V – VII в. [Горбунова, 2010, с. 60–62, рис. 28]. В составе снаряжения человека они применялись с катандинского этапа тюркской культуры (с середины VII в.) и с определенными изменениями существовали до финала развития данной общности [Худяков, Борисенко, 1998; Кубарев, 1998, с. 192, рис. 1.-9, 10, 11, 16–18, 20, 21, 23; 2005, с. 95–96].

Железные крюки-застежки с пластинчатым щитком стали появляться только в кудыргинское время, получив широкое распространение на Алтае во 2-й половине VII – XI в. [Гаврилова, 1965, с. 67; Кубарев, 1998, рис. 1.-12, 15, 19; 2005, табл. 7.-4; 99.-16; 150.-5].

Металлические петельчатые стремена с округлой дужкой и неширокой слегка прогнутой подножкой наиболее часто встречаются в тюркских памятниках VII – 1-й половины VIII в. [Гаврилова, 1965, рис. 8; Овчинникова, 1990, с. 106–107; Васютин, 1994, с. 59, 61; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117; Неверов, 1998]. Находки железных кресал связаны с тюркскими комплексами 2-й половины VII – начала XI в.

Другие предметы (наконечники стрел с треугольным пером, гладкие удила с кольчатыми окончаниями без псалиев, цурки, тесло, нож, бесщитковая пряжка с подвижным язычком, пастовая бусина, кольцевая серьга) существуют продолжительное

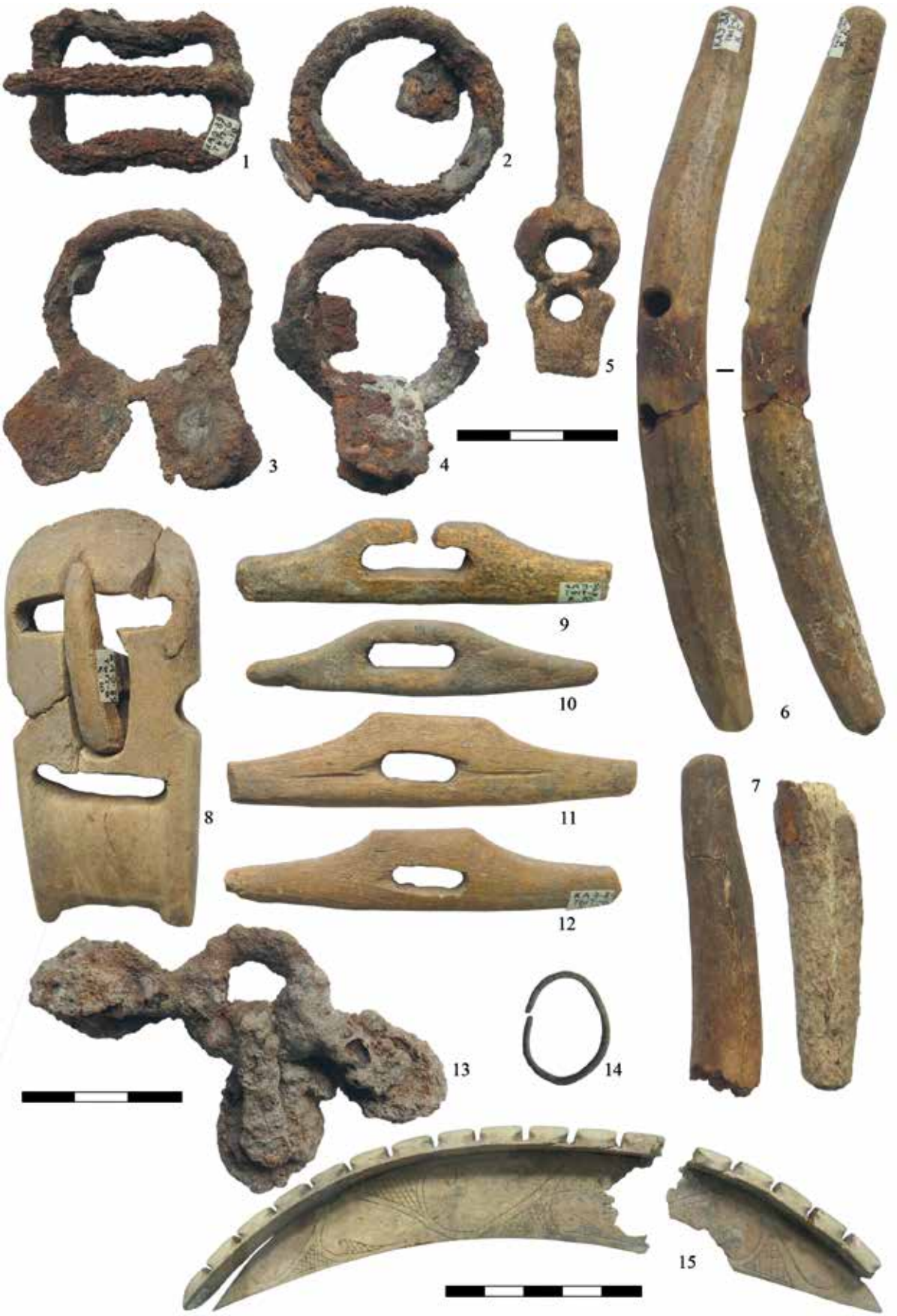

Табл. 45. Тыткескень-VI. Находки из курганов тюркского времени
(*1–4, 8–12, 14, 15* – курган №10; *5, 13* – курган №1; *6–7* – курган №5)
(*1–4, 13* – железо; *5–12* – рог; *14* – сложная латунь; *15* – кость (рог))

время и не могут быть привлечены для уточнения археологического возраста рассматриваемого погребального комплекса.

Основываясь на хронологических выкладках, полученных для разных изделий, курган №10 можно отнести к окончанию кудыргинского этапа тюркской культуры и датировать 2-й четвертью, вероятно, серединой VII в. [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 166]. В историческом аспекте сооружение кургана №10 соответствует пребыванию на Алтае Чабыш-кагана (630–650 гг.) [Тишкин, Горбунов, 2005а, с 161].

Самым поздним погребальным объектом могильника Тыткескень-VI был курган №1. Для его хронологической интерпретации принципиальную важность имеют вещи, типичные для катандинского этапа (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.): железные удила с дополнительным кольцом для повода, совмещенные с «S-видными» псалиями, распределители-тройники от стрелкового пояса с подвижными подтреугольными лопастями, железные наконечники стрел треугольной, пятиугольной, шестиугольной формы с шайбовидным упором [Гаврилова, 1965, с. 64, 83; Овчинникова, 1990, с. 95, 99, рис. 42.-1–7; Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 2.-4; 7.-11; Кубарев, 2005, рис. 34.-3, 6–8, 10, с. 119, 121; Горбунов, 2006, с. 9, 31, 38]. Данной датировке не противоречит присутствие в инвентаре выглядящих несколько архаично металлических петельчатых стремян со слабо прогнутой и неширокой подножкой. Остальные изделия (лук с тремя срединными накладками, железные бесщитковые пряжки с подвижным язычком, тесло, фрагмент крюка-застежки, оселок, нож, костяной блок для чумбура с удлиненным носиком) существуют в более широком хронологическом диапазоне.

Таким образом, курган №1 относится к катандинскому этапу тюркской культуры и, по-видимому, должен датироваться 2-й половиной VII в. [Кирюшин, Горбунов, Степанова, Тишкин, 1998, с. 166–167]. Данный курган был возведен накануне или в начале возникновения Второго Восточно-Тюркского каганата (средняя дата 682 г.) [Тишкин, Горбунов, 2005а, с. 162].

Во время археологических работ на памятнике в 1990 г. были зафиксированы единичные предметы раннего Средневековья при раскопках объекта №53.

Объект №53 находился за поворотом полевой дороги при подъеме террасы к западу, возле скального прижима, с юга от полотна старого Чуйского тракта (рис. 3). В раскопе прямоугольной формы размерами 6×5 м зафиксировано несколько разбросанных рваных камней, средние размеры которых составляли 0,35×0,25×0,15 м. В его северо-восточном углу находился выступ скальной породы. В юго-восточной части раскопа, возле каменной глыбы, в землю был воткнут железный черешковый нож с двумя прямыми плечиками при переходе лезвия в рукоять (табл. 43.-*47*). В этой же части раскопа обнаружено большинство фрагментов неорнаментированной керамической посуды, залегавших на глубине 0,15 м от уровня современной поверхности. Найденный железный нож имеет наиболее близкие аналогии в памятниках тюркской культуры. Для данного экземпляра предпочтительной выглядит датировка в рамках 2-й половины I тыс. н.э.

В 2006 г. в процессе археологических исследований на памятнике Тыткескень-VI новые объекты эпохи Средневековья не обнаружены. Однако при изучении курганов аржано-майэмирского и пазырыкского времени, а также верхнего культурного слоя поселенческого комплекса были найдены отдельные вещи 2-й половины I – начала II тыс. н.э., представленные оружием и бытовыми предметами. Среди них в железном материале выполнены наконечники стрел и фрагмент котла.

Один железный наконечник стрелы зафиксирован при зачистке кургана №81. Этот экземпляр оказался с трехлопастным в сечении пером треугольной формы и шайбовидным упором в месте перехода боевой части в черешок. Предмет располагался почти на поверхности насыпи, благодаря чему слабо пострадал от коррозии. Его общая длина составляет 10,3 см: перо – 4,5 см; черешок без упора – 5 см (табл. 43.-*40*). Наконечники с такими морфологическими признаками были широко распространены у тюрок Алтая с катандинского времени (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) и применялись до начала XI в. [Горбунов, 2006, с. 29, 38].

Другой железный наконечник стрелы найден в границах раскопа поселения, в верхнем культурном слое. Он имел трехлопастное асимметрично-ромбическое перо

и шайбовидный упор. Размеры изделия такие: общая длина 9,4 см, перо 5,3 см, черешок, не считая упора, 3,7 см (табл. 43.-*39*). Аналогичные образцы метательного вооружения известны в материалах сросткинской культуры 2-й половины VIII – XII в. Алтайской лесостепи. У кочевников Алтая они появились в эпоху «кыргызского великодержавия» (2-я половина IX – 1-я половина X в.) и позднее существовали в раннемонгольское время. Данный наконечник может быть датирован в рамках 2-й половины IX – начала XII в. [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39].

Фрагмент венчика железного котла хорошей сохранности выявлен в верхней части заполнения могильной ямы кургана №81. Его профиль прямой, толщина стенки 0,2 см. Сам венчик слегка скошен наружу и орнаментирован насечками (табл. 43.-*42*). Металлическая посуда в раннесредневековых памятниках Алтая встречается редко [Кубарев, 2005, с. 67]. Обломок с Тыткескеня слишком мал, чтобы судить по нему о форме и конструкции всего изделия. Орнаментация венчика сближает данный экземпляр с глиняными сосудами из тюркских памятников Алтая и раннеодинцовских (2-я половина IV – V в.) комплексов Верхнего Приобья [Казаков, Исупов, 1990, рис. 1; Фролов, Горбунов, 2006, рис. 1.-11; Кирюшин, Матренин, 2009, рис. 4.-1, 3, 4]. Данный котел следует относить к тюркскому времени без конкретизации его датировки в рамках 2-й половины V – XI в.

Остальная коллекция артефактов включает керамическую посуду разной степени сохранности. Учитывая небольшую серию известных на сегодняшний день керамических материалов из погребальных, ритуальных и поселенческих памятников Алтая периода раннего Средневековья, считаем важным опубликовать все найденные изделия и их обломки, которые отнесены ко 2-й половине I – началу II тыс. н.э. Керамическим емкостям, сохранившимся в том числе в виде единичных фрагментов, для удобства рассмотрения даны следующие условные обозначения.

Сосуд №1 происходит из верхнего слоя поселения Тыткескень-VI. Представлен большими обломками: целиком сохранилось более 50% верхней половины изделия на высоту 20–22 см (табл. 43.-*43*). Это крупный, слабо профилированный лепной горшок с утолщенным отогнутым наружу волнистым венчиком без орнамента. Диаметр венчика (22 см) ненамного меньше размера тулова (24 см). Толщина стенок в среднем составляет 0,8 см. Формовка неаккуратная, асимметричная, цвет черный. На внутренней поверхности фиксируются вмятины от пальцев. Аналогичные неорнаментированные горшки происходят из средневековых культурных слоев расположенного по соседству поселения Тыткескень-III [Кунгуров, 1994, с. 44, 46, рис. 4.-4; 6.-3]. Данные изделия можно датировать пока в рамках 2-й половины V – XI в. Подобная горшковидная форма характерна для большой группы керамических сосудов из курганов и оградок тюрок Алтая, Тувы и Хакасии [Грязнов, Худяков, 1979, рис. 84.-1, 5–9, 13–22; Кубарев, Журавлева, 1998, с. 28, рис. 1.-5, 6, 13, 14; Борисенко, Худяков, 2001, с. 145–147, рис. I.-2, 3, II.-1, III.-1–4, IV.-3, 5, 6].

Сосуд №2 обнаружен в верхнем горизонте поселения Тыткескень-VI, по соседству с квадратом, где найден рассмотренный выше железный наконечник стрелы с асимметрично-ромбическим пером и шайбовидным упором. Он представляет собой горшок со слегка отогнутым наружу волнистым венчиком без орнамента. Реконструируется верхняя часть изделия темно-коричневого цвета с толщиной стенок 0,8–1 см (табл. 43.-*46*). Ближайшие аналогии такой керамической посуде представлены в раннесредневековых слоях поселения Тыткескень-III [Кунгуров, 1994, рис. 4.-2, 3]. Хронология этого керамического изделия укладывается в рамки существования на Алтае тюркской культуры.

Сосуд №3. В процессе зачистки и разборки насыпи, а также на разных уровнях заполнения могильной ямы в кургане №81 собрано несколько десятков неорнаментированных фрагментов керамики светло-коричневого цвета от горшка с отогнутым наружу ровным венчиком (табл. 43.-*41*). В составе теста некоторых обломков (толщиной 1 см) встречается дресва. Изделие принадлежит к одному типу с керамическим сосудом №1, отличаясь от него размерами и особенностями оформления венчика. Данный керамический сосуд датируется пока условно 2-й половиной V – XI в.

Сосуд №4. В юго-восточной поле насыпи кургана №85 бийкенской культуры обнаружено несколько венчиков, украшенных пальцевыми вдавлениями и ямками. Тол-

щина черепков 0,8–1 см, цвет их темно-коричневый, с внутренней стороны – черный. На основе этих обломков реконструируется сосуд горшковидной формы со слегка отогнутым венчиком (табл. 43.-*46*). Фрагмент сосуда с подобным орнаментом встречен в верхнем слое поселения Тыткескень-VI. Точные аналогии этим находкам представлены в средневековом горизонте поселенческого комплекса Партизанская Катушка в Северном Алтае [Шульга, 1998, рис. 10.-1–5, 7]. Хронология и культурная принадлежность такой посуды остаются открытыми, поскольку для эпохи Средневековья по-прежнему очень трудно состыковывать поселенческую и погребальную керамику.

Сосуд №5. Под северо-восточной полой кургана №85 найден фрагмент венчика черного цвета толщиной 0,8 см, орнаментированный по краю прямоугольным зубчатым штампом (рис. 40.-*15*). Форма сосуда не реконструируется. Похожая керамика известна в раннесредневековом слое поселения Партизанская Катушка [Шульга, 1998, рис. 9.-4; 10.-6].

Сосуд №6. В верхнем культурном горизонте поселения обнаружено несколько фрагментов венчиков керамического сосуда, вероятно горшка, украшенных рядом ямочных вдавлений (табл. 43.-*45*). Форма изделия не восстанавливается. Средневековая керамика с такой орнаментацией встречается на поселениях Северного Алтая [Кунгуров, 1994, с. 44, рис. 4.-2, 5; 6.-2, 9, 10]. Похожая керамическая посуда часто фиксируется в культурных комплексах поселений предгорий 2-й четверти – середины I тыс. н.э. [Кунгуров, Горбунов, 1993, рис. 5.-3, 5, 8; Скопинцева, 1993, рис. 3.-5; 4.-8; Абдулганеев, 1998, рис. 2.-6; Шульга, 1998, рис. 9.-7].

Сосуд №7 обнаружен в границах раскопа поселения, в верхнем культурном горизонте. Представляет собой фрагмент тонкостенного венчика, слегка отогнутого наружу, имеющего рассечение (табл. 43.-*44*). Посуда, декорированная насечками по горловине, в погребальных памятниках тюрок встречается редко. В качестве примера можно назвать обломки горшка из насыпи одиночного кургана Бирюзовая Катунь-3, а также неплохо сохранившийся сосуд из захоронения в кургане №2 могильника Джаргалынты с территории Монголии [Кубарев, 2005, рис. 17.-14; Кирюшин, Матренин, 2009, рис. 4.-1, 3, 4]. Венчики с подобным рассечением происходят из средневековых слоев поселений Северного Алтая [Шульга, 1998, с. 148, 151, рис. 9, 10]. Более отдаленные параллели фиксируются в керамических материалах одинцовской культуры Алтайской лесостепи [Фролов, Горбунов, 2006, рис. 1.-11].

Сосуд №8. При разборке насыпи кургана №85 найден фрагмент венчика тонкостенного сосуда светло-коричневого цвета с резко отогнутым внешним краем, орнаментированный ямочным вдавлением (рис. 40.-*16*). Аналогичная по форме и способу декорирования керамика известна в раннесредневековых материалах поселений Северного Алтая [Кунгуров, 1994, рис. 4.-9; 6.-8, 14; Шульга, 1998, рис. 11.-1, 3]. Хронологическая и культурная атрибуция такой керамики пока затруднена.

Помимо описанных выше находок, с территории могильника и поселения происходят фрагменты неорнаментированной глиняной посуды, принадлежность которых к эпохе Средневековья достоверно не установлена в связи с тем, что они залегали «вперемежку» с артефактами раннего железного века.

Таким образом, на могильнике Тыткескень-VI изучены три кургана тюркской культуры (2-я половина V – XI в.). Полученные археологические материалы демонстрируют использование пространства данного памятника в качестве средневекового «кладбища» в течение непродолжительного времени в рамках 2-й половины VI – 1-й половины VIII в. н.э. Найденные на территории памятника предметы отражают реализацию определенных ритуальных действий и позволяют говорить о кратковременном посещении ее коллективом кочевников. Стойбища последних располагались, по-видимому, на правом берегу р. Тыткескень в зоне активных родниковых проявлений. Одно из них могло находиться в 300 м выше по течению на поселении Тыткескень-III.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проект возведения в долине Катуни Малой Алтайской ГЭС (выше с. Еланда Чемальского района Республики Алтай) оказался временным, но он позволил в полевом сезоне 2006 г. продолжить исследования курганного могильника и поселения Тыткескень-VI. В результате были изучены ранее обнаруженные объекты, а также проведено сплошное обследование участков между ними на предмет наличия других сооружений, не выявленных в прежние годы. Большими площадями осуществлены раскопки в центральной и южной частях цепочки курганов пазырыкского времени. На территории многослойного поселения и в юго-западной части террасы (на возвышенности, у подножья отдельно стоящей горы, к северу от старого Чуйского тракта) вскрыты погребальные и ритуальные конструкции аржано-майэмирского времени. Кроме этого, зафиксированы находки других периодов древней и средневековой истории. Все совокупные результаты многолетней деятельности позволили наполнить содержанием Тыткескенский археологический микрорайон, который по-прежнему имеет хорошие перспективы для дальнейших исследований.

В ходе экспедиционных работ на территории крупного археологического комплекса в 2006 г. раскопано 28 погребальных и ритуальных объектов, большинство из которых относятся к пазырыкской культуре (21), а меньшая часть (7) – к аржано-майэмирскому времени. Серия полученных материалов существенно дополнила имевшийся корпус вещественных и антропологических источников и предоставила возможности для более цельного восприятия планиграфической структуры всего некрополя.

Памятники аржано-майэмирского времени на основании изучения инвентаря и результатов радиоуглеродного анализа отнесены к семисартскому (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) и бойтыгемскому (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI в. до н.э.) этапам бийкенской культуры. Исследованные курганы пазырыкской общности по составу найденных вещевых наборов определены в рамках башадарского (2-я половина VI – 1-я половина V в. до н.э.) и кызыл-джарского (2-я половина V – 3-я четверть IV в. до н.э.) этапов. Это согласуется с ранее предложенными хронологическими выкладками [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 104–114; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 106–109]. Судя по особенностям погребального обряда и сопроводительного инвентаря, изученные объекты пазырыкской культуры оставлены рядовыми представителями и могут рассматриваться как проявление локального (северо-алтайского или тыткескенского) варианта. Особого внимания заслуживает коллективное погребение в могиле кургана №89, где зафиксирована ориентация умерших людей в противоположных направлениях, уложенных в разных позах. Свое значение имеют результаты проведенного рентгенофлюоресцентного анализа обнаруженных изделий из цветного металла, поскольку в предыдущие годы такие находки изучались выборочно. Полученные новые антропологические материалы могут быть использованы для реконструкции палеодиеты и других аспектов жизнеобеспечения населения Алтая в пазырыкское время. Важными станут палеогенетические и другие междисциплинарные исследования.

Обобщение задокументированных результатов раскопочных работ на памятнике Тыткескень-VI в течение полевых сезонов 1988–1993 гг. и 2006 г. позволяет отра-

зить следующее число изученных комплексов периода поздней древности и раннего Средневековья:

– восемь курганов и три выкладки бийкенской культуры, датируемые в рамках 2-й половины VIII – 2–3-й четверти VI в. до н.э.;

– 55 погребений, 12 выкладок и четыре «ритуальных» кургана пазырыкской культуры, относящиеся ко 2-й половине VI – 3-й четверти IV в. до н.э.;

– шесть курганов, одна выкладка и одно ритуальное сооружение булан-кобинской культуры, датированные концом II – III в. н.э.;

– три кургана тюркской культуры, археологический возраст которых определяется в рамках 1-й половины VI – 1-й половины VIII в. н.э.; помимо этого, в научный оборот введена представительная коллекция находок, зафиксированных в верхнем культурном слое поселения и в насыпях отдельных курганов.

Значение могильника Тыткескень-VI заключается в том, что это практически полностью исследованный погребально-поминальный комплекс, который является одним из самых больших по числу раскопанных захоронений рядового населения пазырыкской культуры Алтая. Полученные при этом археологические материалы имеют принципиальную важность для относительной датировки погребальных памятников периода поздней древности и раннего Средневековья, а также для осуществления этнокультурных, палеоантропологических и других реконструкций.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абдулганеев М.Т. Отчет о работах разведочного отряда Алтайской археологической экспедиции летом и осенью 1983 г. в Зональном, Онгудайском и Шелаболихинском районах Алтайского края. Барнаул, 1984. 116 с. (Архив МАЭА АГУ. №51).

Археологические исследования в зоне строительства Алтайской гидроэлектростанции (археологический комплекс Тыткескень-VI в Чемальском районе Республики Алтай): научный отчет по теме №20/2006 от 05.05. 2006 г.: в 3-х т. / В.П. Семибратов, А.Л. Кунгуров и др. Барнаул, 2006. Т. I: текст, 123 с.; Т. II: Приложение 1 (рисунки, чертежи, планы), 115 с.; Т. III: Приложение 2 (фото). 262 с.

Кирюшин Ю.Ф. Отчет об археологических исследованиях Алтайской археологической экспедиции летом 1988 г. в Шебалинском районе Алтайского края. Барнаул, 1988. 154 с. (Архив МАЭА АГУ. №97).

Кирюшин Ю.Ф. Отчет об археологических работах Алтайской археологической экспедиции у с. Еланда Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области летом 1989 г. Барнаул, 1990. 189 с. (Архив МАЭА АГУ. №75).

Кунгуров А.Л. Отчет об археологических исследованиях Бийского отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1984 г. в Алтайском крае. Барнаул, 1984. 54 с. (Архив МАЭА АГУ. №60).

Кунгуров А.Л. Отчет об исследовании Бийским отрядом Алтайской археологической экспедиции стоянки Тыткескень-II летом 1985 г. в Шебалинском районе Алтайского края. Барнаул, 1986. 47 с. (Архив МАЭА АГУ. №70).

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с. (Фонд диссертаций ГПНТБ СО РАН).

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. … канд. ист. наук. Чита, 2005. 295 с. (Фонд диссертаций Российской государственной библиотеки).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

на русском языке

Абдулганеев М.Т. Работы в Горном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 189.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма-I и культурно-хронологическая атрибутация земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 165–171.

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 268–281 (Археология СССР).

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. М.: Ин-т археологии РАН, 1997. 165 с.

Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.

Алтайский край. Атлас. М.; Барнаул: ГУГК при Совете министров СССР, 1978. Т. 1. 222 с.

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977. 152 с.

Барышников Г.Я. Геолого-геоморфологический метод определения возраста археологических памятников в горах Алтая // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Геол. ин-та БНЦ, 1986. С. 75–77.

Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое (на примере Горного Алтая). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 182 с.

Барышников Г.Я. Рельеф переходных зон горных сооружений. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 194 с.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Палеогеографические условия формирования Нижнетыткескенской пещеры и первые археологические находки в ней // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 50–52.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 23–30.

Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. Ч. 1. 164 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 243 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Керамика из древнетюркского поминальника Биченег // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. №7. С. 145–154.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Вторичные погребения и кенотафы скифского времени горной долины нижней Катуни // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 69–73.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.: ил.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 7–79.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии бассейна р. Хемчик. М.; Л.: Наука, 1966. С. 185–291.

Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.

Васютин А.С. Еще раз о Кудыргэ // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. 2. С. 224–227.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 2002. 248 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 80–90.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 2002. С. 174–180.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. 2. С. 227–229.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. Вып. XII. С. 101–104.

Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.

Горный Алтай / В.А. Лойша, М.В. Петкевич, Ф.Б. Бакшт и др.; под общ. ред. В.С. Ревякина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. 252 с.: ил.

Грязнов М.П., Худяков Ю.С. Кыргызское время // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 146–159.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. Вып. 1: Археологические памятники сюнну. СПб.: АзиатИКА, 1995. 287 с.

Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 125–145 (Археология СССР).

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 142 с. (САИ. Вып. Д 1–7).

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970а. С. 80–209.

Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970б. С. 210–238.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1966. Вып. 8. С. 61–76.

Зюзин А.В. Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 168–169.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 174–204.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.

История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. 392 с.: ил.

Казаков А.А., Исупов С.Ю. Керамический комплекс городища Бехтемир // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 109–112.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. II. С. 230–235.

Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 39–43.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.

Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-II: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-II (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 335 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Неолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 52–95.

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Раскопки кургана раннего средневековья Бирюзовая Катунь-III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2009. Вып. XVII. С. 235–242.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 26–29, 100–102.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 25–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Находки ранней бронзы на Средней Катуни // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. Вып. 2. С. 67–69.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-VI на Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С.115–134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 39–40.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Кирюшин К.Ю. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 22–25.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Неолитический комплекс поселения Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 146–150.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-I // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Ин-т археологии и этнографии СО АН СССР, Краснояр. гос. пед. ин-т, 1992. С. 282–286.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 353–357.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л. Материалы эпохи бронзы с поселения Тыткескень-VI на Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 365–369.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Грушин С.П. Исследование афанасьевского захоронения на памятнике Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 370–372.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Тюрина Е.А., Грушин С.П. Исследование афанасьевского захоронения на памятнике Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 370–372.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 245–249.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 66–70.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Признаки погребального обряда скифских памятников Средней Катуни // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 102–106.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 70–75.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. С. 125–130, 222–226.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткескень-VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // Terra Scythica: программа и тезисы докладов к Международному симпозиуму. Денисова пещера, Алтай, 17–23 августа 2011 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011а. С. 38–39.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Памятник скифо-сакского времени Тыткескень-VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // Terra Scythica. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011б. С. 97–116.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований, 2014. №2 (10). С. 5–24. DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-01

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. №1. С. 6–19.

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 103–131.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, №1. С. 82–92.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во Иркутск. техн. ун-та, 2006. Вып. 4. С. 242–258.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.: табл.

Кочеев В.А. Чеканы Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 144–162.

Кочеев В.А. Костяные втульчатые наконечники стрел из курганов скифского времени Горного Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 173–175.

Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 117–126.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 7–22.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 74–77.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Кочеев А.В. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982-х гг. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 90–109.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Древнетюркский кенотаф из Бике-III // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 82–86.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3 С. 190–197.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Журавлева А.Д. Древнетюркская керамика Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1998. №3. С. 25–31.

Кунгуров А.Л. Новая стоянка эпохи палеолита на Средней Катуни // Проблема сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 24–25.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. 89 с.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-III // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники р. Тыткескень (Средняя Катунь) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 3–13.

Кунгуров А.Л. Мезолит (ранний, развитый, поздний, финальный) // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 30–51.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-V // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 99–107.

Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Работы в предгорьях Алтая // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 184.

Кунгуров А.Л., Матренин С.С. Коллективное погребение пазырыкской культуры из могильника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 117–122.

Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катуни // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1987. С. 31–57.

Кундо Л.П., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Особенности бронзолитейного дела и сырьевые ресурсы металлургии скифской эпохи Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 176–178.

Кузьмин Н.Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 55–82.

Кузьмин Н.Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №3 (35). С. 77–87.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катуни // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 3–30.

Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.

Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Тумек-Кичиджик // Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979. С. 134–150 (Труды ХАЭЭ. Т. XI).

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // Российская археология. 2007. №3. С. 111–121.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т., Неверов С.В. Аварийные исследования курганов у с. Кастахта // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 90–97.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 196–205 (Археология СССР).

Мандрыка П.В., Макаров Н.П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 68–84.

Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 58 с.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 2. С. 37–51.

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // Российская археология. 1996. №2. С. 168–181.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2005а. 24 с.

Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 93–98.

Матренин С.С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 143–148.

Матренин С.С. Некоторые результаты сравнительного изучения погребальных памятников Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. 2008. №4/2 (60). С. 127–135.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. 2013. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.

Матренин С.С., Серегин Н.Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа поздней древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2019. №3 (107). С. 104–113. DOI: https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)3-18

Матренин С.С., Тишкин А.А. Опыт выделения локально-территориальных групп населения Горного Алтая хуннуского времени (по материалам погребальных памятников) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 102–115.

Медведев А.П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 86–94.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. Древнетюркское погребение могильника Дялян // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 85–86, 124.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. С. 3–39.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116, 257–280.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 1997. 195 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура-I // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 103–109.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. 1980. №2. С. 180–191.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайское отд-е Алт. кн. изд-ва, 1979. 398 с.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 177–191 (Археология СССР).

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Новые материалы из курганов конца I – начала II тыс. н.э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 120–123.

Нестеров С.В. Стремена Южной Сибири // Методологические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 173–183.

Николаев Н.Н. К вопросу о погребальной обрядности могильника Кокэль // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.: Гос. Эрмитаж, 1991. Вып. 3. С. 54–60.

Николаев Н.Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб: [Б.и.], 2000. С. 70–85.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. 252 с.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: МКТУ, 2000. 200 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Пшеницына М.П. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 150–162.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Растительный покров Западно-Сибирской равнины / И.С. Ильина, Е.И. Лапшина, Н.И. Лавренко и др. Новосибирск: Наука, 1985. 251 с.: ил.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 16–20.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 226 с.

Седых В.Н. Тагарский курган у с. Калы в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 158–167.

Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.

Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень-III // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. Т. 1. С. 65–66.

Семибратов В.П. Финальномезолитический комплекс поселения Тыткескень-III // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 97–111.

Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения реки Катунь: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.

Серегин Н.Н. Вопросы этносоциальной интерпретации одиночных погребений тюркской культуры // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. С. 251–254.

Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI в. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 23 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 62–71.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. 248 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. №3. С. 115–118.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 113–135.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1969. Т. X. С. 208–236 (Культура и искусство народов Востока).

Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 34–40.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 54–69.

Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 137–145.

Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 25 с.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 267–274.

Степанова Н.Ф., Горбунов В.В. Находки эпохи средневековья с поселений Малый Дуган и Узнезя-I // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: АКИН, 1994. С. 82–85.

Степанова Н.Ф., Кирюшин К.Ю. Могильник скифского времени Тыткескень-6 // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 64–66.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда-II // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Субботин А.В. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 64–66.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 85–93.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 191–198.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.: ил.

Тетерин Ю.В. Средневековые памятники у р. Ороктой в долине Средней Катуни // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул: БГПИ, 1991. С. 151–153.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 56–65.

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 4, вып. 5: Археология и этнография. 2005. С. 52–64.

Тетерин Ю.В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, №3. С. 87–96.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 1996а. 28 с.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996б. С. 20–54.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 164–166.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.

Тишкин А.А. Проблемы выделения керамического материала раннескифского времени в Горном Алтае // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: НГПУ, 2005. Т. 2. С. 169–178.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологическая концепция и этнокультурная история): автореф. дис. … докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007а. 356 с.

Тишкин А.А. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. Вып. 3. С. 146–158.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А. Бийкенская культура // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019а. С. 186–201.

Тишкин А.А. Майэмирская (майемерская) культура // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019б. С. 201–210.

Тишкин А.А. Фрагменты тканей из древних и средневековых памятников (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. М.: ИА РАН; Германский археологический институт, 2019в. С. 142–154 DOI: 10.34780/acea.v7i0.1006 (Archaeology in China and East Asia, Vol. 7).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. 200 с.+вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во Иркутск. техн. ун-та, 2005б. Ч. I. С. 327–333.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003б. Кн. 2. С. 166–168.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследования памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003в. Т. IX, ч. I. С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 291–299.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Особенности погребальных конструкций бийкенской культуры и их семантика // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 363–371.

Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры Алтая: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 279–294.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Курганы бийкенской культуры на памятнике Тыткескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007а. С. 109–116.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннуского времени // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007б. Вып. 3. С. 39–56.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Комплексный анализ роговых пряжек хуннуского и жужанского времени из могильника Яломан-II (Центральный Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 220–228.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2013. №4/1 (80). С. 204–213.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. Булан-кобинская культура // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / В.В. Горбунов, С.П. Грушин, П.К. Дашковский и др.; под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 286–308.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // Российская археология. 2015. №1. С. 121–135.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П. Радиоуглеродная датировка курганов пазырыкской культуры Северного Алтая (по результатам работ Катунской экспедиции АлтГУ в 2007 г.) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 56–65.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011б. Вып. 6. С. 5–23.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С. Уркошский археологический район (Центральный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 208 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 1).

Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтая и Россия – 240 лет. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1996. С. 34–38.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2006. №6. С. 57–75.

Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. №12. С. 92–95.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. … канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 22 с.

Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 154–162.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в северном Причерноморье // Российская археология. 2004. №3. С. 160–170.

Тур С.С. Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 136–147.

Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катуни скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 137–169.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 136–149.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я.В., Горбунов В.В. Аварийные раскопки погребения сросткинской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 298–302.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. С. 173–178.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997а. №2. С. 28–37.

Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997б. С. 145–155.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. №3. С. 97–112.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 369–373.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Худяков Ю.С., Цэвэндордж Д. Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // Studia Mongolica. Улан-Батор: Изд-во АН Монголии, 1986. Т. XI (19). Fasc. 6. С. 60–64.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. №5. С. 37–48.

Шелепова Е.В. Некоторые результаты изучения ритуальных объектов на памятнике Тытkескень-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. XVI. С. 136–142.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 23 с.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-II на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 64–65.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 48–60.

Шульга П.И. Поселение Чепош-II на Средней Катуни // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 228–334.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 146–164.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.

Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 258 с.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 112–130.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

на иностранных языках

Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии [Нэй мэнгу дицюй сяньбэй муцзандэ фасянь юй яньцзю]. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. С. 16–54 (на кит. яз.).

Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 211–272 (на кит. яз.).

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. Улаанбаатар; Сеул, 2003. 277 т. (на монг., кор. яз.).

Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин. Краткое сообщение о раскопках части сяньбэйского могильника Лаохэшэнь в уезде Юйшу провинции Гирин // Вэньу. 1985. №2. С. 68–82 (на кит. яз.).

Чжао Юэ. Сяньбийское погребение, открытое в Лабудалинь аймака Эю во Внутренней Монголии [Нэй мэнгу Эюци Лабудалинь фасянь сяньбэйму] // Каогу. 1990. №10. С. 890–893 (на кит. яз.).

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Археологические памятники долины реки Эгийнгол (от бронзового века до монгольского времени) [Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе)]. Улан-Батор: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 с. (на монгол. яз.)

Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian Univer., 2000. 261 p.

Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen. Excavation of a Cluster of Tombs of the Xianbei Nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // Wenwu. 1985. №2. P. 68–82 (на кит. яз.).

Kirjushin Y.F., Kungurow A.L. Polylajer Settelment Titkeshen-6 an Middel Katun // Korean Agcient Historical Souety. Seoul, 1995. №11. P. 255–268.

Tishkin A.A. Metallic artifacts of arjan-mayemir period from the Altai territory: x-ray fluorescence analysis, cultural and chronological attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 123–144.

Treasres of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia. Ulaanbaatar: Institut of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, 2011. 296 p. (на монг., англ. яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ (АлтГУ) – Алтайский государственный университет.

АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию (г. Горно-Алтайск).

АН – Академия наук.

БГПИ (БГПУ) – Барнаульский государственный педагогический институт / университет (затем – Барнаульская государственная педагогическая академия; ныне – Алтайский государственный педагогический университет).

БНЦ – Бурятский научный центр.

ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне – ГАГУ).

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.

ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований (быв. ГАНИИИЯЛ, ныне – Институт алтаистики им С.С. Суразакова).

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека.

ГУГК – Главное управление геодезии и картографии.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ГЭС – гидроэлектростанция.

ДонНУ – Донецкий национальный университет.

ИА – Институт археологии.

КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт (ныне – КГПУ).

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР (ныне – РАН).

МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.

НИИ ГИ – Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.

НТП – Нижнетыткескенская пещера (поселение).

РАН – Российская академия наук.

САИ – Свод археологических источников.

СО – Сибирское отделение.

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

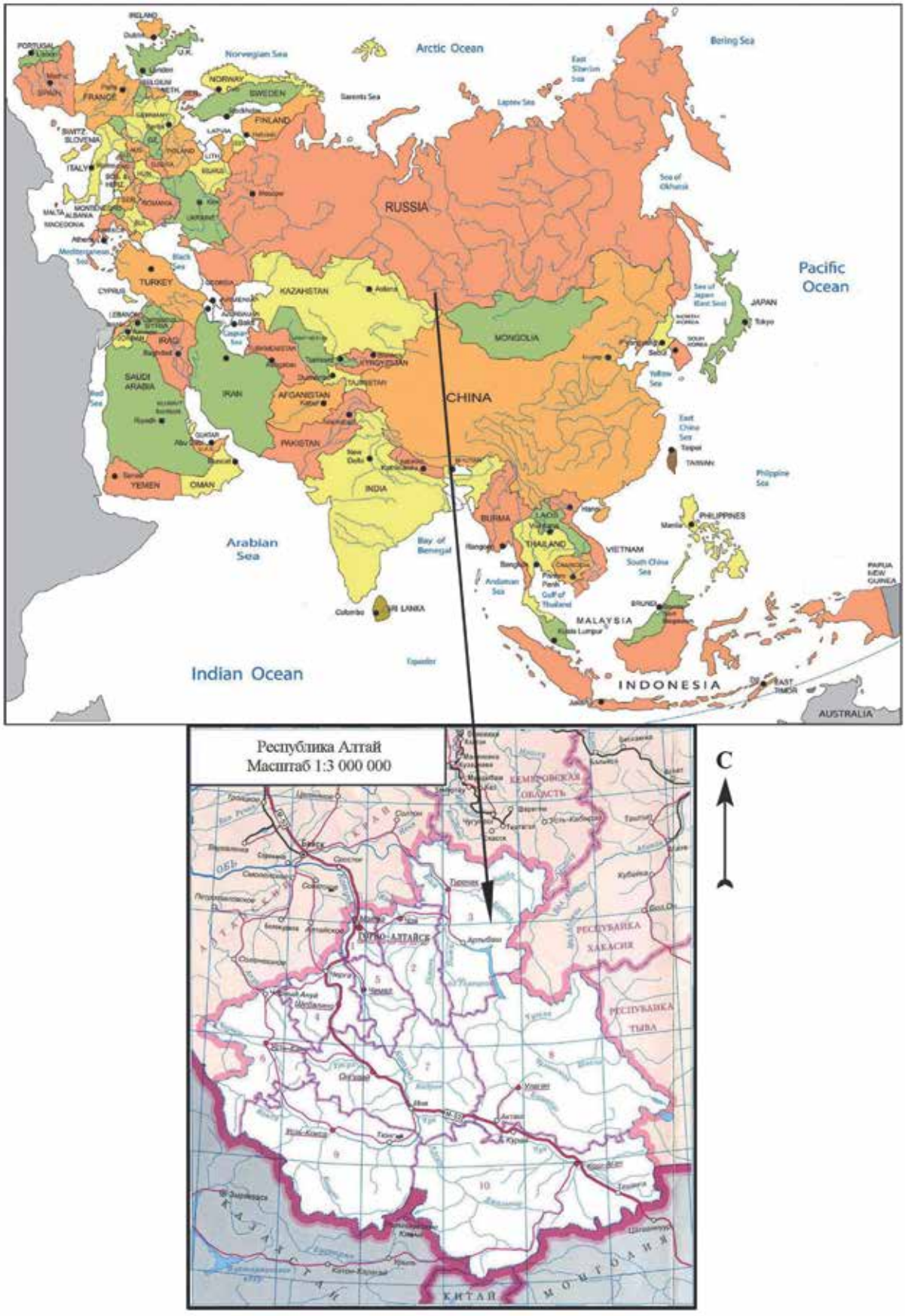
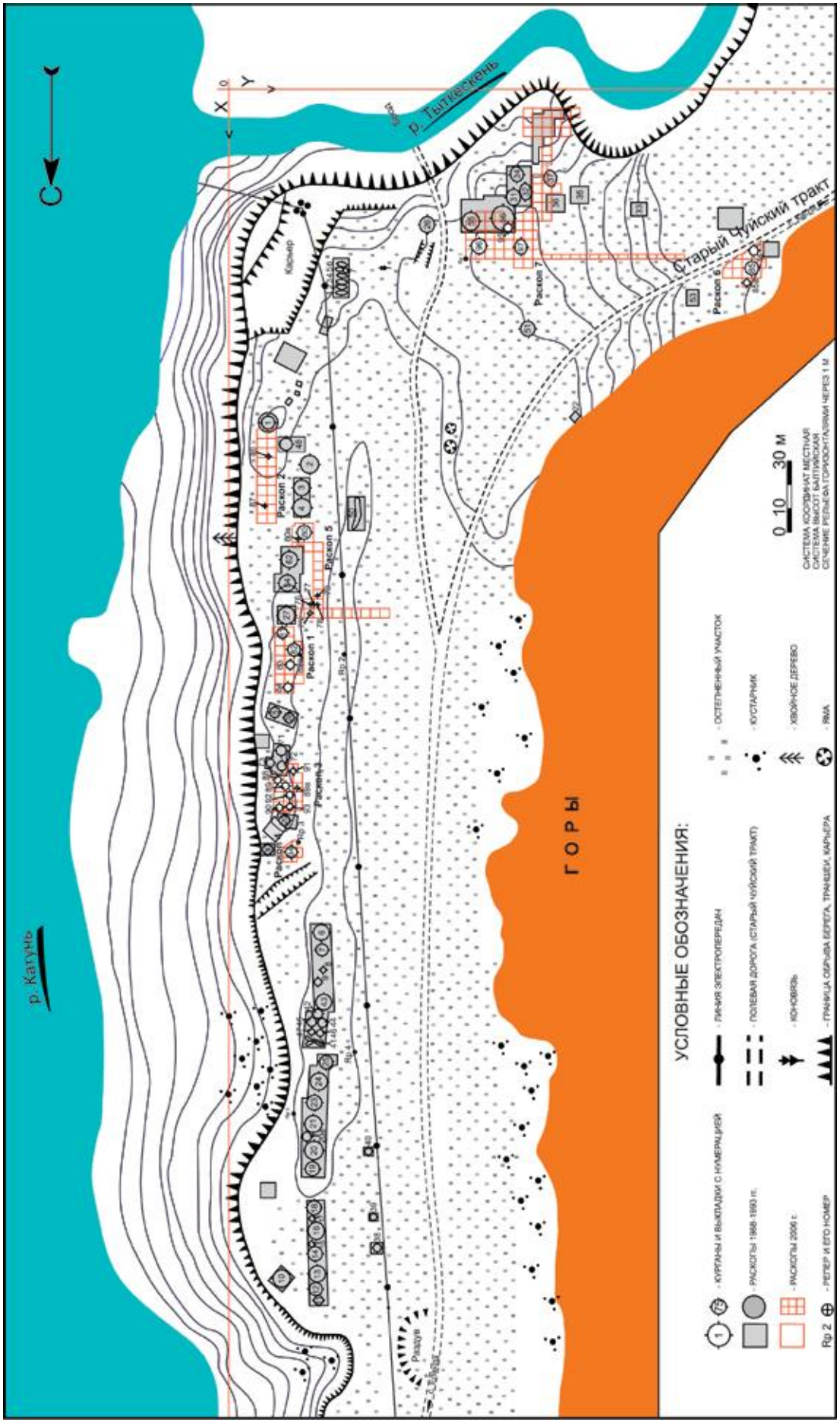

Рис. 1. Республика Алтай на карте-схеме Евразии

Рис. 2. Расположение памятника Тыткескень-VI на карте Чемальского района Республики Алтай

С
р. Катунь
р. Тыткескень
Старый Чуйский тракт
Раскоп 1
Раскоп 2
Раскоп 3
Раскоп 5
Раскоп 7
Раскоп 6
Кошар
Ро 2а
Ро 2
Ро 1
Ро 3
Ро 4
Ро 5
Ро 6
Ро 7
Ро 8
Ро 9
Ро 10
Ро 11
Ро 12
Ро 13
Ро 14
Ро 15
Ро 16
Ро 17
Ро 18
Ро 19
Ро 20
Ро 21
Ро 22
Ро

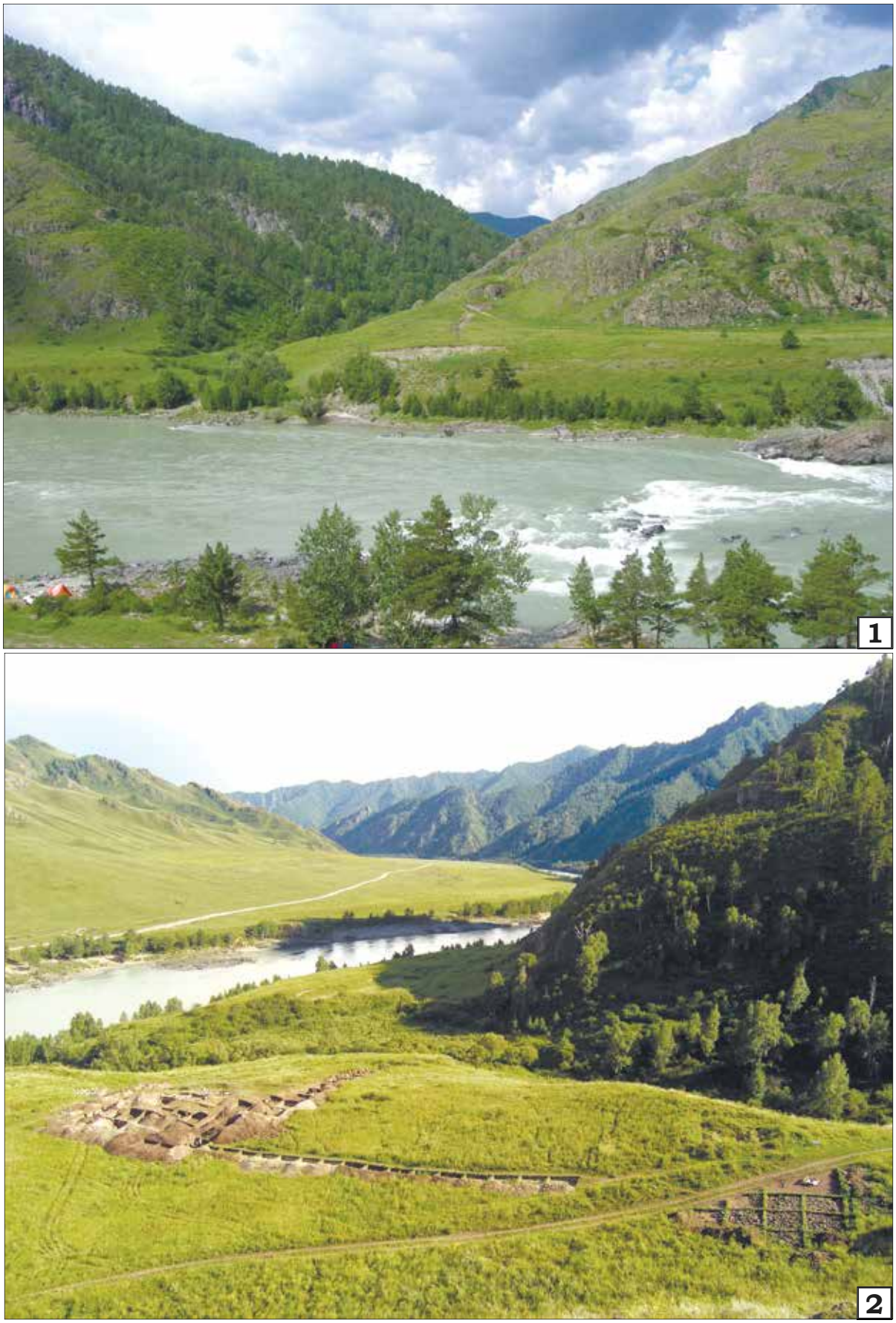

Рис. 4. Месторасположение памятника Тыткескень-VI: *1* – вид на террасу и устье р. Тыткескень с правого берега Катуни; *2* – локализация раскопов №6 и 7 на южном участке комплекса

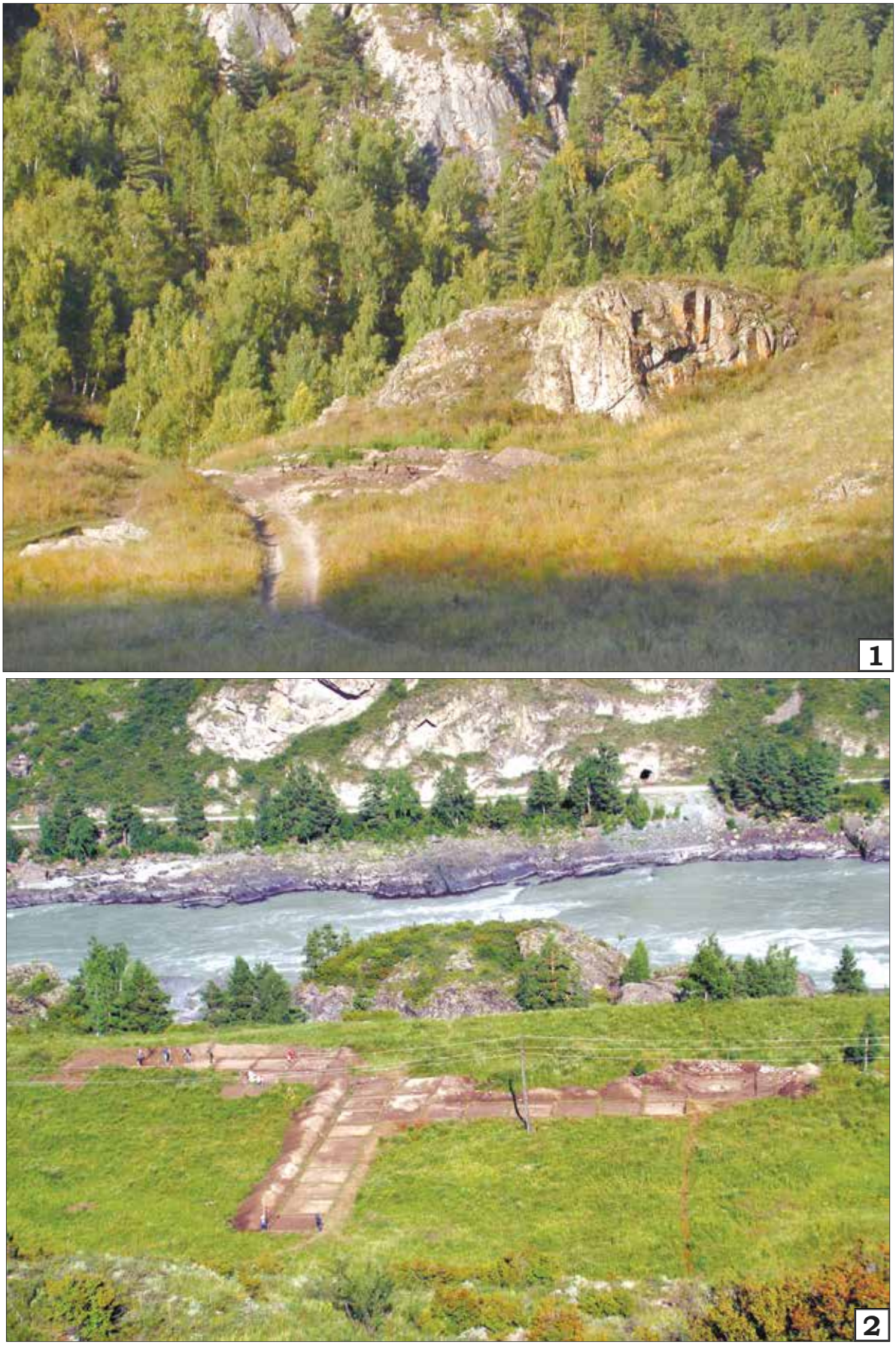

Рис. 5. Общие виды памятника Тыткескень-VI: *1* – раскоп №6 и остатки полотна старого Чуйского тракта; *2* – раскопы №1 и 5 в центральной части комплекса

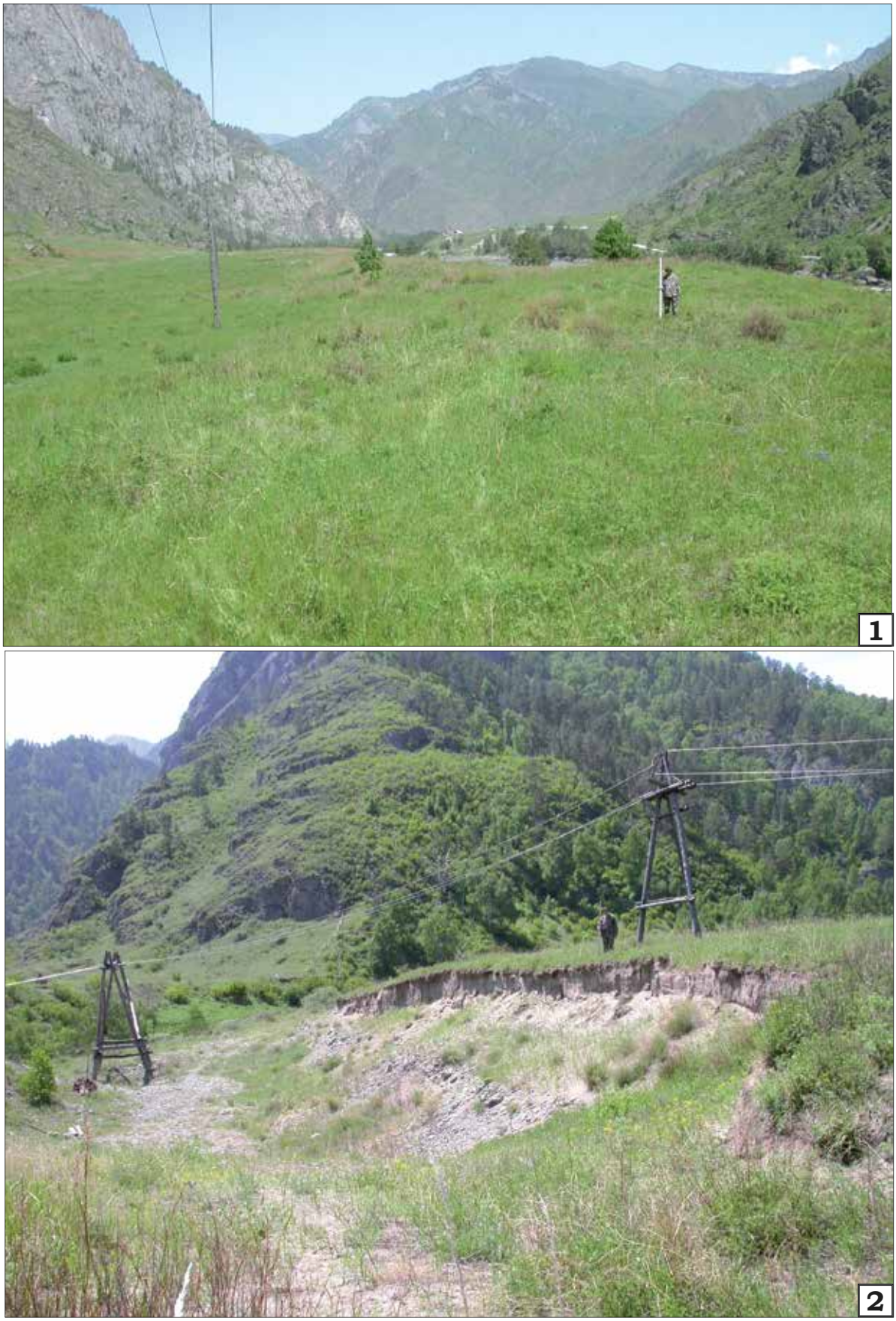

Рис. 6. Общие виды памятника Тыткескень-VI: *1* – центральная часть комплекса до проведения раскопок; *2* – разрушенная карьером юго-восточная оконечность могильника, место расположения погребений булан-кобинской культуры (исследованы в 1989 г.)

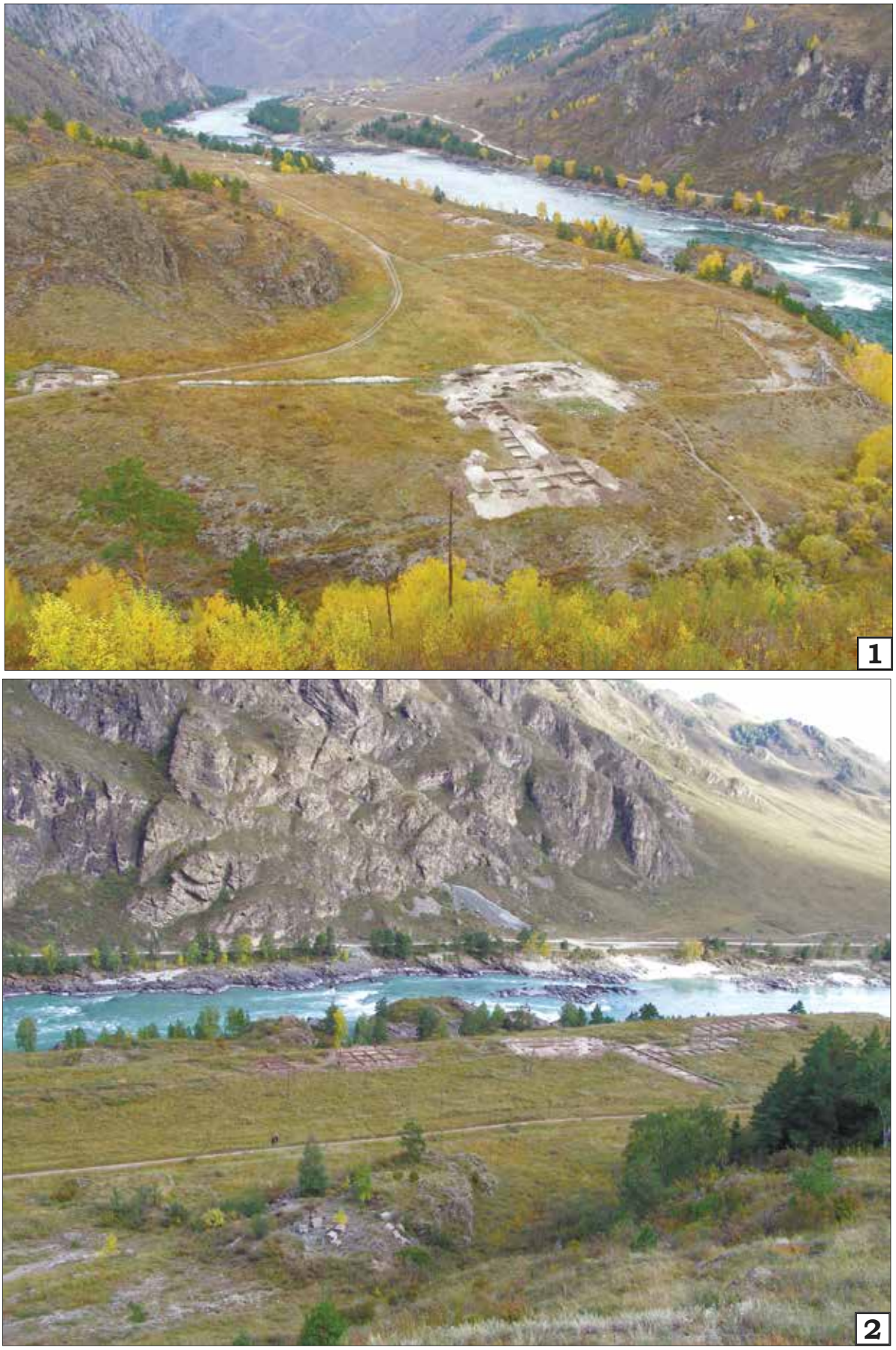

Рис. 7. Панорамные виды с раскопами на памятнике Тыткескень-VI (октябрь 2006 г.): *1* – с юго-запада; *2* – с северо-запада

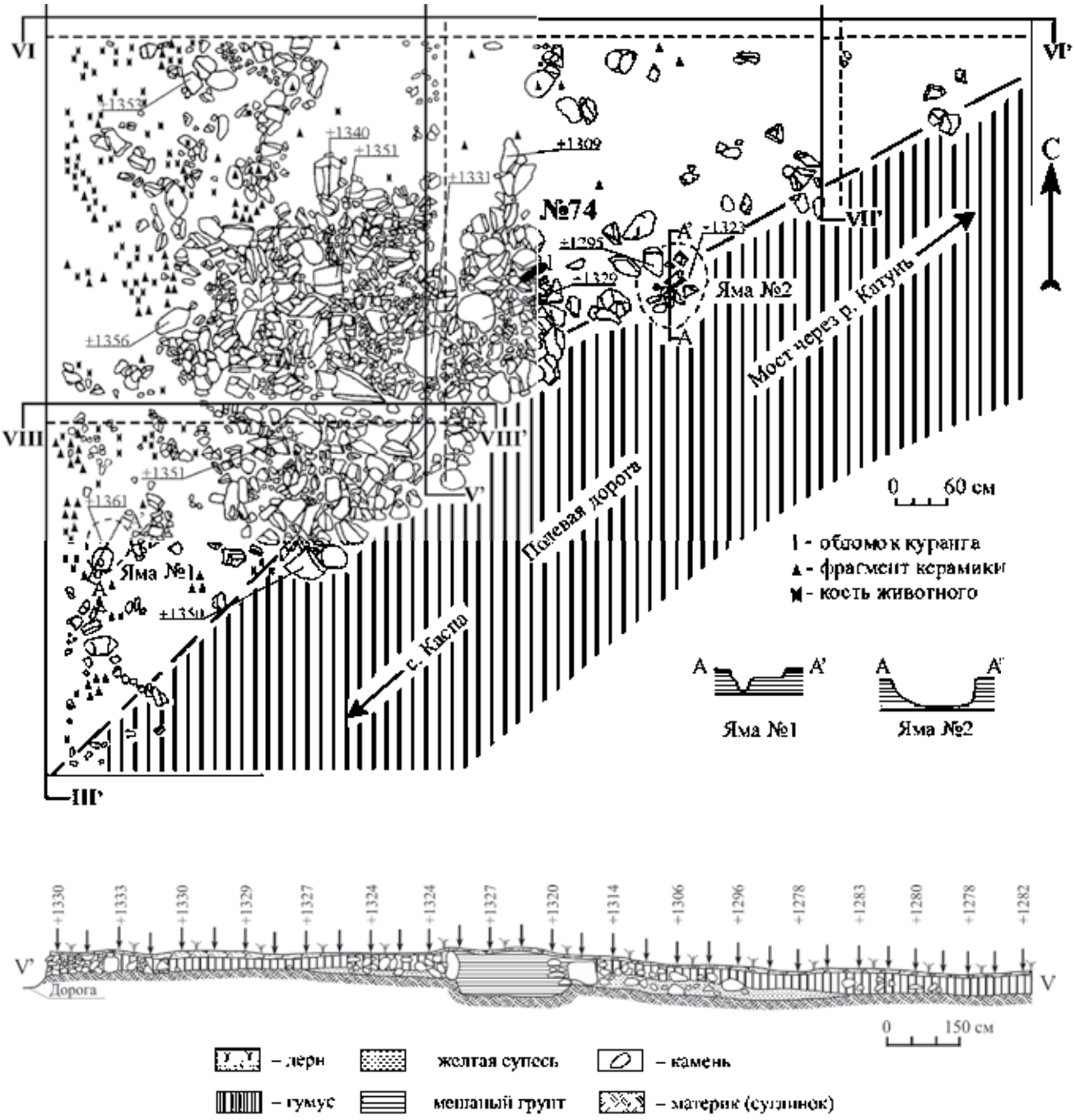

Рис. 8. Тыткескень-VI, курган №74. План и разрез

Рис. 9. Тыткескень-VI: *1* – курганы №74 и 85 в процессе исследования;
2 – насыпь кургана №74 после зачистки

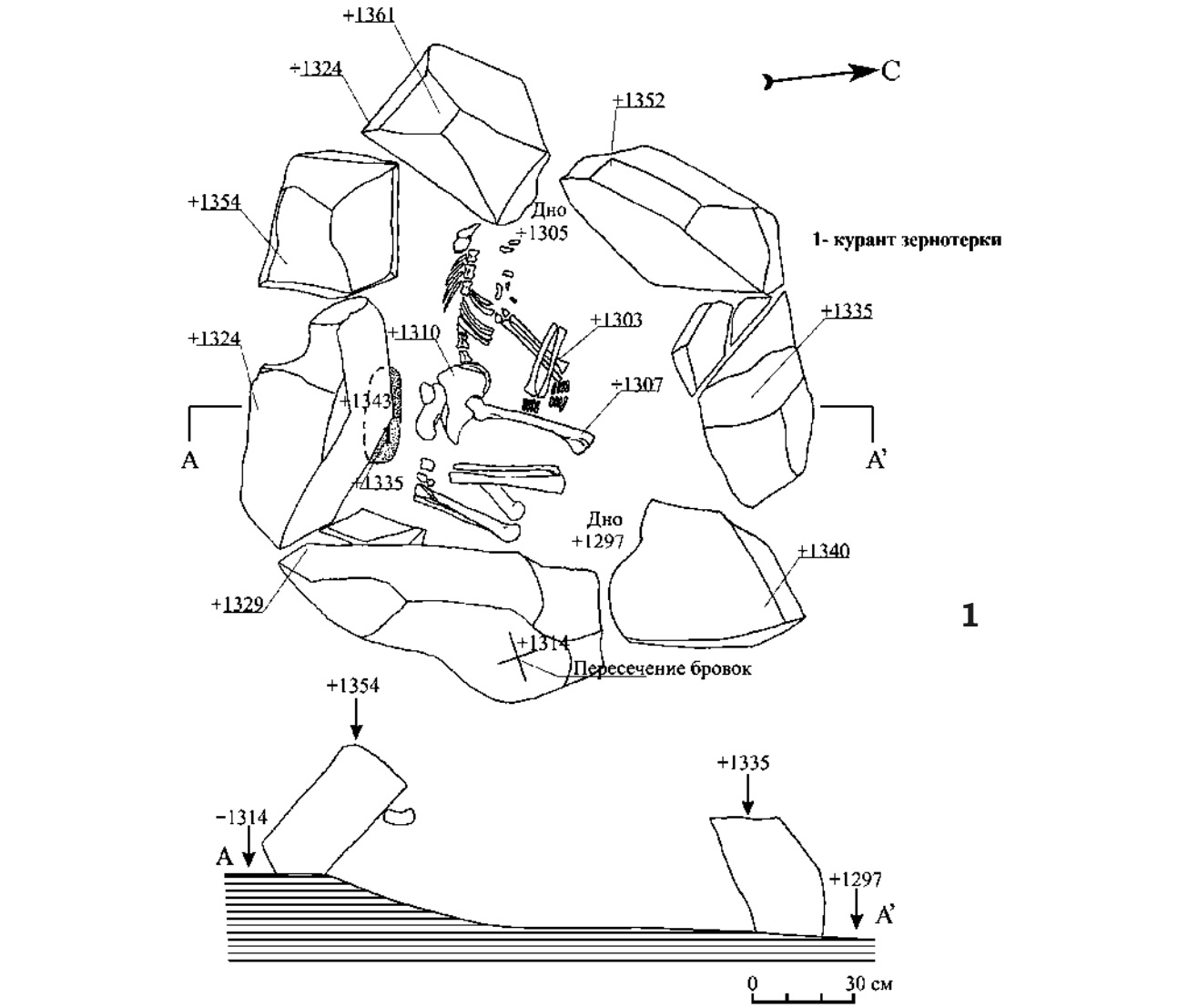

Рис. 10. Тыткескень-VI, курган №74: *1* – план и разрез погребения в каменном ящике; *2* – камера до выборки заполнения; *3* – захоронение после зачистки

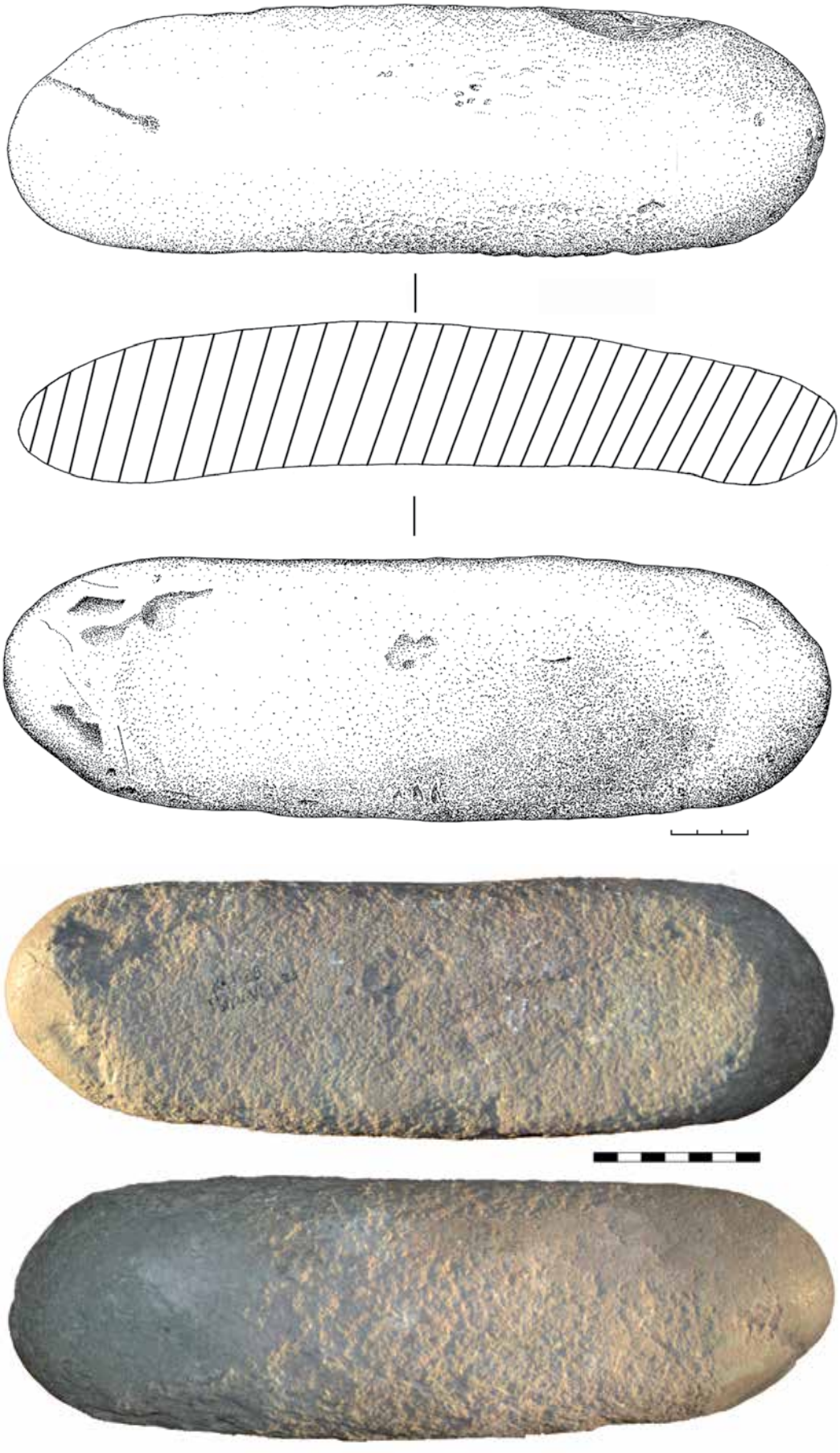

Рис. 11. Тыткескень-VI, курган №74. Каменный курант зернотерки из погребения

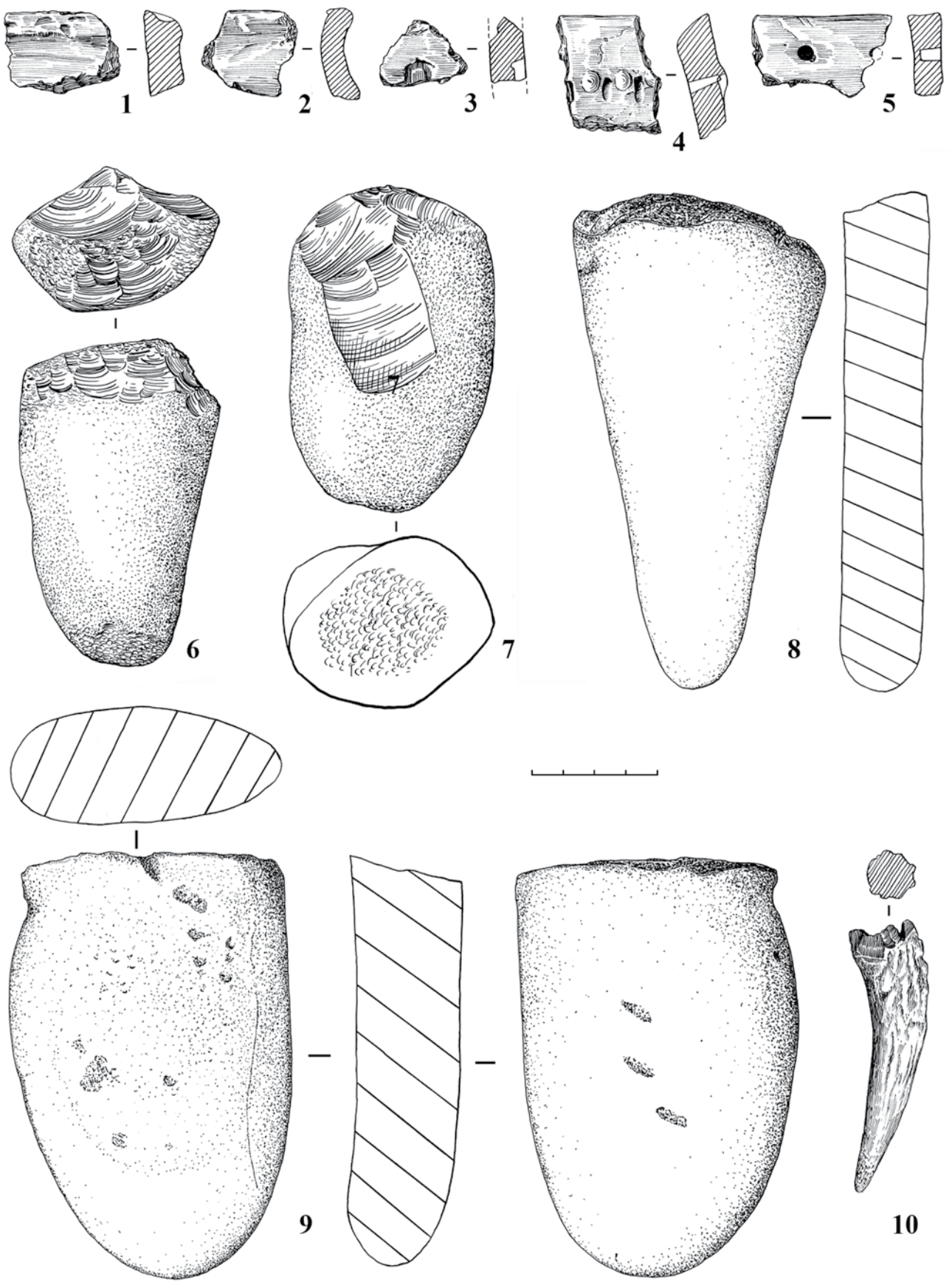

Рис. 12. Тыткескень-VI. Предметный комплекс из насыпи кургана №74: *1–5* – фрагменты посуды; *6–9* – орудия; *10* – заготовка (*1–5 – керамика; 6–9 – камень; 10 – кость (клык)*)

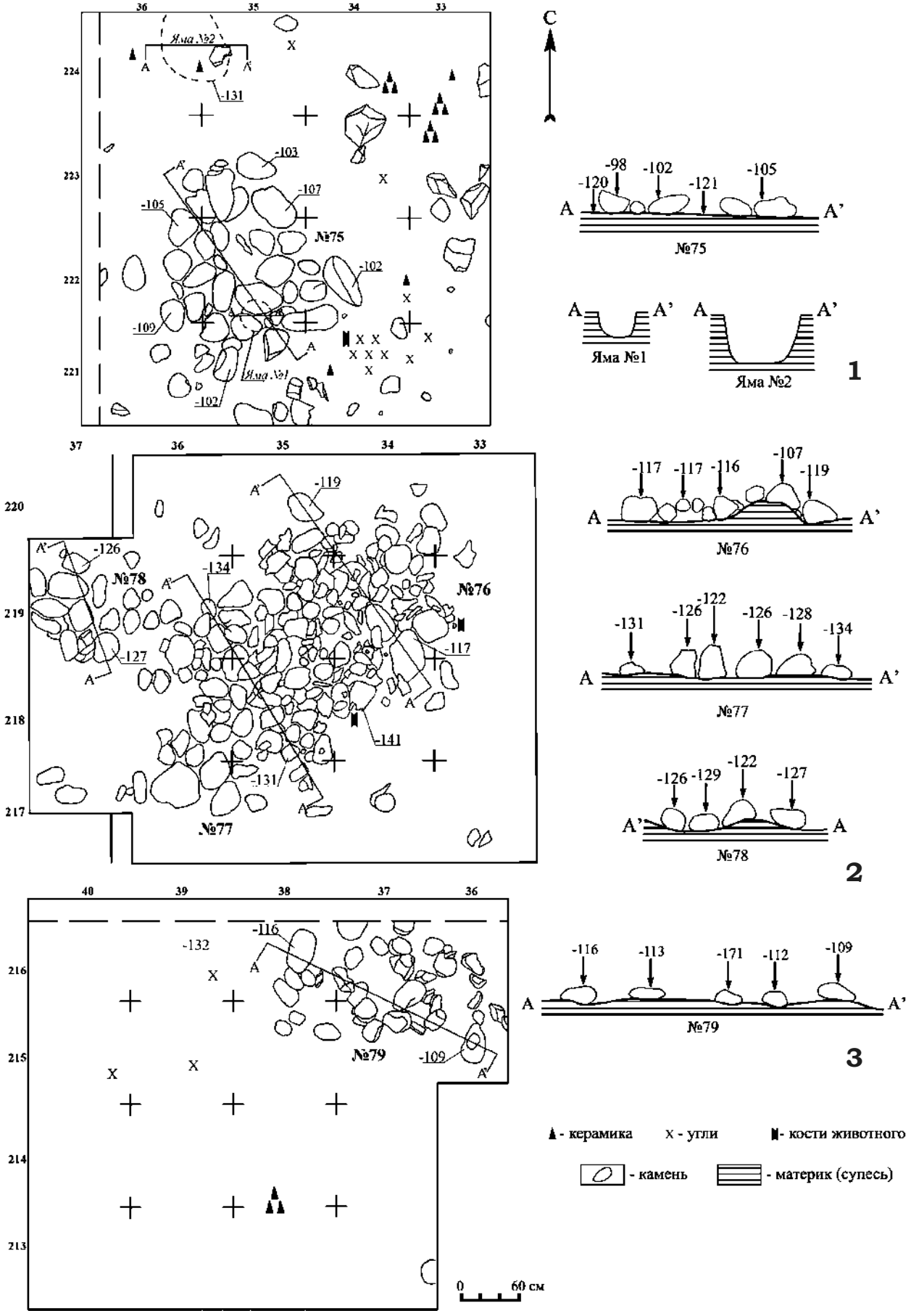

Рис. 13. Тыткескень-VI, планы и разрезы выкладок №75 (1), 76, 77, 78 (2), 79 (3)

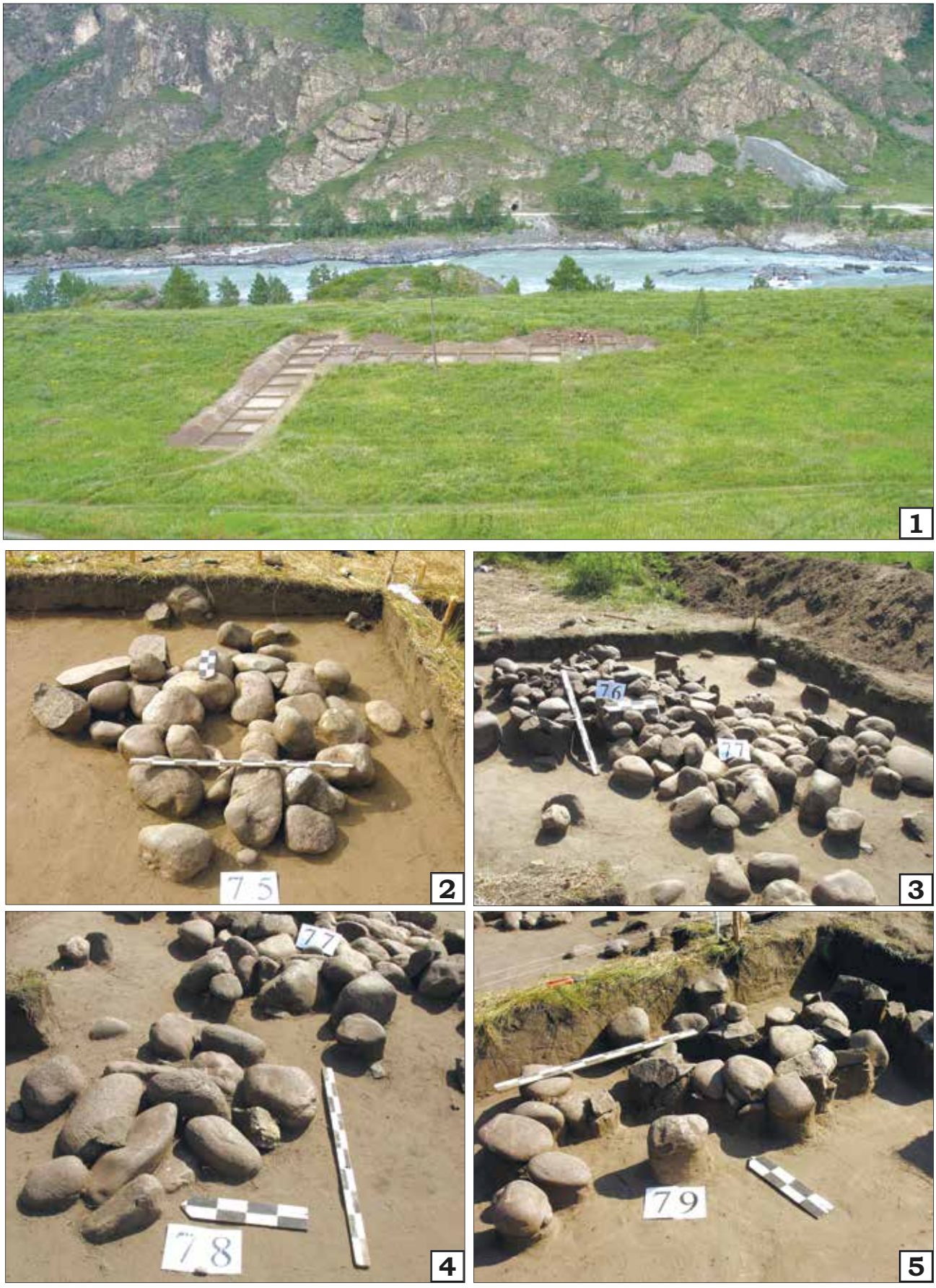

Рис. 14. Тыткескень-VI. Общий вид на раскоп №5 (1),
выкладки №75 (2), 76, 77 (3), 78 (4), 79 (5) после зачистки

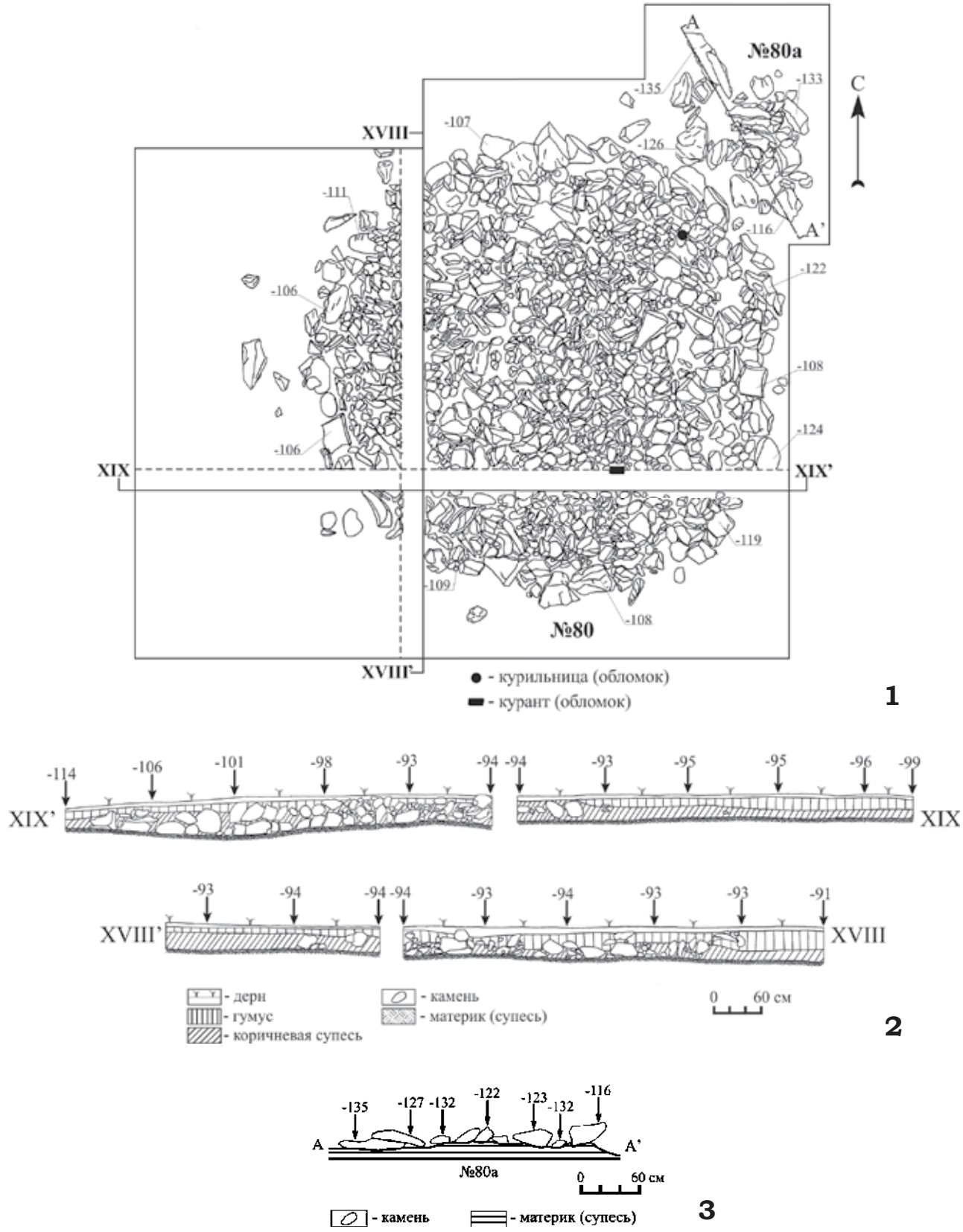

Рис. 15. Тыткескень-VI, курган №80 и выкладка №80а:
1 – план сооружений; *2* – разрез насыпи кургана; *3* – разрез выкладки

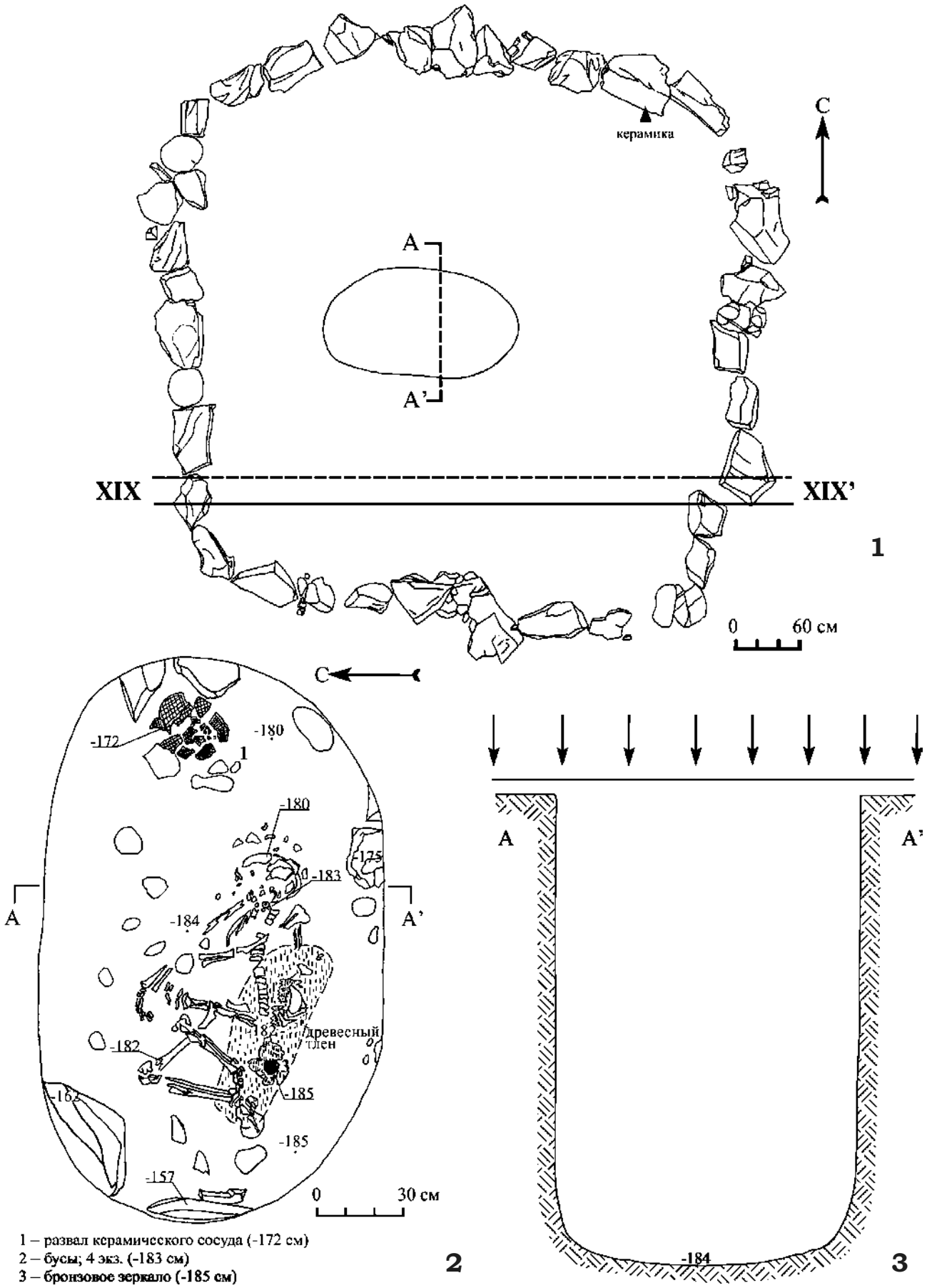

Рис. 16. Тыткескень-VI, курган №80: *1* – план кольцевой крепиды; *2* – план погребения; *3* – разрез могильной ямы

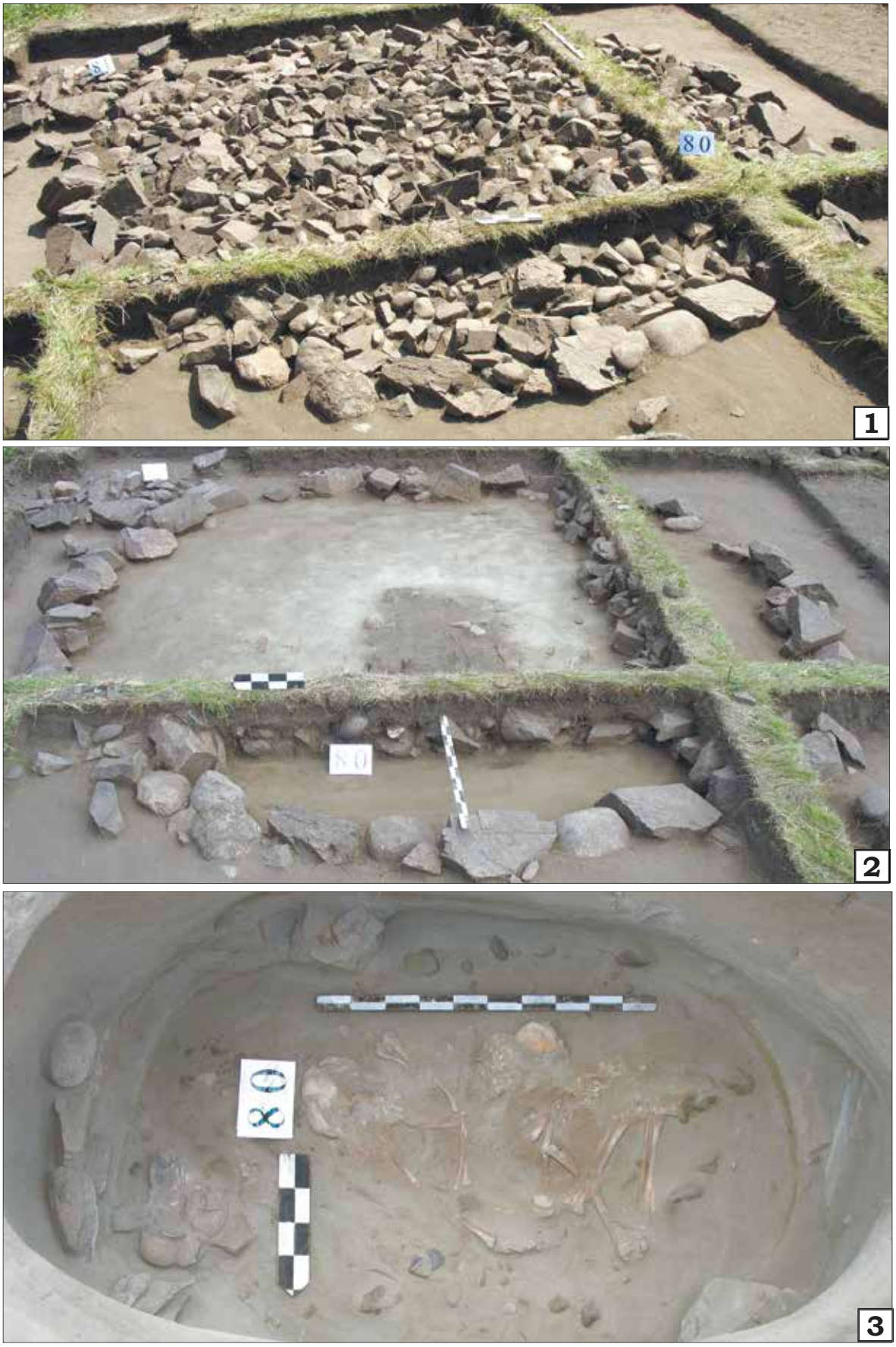

Рис. 17. Тыткескень-VI, курган №80: *1* – насыпь после зачистки; *2* – разрез насыпи с крепидой; *3* – погребение человека в яме

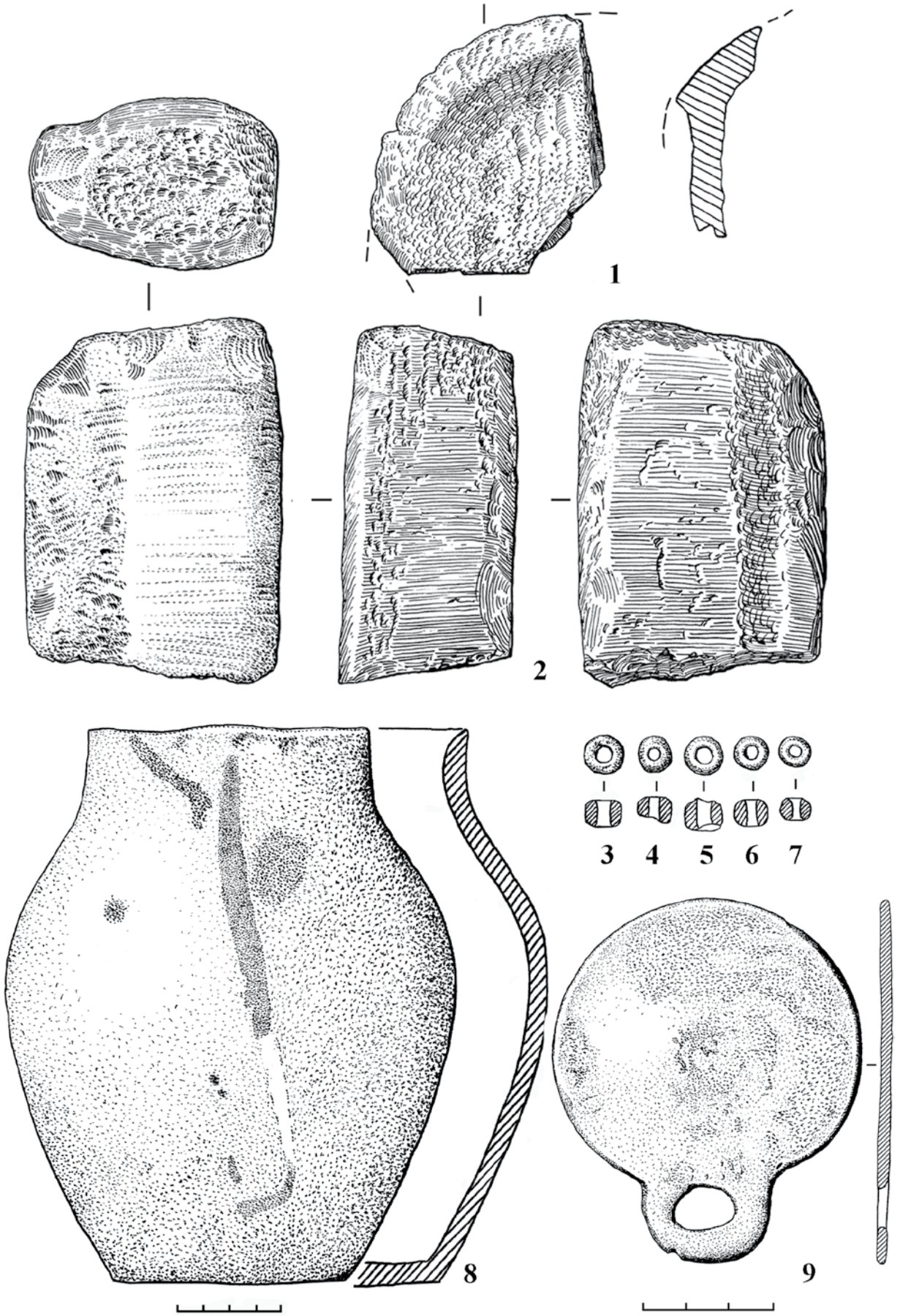

Рис. 18. Тыткескень-VI, курган №80. Предметный комплекс: *1* – чашечка («курильница»); *2* – абразив; *3–7* – бусы; *8* – сосуд; *9* – зеркало (*1, 2 – камень; 3–7 – стекло; 8 – керамика; 9 – бронза*)

Рис. 19. Тыткескень-VI, курган №80: *1* – зеркало; *2–6* – бусы; *7* – сосуд; *8* – чашечка («курильница»)

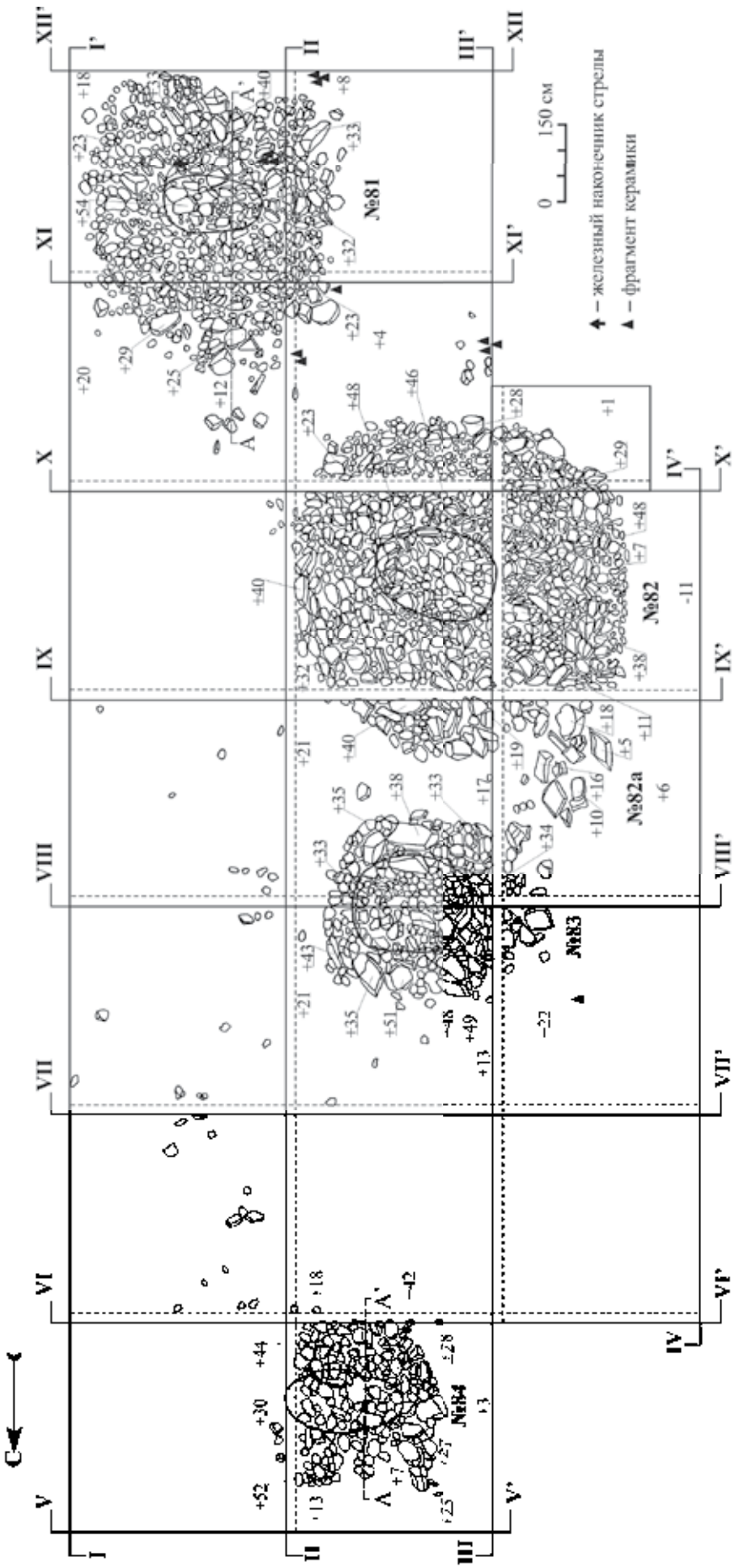

Рис. 20. Тыткескень-VI. План курганов №81–84

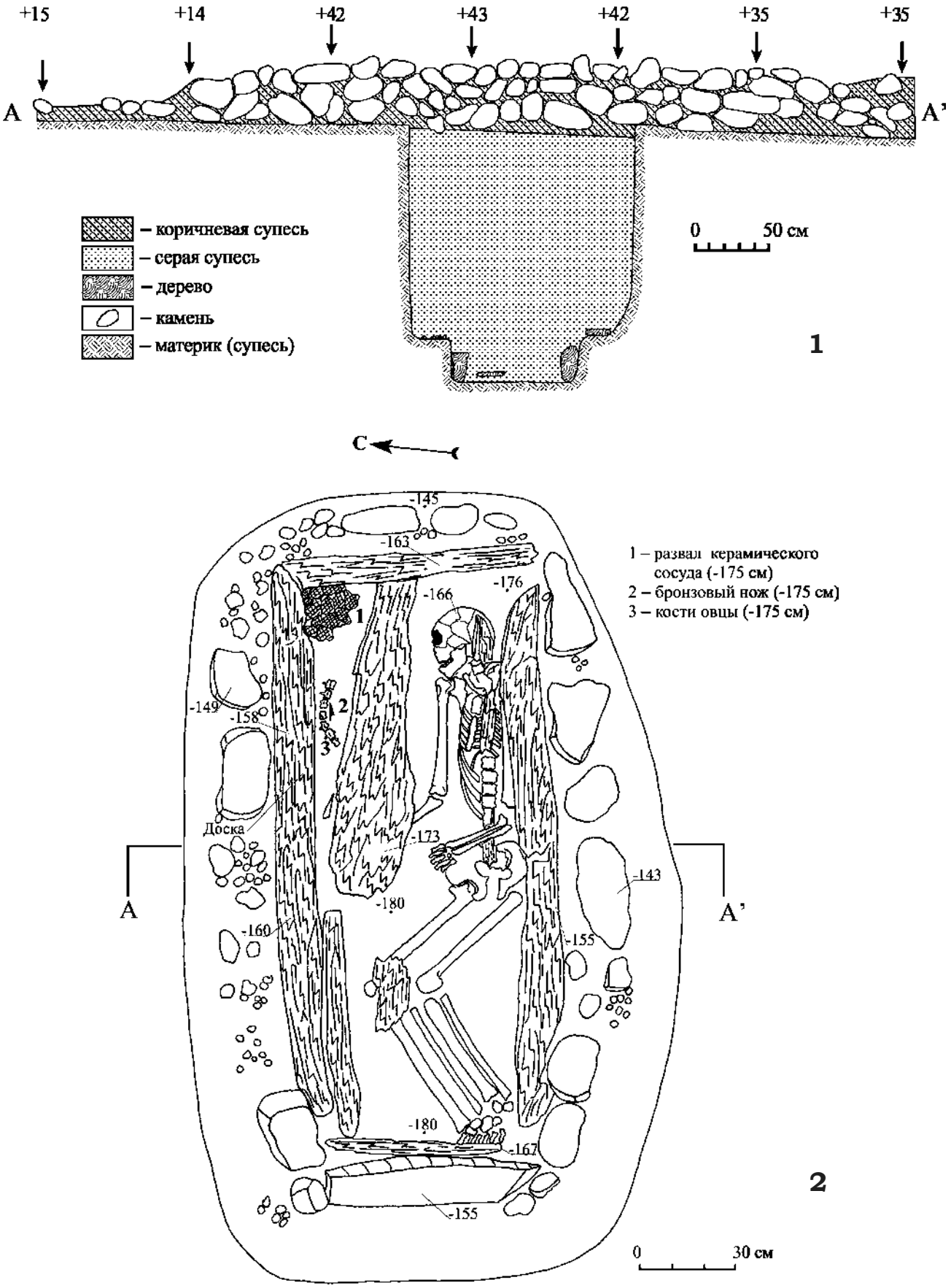

Рис. 21. Тыткескень-VI, курган №81:
1 – разрез насыпи и могильной ямы; *2* – план погребения

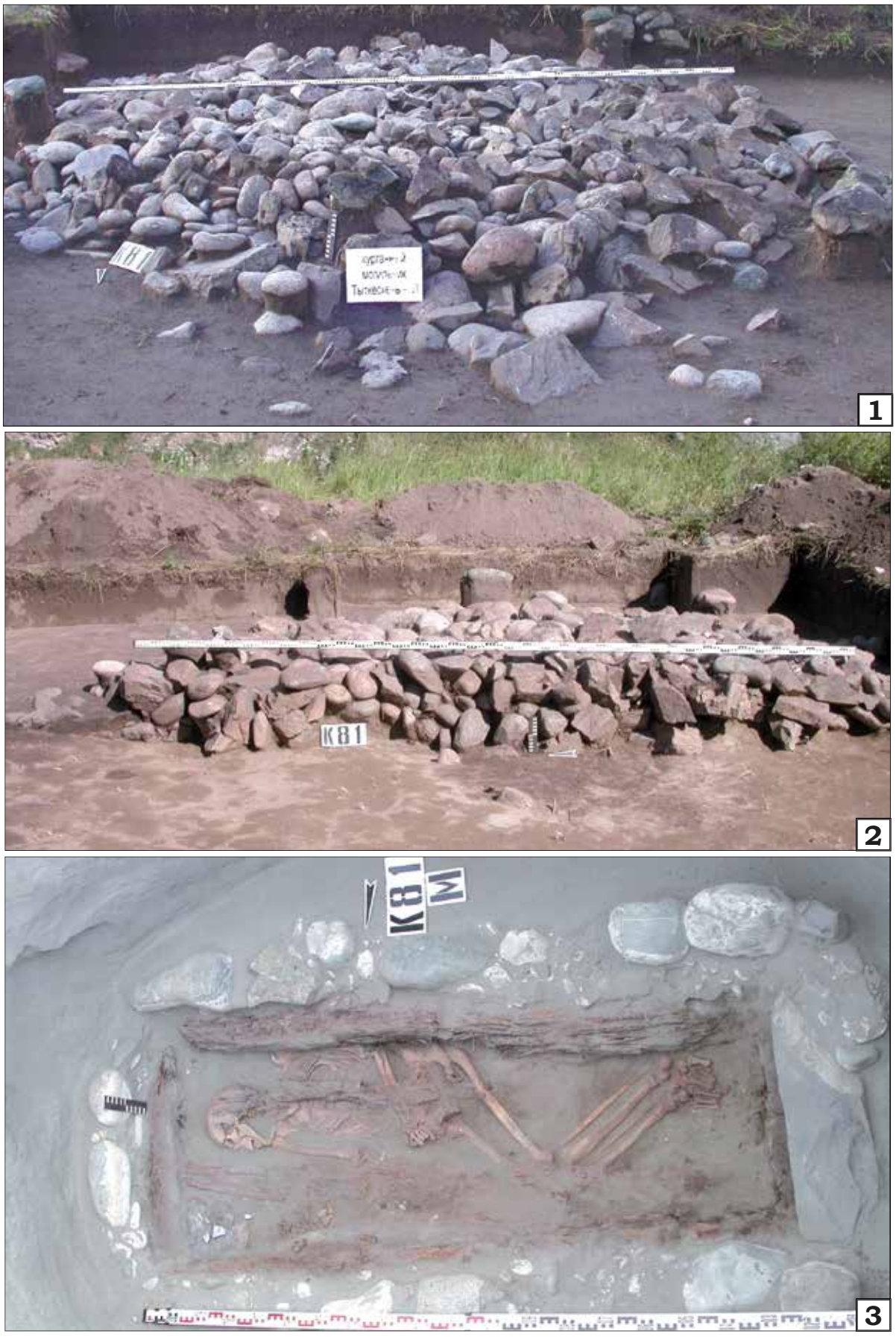

Рис. 22. Тыткескень-VI, курган №81: *1* – насыпь после зачистки; *2* – разрез наземной конструкции; *3* – погребение человека в деревянной раме

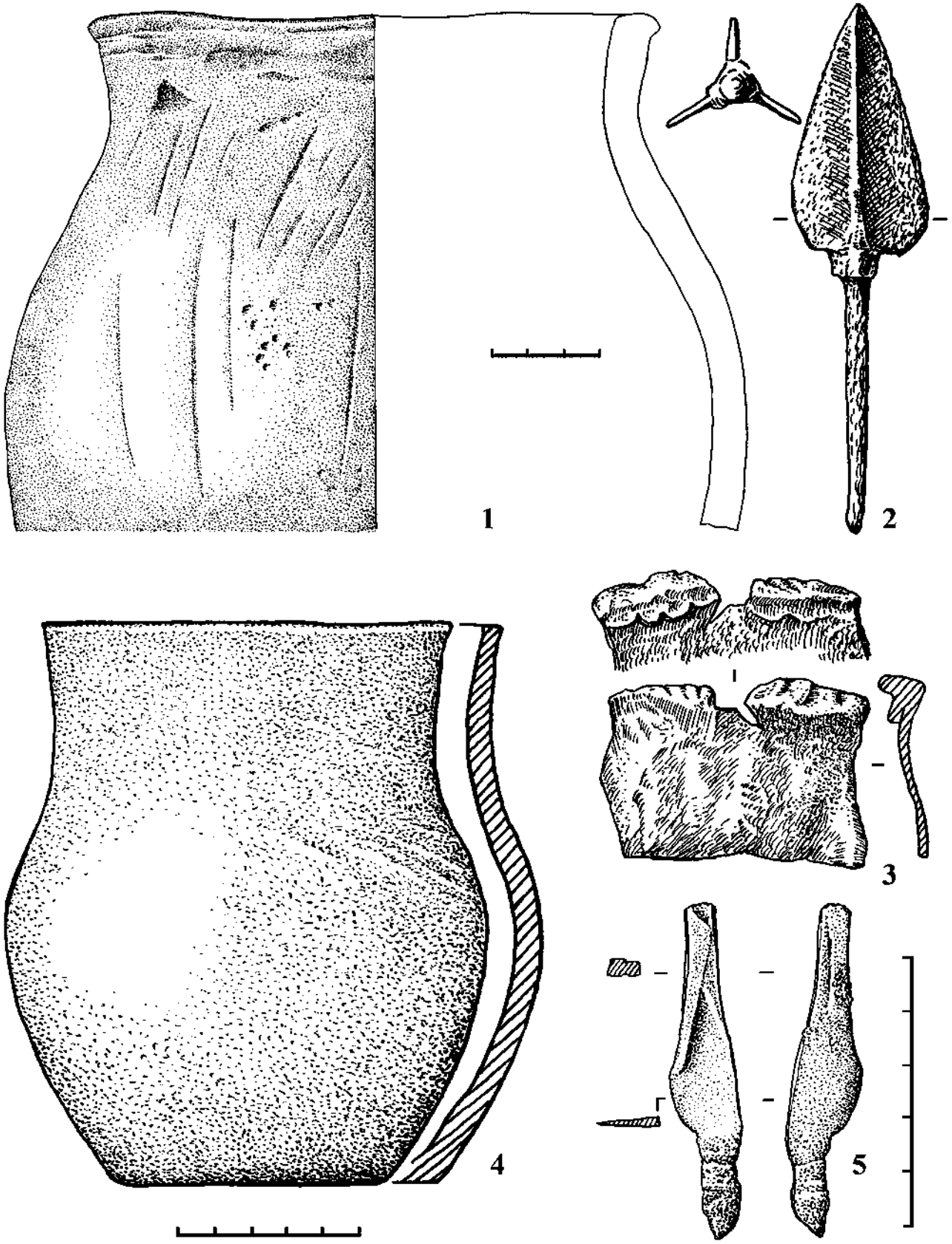

Рис. 23. Тыткескень-VI, курган №81. Предметный комплекс:
1, 4 – сосуды; *2* – фрагмент котла; *3* – наконечник стрелы;
5 – обломок ножа (*1, 4 – керамика, 2, 3 – железо; 5 – цветной металл*)

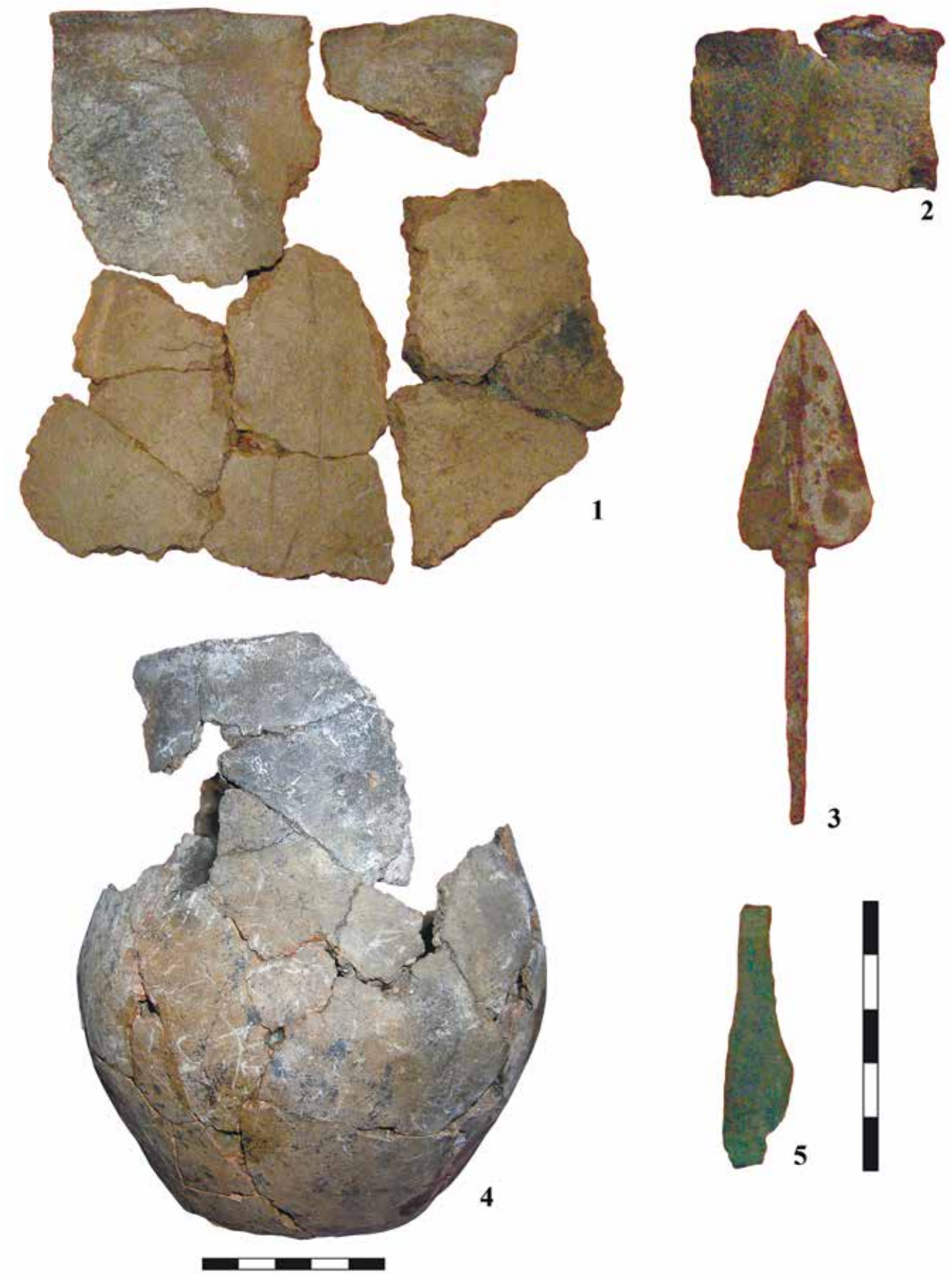

Рис. 24. Тыткескень-VI, курган №81:
1, 4 – сосуды; *2* – фрагмент котла; *3* – наконечник стрелы; *5* – нож

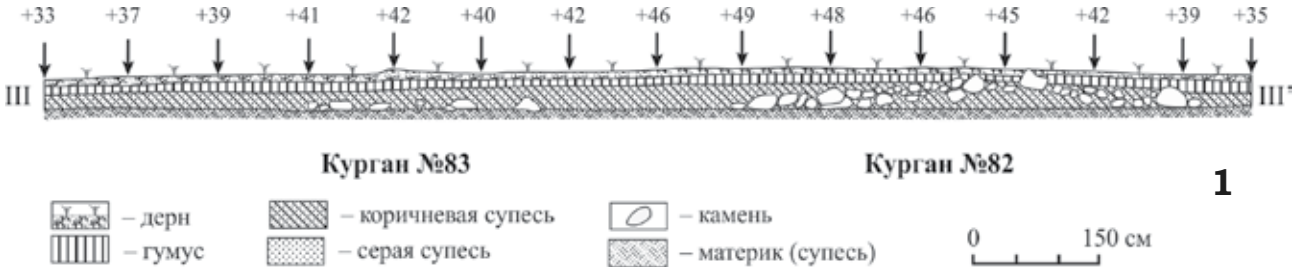
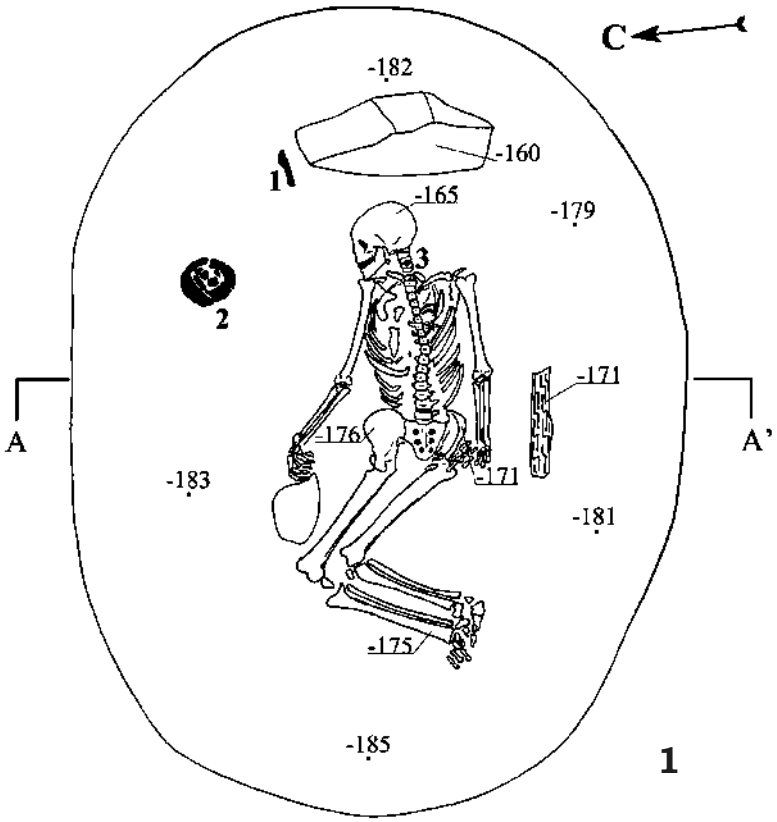

Рис. 25. Тыткескень-VI, курган №82: *1* – разрез насыпи; *2* – насыпь после зачистки; *3* – разрез наземной конструкции

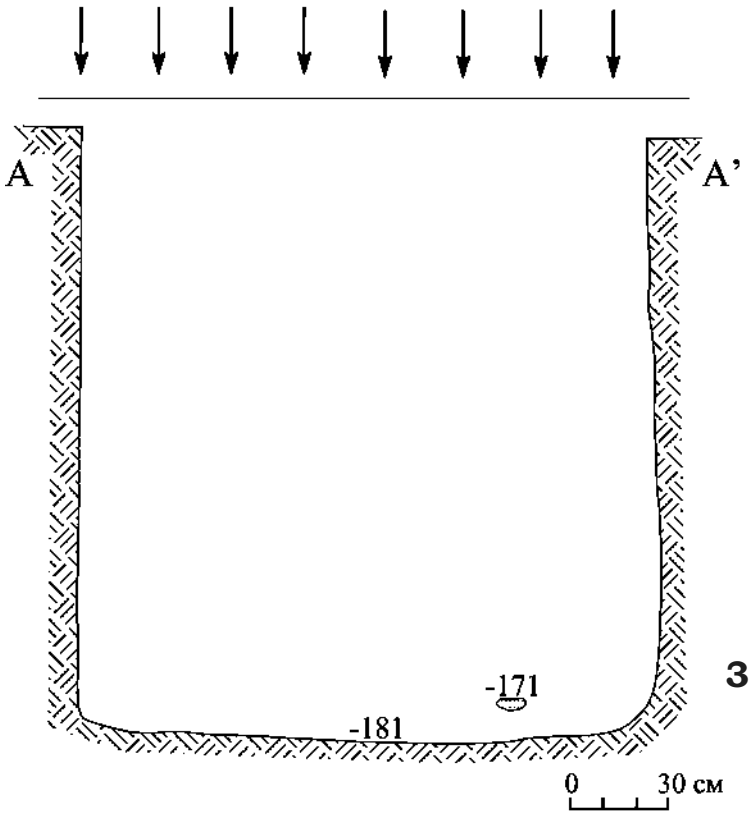

Рис. 26. Тыткескень-VI, курган №82:
1 – план погребения;
2 – захоронение человека в яме;
3 – разрез могилы

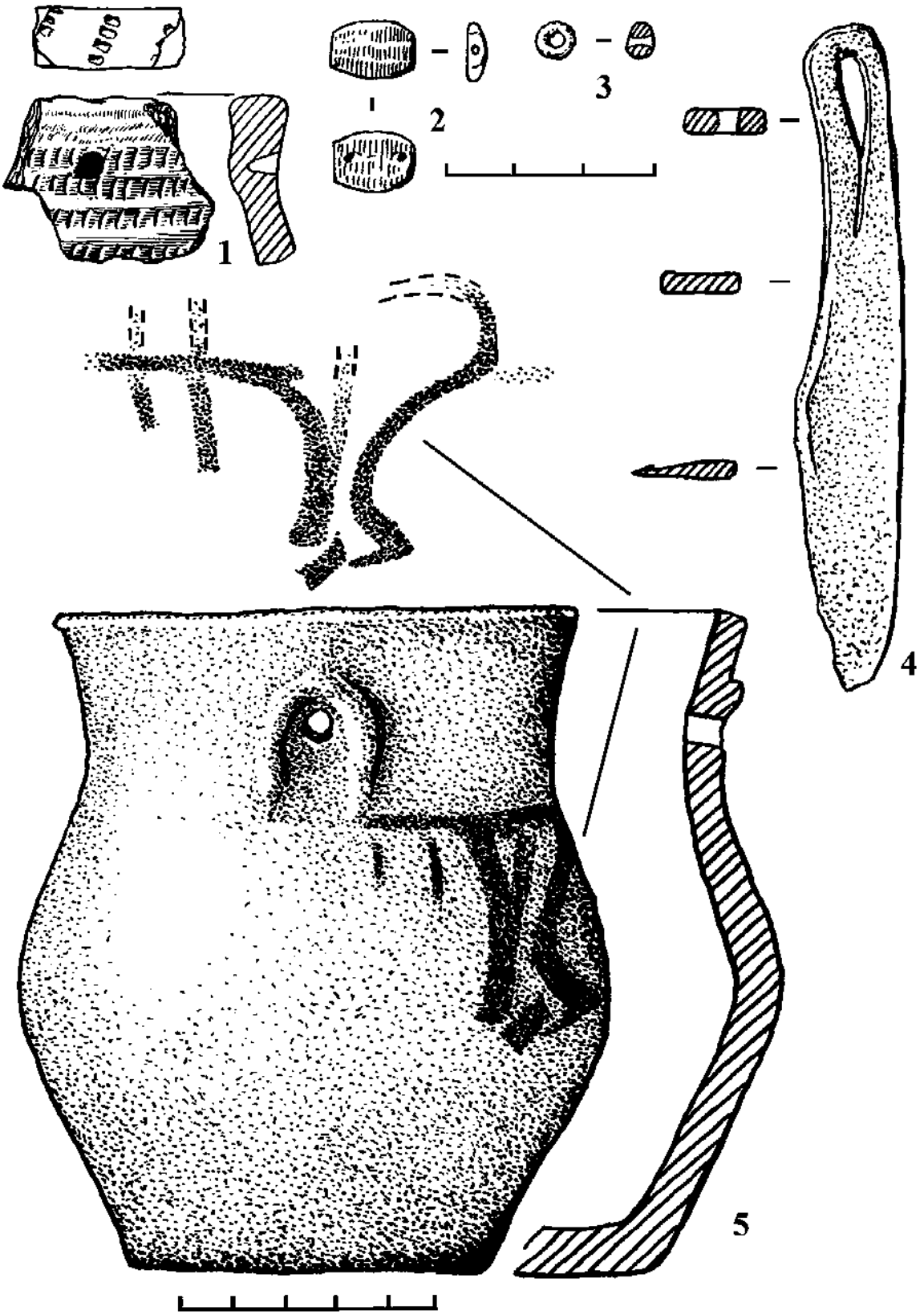

Рис. 27. Тыткескень-VI, курган №82. Предметный комплекс: *1* – фрагмент сосуда из насыпи; *2, 3* – бусы; *4* – нож; *5* – сосуд из погребения (*1, 5 – керамика; 2, 3 – камень; 4 – цветной металл*)

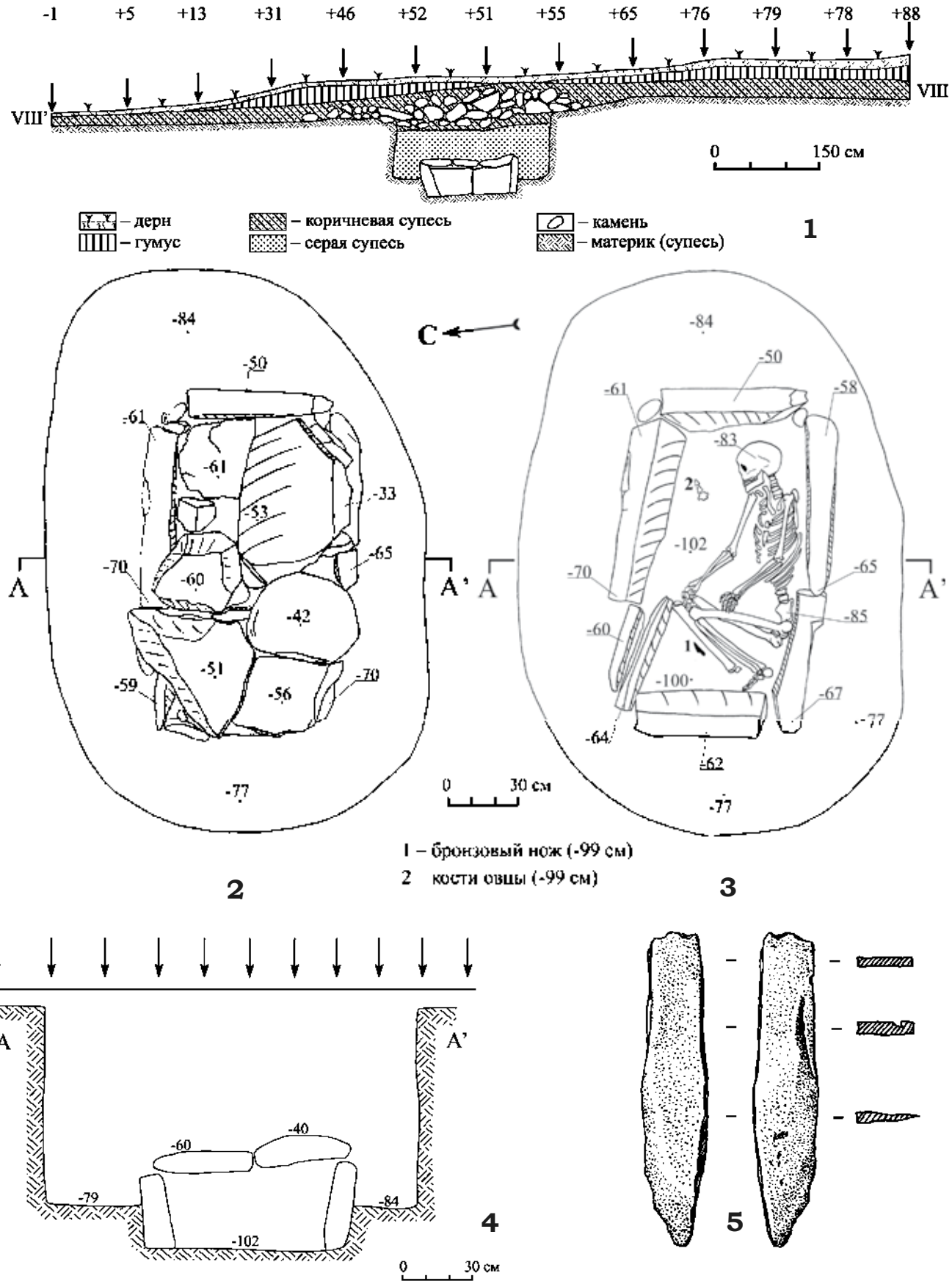

Рис. 28. Тыткескень-VI, курган №83:
1 – разрез насыпи и могильной ямы; *2* – план каменного ящика с перекрытием; *3* – план захоронения человека; *4* – разрез погребальной камеры; *5* – нож из цветного металла

Рис. 29. Тыткескень-VI, курган №83: *1* – насыпь после зачистки; *2* – перекрытие каменного ящика; *3* – погребение человека

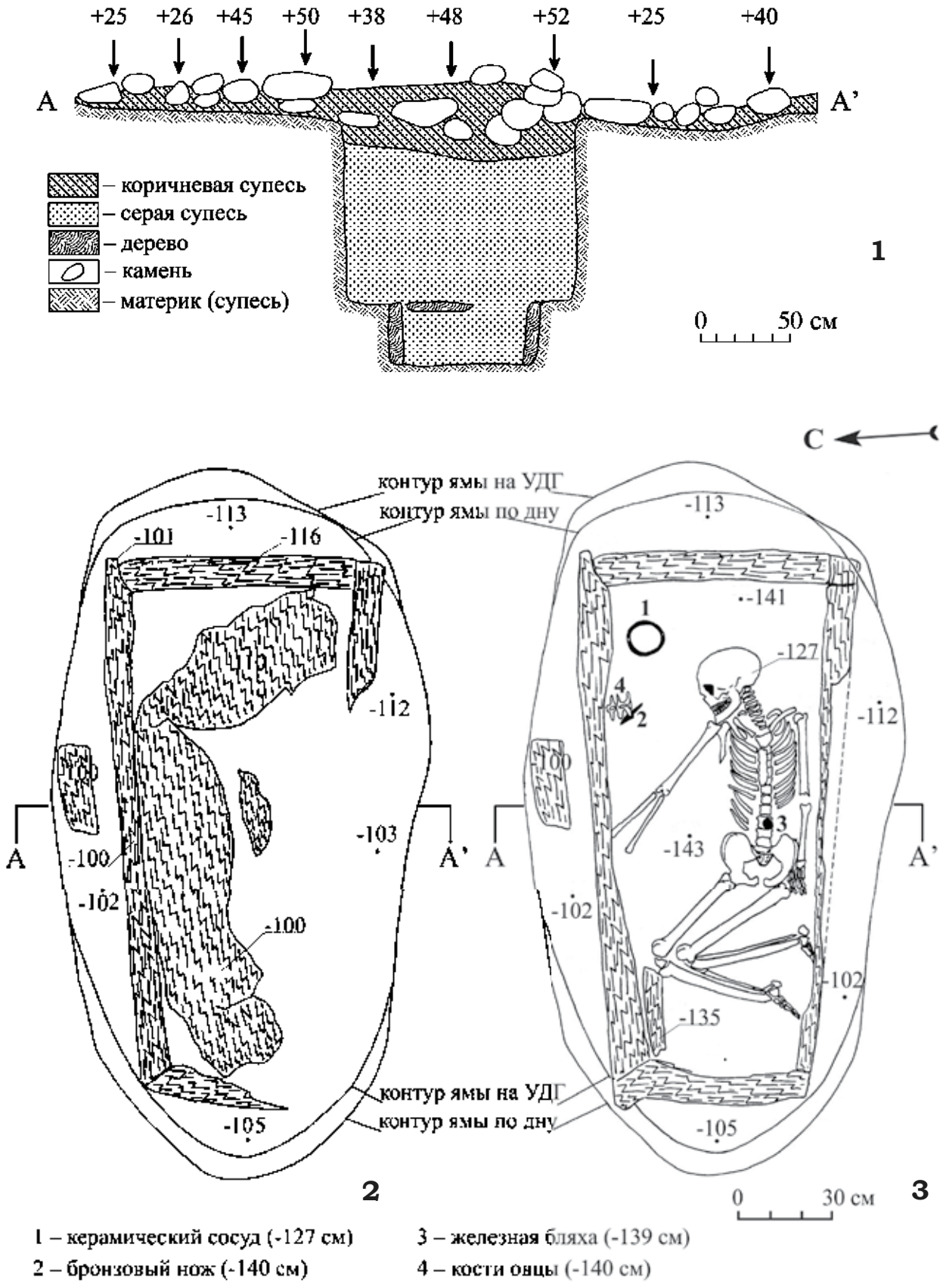

Рис. 30. Тыткескень-VI, курган №84: *1* – разрез насыпи и могильной ямы; *2* – план перекрытия деревянной рамы; *3* – план погребения

Рис. 31. Тыткескень-VI, курган №84:
1 – насыпь после зачистки; *2* – разрез наземной конструкции

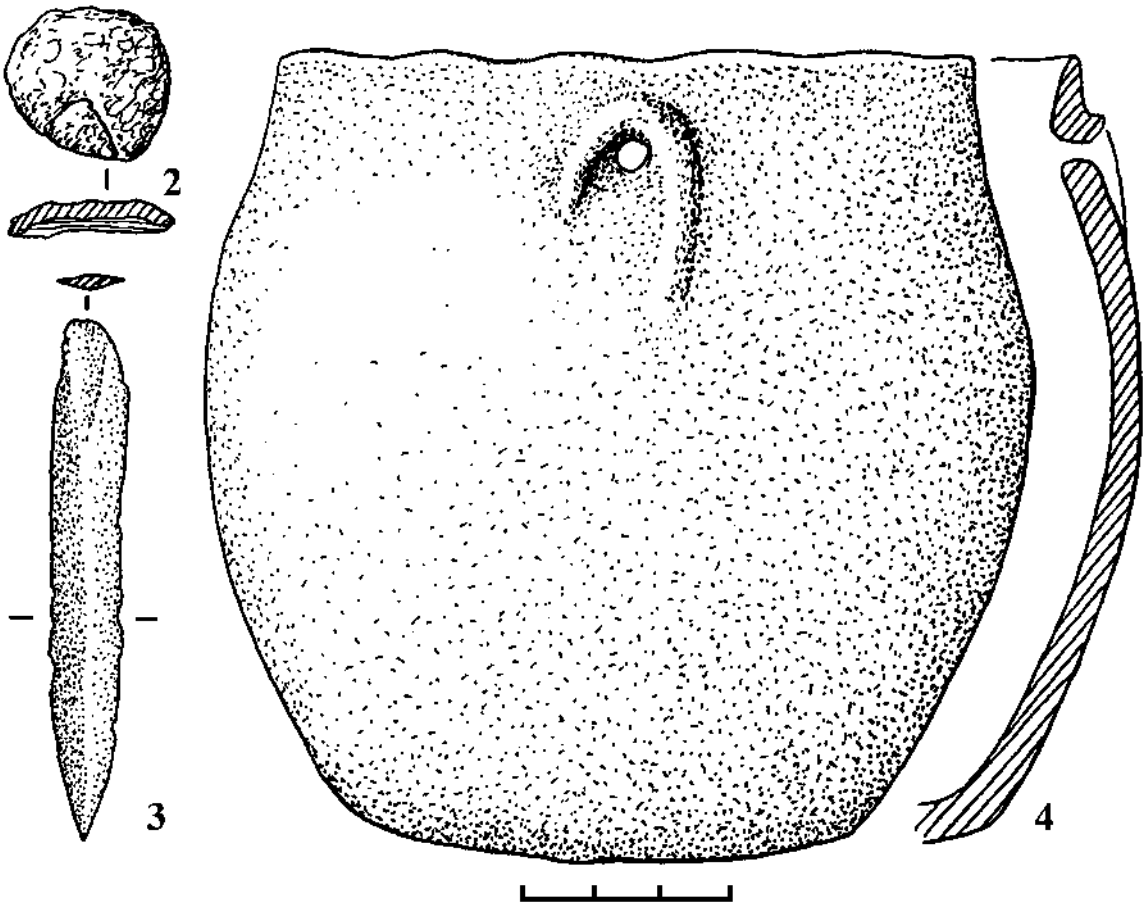

Рис. 32. Тыткескень-VI, курган №84: *1* – погребение человека в деревянной раме; *2* – железная бляха; *3* – часть кинжала из цветного металла; *4* – керамический сосуд

Рис. 33. Тыткескень-VI. Предметный комплекс из курганов №82 (1, 2, 5, 6), 83 (4), 84 (3, 7, 8):
1, 8 – сосуды;
2, 4 – ножи;
3 – часть кинжала;
5, 6 – бусы;
7 – бляха

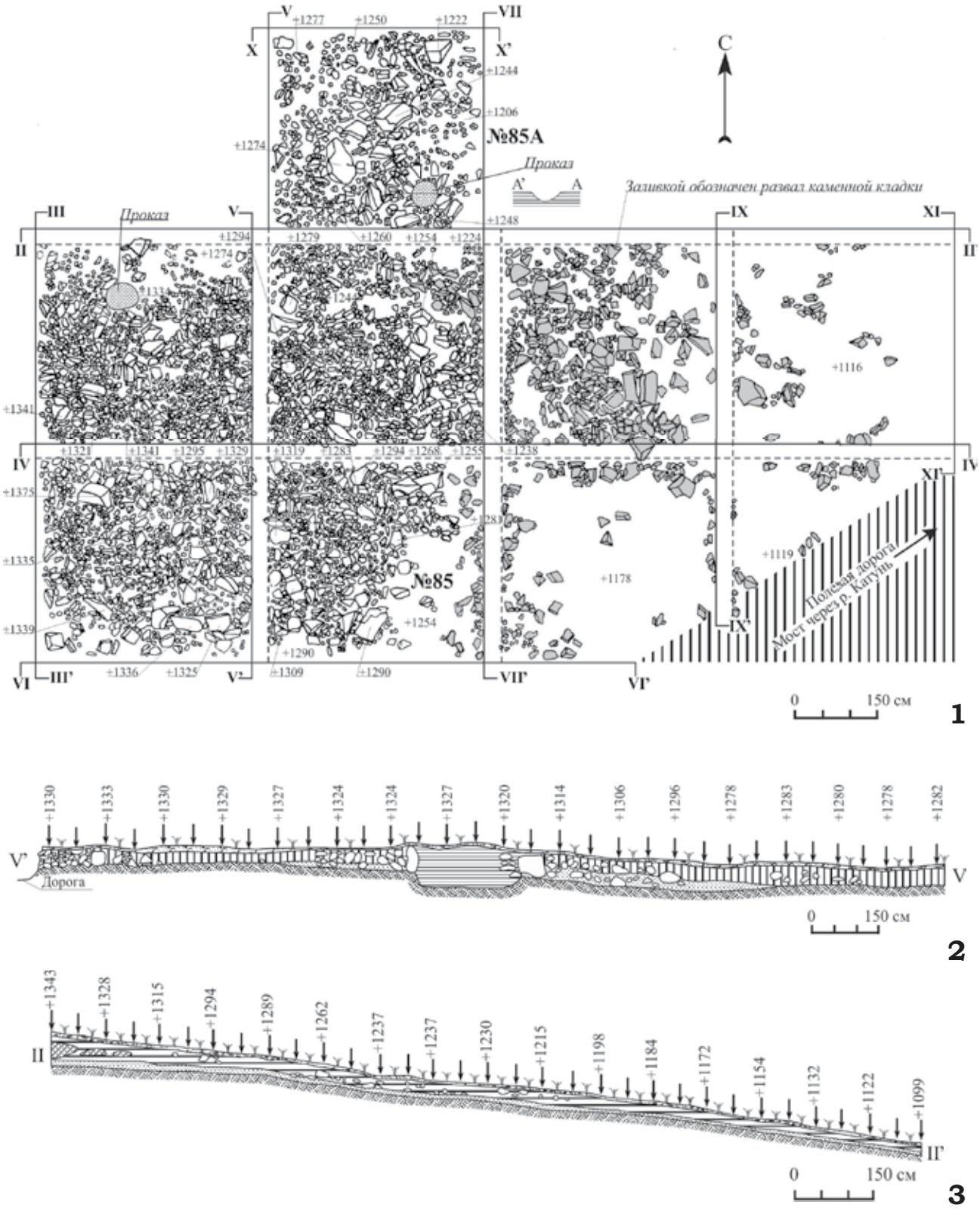

Рис. 34. Тыткескень-VI, курган №85 и выкладка №85а:
1 – план сооружений; *2, 3* – разрезы наземных конструкций

Рис. 35. Тыткескень-VI, курган №85:
1 – насыпь после зачистки; *2* – погребение человека в каменном ящике

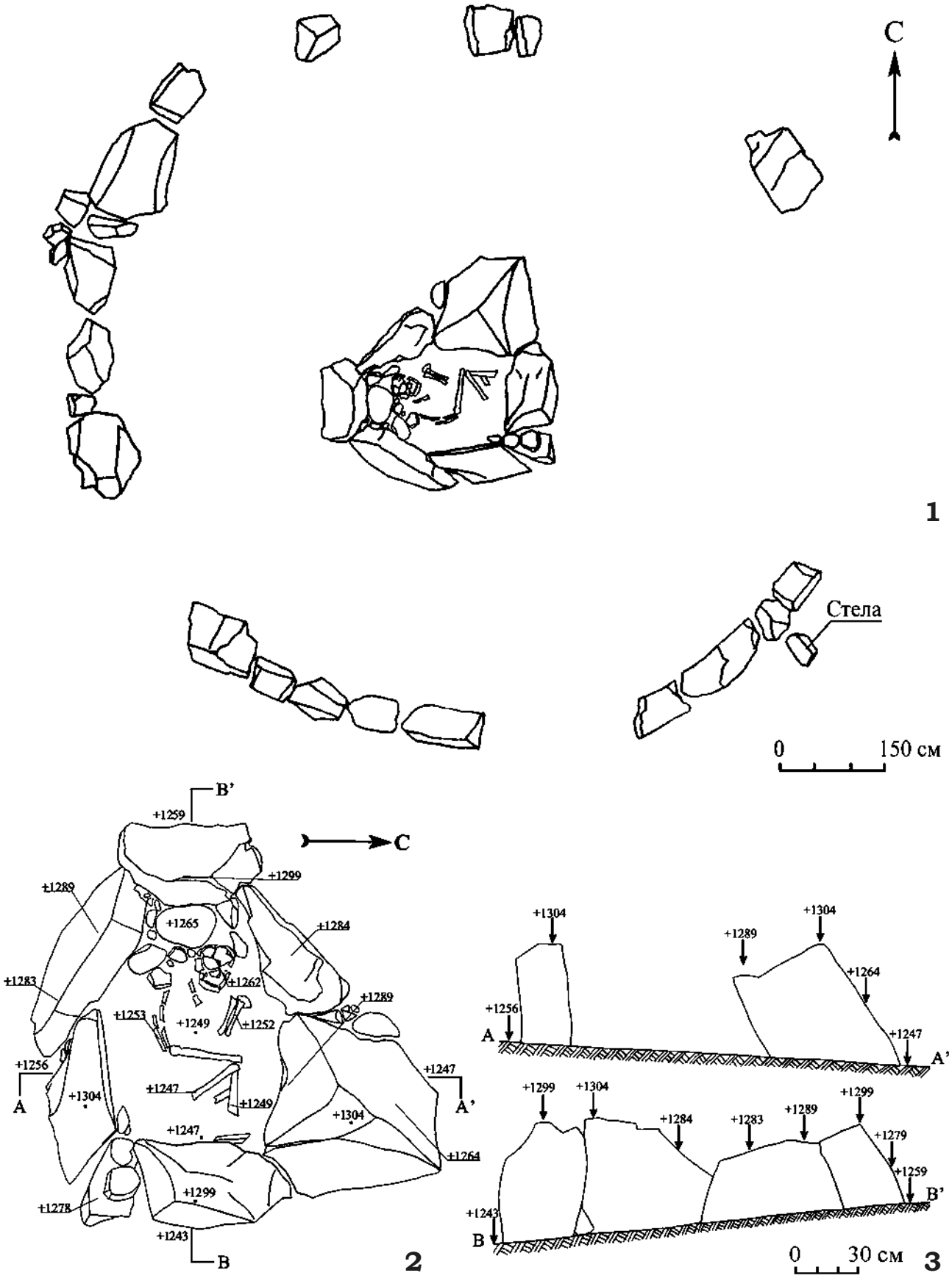

Рис. 36. Тыткескень-VI, курган №85: *1* – план кольцевой крепиды с каменным ящиком; *2* – план захоронения; *3* – разрезы погребальной камеры

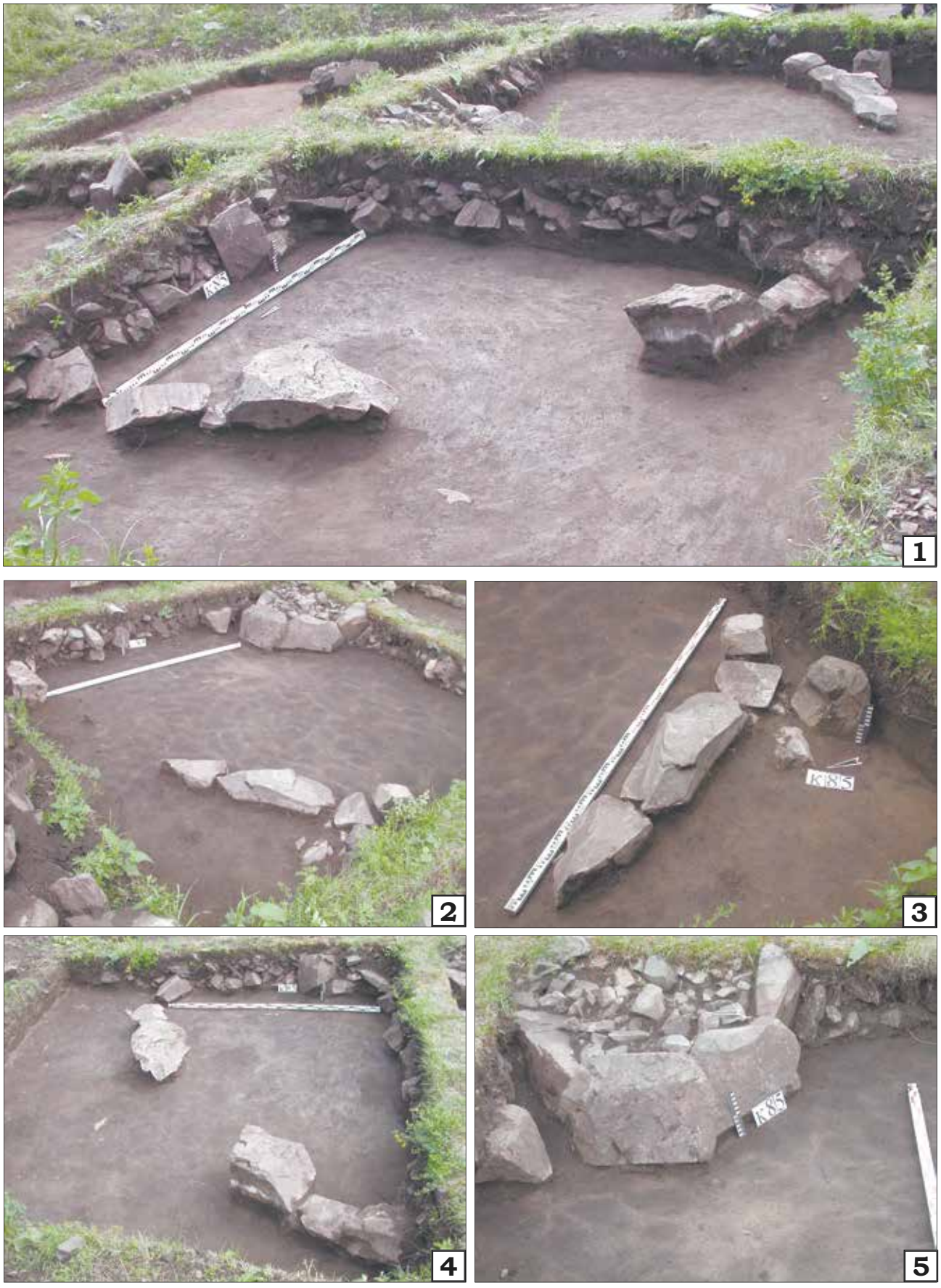

Рис. 37. Тыткескень-VI, курган №85: *1* – разрез насыпи с кольцевой крепидой; *2–4* – фрагменты разреза крепиды; *5* – каменный ящик до выборки заполнения

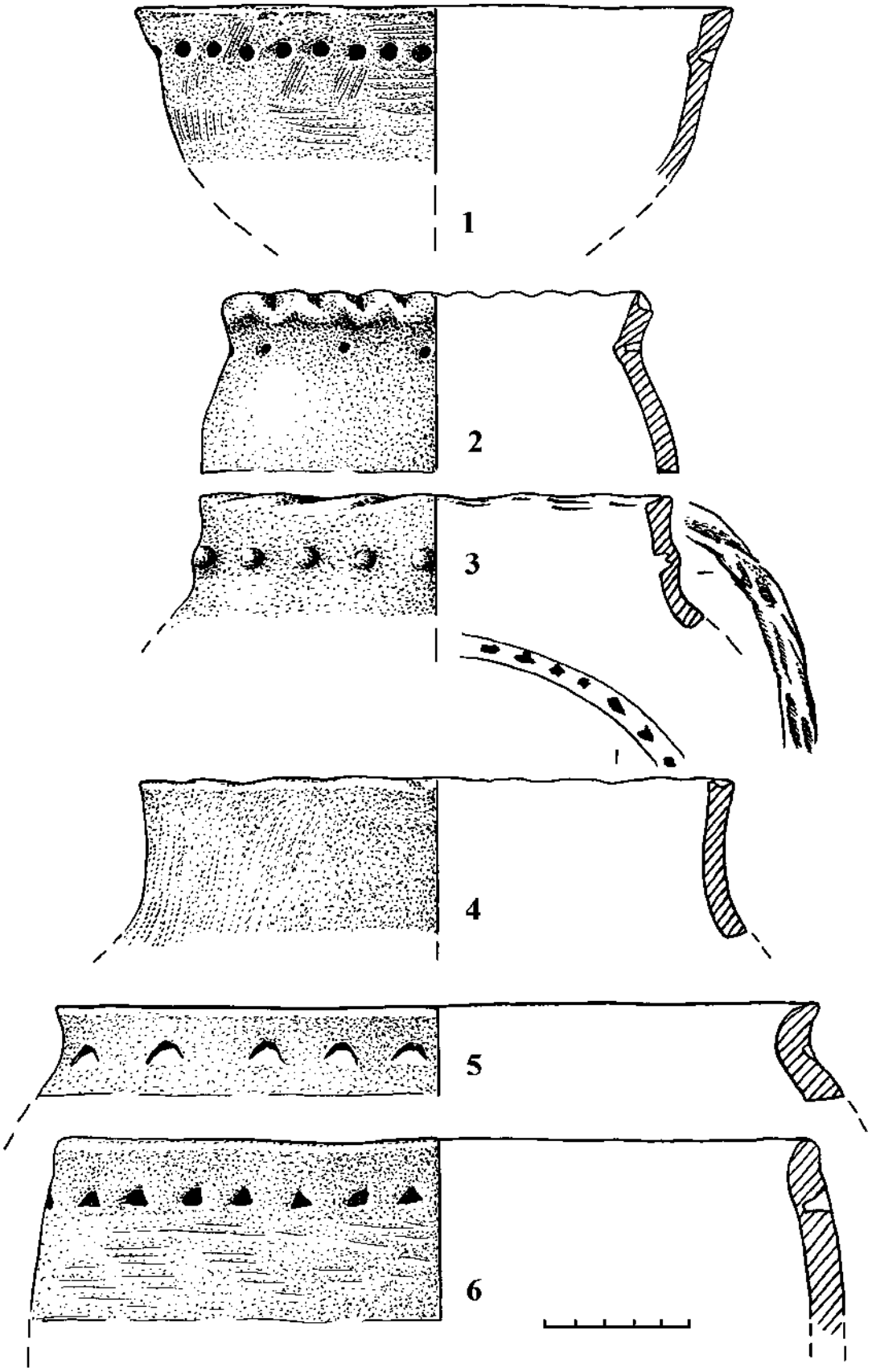

Рис. 38. Тыткескень-VI, курган №85.
Реконструкция керамических сосудов, найденных в насыпи

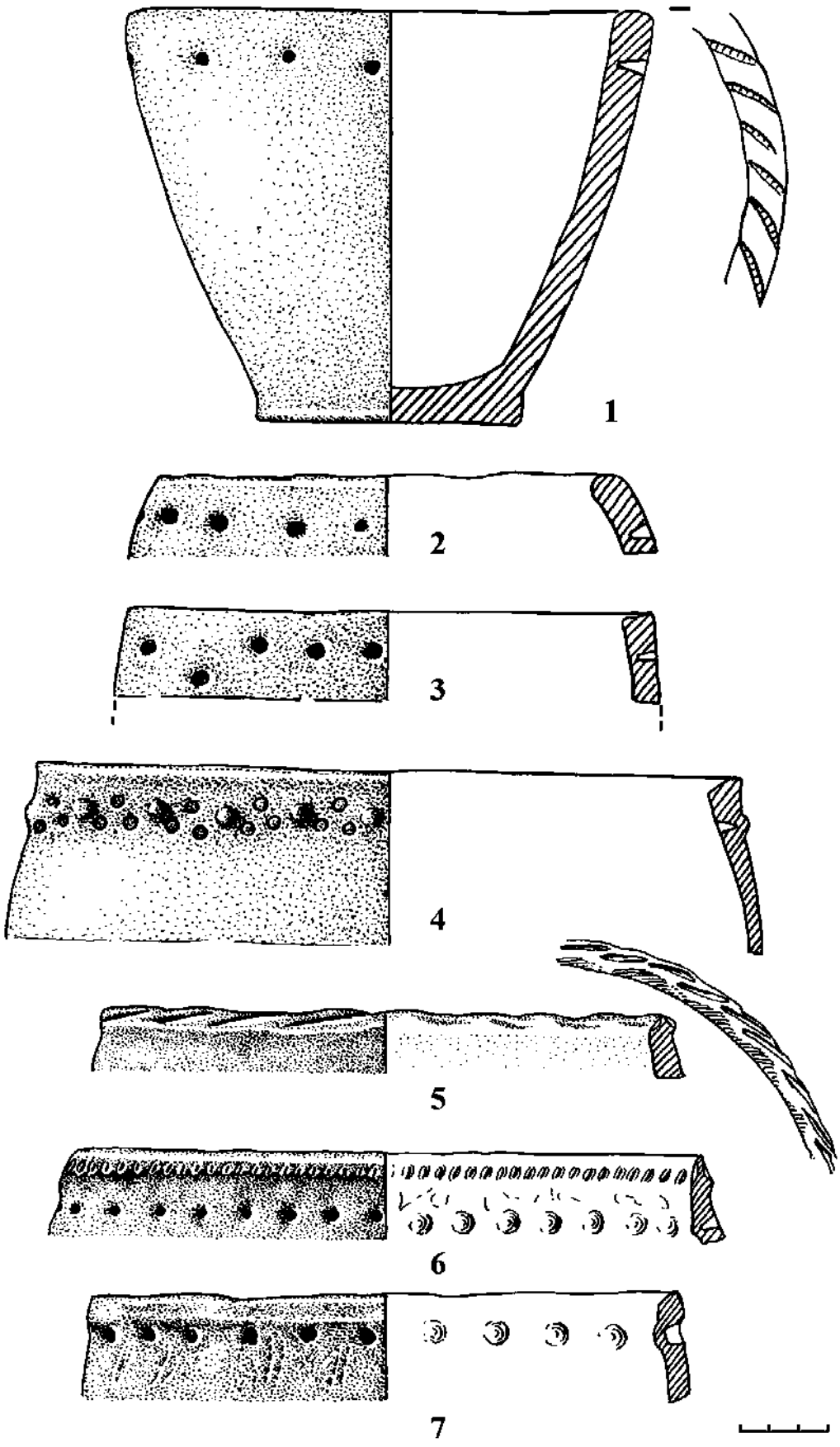

Рис. 39. Тыткескень-VI, курган №85.
Реконструкция керамических сосудов, найденных в насыпи

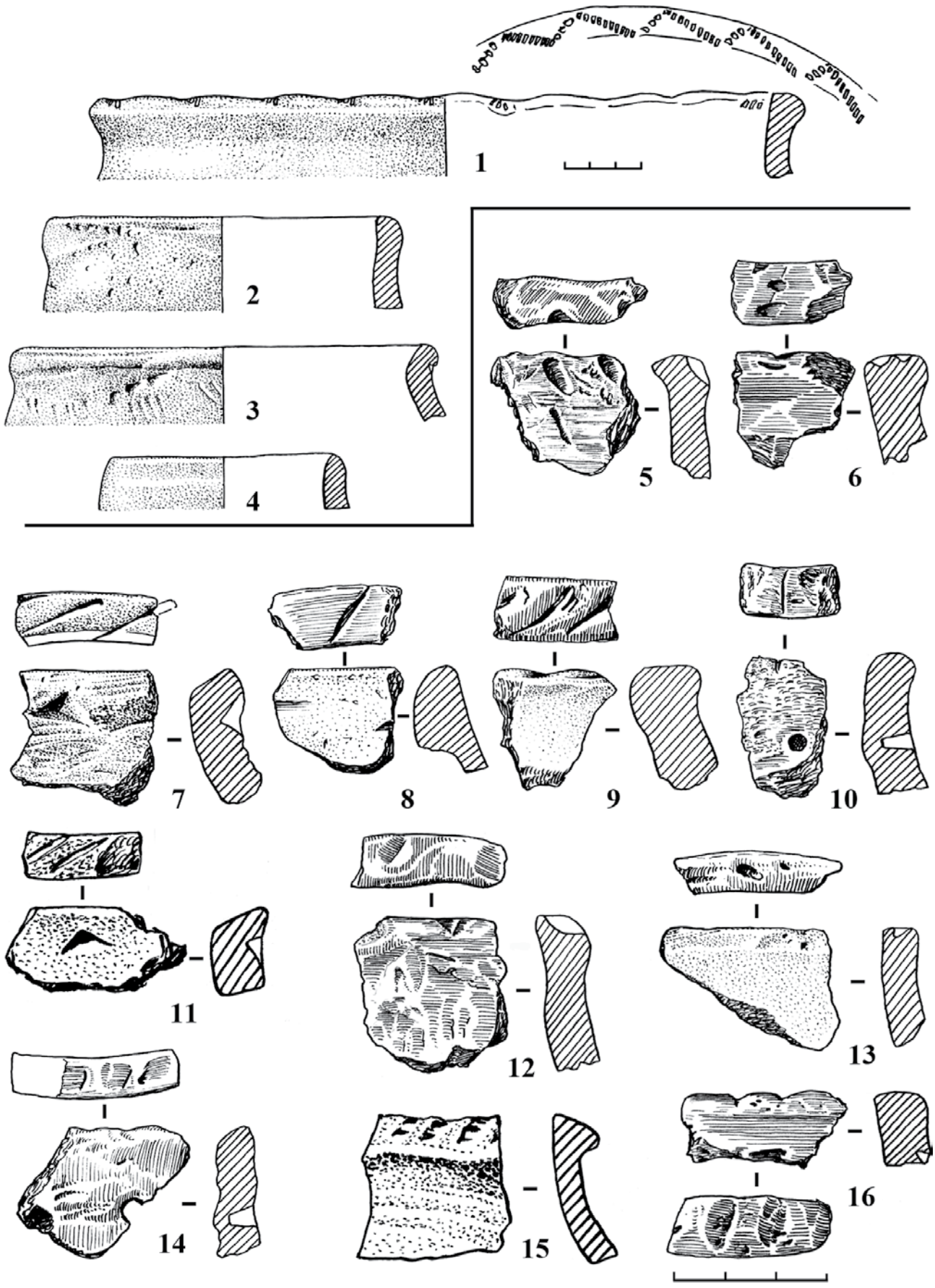

Рис. 40. Тыткескень-VI, курган №85. Фрагменты венчиков керамических сосудов, обнаруженных в насыпи и околокурганном пространстве

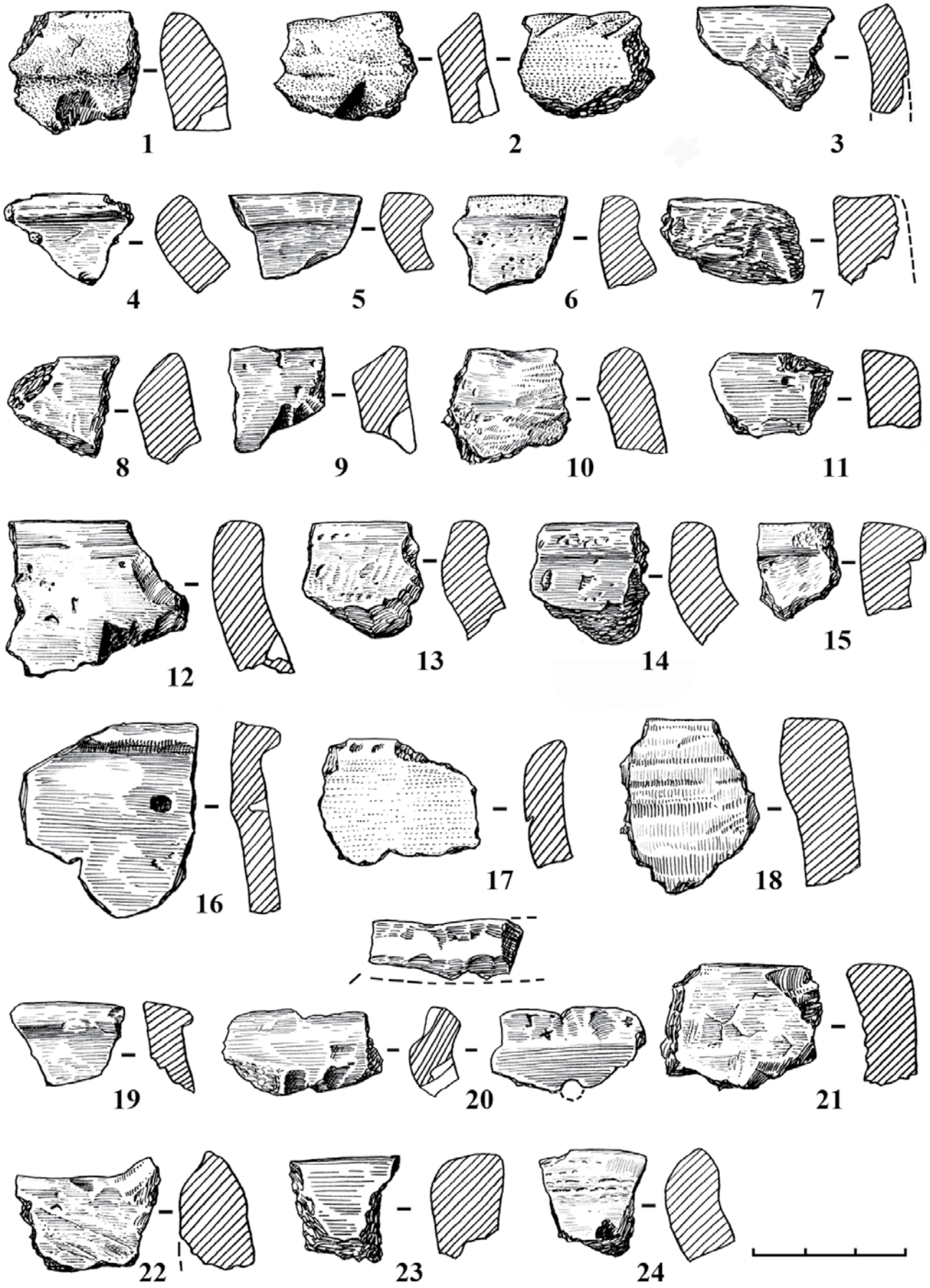

Рис. 41. Тыткескень-VI, курган №85. Фрагменты керамики из насыпи (1–12, 15, 16, 18) и развала наземной конструкции (13, 14, 17, 19–24)

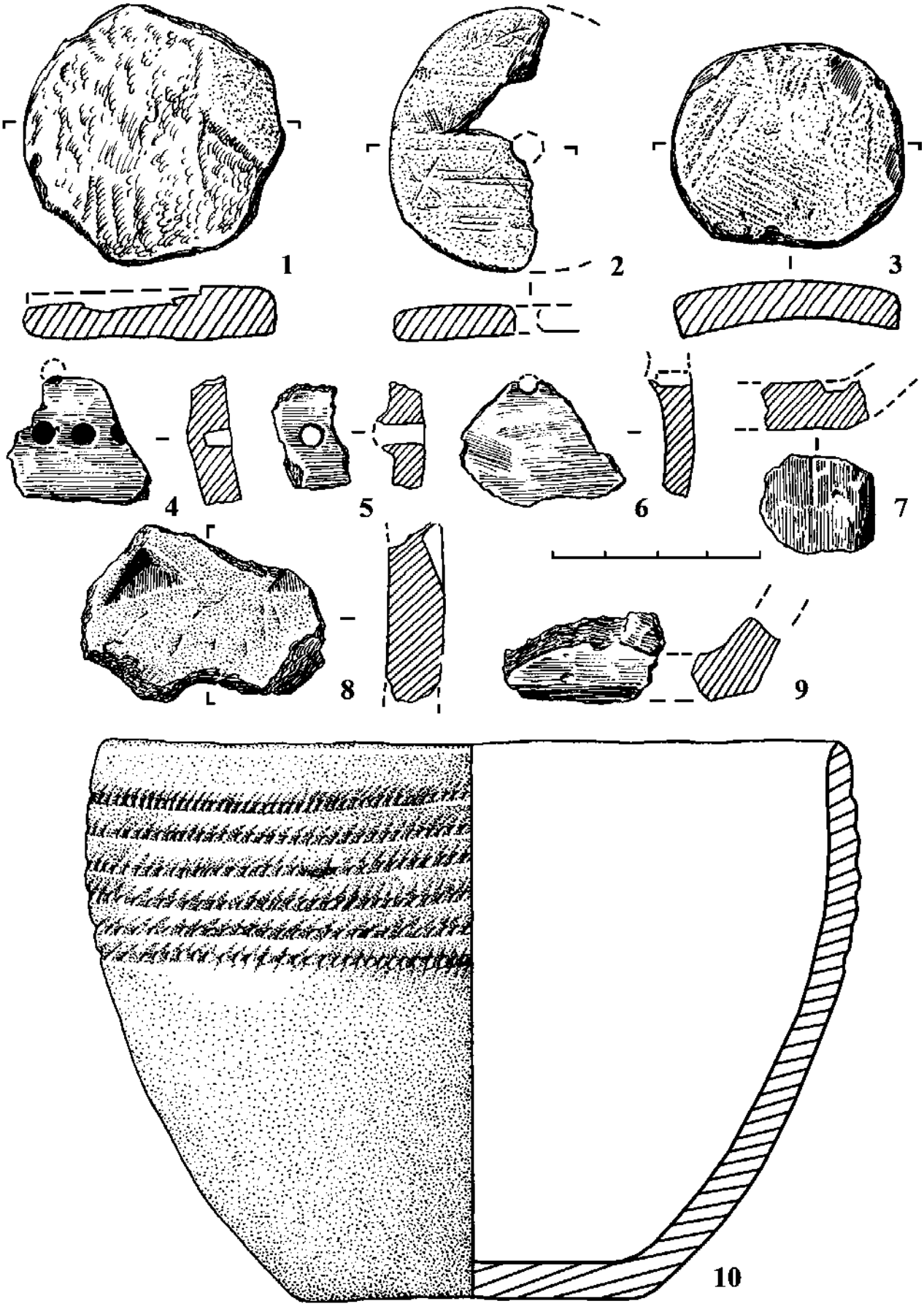

Рис. 42. Тыткескень-VI, курган №85. Керамический материал из насыпи:
1–3 – дисковидные предметы; *4–9* – фрагменты посуды; *10* – сосуд

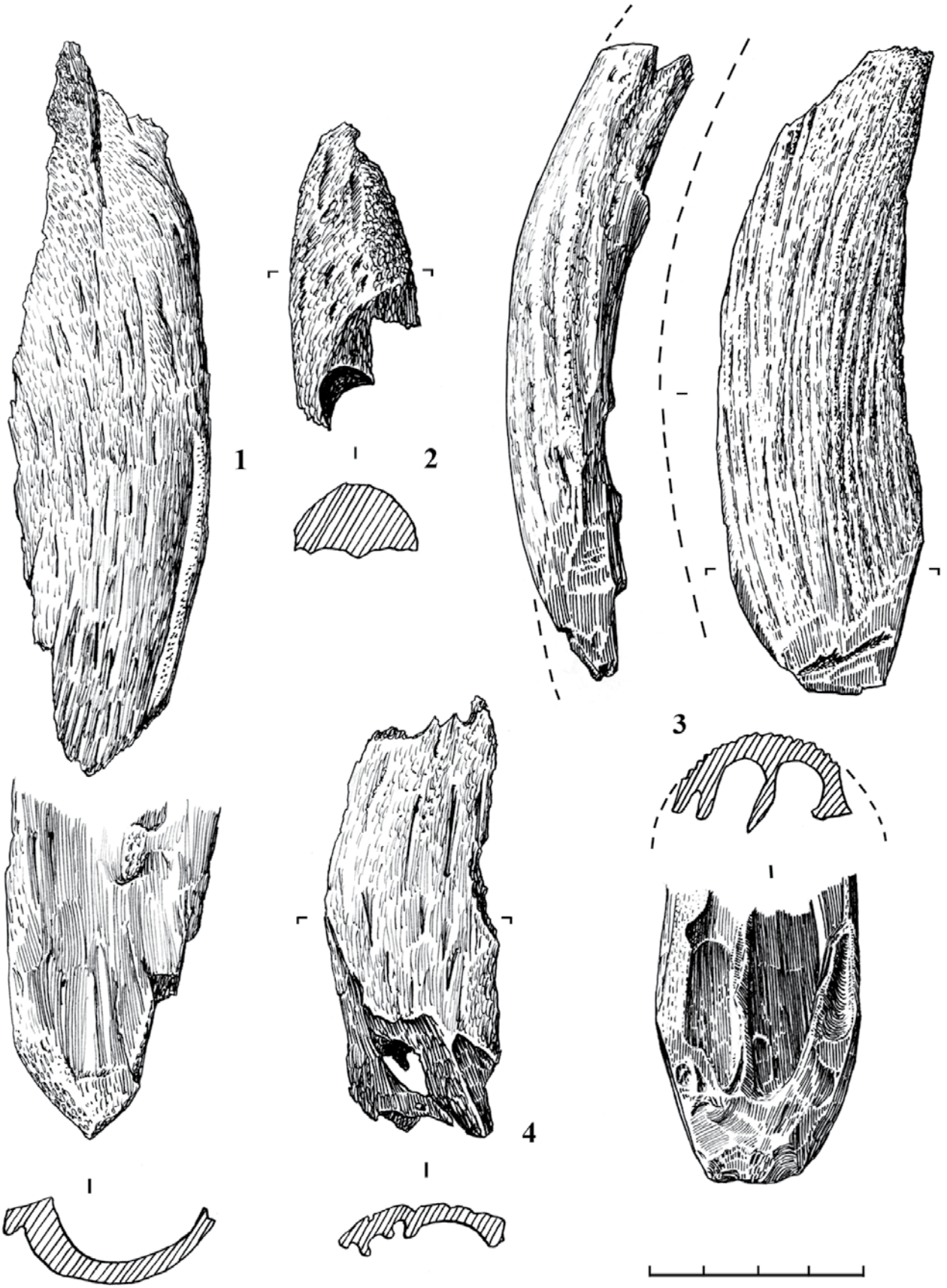

Рис. 43. Тыткескень-VI, курган №85. Заготовки из рога, найденные в насыпи

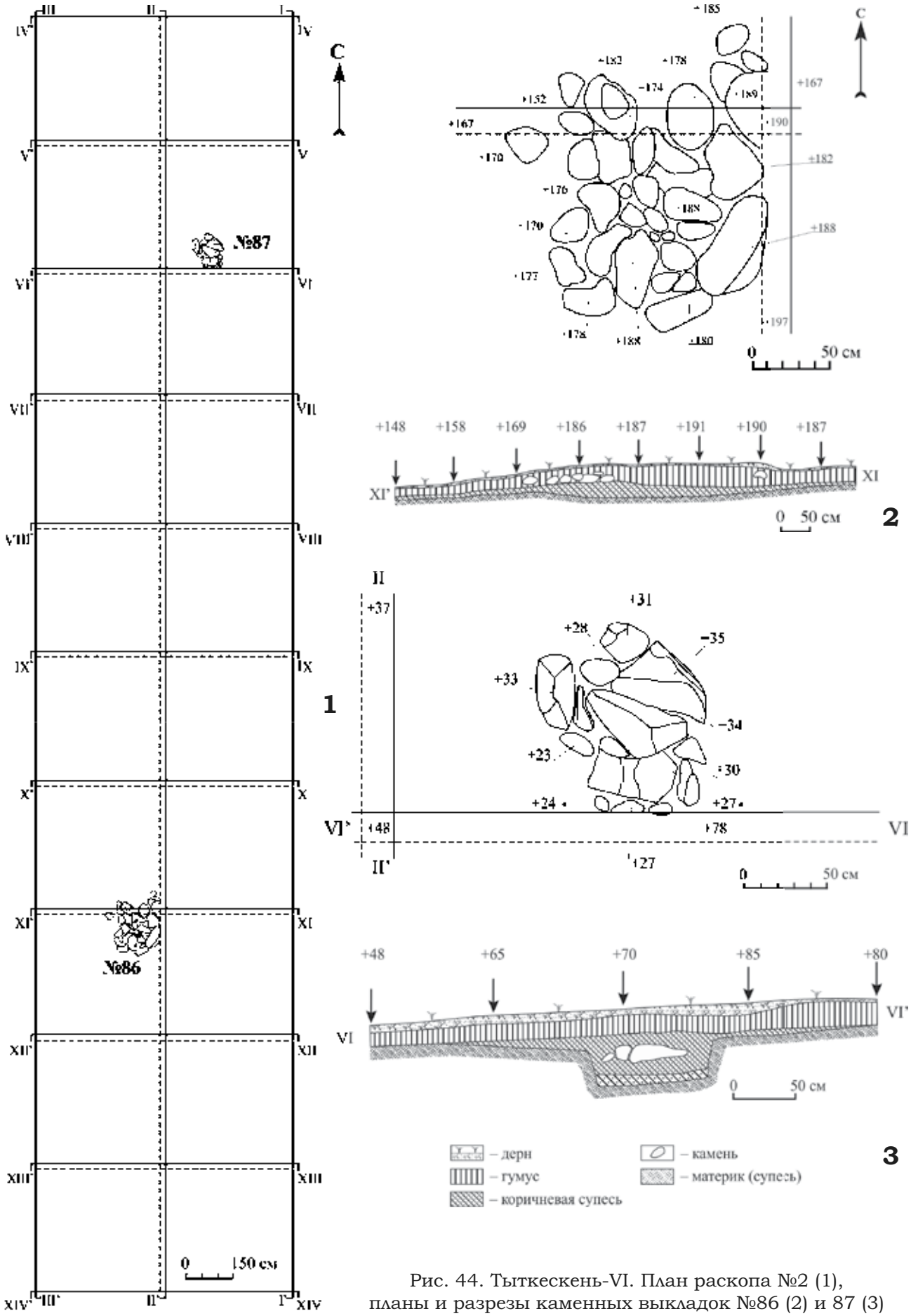

Рис. 44. Тыткескень-VI. План раскопа №2 (1), планы и разрезы каменных выкладок №86 (2) и 87 (3)

Рис. 45. Тыткескень-VI. Раскоп №2: *1* – вид с юга; *2* – вид с севера

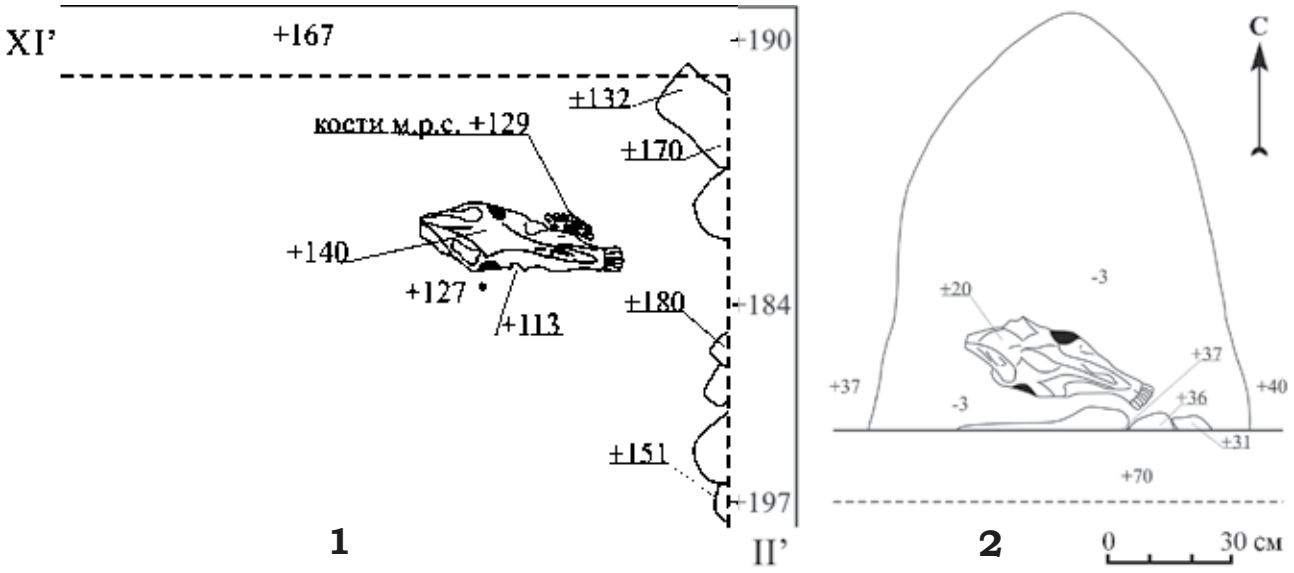

Рис. 46. Тыткескень-VI. Выкладки №86 (1, 3, 4) и 87 (2, 5, 6): планы захоронений черепов лошадей (1, 2); наземные сооружения после зачистки (3, 5); черепа и разрезы конструкций (4, 6)

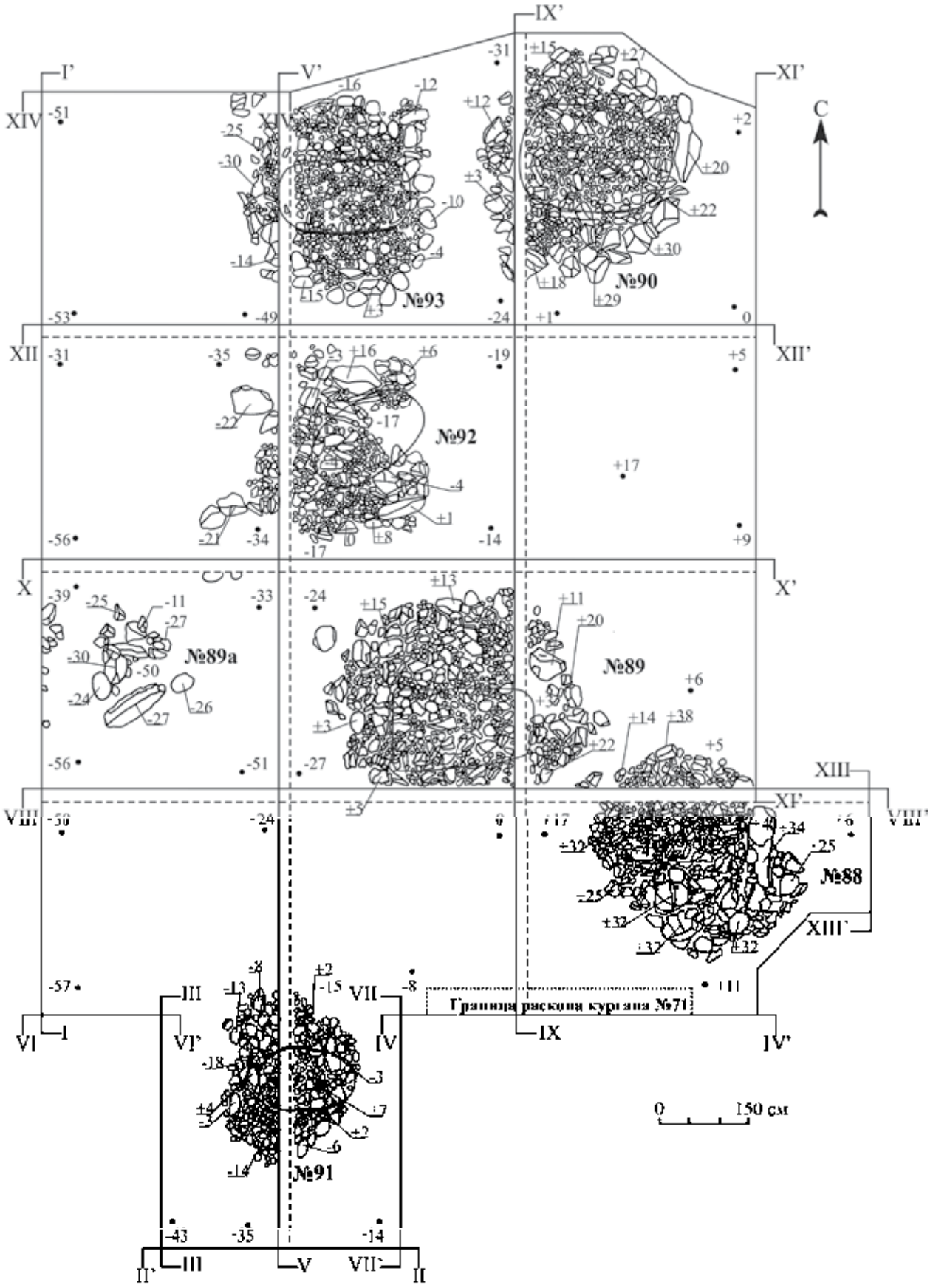

Рис. 47. Тыткескень-VI. План курганов №88–93

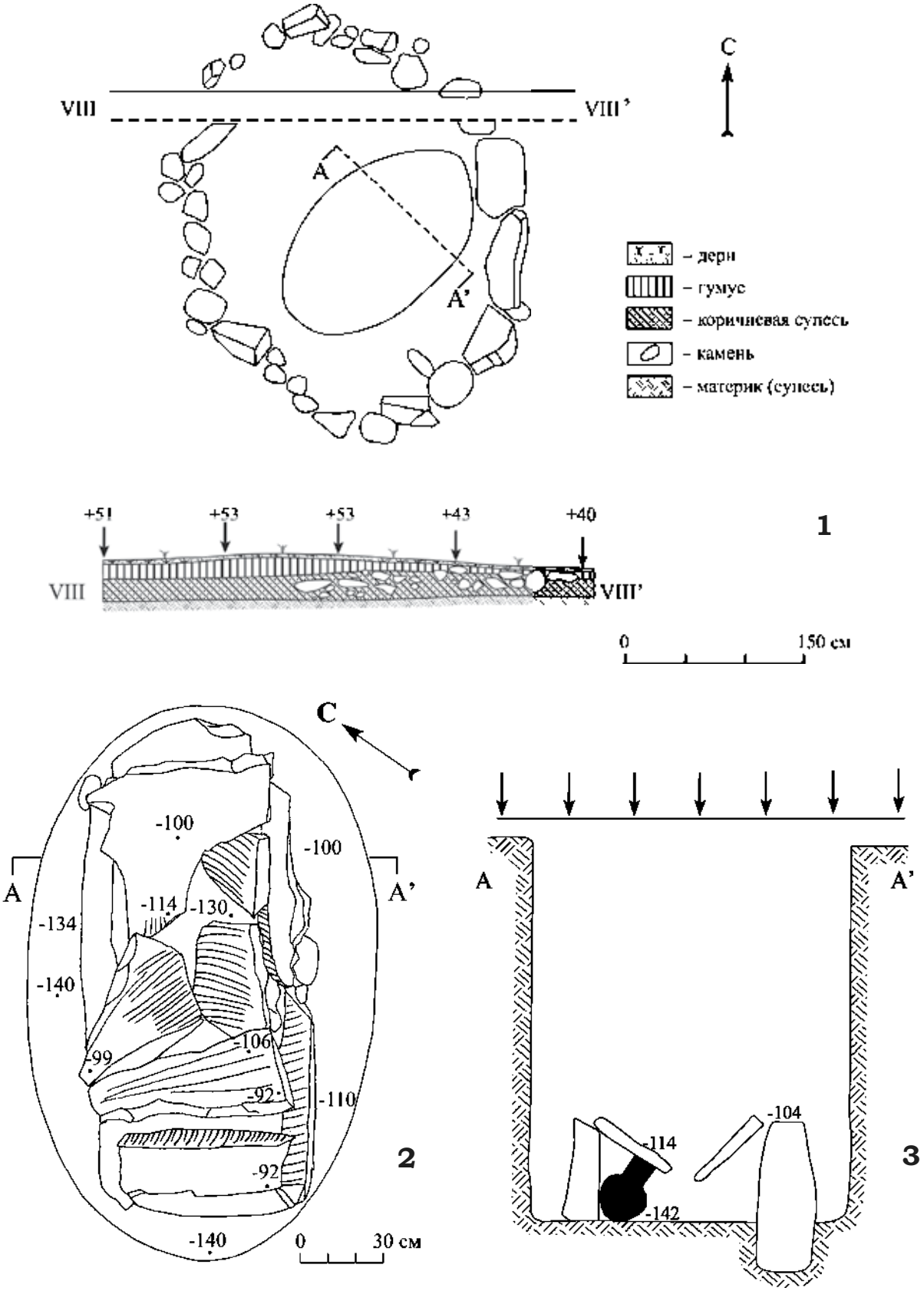

Рис. 48. Тыткескень-VI, курган №88: *1* – план кольцевой крепиды и разрез насыпи; *2* – план каменного ящика с перекрытием; *3* – разрез могильной ямы

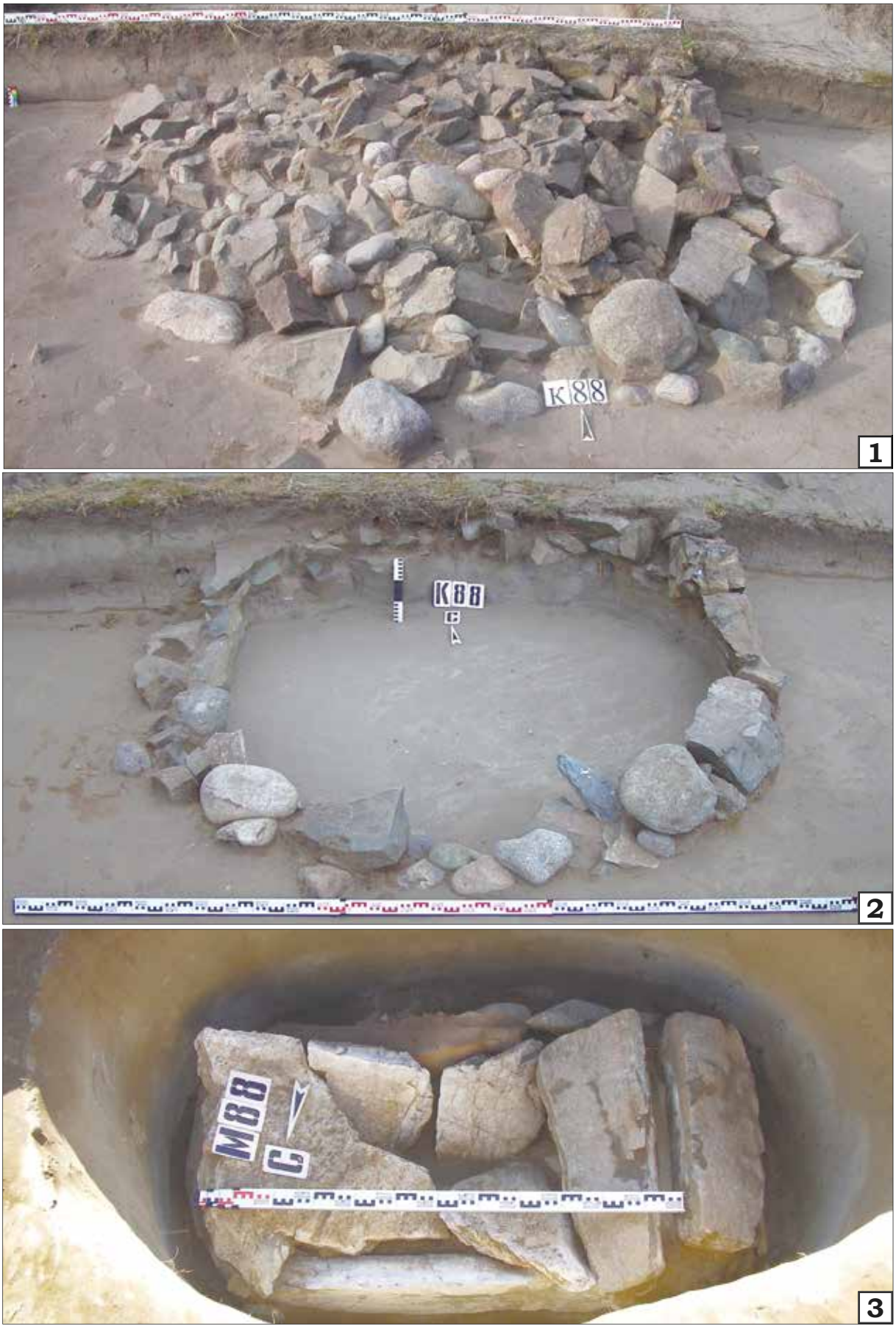

Рис. 49. Тыткескень-VI, курган №88: *1* – насыпь после зачистки; *2* – крепида; *3* – каменное перекрытие погребальной камеры

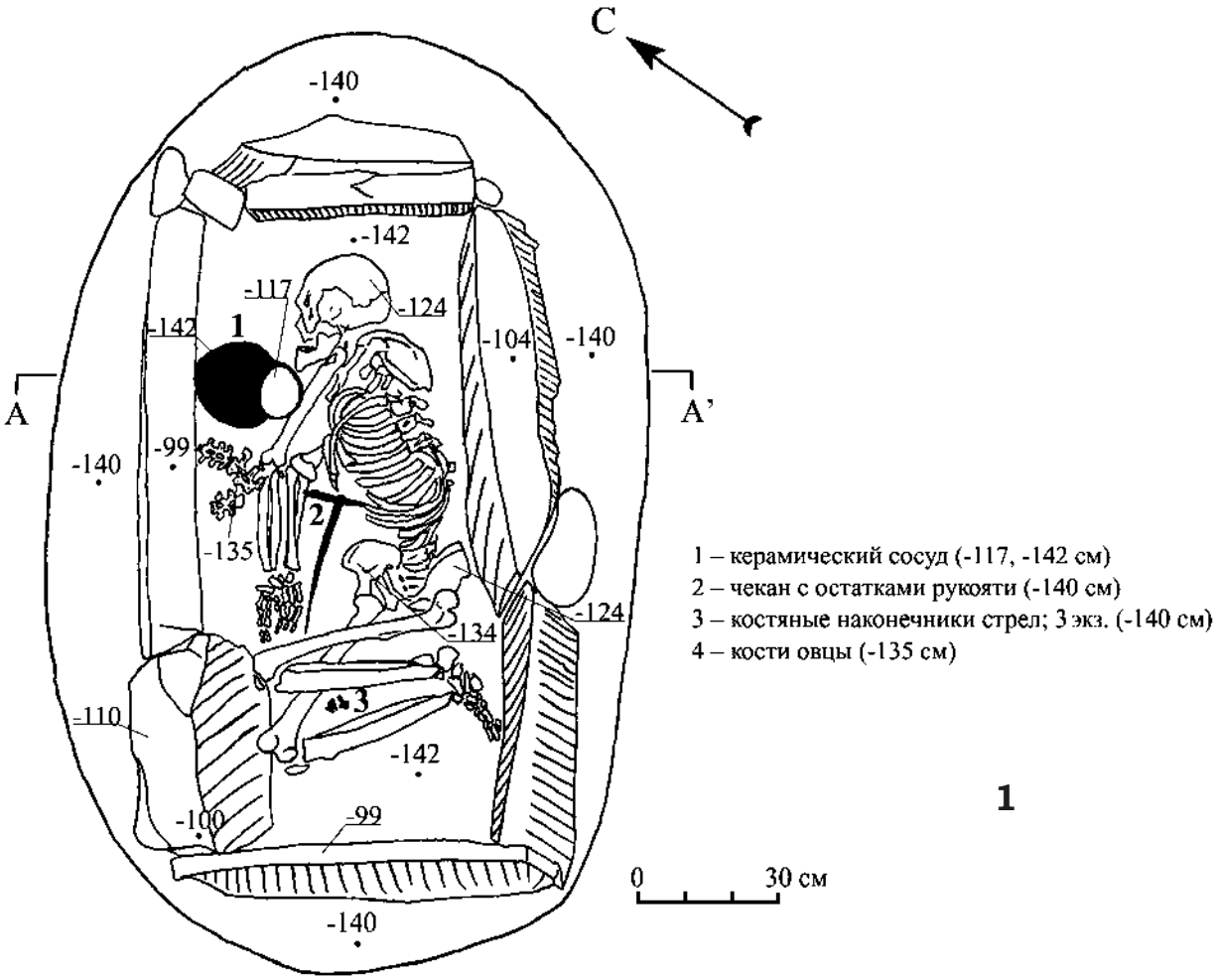

Рис. 50. Тыткескень-VI, курган №88:
1 – план захоронения; *2* – погребение человека в каменном ящике

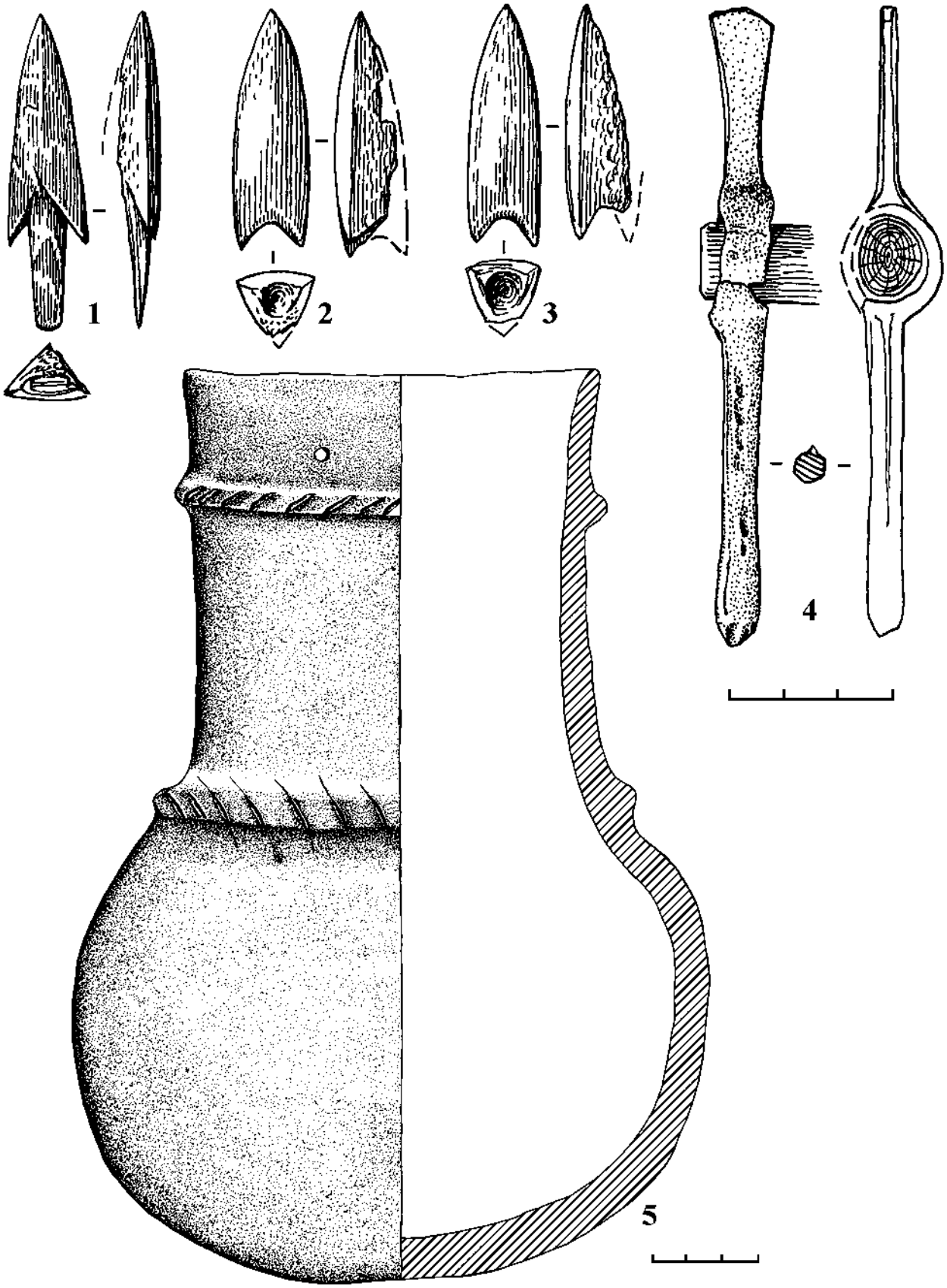

Рис. 51. Тыткескень-VI, курган №88. Предметный комплекс: *1–3* – наконечники стрел; *4* – чекан с рукоятью; *5* – сосуд (*1–3 – кость; 4 – бронза, дерево; 5 – керамика*)

Рис. 52. Тыткескень-VI, курган №88:
1–3 – наконечники стрел; *4* – чекан с рукоятью; *5* – сосуд

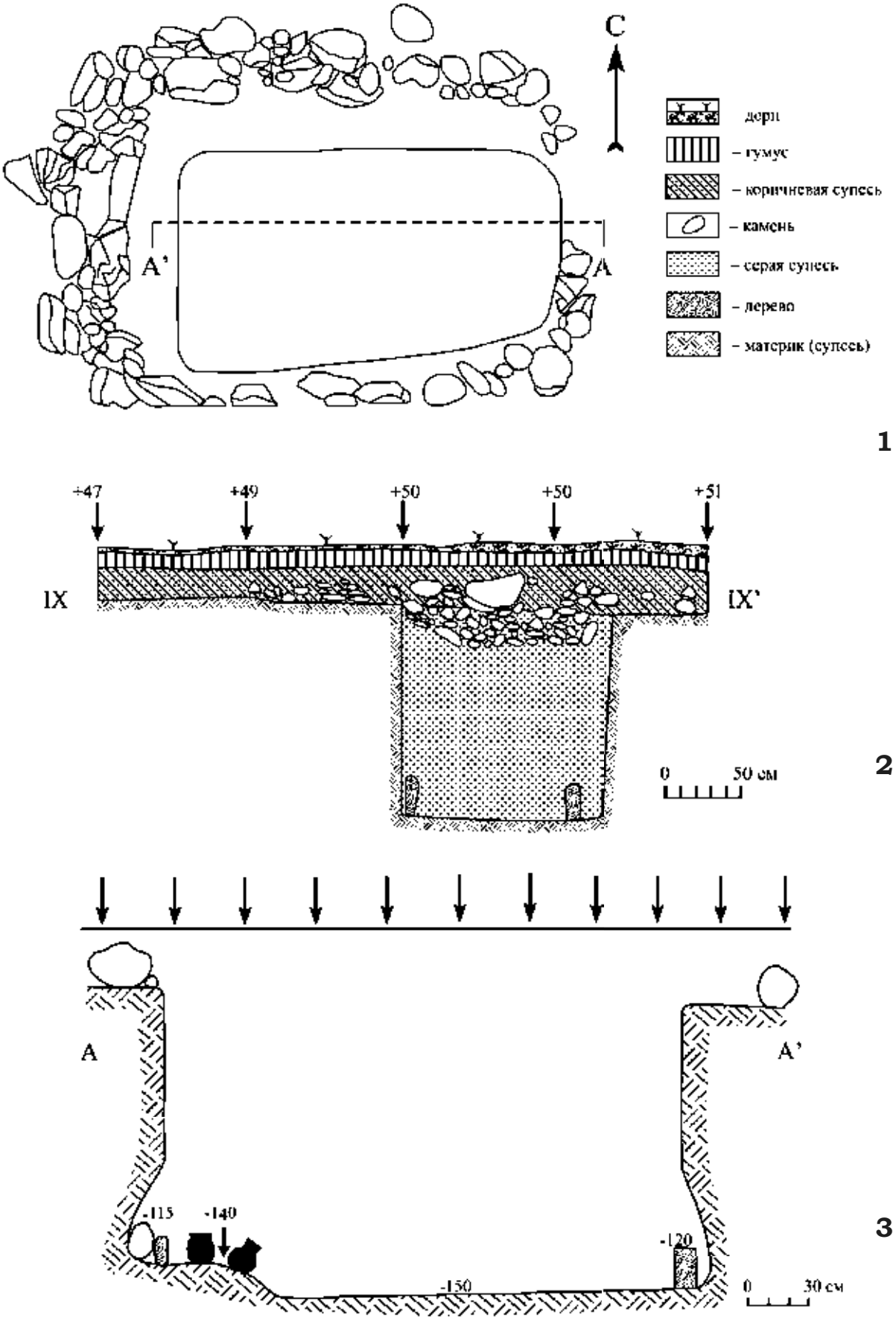

Рис. 53. Тыткескень-VI, курган №89: *1* – план кольцевой крепиды; *2* – разрез насыпи и могильной ямы; *3* – разрез погребальной камеры

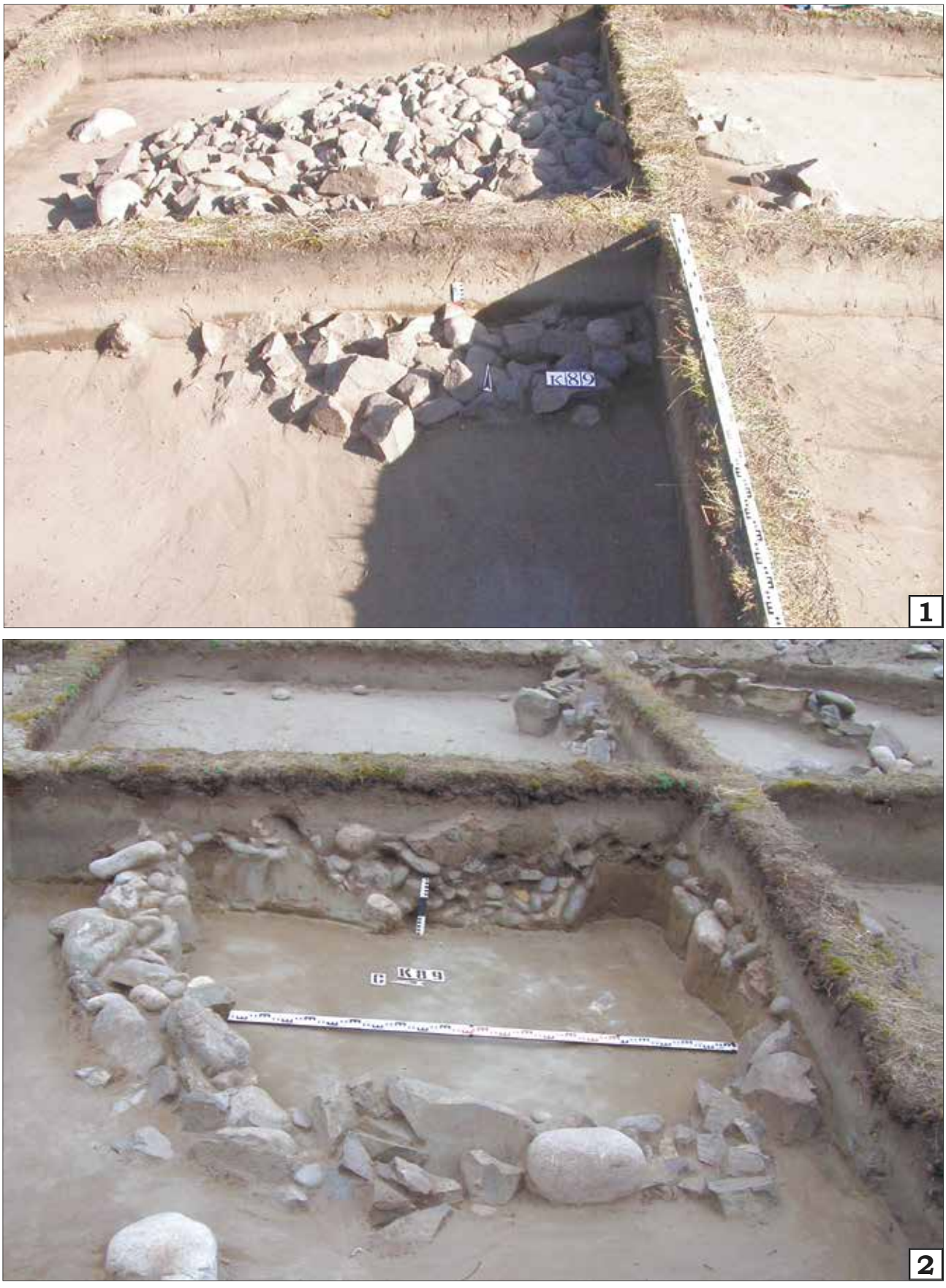
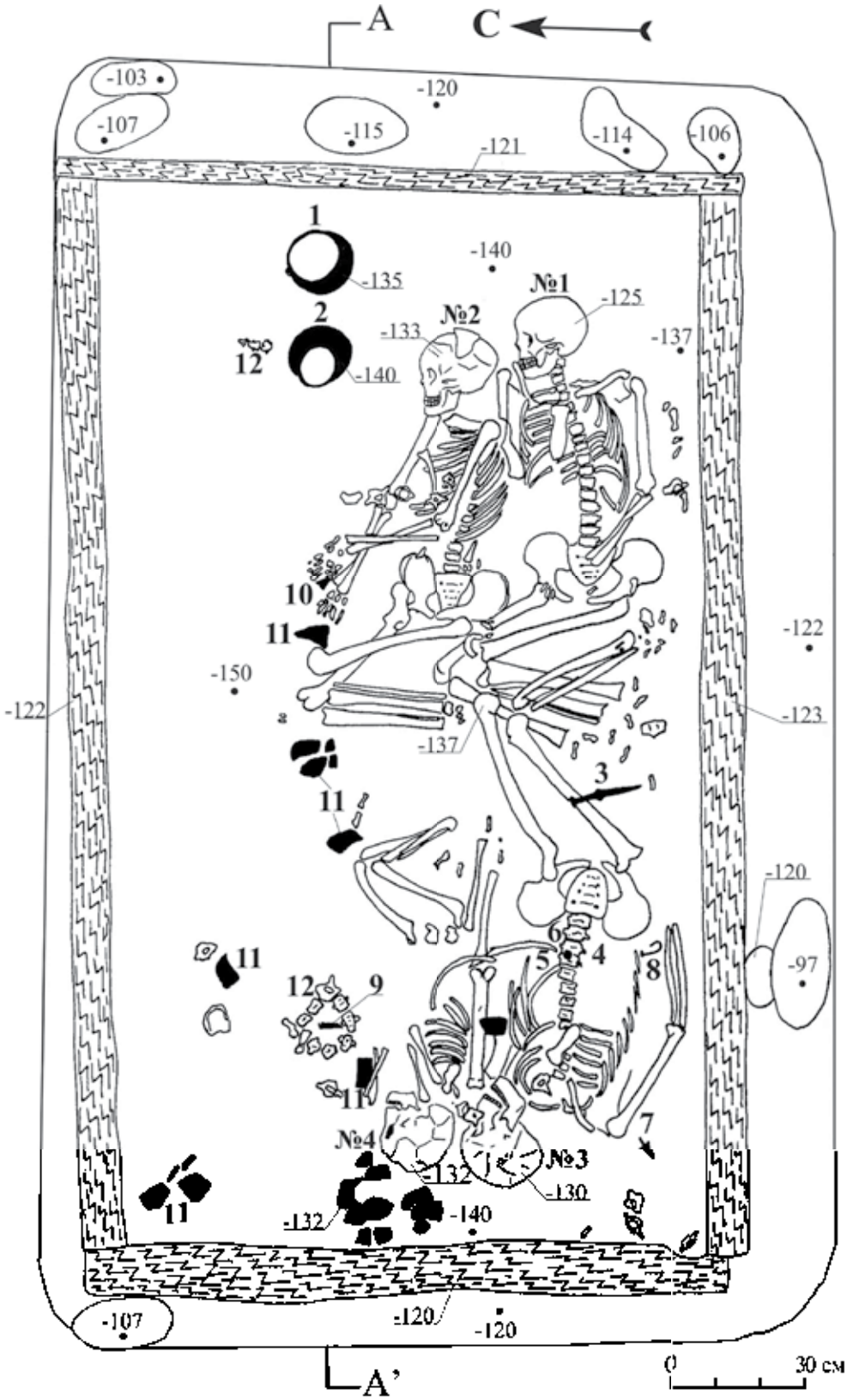

Рис. 54. Тыткескень-VI, курган №89:
1 – насыпь после зачистки; *2* – крепида с разрезом по бровке

1, 2 целые керамические сосуды (-135 см; -140 см)
3 кинжал (-135 см)
4 – бляха (-137 см)
5 – ворворка (-135 см)
6 – обойма (-137 см)
7 – костяной наконечник стрелы (-130 см)
8 – колчанный крюк (-135 см)
9 – нож (-140 см)
10 – «колокольчик» (-147 см)
11 – развал керамического сосуда, фрагменты керамики (–132 см, -147 см, -138 см)
12 кости овцы (-140 см, -148 см)

Рис. 55. Тыткескень-VI, курган №89. План коллективного захоронения

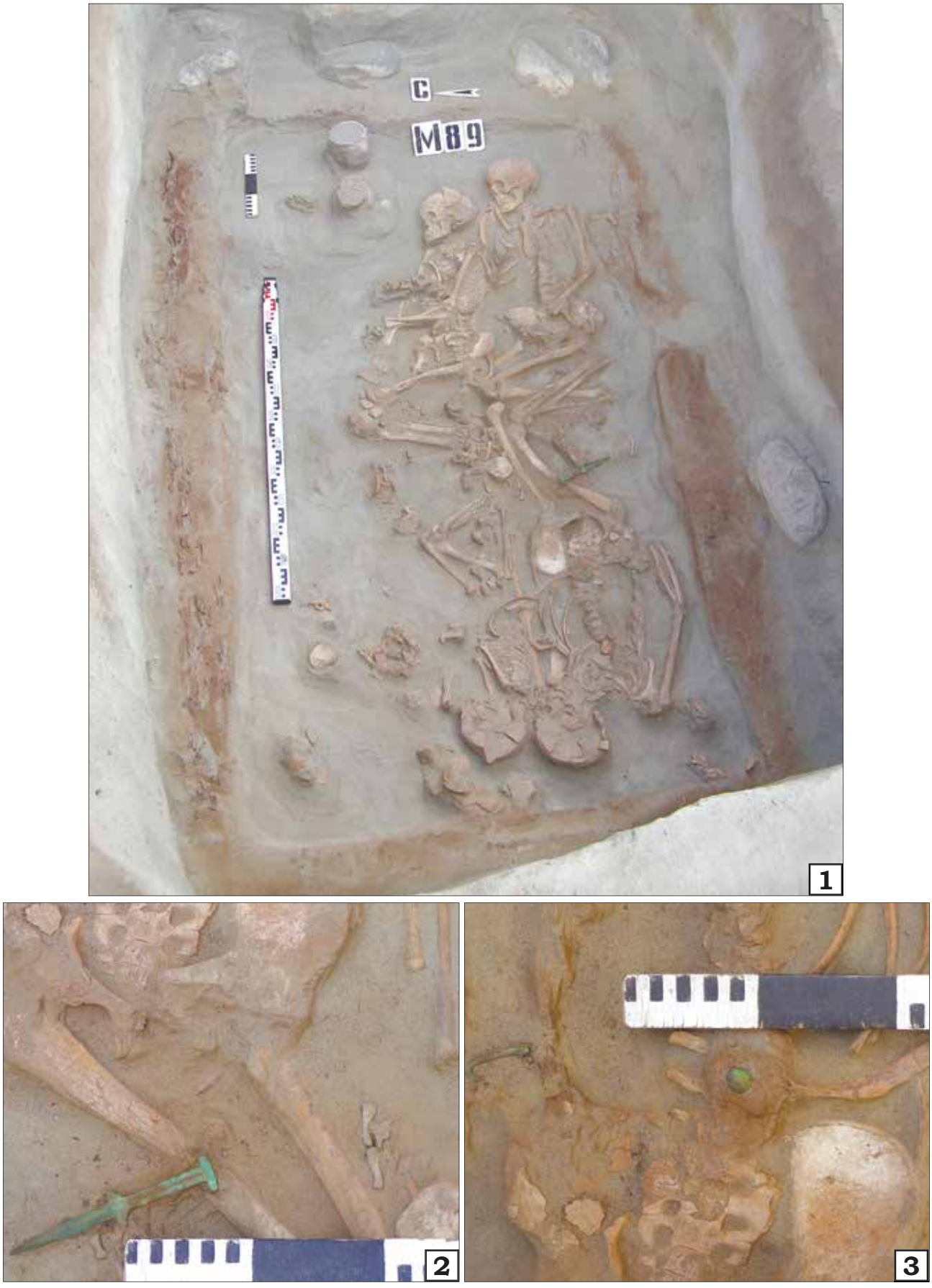

Рис. 56. Тыткескень-VI, курган №89. Погребения в деревянной раме (1), кинжал (1), колчанный крюк и бляха (3), обнаруженные со скелетом №3

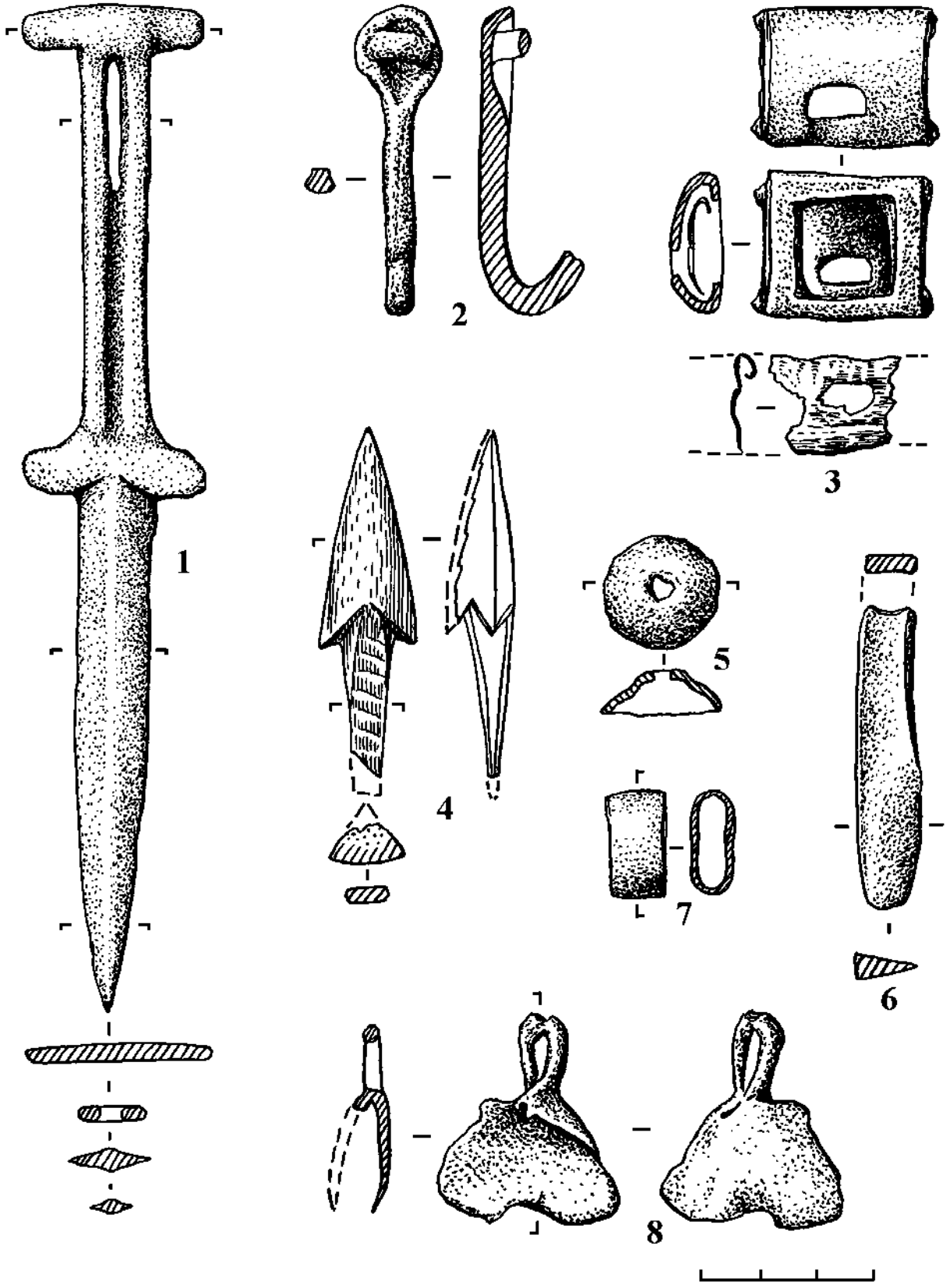

Рис. 57. Тыткескень-VI, курган №89. Предметный комплекс: *1* – кинжал; *2* – колчанный крюк; *3* – бляха с остатками ремня; *4* – наконечник стрелы; *5* – ворворка; *6* – нож; *7* – обойма; *8* – «колокольчик» (*1, 2, 5–8 – цветной металл; 3 – бронза, кожа; 4 – кость*)

Рис. 58. Тыткескень-VI, курган №89: *1* – кинжал; *2* – наконечник стрелы; *3* – бляха; *4* – ворворка; *5* – обойма; *6* – колчанный крюк; *7* – нож; *8* – «колокольчик»; *9* – сосуд

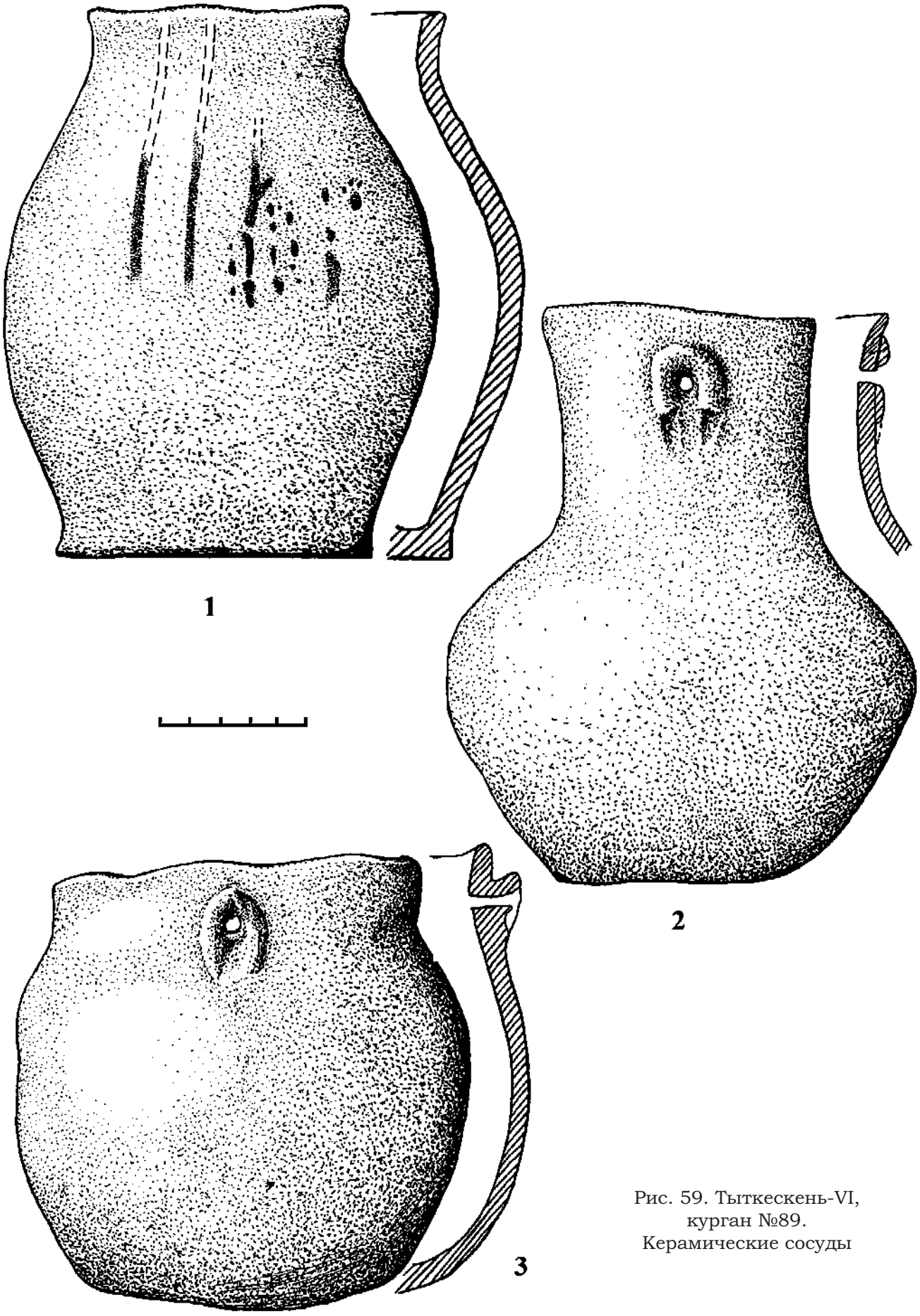
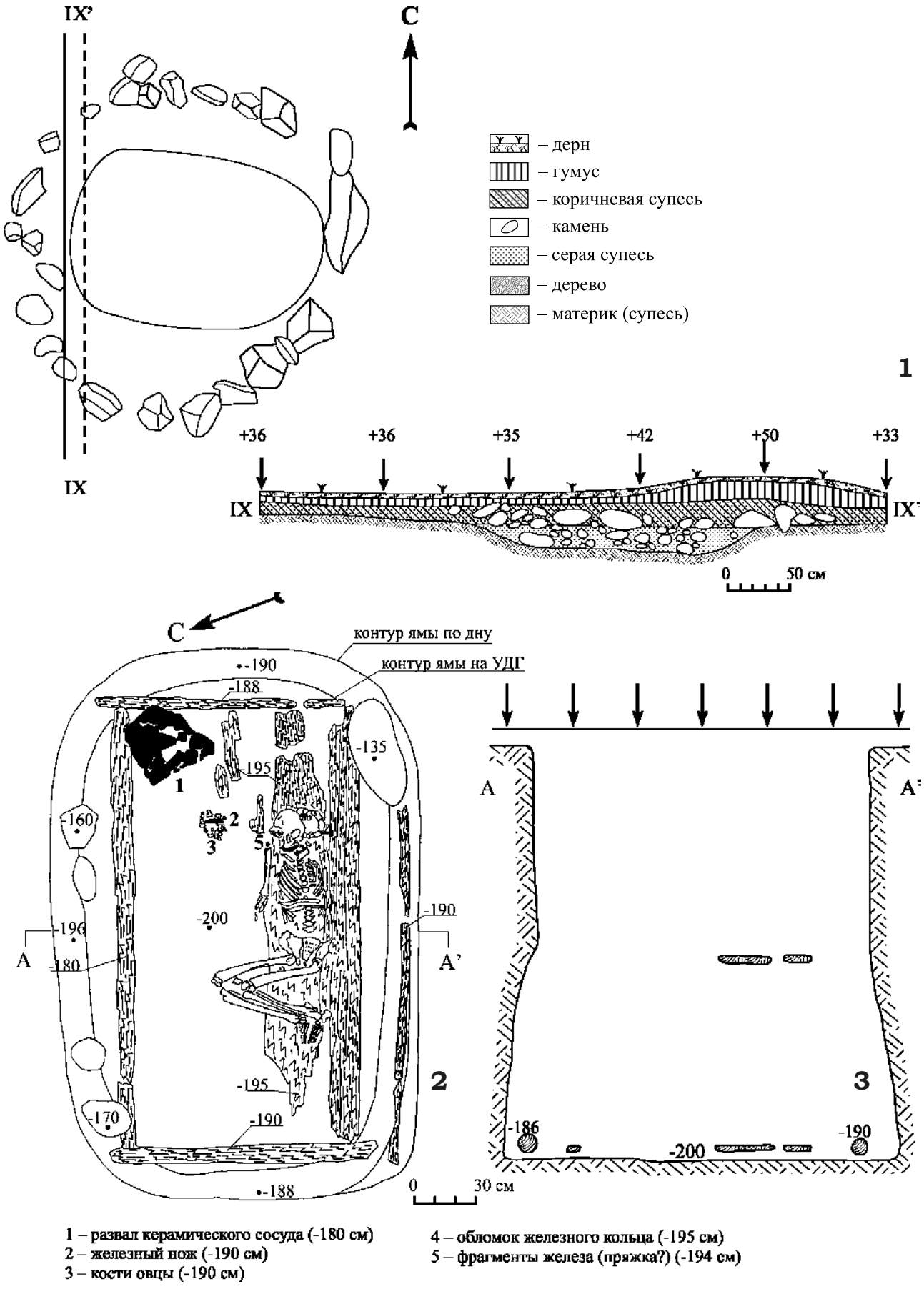

Рис. 59. Тыткескень-VI,
курган №89.
Керамические сосуды

Рис. 60. Тыткескень-VI, курган №89. Керамические сосуды

1 – развал керамического сосуда (-180 см)
2 – железный нож (-190 см)
3 – кости овцы (-190 см)
4 – обломок железного кольца (-195 см)
5 – фрагменты железа (пряжка?) (-194 см)

Рис. 61. Тыткескень-VI, курган №90: *1* – план кольцевой крепиды, разрез насыпи; *2* – план захоронения; *3* – разрез могильной ямы

Рис. 62. Тыткескень-VI, курган №90: *1* – насыпь после зачистки;
2 – крепида и каменное заполнение могильной ямы

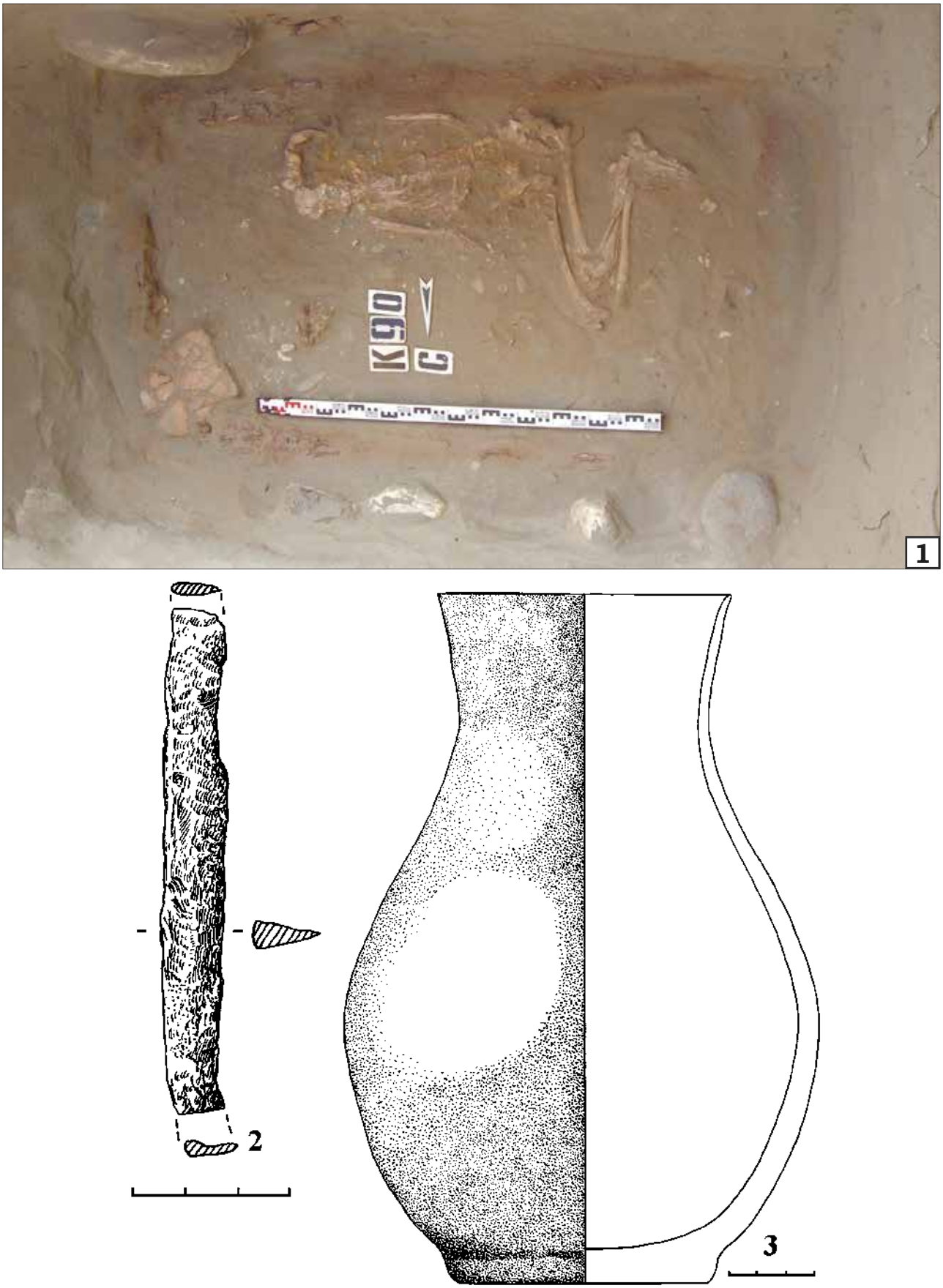

Рис. 63. Тыткескень-VI, курган №90: *1* – погребение человека в деревянной раме; *2* – железный нож; *3* – керамический сосуд

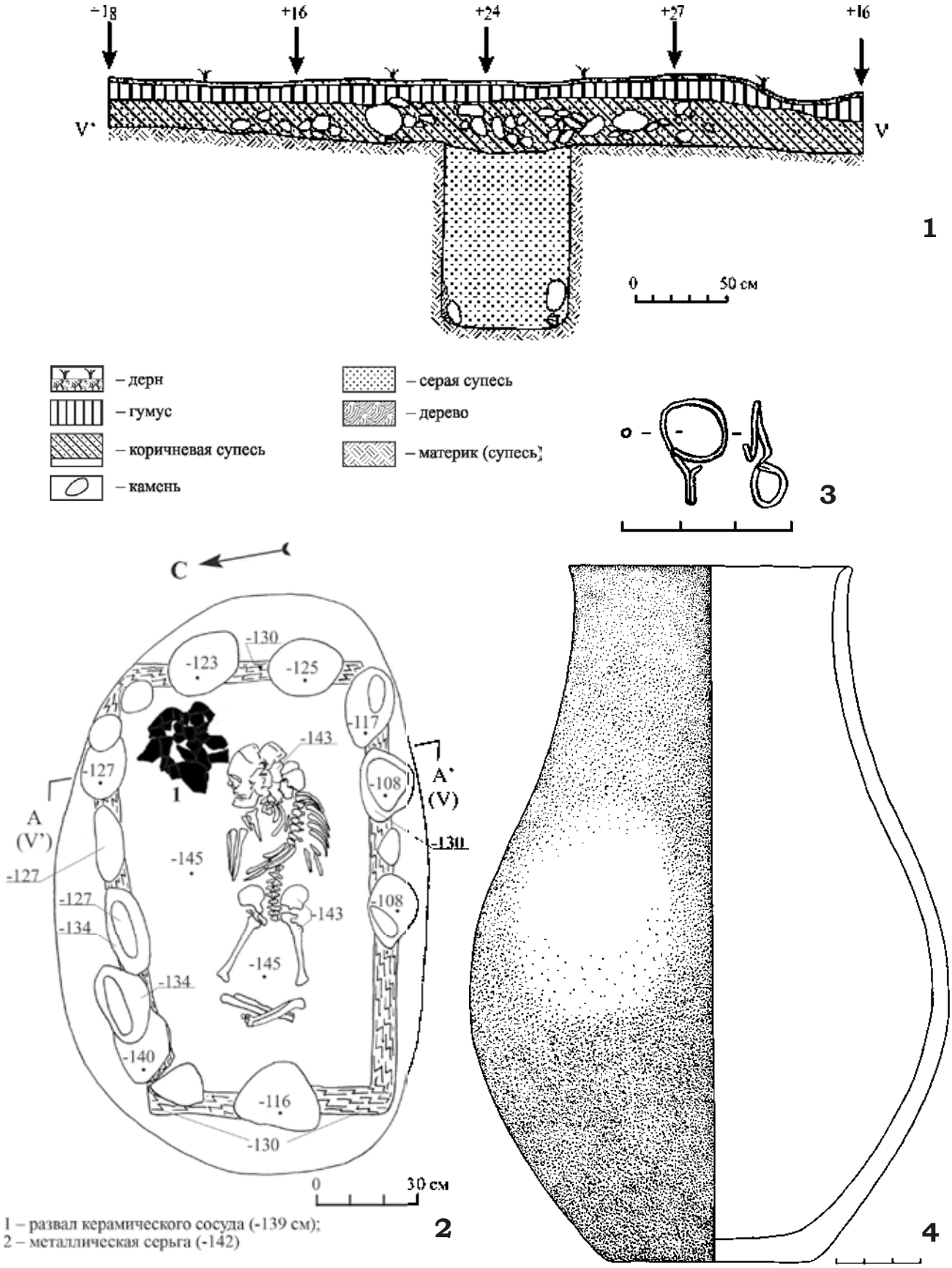

Рис. 64. Тыткескень-VI, курган №91: *1* – разрез насыпи и могильной ямы; *2* – план захоронения; *3* – металлическая серьга; *4* – керамический сосуд

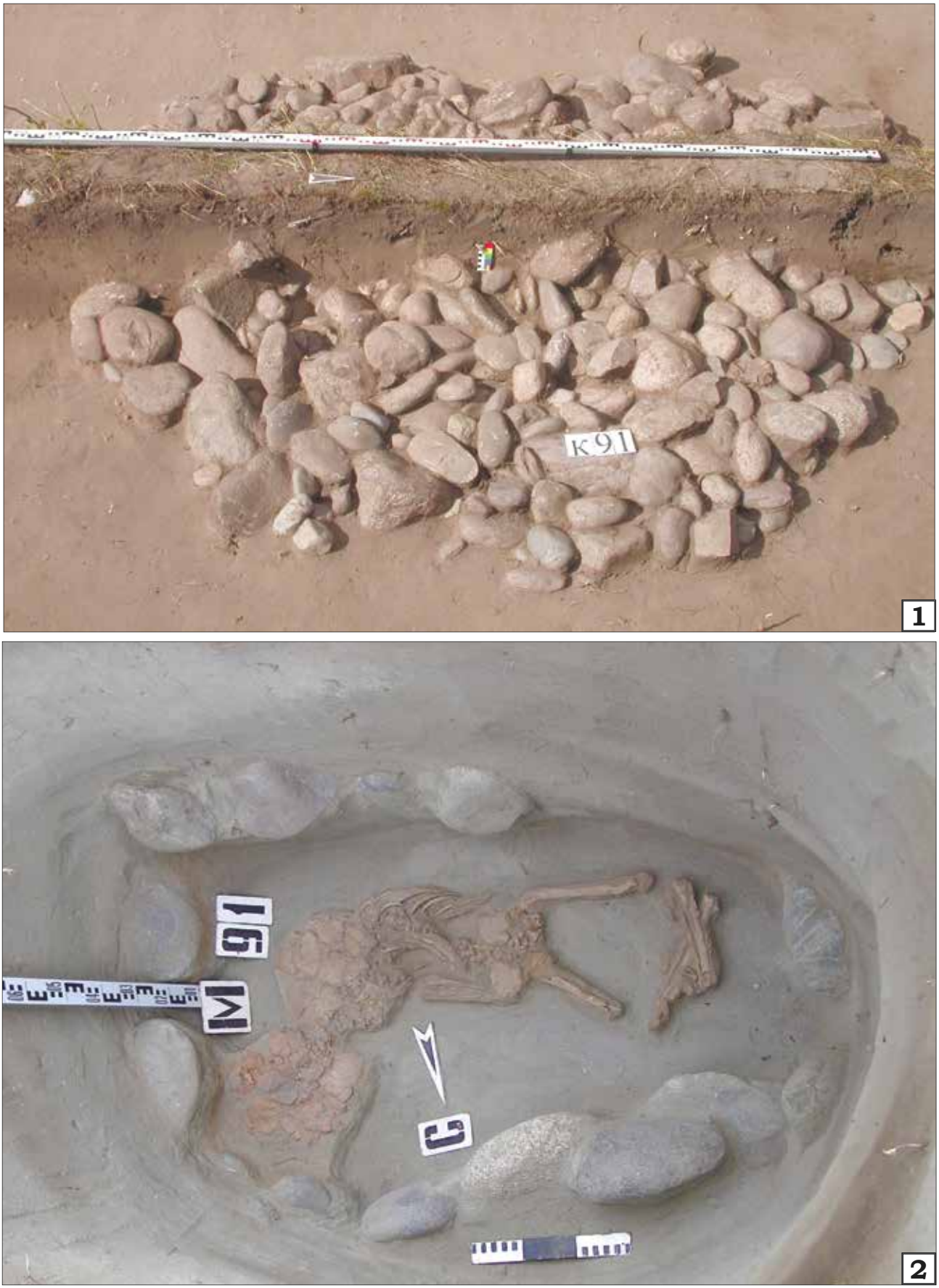

Рис. 65. Тыткескень-VI, курган №91: *1* – насыпь после зачистки;
2 – погребение ребенка в каменно-деревянной конструкции

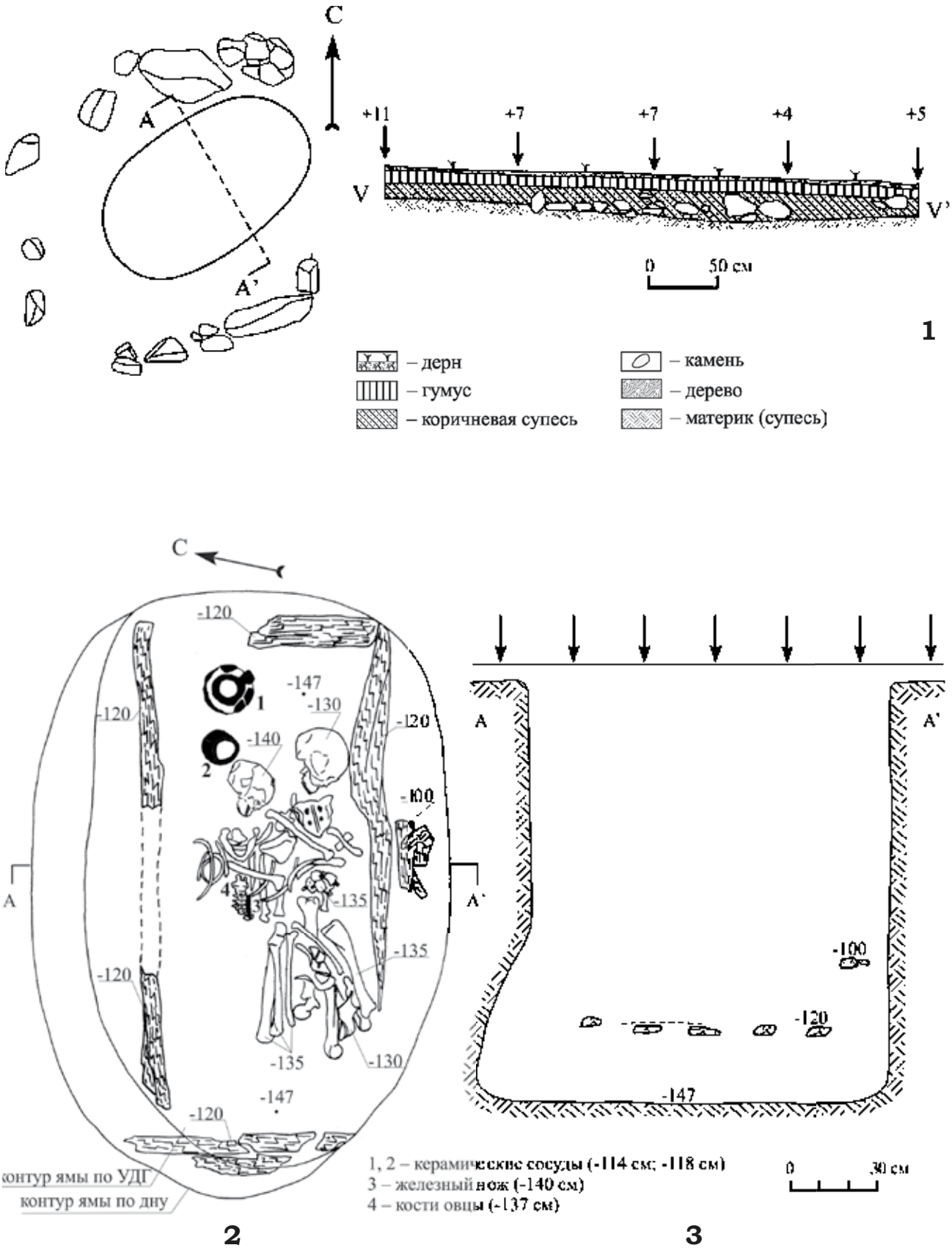

Рис. 66. Тыткескень-VI, курган №92: *1* – план кольцевой крепиды, разрез насыпи; *2* – план захоронения; *3* – разрез могильной ямы

Рис. 67. Тыткескень-VI, курган №92: *1* – насыпь после зачистки;
2 – крепида и каменное заполнение могильной ямы; *3* – деревянное перекрытие рамы

Рис. 68. Тыткескень-VI, курган №92:
1, 3 – керамические сосуды;
2 – парное погребение в деревянной камере

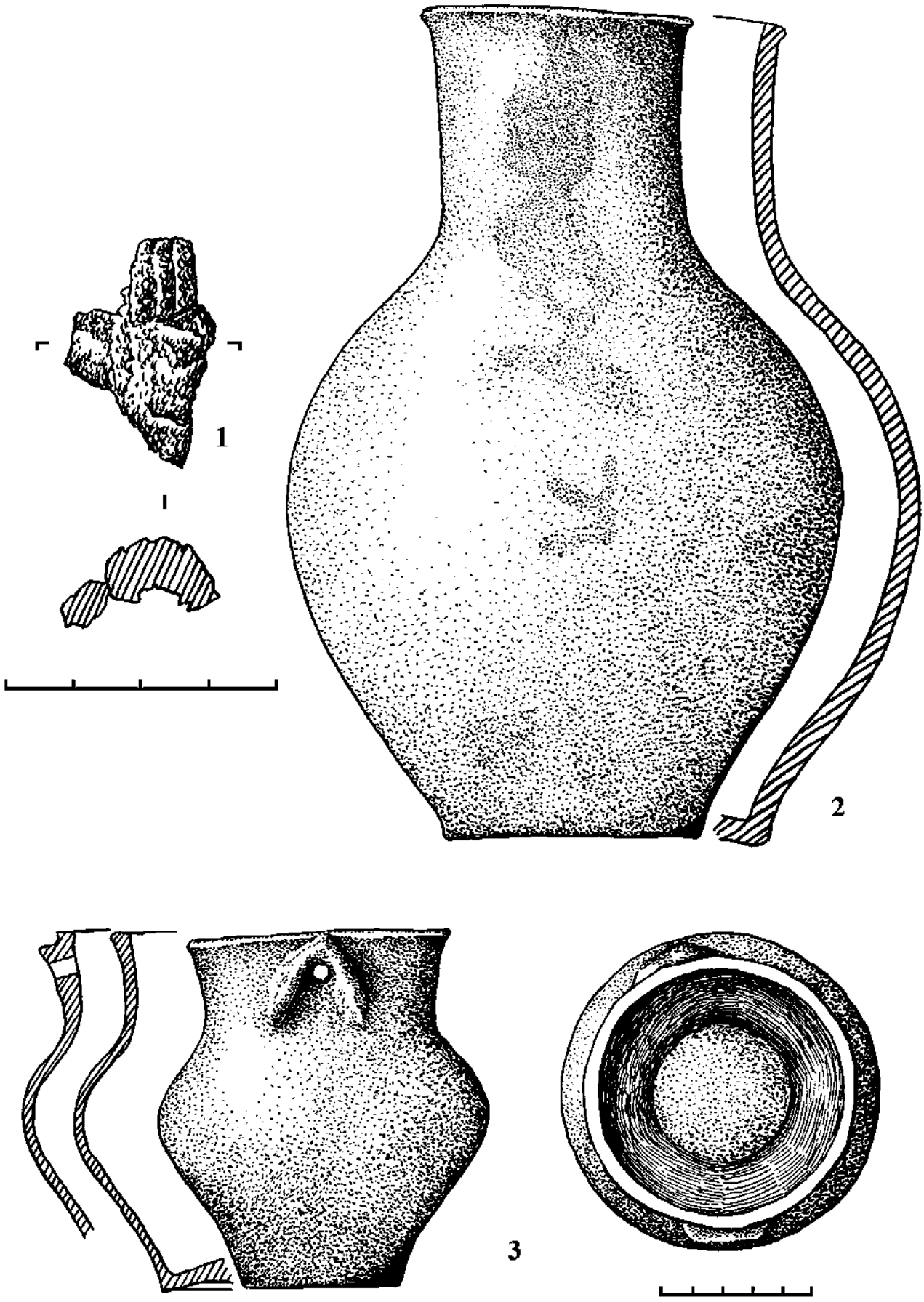

Рис. 69. Тыткескень-VI, курган №92. Предметный комплекс:
1 – фрагменты ножа; *2, 3* – сосуды (*1 – железо; 2, 3 – керамика*)

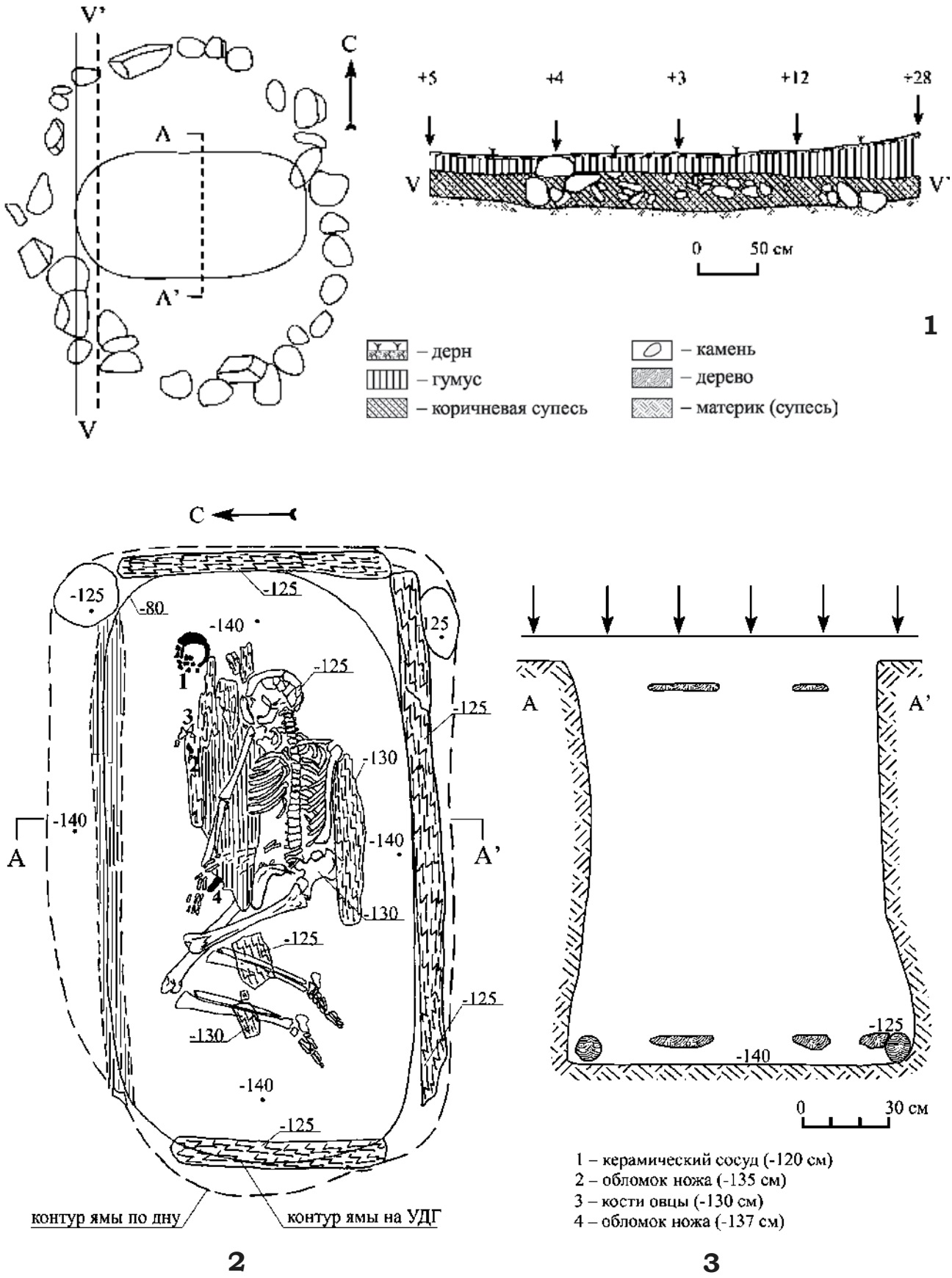

Рис. 70. Тыткескень-VI, курган №93: *1* – план кольцевой крепиды, разрез насыпи; *2* – план захоронения; *3* – разрез могильной ямы

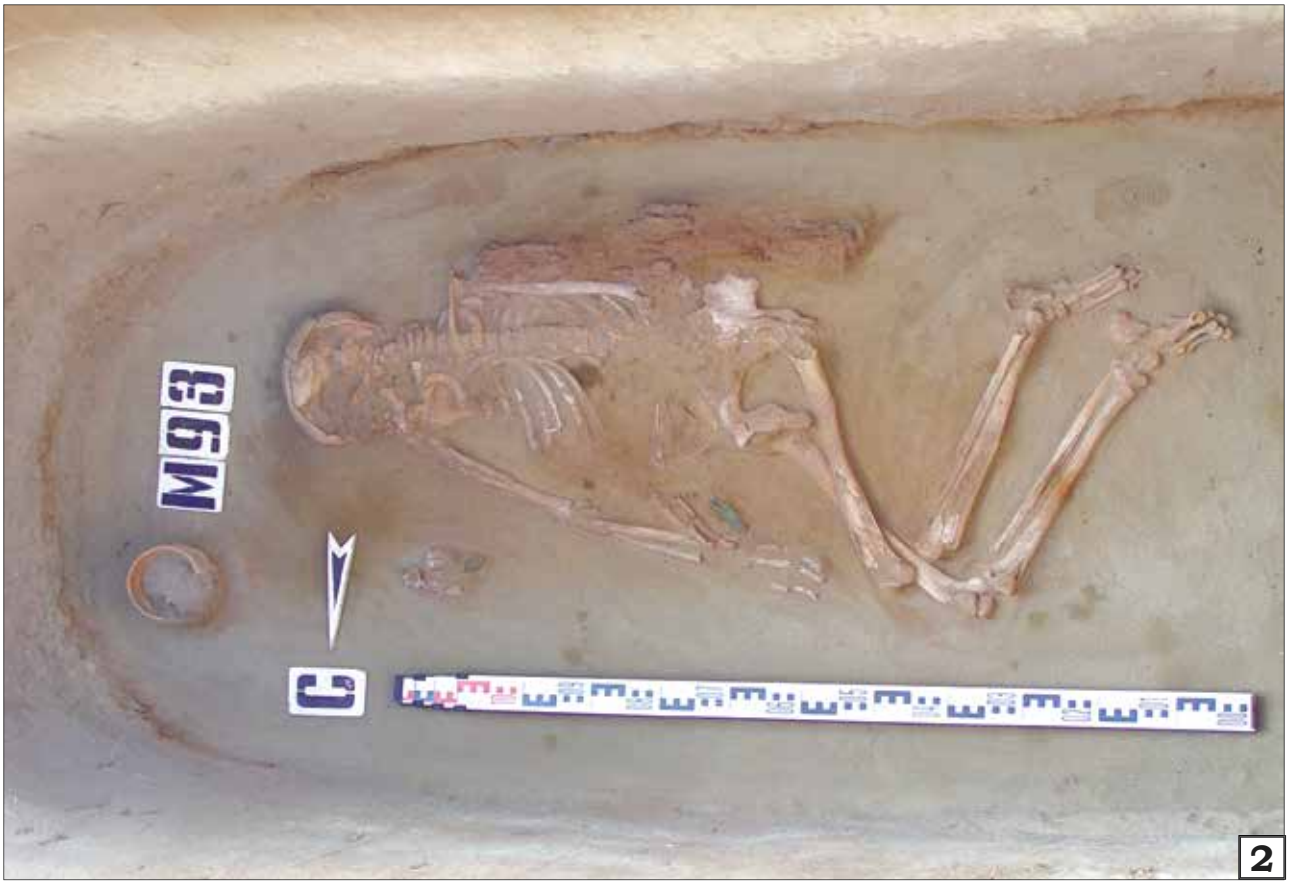

Рис. 71. Тыткескень-VI, курган №93: *1* – насыпь после зачистки;
2 – погребение человека в деревянной конструкции

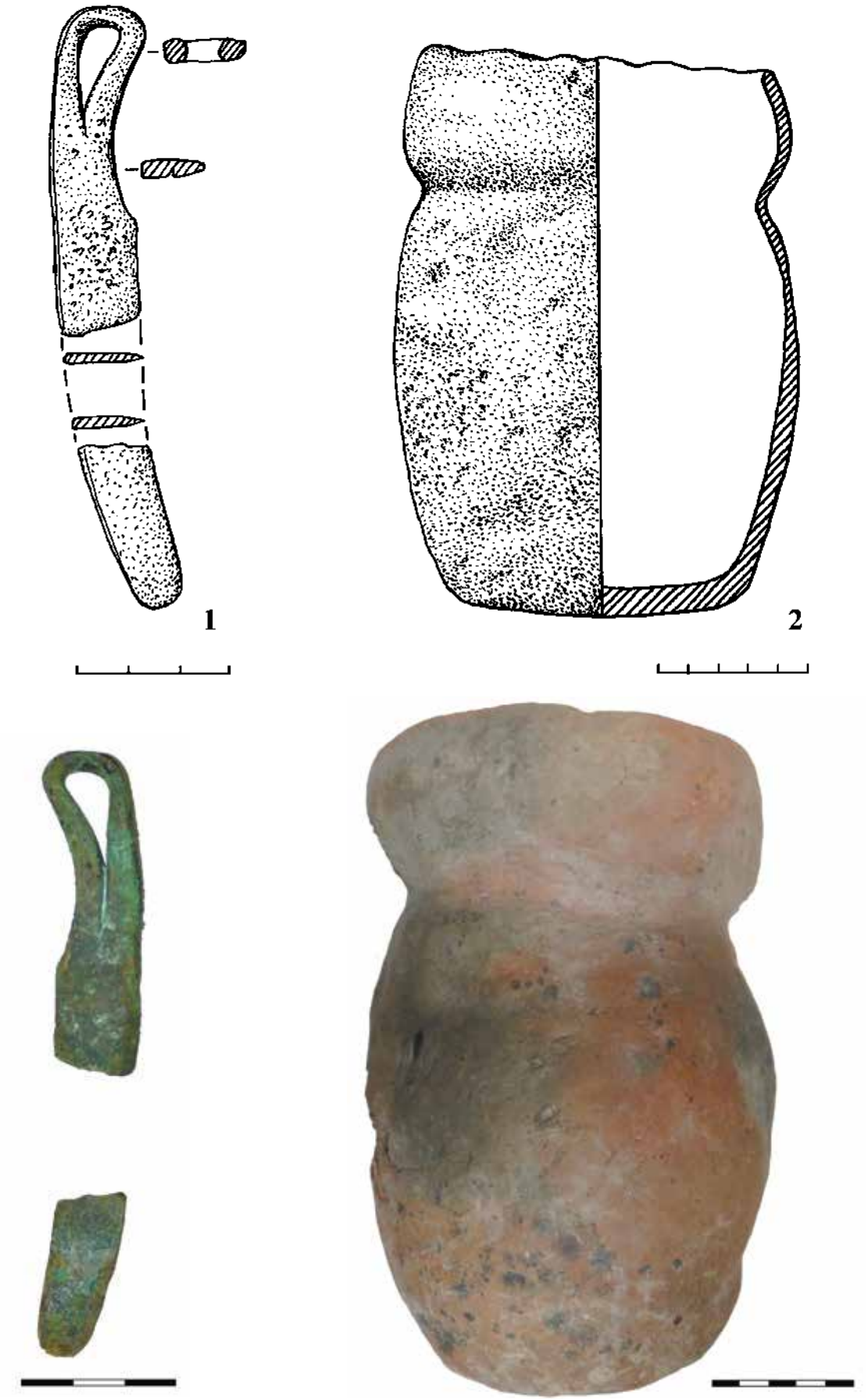

Рис. 72. Тыткескень-VI, курган №93. Предметный комплекс:
1 – бронзовый нож; *2* – керамический сосуд

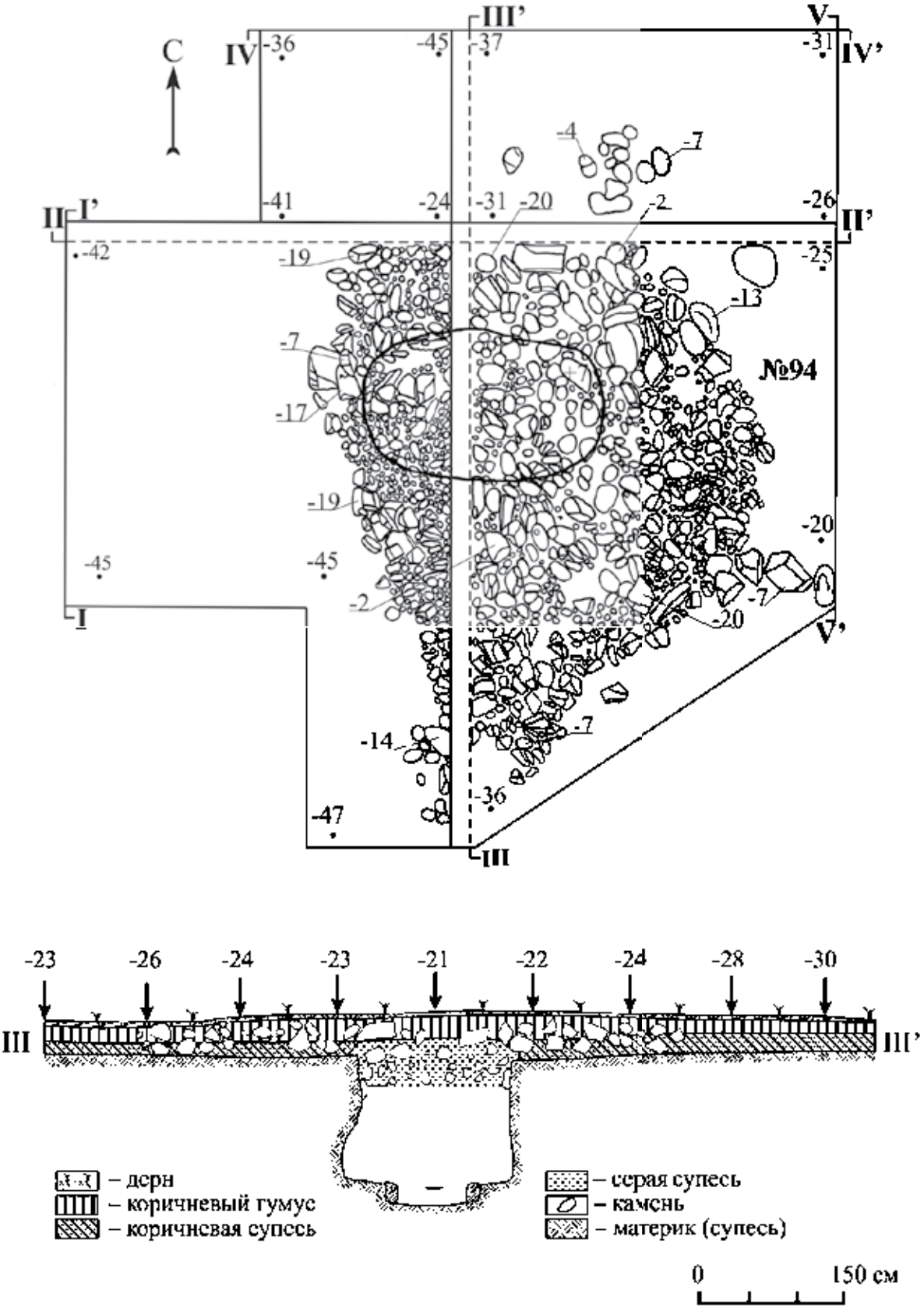

Рис. 73. Тыткескень-VI, курган №94. План и разрез

Рис. 74. Тыткескень-VI, курган №94: *1* – насыпь после зачистки;
2 – разрез наземной конструкции и каменное заполнение могильной ямы

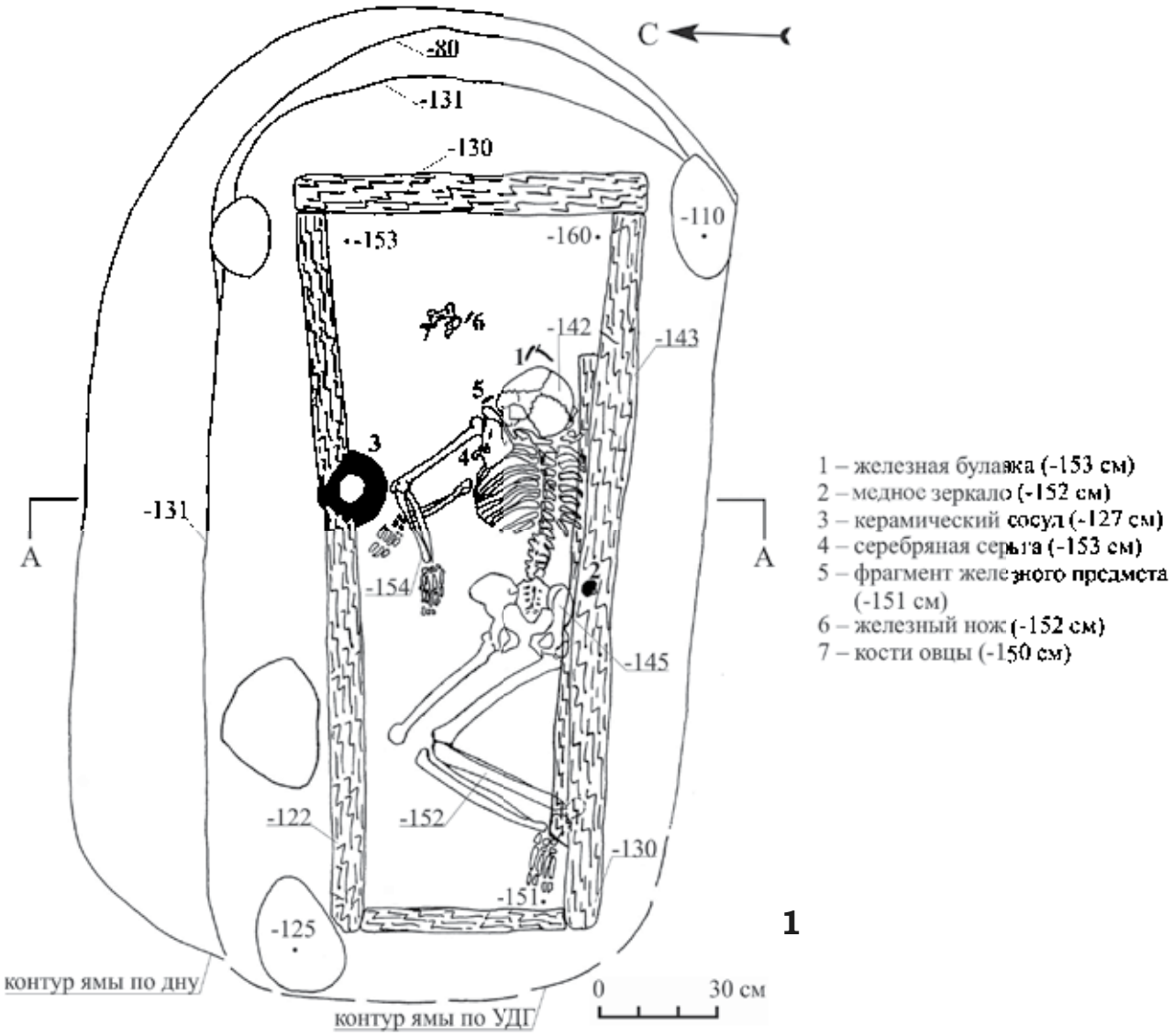

Рис. 75. Тыткескень-VI, курган №94: *1* – план погребения;
2 – погребение человека в деревянной раме

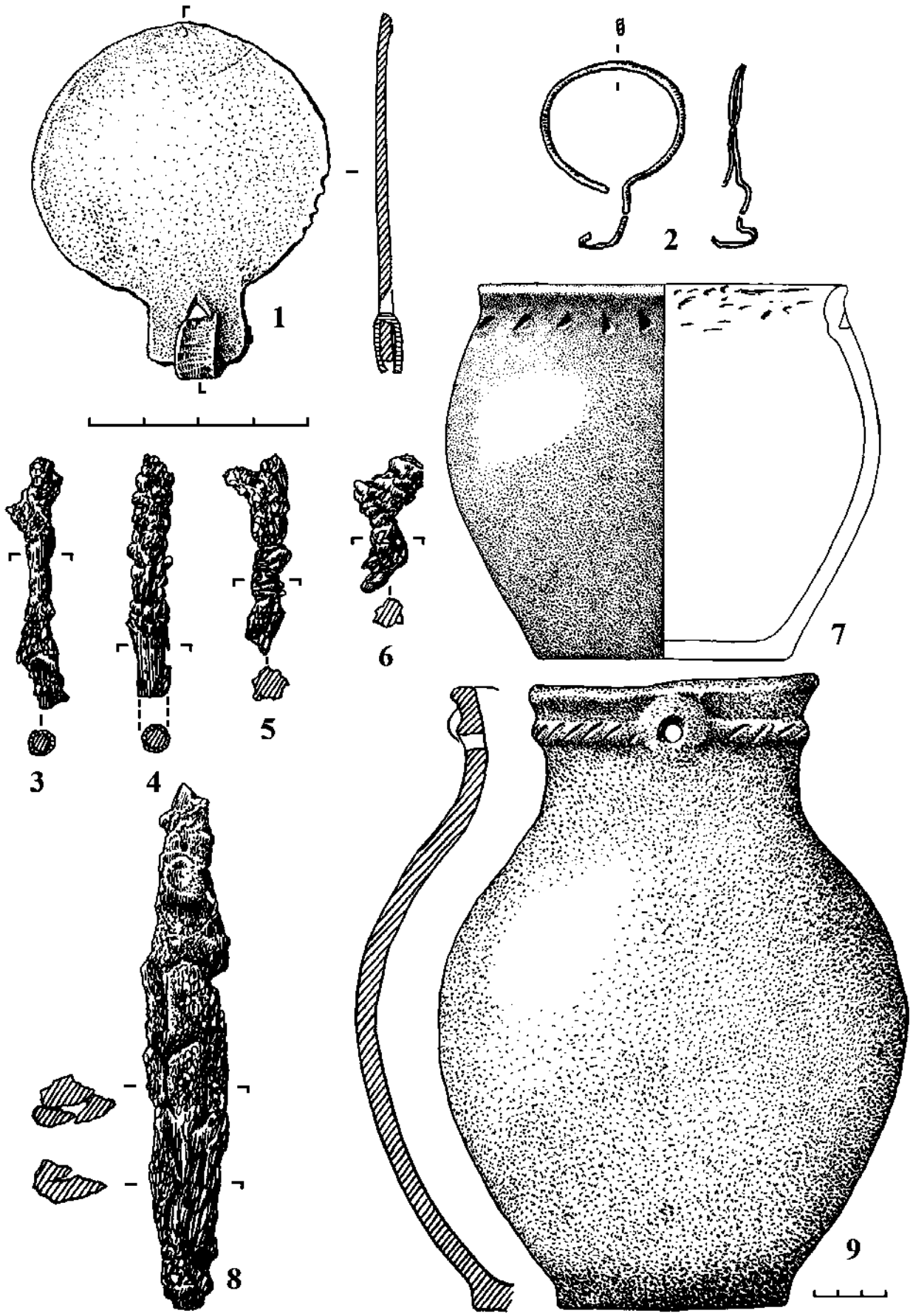

Рис. 76. Тыткескень-VI, курган №94. Предметный комплекс:
1 – зеркало; *2* – серьга; *3–6* – фрагменты булавок; *7, 9* – сосуд; *8* – нож
(*1 – цветной металл, кожа; 2 – цветной металл; 3–6, 8 – железо; 7, 9 – керамика*)

Рис. 77. Тыткескень-VI, курган №94: *1* – зеркало; *2* – серьга; *3* – сосуд; *4* – нож

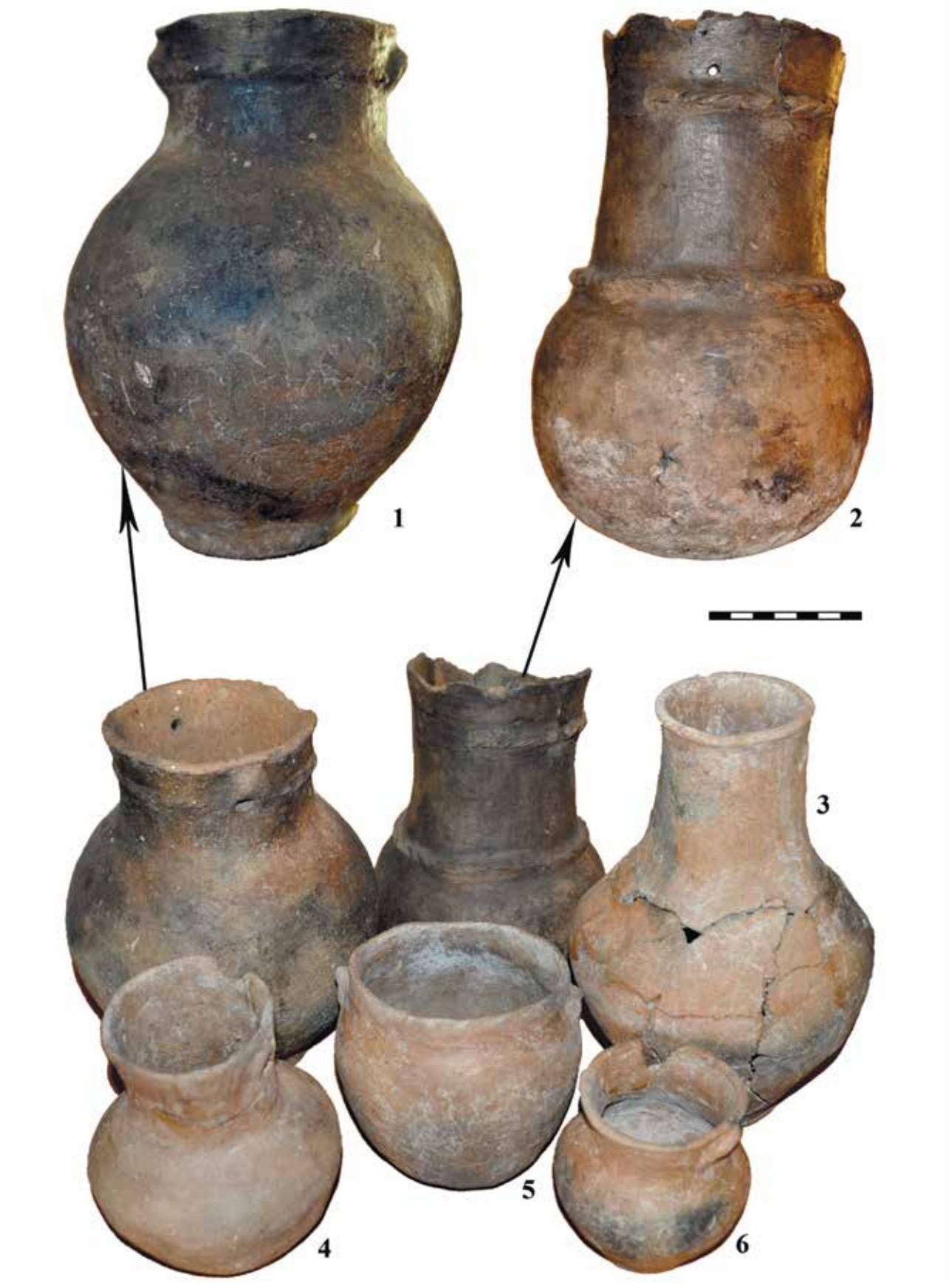

Рис. 78. Тыткескень-VI. Керамическая посуда из погребений пазырыкской культуры:
1 – курган №94; *2* – курган №88; *3, 6* – курган №92; *4, 5* – курган №89

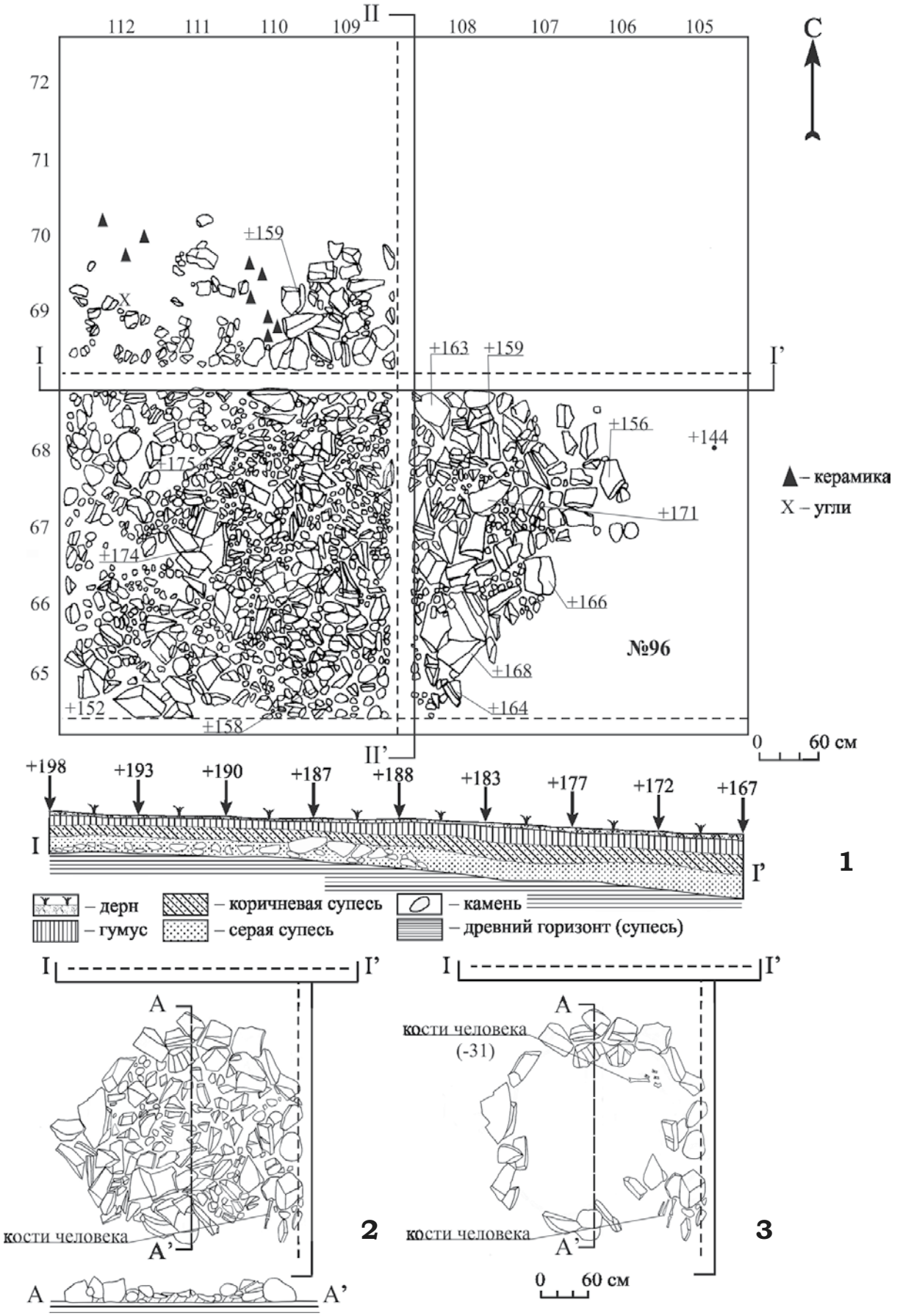

Рис. 79. Тыткескень-VI, курган №96: *1* – план и разрез насыпи; *2* – план погребальной камеры; *3* – план разрушенного захоронения

Рис. 80. Тыткескень-VI, курган №96. Насыпь после зачистки:
1 – западная половина; *2* – восточная половина

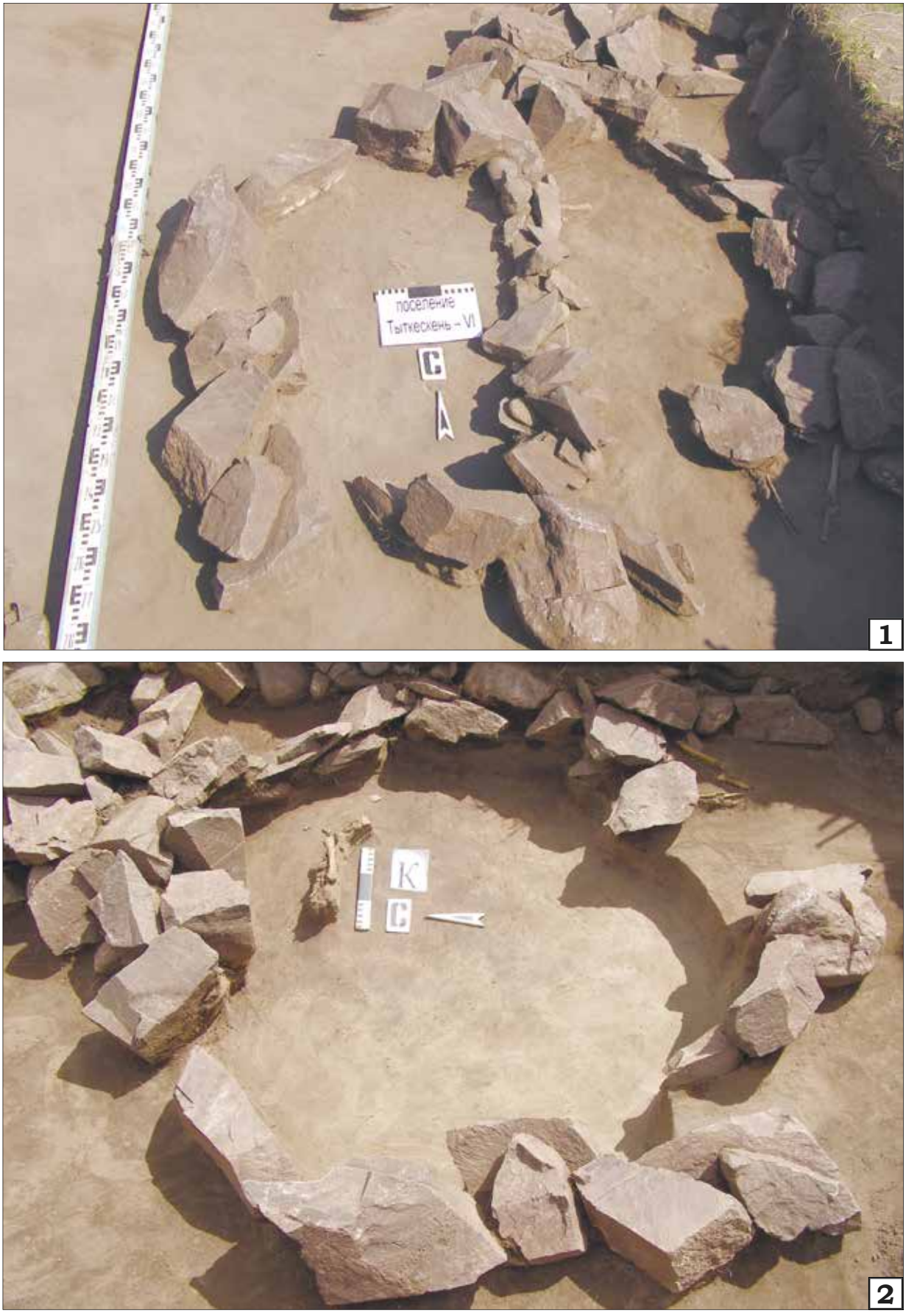

Рис. 81. Тыткескень-VI, курган №96: *1* – погребальная камера с выбранным заполнением; *2* – остатки разрушенного захоронения

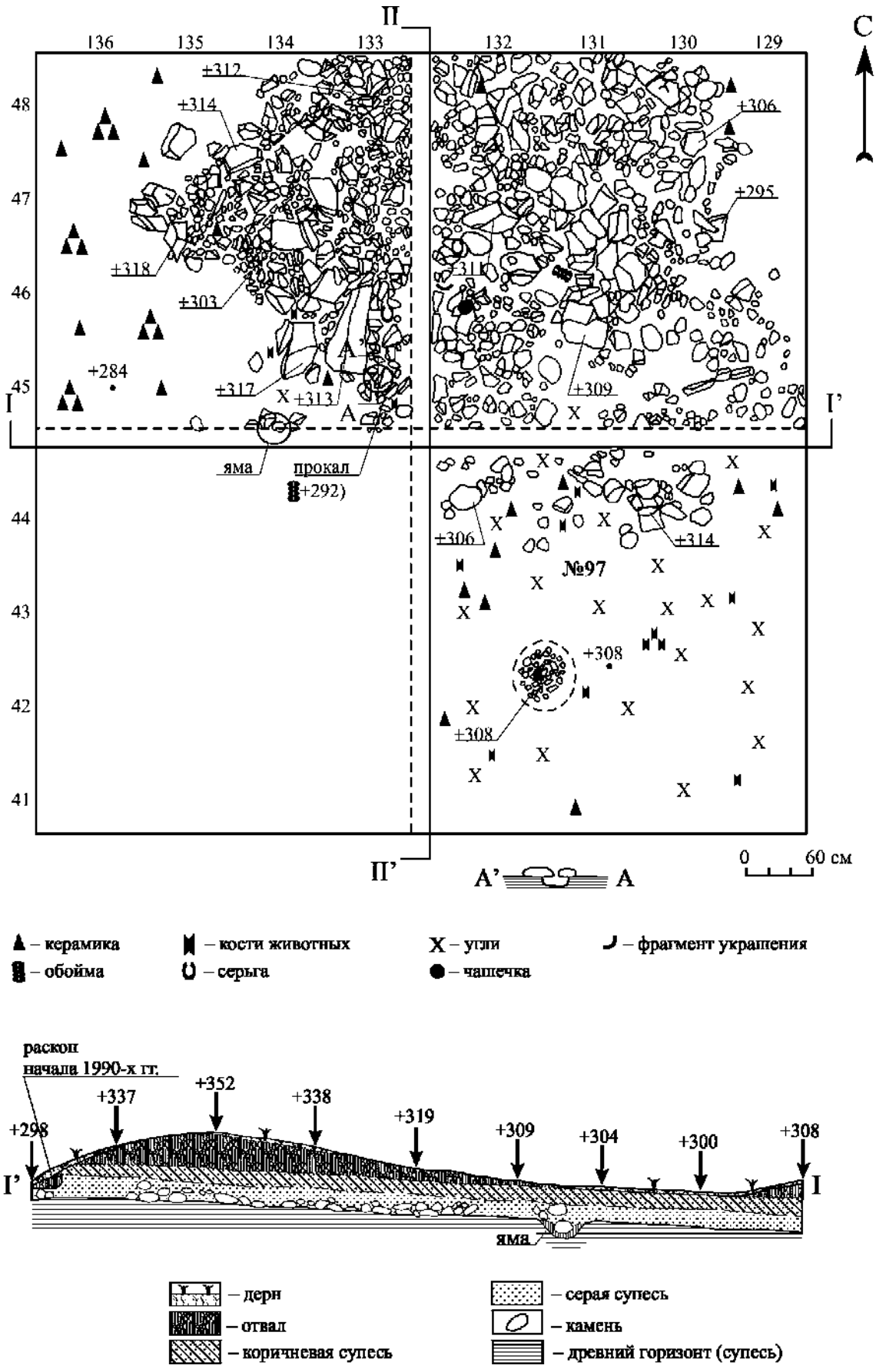

Рис. 82. Тыткескень-VI, курган №96. План и разрез

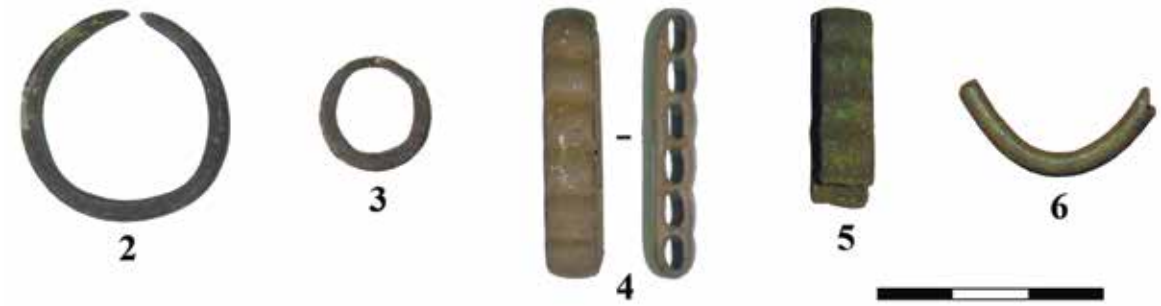

Рис. 83. Тыткескень-VI, курган №97. Насыпь после зачистки (1)
и обнаруженные в ней изделия из цветного металла (2–6)

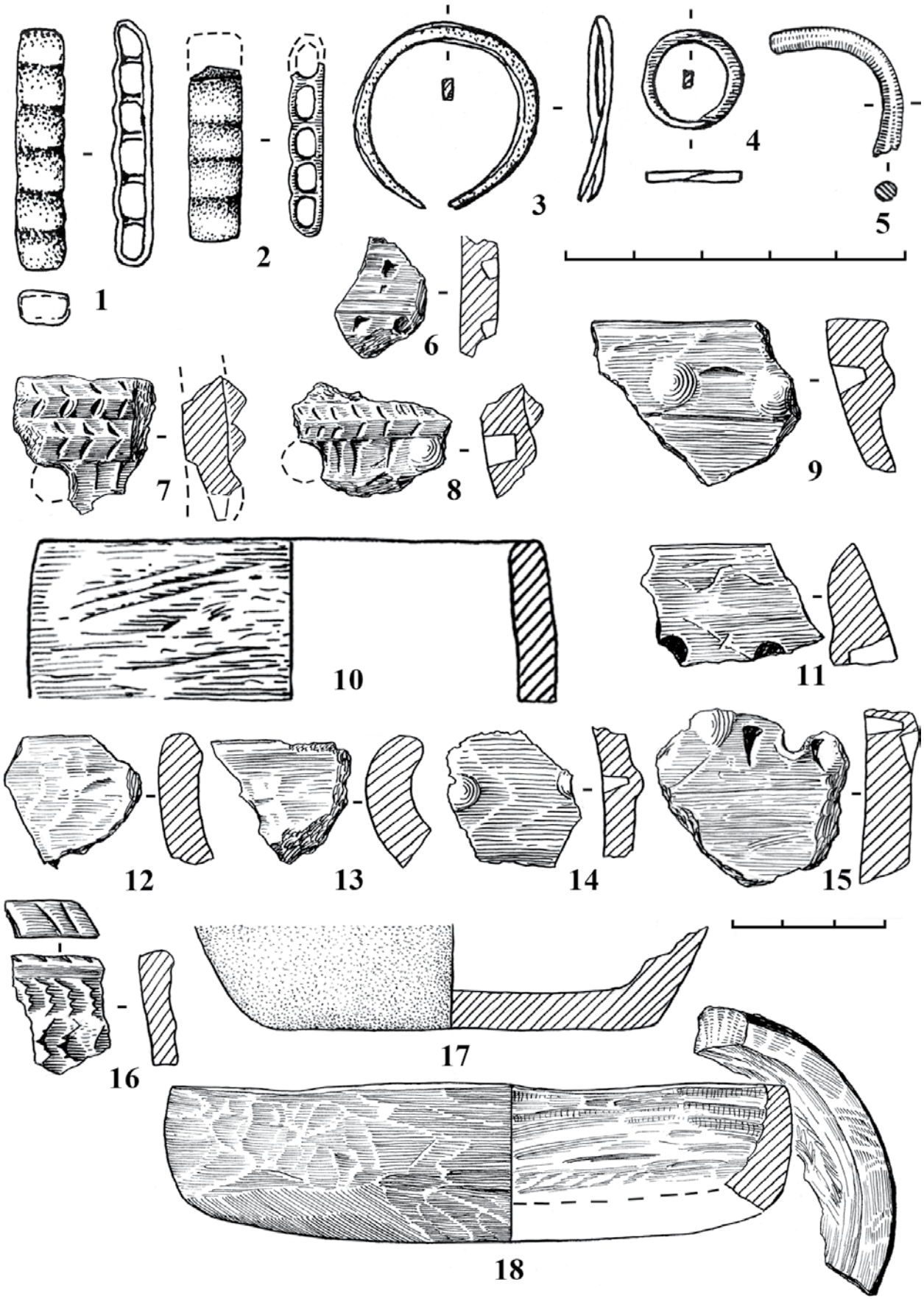

Рис. 84. Тыткескень-VI, курган №97: *1, 2* – поясные обоймы; *3, 4* – серьги; *5* – обломок украшения; *6–18* – фрагменты посуды из насыпи и околокурганного пространства (*1–5 – цветной металл; 7–17 – керамика; 18 – камень*)

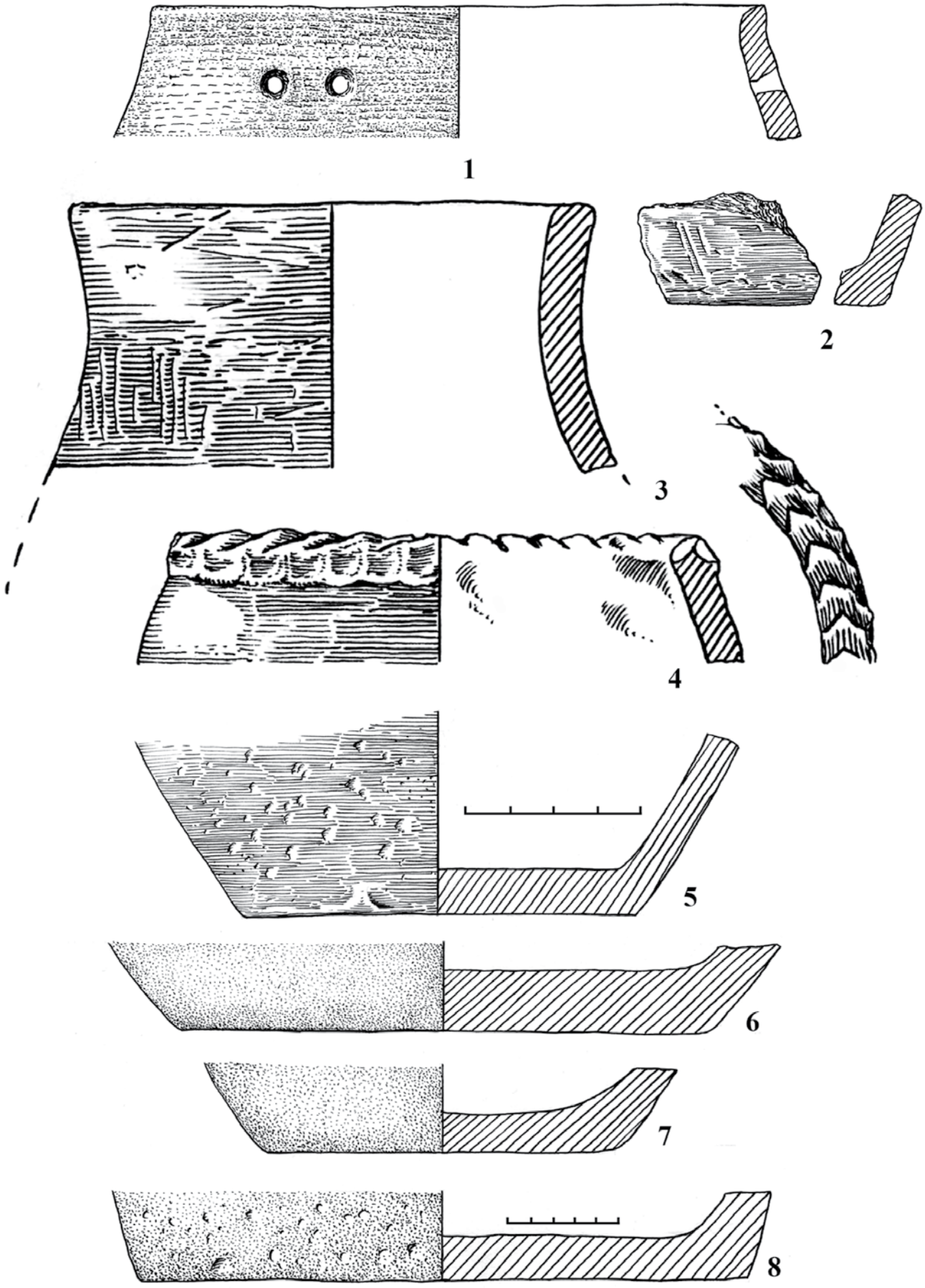

Рис. 85. Тыткескень-VI. Находки керамики периода поздней древности (1–3, 5–8) и Средневековья (4) из культурного слоя поселения

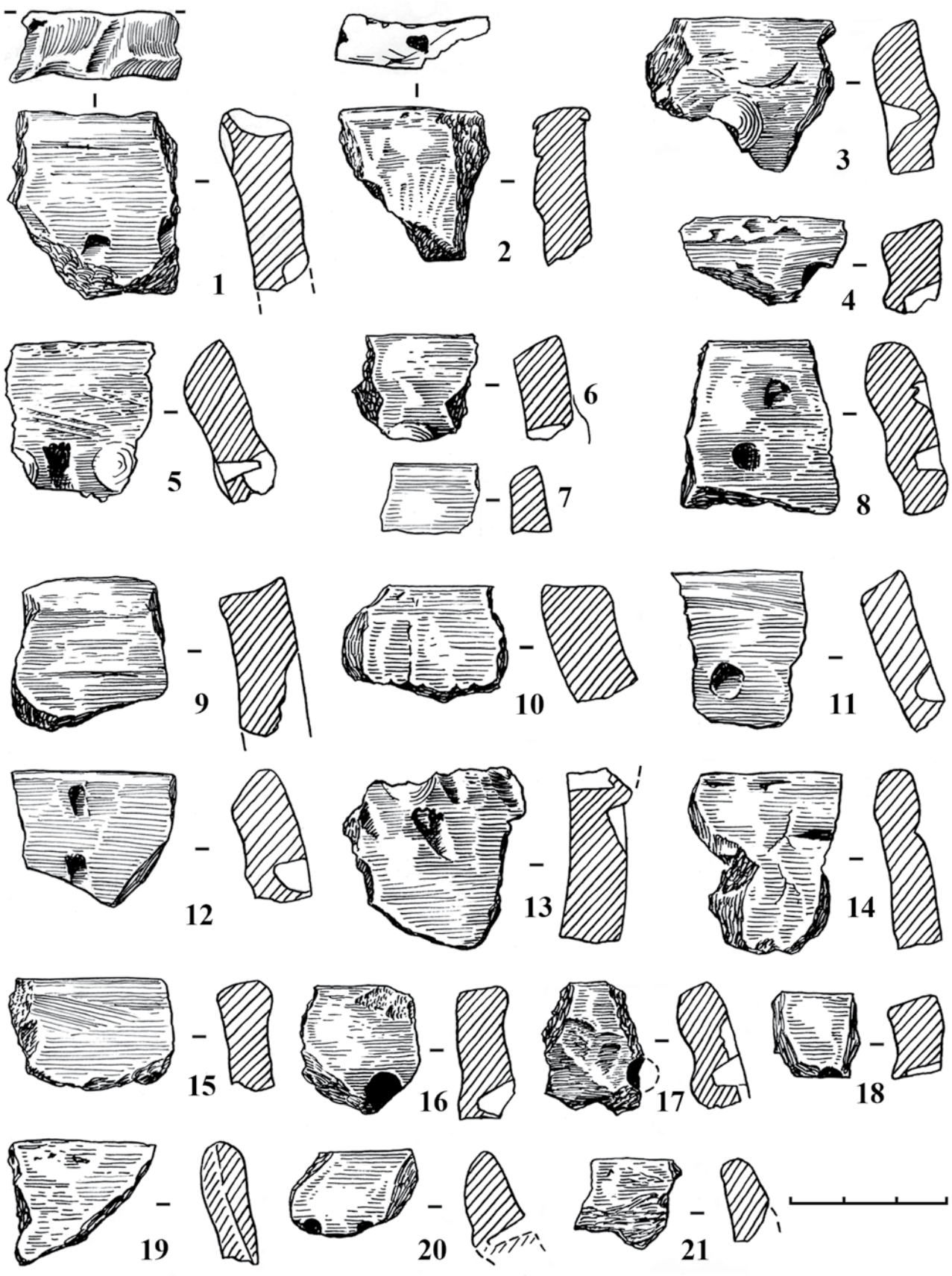

Рис. 86. Тыткескень-VI. Керамический комплекс керамики периода поздней древности из культурного слоя поселения

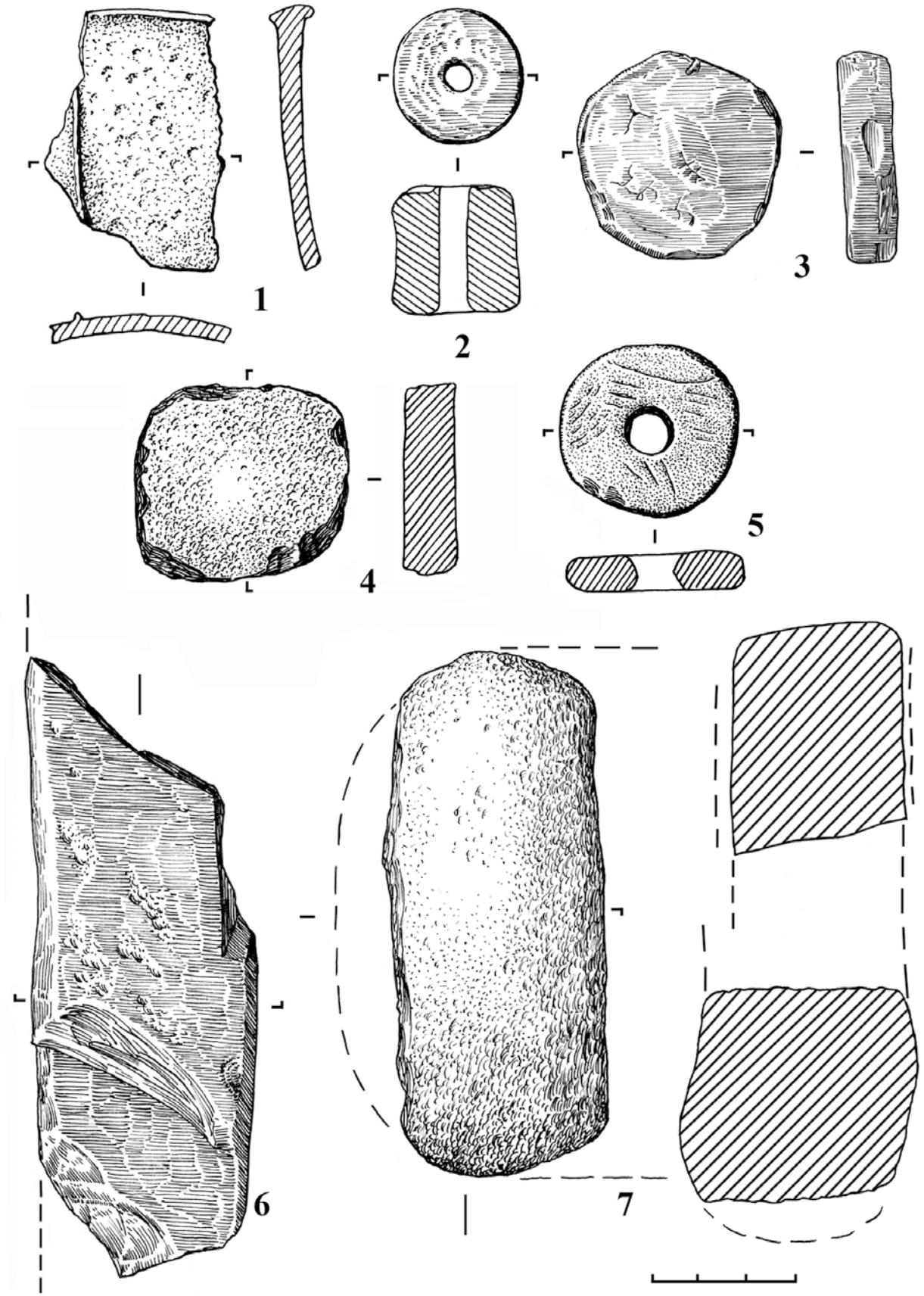

Рис. 87. Тыткескень-VI. Археологические материалы периода поздней древности, зафиксированные при раскопках поселения: *1* – фрагмент котла; *2* – грузило; *3, 4* – дисковидные изделия; *5* – пряслице; *6* – наковальня; *7* – пест-отбойник из обломка куранта (*1 – цветной металл; 2–5 – керамика; 6, 7 – камень*)

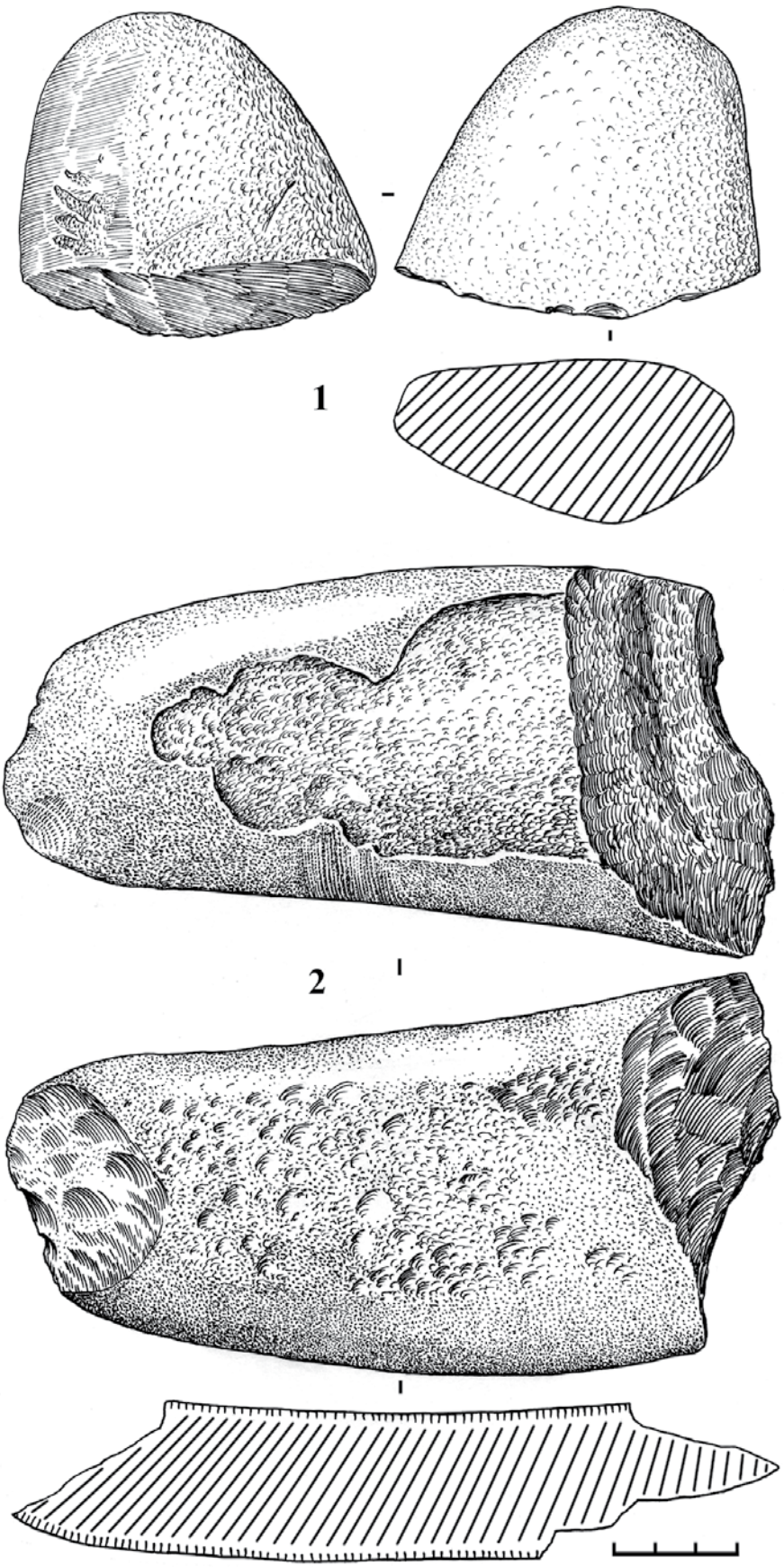

Рис. 88. Тыткескень-VI. Каменные артефакты периода поздней древности, зафиксированные при раскопках поселения:
1 – отбойник-растиратель; *2* – абразив (пест-наковальня)

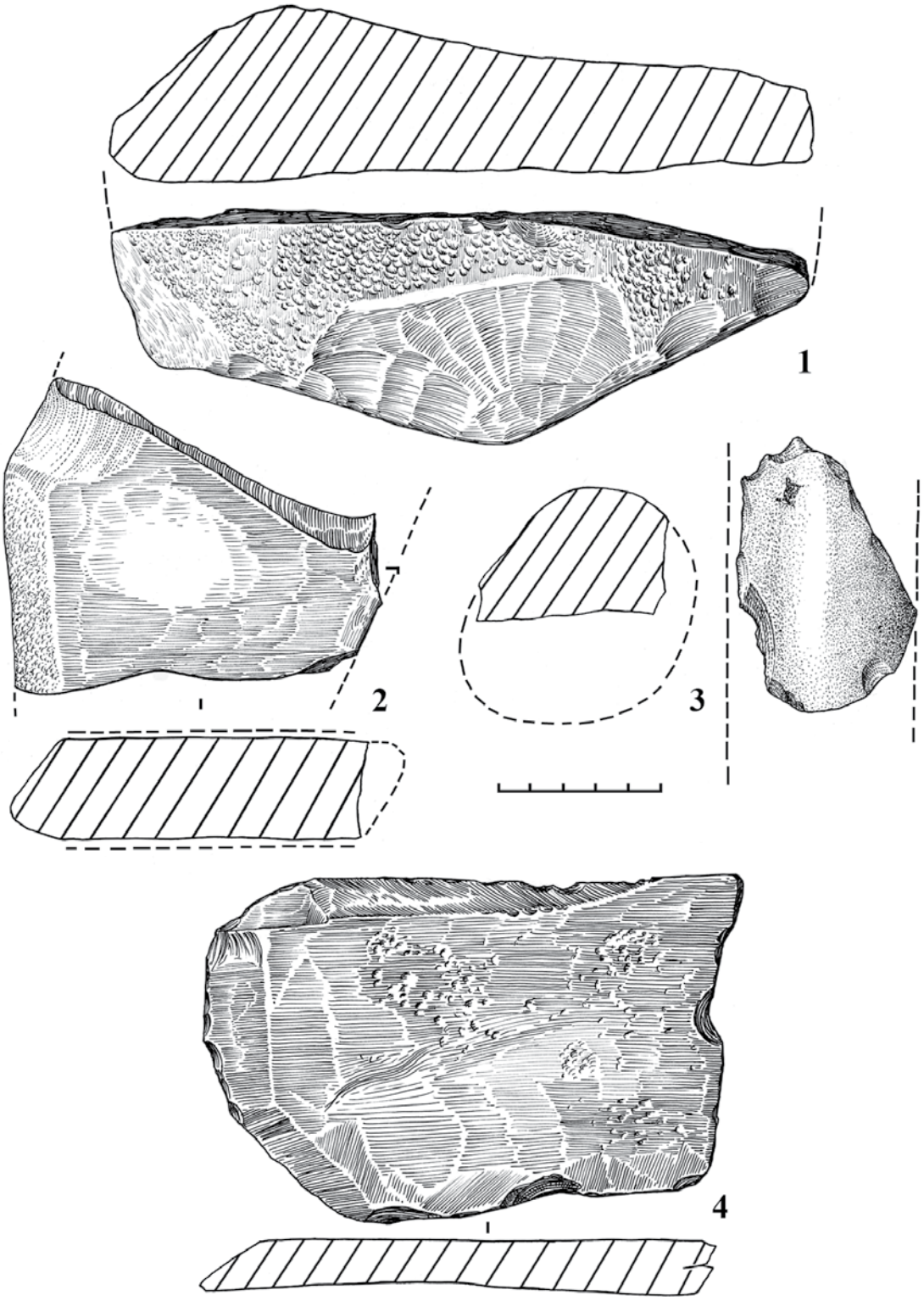

Рис. 89. Тыткескень-VI. Каменные артефакты периода поздней древности, зафиксированные при раскопках поселения: *1* – обломок наковальни; *2* – фрагмент шлифовальной плиты; *3* – фрагмент песта; *4* – абразив

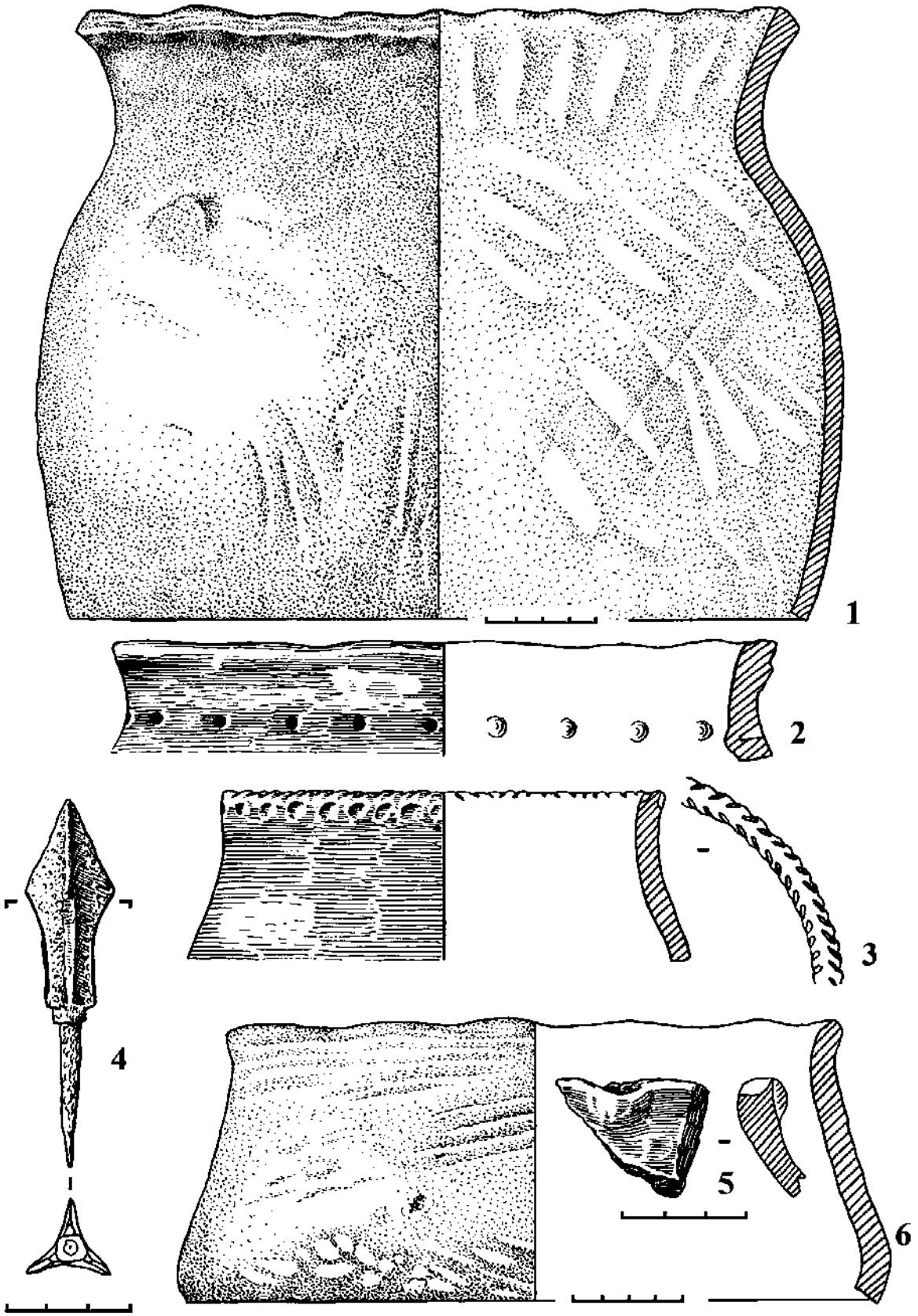

Рис. 90. Тыткескень-VI. Археологические материалы эпохи Средневековья, обнаруженные при раскопках поселения: *1, 2, 3, 6* – реконструкция посуды; *4* – наконечник стрелы; *5* – фрагмент венчика (*1–3, 5, 6 – керамика; 4 – железо*)

Рис. 91. Тыткескень-VI. Некоторые участники
Катунской археологической экспедиции (август 2006 г.)

Рис. 92. Экспедиционный талисман в лагере А.Л. Кунгурова

Рис. 93. Раскопки и фиксация пазырыкских курганов

Рис. 94. Очередной осмотр находок (слева направо – В.П. Семибратов, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.В. Шмидт, А. Цыро)

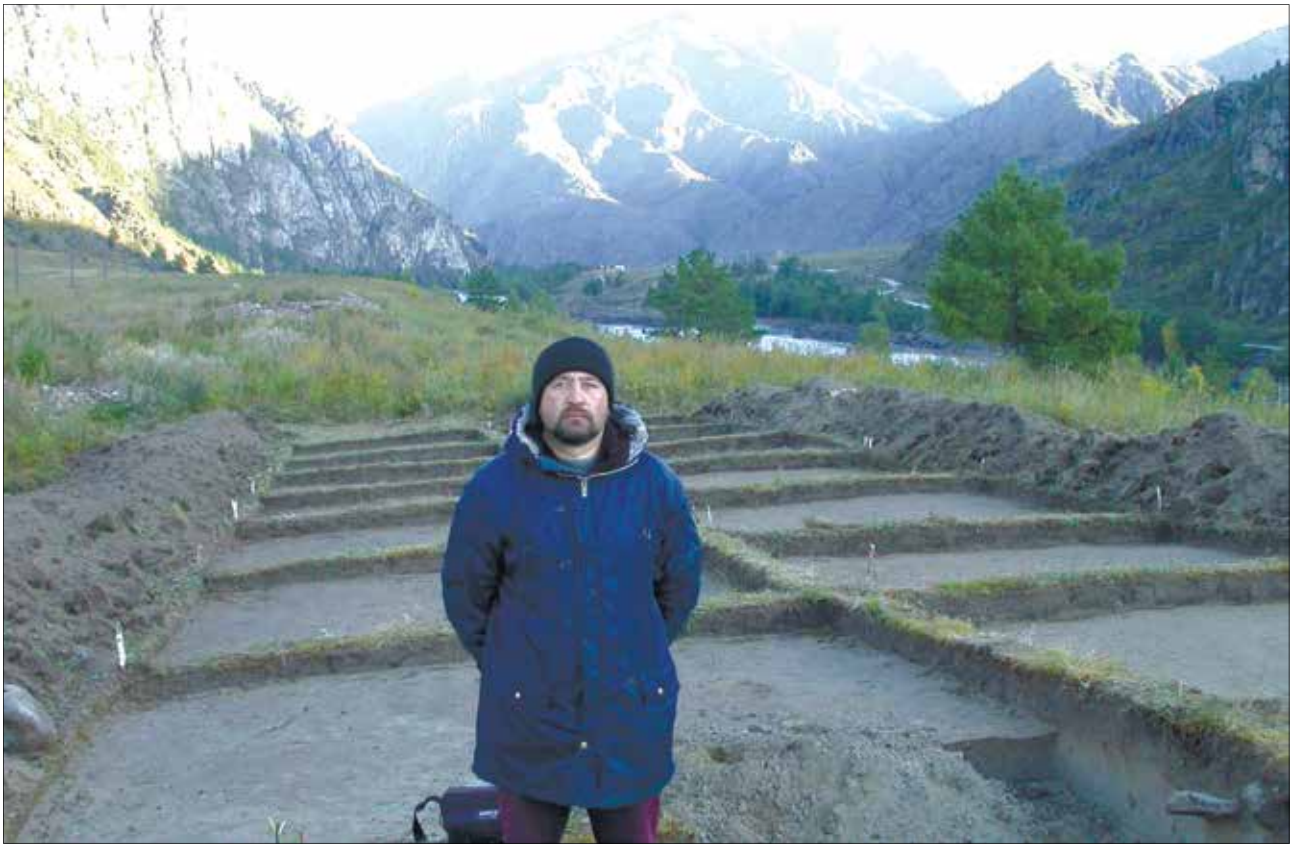

Рис. 95. Возвращение на Тыткескень-VI: А.А. Тишкин на раскопе

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Ю.Ф. Кирюшин[1], А.Л. Кунгуров[1], Н.Ф. Степанова[1,2]

[1]Алтайский государственный университет;
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН

НИЖНЕТЫТКЕСКЕНСКАЯ ПЕЩЕРА-I (НТП-I)

На территории Горного Алтая к настоящему времени полностью или частично исследовано несколько пещер, давших разновременные культурные комплексы с хорошо выраженной стратиграфией плейстоценовых слоев. Собственно палеонтологическое изучение плейстоценовых отложений пещер Алтая началось еще в XIX в., когда в 1831 г., по инициативе Ф.В. Геблера, было обследовано и раскрыто несколько пещер по рекам Чарышу и Ханхаре [Оводов, 1988]. В 1954 г. С.С. Черниковым предпринято изучение рыхлых отложений Бухтарминской пещеры, а отряд, руководимый С.И. Руденко, произвел раскопки Усть-Канской пещеры, получившей широкую известность.

С 1969 по 1970 г. были начаты сначала разведочные, а затем и стационарные раскопки пещер Страшная и Логово Гиены на р. Чарыш вблизи с. Тигирек. С середины 1970-х – начала 1980-х гг. экспедициями Института истории, филологии и философии СО АН СССР (в настоящее время – Институт археологии и этнографии СО РАН) исследуются пещеры в долине р. Ануй: Разбойничья, Денисова, Каминная, им. А.П. Окладникова [Оводов, 1988; Деревянко, Василевский, Молодин, Маркин, 1985; Гричан, 1987; Деревянко, Молодин, 1994; Маркин, 2000; Ефремов, 2006].

В 1978 г. в Майминском районе недалеко от с. Карасук на р. Иульчак одним из авторов частично была исследована одноименная пещера, материалы о которой опубликованы [Барышников, Кирюшин, Малолетко, 1980].

Очень интересными и перспективными в плане изучения пещерных комплексов являются районы Средней Катуни. Здесь полностью исследованы Кыркылинская и Малояломанская пещеры в долине р. Сараса, левого притока Катуни [Оводов, 1988]. В долине р. Бийке, правого притока Катуни, начаты исследования нескольких пещерных полостей, видимо, представляющих собой гроты разных размеров, и уже получен оригинальный материал [Петрин, Николаев, Нохрина, 1994]. В устьевой зоне р. Тыткескень, левого притока Катуни, в ходе работ на поселениях Тыткескень-II, III было открыто четыре пещерных памятника. Один из них – Нижнетыткескенская пещера-I (НТП-I) – был раскопан полностью, включая предвходовую площадку (рис. 1.-*1*). Небольшой грот в подножии известковой скалы, перекрытый средневековым культурным слоем, был открыт на поселении Тыткескень-III. В пещерах 3 и 4 были зафиксированы археологические находки.

Первые находки в Нижнетыткескенской пещере-I были сделаны Г.Я. Барышниковым в 1988 г. [Барышников, Кирюшин, 1989], раскопки проводились в 1991–1992 гг., материалы раскопок опубликованы в 1995 г. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995]. Монография вышла небольшим тиражом и является библиографической редкостью. Настоящее издание исправлено, дополнено, публикуются цветные фотографии предметов.

§1. Стратиграфия рыхлых отложений НТП-I

Карстовая полость, именуемая Нижнетыткескенской пещерой-I, заложена в известняковом массиве на высоте 400 м от уровня моря (130 м от уреза Катуни) (рис. 1.-*1, 2*). В эпоху формирования шестой надпойменной террасы [Барышников, 1992а–б] водой была разработана щель на стыке двух известняковых пластов, имеющих падение около 30° с востока на запад. Тип пещеры – горизонтальный, площадь рыхлых отложений составляет около 25 кв. м. Подход к пещере есть только с западной стороны, с восточной имеется карниз, позволяющий подняться выше. Площадки перед пещерой практически нет, предвходовая часть представляет собой крутой склон длиной 3–4 м с падением от капельной линии 2 м. Далее следует отвесная известняковая стена высотой до 20 м,

ниже – делювиальный откос до уровня р. Тыткескень высотой 70 м. Экспозиция входа северная. Пещера хорошо маскируется сосновым лесом, и вход виден только с ограниченного участка противоположного борта долины р. Тыткескень. Раскоп охватил рыхлые отложения внутри пещеры и предвходовый склон. Две бровки разделили всю исследованную площадь на четыре части: первая бровка оставлена по капельной линии (В–З), вторая от конца рыхлых отложений внутри полости и до начала обрыва. Перед началом работ пришлось раздробить и вынести глыбу, занимающую треть площади пещеры, обвалившуюся с потолка. К сожалению, эта глыба существенно повредила стратиграфию, «расплескав» верхние культурные слои от центра к краям.

Стратиграфия предвходовой площадки (рис. 1.-4)

1. 0,05 м. Дерн.

2. 0,48–0,25 м. Верхний гумусовый горизонт. Падение мощности от капельной линии к обрыву. Цвет черный. Горизонт насыщен обломками известняка различных размеров. С верхней половиной этого слоя связаны находки эпохи раннего железа и более поздних эпох. Нижняя половина слоя содержит керамику и находки афанасьевской культуры.

3. 0,15–0,08 м. Нижний гумусовый горизонт. Насыщен обломками известняка. Цвет темно-серый. Со слоем связаны находки афанасьевской культуры и единичные обломки керамики раннего бронзового века.

4. 0,36–0,1 м. Серая лёссовидная супесь, насыщенная обломками известняка. Падение, как и у предыдущих горизонтов, от капельной линии к обрыву. Найдены несколько крупных отщепов невыразительной формы и кости животных.

5. 0,22–0,15 м. Буроватый сильно карбонатизированный суглинок. Находок не обнаружено.

6. 0,02–0,05 м. Аллювиальный серый крупнозернистый песок.

7. Ниже 0,65–1,31 м. Скальное известняковое дно (цоколь). Покрыт красноватым слоем «терра-росса» (*terra rosa)* – продуктом разложения (гипергенеза) нерастворимого остатка известняков.

Стратиграфия пещеры

Гумусовый горизонт внутри пещеры практически отсутствовал, образовывая своеобразный валик вдоль капельной линии (смыв гумусовых остатков сверху) и два заплыва по боковым стенкам полости (на 1,5–2 м ширина – до 1,5 м).

1(8). До 0,4 м. Известняковый щебень, смешанный упавшей глыбой радиально от центра к стенкам. Щебень является продуктом разрушения потолка и стенок пещеры. В щебне и заплывах гумуса зафиксированы культурные слои эпохи железа и афанасьевской культуры.

2(9). До 0,1 м. Нижний гумусовый горизонт темно-серого цвета. Падает в мощности до полного «выклинивания» в глубь пещеры. С ним связаны афанасьевские находки. В этом же горизонте фиксировались линзы серого мелкого (эолового?) песка мощностью до 0,05 м.

3(10). 1–0,8 м. Серая лёссовидная супесь. В обезвоженной полости пещеры очень рыхлая, пылеватая. Насыщена обломками известняка (особенно ближе к выходу), в том числе и крупными разложившимися глыбами с линзами *terra rosa,* свидетельствующими о довольно древнем процессе их разложения. В нескольких местах горизонт нарушен разнообразными ямами антропогенного характера, перемешавшими часть археологического материала энеолитической и мезолитической эпох.

4(11). До 0,25 м (участками). Буроватый лёссовидный суглинок с вкраплениями *terra rosa*. Подошва горизонта насыщена гравием и крупнозернистым серым песком (линзами). Песком заполнены также ниши скального дна пещеры.

В юго-западной части НТП-I стратиграфия была нарушена погребением. Видимо, из-за него произошло и существенное перемещение артефактов по вертикали и горизонтали. В юго-восточной половине пещеры также зафиксирован обширный перекоп. Если учесть, что площадь рыхлых отложений всего около 25 кв. м, то падение камня и отмеченные перекопы сделали археологический материал отчасти ущербным в стратиграфическом отношении. Чтобы как-то проследить распространение культурных

слоев, рыхлые отложения разбирались по горизонтали мощностью 0,05–0,07 м. Ближе к входу прослеживалось большое скопление известняковых обломков, мешающих выдержать зачистку горизонтов точно в 5 см.

§2. Описание культурных комплексов НТП-I

Наименование соответствующего раздела объясняется, прежде всего, тем, что по большей части стратиграфическая последовательность культурных слоев значительно разрушена несколькими перекопами. Тщательная разборка рыхлых отложений позволяет проследить распространение культурных остатков и в какой-то мере восстановить культурные горизонты. Однако в этом случае наименование «культурный слой» не совсем корректно. Поэтому мы прибегли к более приемлемому термину – «культурный комплекс». Под этим понимается не только залегание артефактов той или иной эпохи *in situ*, но и восстановление, по возможности, первоначального облика культурного слоя и его объектов до физического антропогенного и природного нарушения.

Культурный комплекс эпохи Средневековья (рис. 2). Это наиболее поздний культурный слой, следовательно, разрушенный в большей мере. Стратиграфически средневековый культурный слой связан с кровлей горизонта 1 внутренней части пещеры и отчасти – с «заплывами» гумуса по стенкам пещеры. Следует отметить его бедность находками: деревянная миска (рис. 3.-*12*), просверленная раковина каури (рис. 3.-*1*; 4.-*1*) и берцовая кость соболя с просверленным под дистальным эпифизом отверстием (рис. 3.-*5*; 4.-*7*), проушной железный боевой (?) топор (рис. 5).

Отметим, что изделие из кости и раковина отличаются хорошей сохранностью, в отличие от более древних костяных предметов раннего железного века. Керамики, относящейся к эпохе Средневековья, не найдено. Незначительное количество и облик предметов (топор, миска, украшения-амулеты) наводят на мысль о ритуальном использовании карстовой полости.

Культурный комплекс эпохи раннего железа фиксировался по всей внутренней пещере и на предвходовой площадке. Он связан с верхним гумусовым горизонтом и значительно мощнее предыдущего. К раннему железному веку отнесены несколько десятков фрагментов керамики (рис. 3.-*13–15*), костяной наконечник стрелы с «зажимом» (рис. 3.-*7*) и заготовка другого, более крупных размеров (рис. 3.-*3*), обломок костяного предмета с просверленным отверстием (рис. 3.-*4*), две костяных проколки (рис. 3.-*8*) и заготовка третьей, три кости со следами обработки металлическими орудиями (рис. 3.-*2, 8, 11*), два костяных лощила (рис. 3.-*9, 10*). В квадрате Ж/6 найден развал сосуда без орнамента, к сожалению, неполный. Зафиксированы также яма 1 (квадрат Ж/6, размеры 0,25×0,18 м, глубина 0,08 м) и яма 2, представляющая собой большой неровный перекоп, примыкающий к очагу 2 в квадратах Д-Ж/7-9. В заполнении ям найдены обломки керамических сосудов и кости животных (табл. 2; 3). Обилие костяных предметов, в том числе и недоделанных, керамики и фаунистических остатков свидетельствует о жилом характере культурного слоя эпохи раннего железа.

Культурный слой афанасьевской культуры (рис. 2) залегает в нижнем гумусовом горизонте и в кровле лёссовидной супеси (слои 2 и 3 предвходовой части, слой 1 и 1а внутренней полости). Носители афанасьевской культуры оставили в рыхлых отложениях пещеры два очага (рис. 2), обломки глиняных сосудов (рис. 7.-*10*), фаунистические остатки, целый пест и аппликирующиеся обломки второго (рис. 8.-*11, 12*). Вероятнее всего, они посещали пещеру не один раз.

Очаг 2, следы которого появились на уровне афанасьевского культурного слоя, представляет интерес потому, что это часть погребального обряда могилы, расчищенной на скальном дне пещеры.

Находки *эпохи бронзы* представлены только несколькими фрагментами керамики, в том числе с гребенчатым орнаментом (рис. 8.-*13, 14*; 11.-*5, 6*). Ни как культурный слой, ни как комплекс они рассматриваться не могут.

Культурный комплекс позднего неолита–энеолита (большемысская культура). Кроме погребения этого времени, зафиксированы и остатки культурного слоя (рис. 13), связанные с кровлей горизонта лёссовидной супеси. Находки представлены выразительной серией каменных орудий и отщепов (рис. 14–16), обломком утяжелителя составного рыболовного крючка (?) (рис. 15.-*20*). Вывод о неоднократном посещении пещеры в это время можно сделать, прежде всего, из наблюдений за очагами. Расчищено шесть очагов, некоторые из них налегали друг на друга (табл. 1). Кроме того, небольшая площадь пещеры не позволяет одновременно поддерживать более двух костров.

Таблица 1

Характеристика очагов большемысской культуры

Очаг			Мощность прокала	Примечания
№	Квадрат расположения	Размеры		
5	ГД/8,9	0,57×0,32	0,15	
7	Д/7,6	0,52×0,64	0,04	Перекрывает
8	Е/6	1×0,7	0,07	Очаги 9 и 10, расположенные рядом
9	Д/6	0,3×0,68	0,01	
10	Г,Д/6	0,42×0,36	0,04	
11	Д/6	0,4×0,32	0,06	

Культурный комплекс финального мезолита (рис. 17) зафиксирован в нижней половине горизонта лёссовидного суглинка. Находки представлены пластинами, каменными изделиями и отщепами (рис. 18, 19). Встречен также очаг №4 в квадрате Г/6,7 (размеры 0,42×0,35 м, мощность прокала 0,07 м).

§3. Характеристика культурных комплексов НТП-I

Эпоха Средневековья

Облик находок этого времени наводит на мысль об их ритуальном характере. Этот вывод не оригинален, так как пещеры довольно часто служили местом совершения разнообразных ритуальных обрядов. Наиболее яркий пример – Айдашинская пещера [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980]. Отметим, что там также найдены просверленные кости животных (астрагалы, фаланга, длинные кости [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 81–82, табл. XII.-1–7]. В Денисовой пещере в ходе раскопок найден клад изделий из железа, который авторы публикации считают ритуальным подношением «хозяину» подземного мира Эрлику [Деревянко и др., 1985, с. 5]. По ряду аналогий предметы из клада датированы XIII–XIV вв. Очевидно, что находки из НТП-I если и не являются кладом, так как найдены разрозненно, то могут свидетельствовать о каких-то культовых обрядах.

К сожалению, единственной датирующей вещью средневекового комплекса является проушной железный топор (рис. 5). Подобные предметы встречаются крайне редко. Из-за их единичности сложно достаточно четко отметить временной промежуток их бытования. Топор из НТП-I относится к группе шпеньковых топоров с молотковидным обухом [Соловьев, 1987, с. 92]. Однако изделия, классифицируемые А.И. Соловьевым, не имеют полных аналогий с нашим топором. Он гораздо крупнее (вес 1,2 кг, длина около 0,2 м). Традиционно подобные топоры с «молоточком» на обухе считаются чисто боевыми [Древняя Русь…, 1981, с. 310]. Действительно, и форма (клин), и вес, и своеобразный обух делают изделие нефункциональным в качестве рубящего орудия для обработки дерева. О боевом предназначении топора из НТП-I свидетельствует и специфичная расковка проникающей части. Бытование этого типа топоров в конце I – начале II тыс. н.э. подтверждает находка двух совершенно идентичных нашему орудий в могильнике Чобурак, расположенном на противоположном (правом) берегу Катуни, чуть выше по течению от устья р. Тыткескень [Бородовский, 1994]. Кроме упомянутых, в Горном Ал-

тае известно еще два боевых древнетюркских топора близких типов, но с более широкой бойковой частью и иным молотковидным обухом: один – из курганного могильника Катанда-II (курган №2) [Гаврилова, 1965, с. 67], другой – с Узунтала-V (курган №4) [Савинов, 1982, с. 108–109, Худяков, 1986, с. 157–158]. Наиболее близкими аналогиями являются железные боевые топоры енисейских кыргызов (тип 1, по Ю.С. Худякову [1980, с. 62–63]), датирующиеся IX–XII вв. н.э. К этому же времени относятся и похожие раннеболгарские топоры [Степи Евразии…, 1981, с. 166, рис. 52–117]. Следует, однако, отметить, что топор с НТП-I в среднем более массивный.

Не исключено, что поселение древних тюрков, хоронивших сородичей в курганах Чобурака и оставивших боевой топор и другие предметы в НТП-I, находится на площадке в полукилометре выше пещеры по течению Тытткескеня. Это верхний культурный слой поселения Тытткескень-III [Кунгуров, 1994]. В раскопе, разбитом под отвесной скалой, расчищена огромная выкладка из известняка и галечника. Назначение выкладки непонятно, но многочисленные находки костей и предметов среди скоплений булыжников позволяют довольно уверенно датировать время ее сооружения концом I – началом II тыс. н.э. В культурном слое найдено большое количество обломков горшков с отогнутым наружу венчиком и низких глиняных мисок. Большей частью керамика не орнаментирована, хотя часть сосудов украшена ямками, защипами, отпечатками крупного гребенчатого штампа. Найдены также три железных черешковых ножа, один из которых, судя по изогнутому лезвию, является жатвенным, железное шило, несколько украшений и поделок из бронзы, глиняное пряслице с ямочным орнаментом, несколько рудодробильных пестов, железные шлаки, кости и рог, обработанные металлическими орудиями. Наибольший интерес представляет нижний камень жернова, свидетельствующий о знакомстве древних тюрок с земледелием. Слабая изученность поселенческих комплексов эпохи Средневековья не позволяет уверенно интерпретировать находки с Тытткескеня-III, но наличие на ограниченной территории такого мощного поселения с находящимися поблизости могильниками и культовым местом (НТП-I) позволит в дальнейшем более детально изучить особенности средневековой культуры Алтая в конце I – начале II тыс. н.э.

Эпоха раннего железного века

К этому периоду относятся обломки керамических сосудов (фрагментов тулова, днищ), однако только от четырех сосудов имеются венчики (рис. 3.-*13–15*). Вся керамика без орнамента. Сосуды имеют профилированные, слегка отогнутые наружу венчики и прямой или срезанный внутрь край венчиков. Форма посуды – горшковидная, т.е. характерная для поселений скифского времени Горного Алтая [Суразаков, 1989; Шульга, 1990; 2015].

Костяной инвентарь представлен шестью предметами, двумя заготовками (острия и наконечника стрелы) (рис. 3.-*6, 8*; 4.-*4*), обломком украшения из зуба животного, подвеской (?) или обломанным орудием с просверленным отверстием (рис. 3.-*4*; 4.-*6*) и костями со следами работы (рис. 3.-*11*). Последние находки можно назвать и заготовками каких-либо изделий в начальной стадии обработки, так как неясно, для чего они предназначались. Для определения культурно-хронологического отрезка времени существования культурного слоя, прежде всего, важны шесть законченных предметов. Наиболее же интересен наконечник стрелы.

Костяные наконечники стрел в Горном Алтае в раннем железном веке встречаются несравненно реже, чем в гунно-сарматскую эпоху [Кочеев, 1987; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 61–66]. Мало того, имеющийся с НТП-I наконечник для этого региона чрезвычайно редок. Зажимные наконечники здесь широко распространяются значительно позднее. Кроме того, они принципиально другие, правильнее было бы их называть наконечниками с расщепленным насадом [Глоба, 1983]. Чаще подобные наконечники встречаются в памятниках Лесостепного Алтая [Уманский, 1992] и сопредельных территорий [Кулемзин, 1976]. Здесь следует отметить, что их количество постепенно уменьшается с юго-запада на северо-восток, если с памятников Алтайского края известны десятки,

то на территории бытования тагарской культуры – единицы. Видимо, следует признать южное происхождение зажимных наконечников эпохи раннего железа.

Определенный интерес представляют костяные лощила (рис. 3.-*9, 10*; 4.-*3*) и проколки, изготовленные из расщепленных трубчатых костей (рис. 6.-*3, 9*). Проколки не являются датирующими, так как без изменений существуют с каменного века и до позднего Средневековья. Лощила, для оформления которых использовались срезы плоских костей животных, в Горном Алтае встречаются очень редко, зато являются обычной находкой на поселениях VIII–II вв. до н.э. в Лесостепном Алтае. Оригинальным орудием или украшением является тщательно оформленный предмет с отверстием. К сожалению, его кончик обломан и как-либо интерпретировать его невозможно.

Для Горного Алтая характерно, что сакральная посуда и утварь из курганов очень отличаются от повседневной утвари поселений [Кирюшин, Степанова, 2004; Шульга, 2015]. Культурный слой раннего железного века НТП-I легко коррелируется с аналогичным культурным слоем Тыткескеня-III, залегающим под средневековой каменной выкладкой. Этот второй культурный слой изучен на широкой площади. Кроме многочисленных хозяйственных ям, на поселении раскопано углубленное в материк на 0,1 м жилище округлой формы с очагом посередине (площадь жилища – около 60 кв. м). В жилище найдены четырехгранный миниатюрный черешковый костяной наконечник стрелы и лощило, аналогичное изделиям НТП-I [Кунгуров, 1994]. Рядом с очагом расчищен развал сосуда, украшенного жемчужником. С остальной площади получено большое количество керамики – обломков сосудов горшковидной и баночной формы без орнамента, а также украшенных жемчужником, ямками, оттисками гладкого штампа, налепным валиком. Встречены также десятки кусков верхних и нижних камней зернотерок, обломки точильных брусков, пестов, шлифовальных плит. Очень интересным представляется костяная хорошо отшлифованная рыбка, вряд ли имеющая какое-либо хозяйственное применение.

Хотя в низовьях р. Тыткескень раскопано свыше 70 курганов, ни с одной могилой связать культурный слой поселения Тыткескень-III и НТП-I не удается. Видимо, для корреляции сакральных и бытовых памятников необходимо дальнейшее накопление материалов, в первую очередь поселенческих. В целом оба охарактеризованных комплекса вполне органично вписываются в северный вариант пазырыкской культуры Горного Алтая и датируются V–III вв. до н.э. [Кочеев, 1987; Суразаков, 1989; Шульга, 1990; 1992; 2015; Кирюшин, Степанова, 2004].

Афанасьевская культура

К этой культуре относится около 150 фрагментов керамики, 2 песта (рис. 7–10), несколько отщепов и обломки костей животных (табл. 3; 4).

Песты. Одно изделие раскололось соответственно структуре сырья. Сохранилось три обломка, один из которых найден в очаге №6. Песты изготовлены из плитчатого сланца. В целом изделия плохой сохранности. Н.Ю. Кунгуровой проведены трасологические исследования, в результате которых установлено, что песты оформлены техникой пикетажа по всей длине плоскости. Оба предмета служили для растирания мелкозернистого материала. Песты и другие близкие по форме изделия находят на афанасьевских памятниках: могильниках Нижний Тюмечин-I, ограда 3, 9; Усть-Куюмский, погребения 5, 6; Бертек-33, курган №1; Первый Межелик-I, ограда 9; поселениях Узнезя-I, Малый Дуган, Кара-Тенеш и др. [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 1.-6; 18.-8; 46.-1; Берс, 1974, с. 24; Деревянко и др., 1994; Степанова, 1990, с. 83; 1994, с. 201; Погожева, Кадиков, 1980, с. 201; Погожева, Молодин, 1980, с. 96]. Есть подобные находки и на памятниках, на которых отмечено смешение признаков погребального обряда и инвентаря, характерных для афанасьевской культуры и куротинского типа погребений: Курота-II, курган №2; Кор-Кобы-I, курган №6 [Киселев, 1951, табл. VI.-13; Ларин, 1990, рис. XVI.-2; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 40.-5; 64.-8].

Керамика. Наибольшее количество находок составляют фрагменты керамики. К сожалению, у половины черепков повреждена поверхность, окатаны края, что не

позволяет восстановить облик сосудов, в том числе и орнамент. Все фрагменты керамики имеют традиционный для афанасьевской керамики цвет – оттенки коричневого цвета. Всего найдено венчиков от 13 разных сосудов, обломки днищ – от трех изделий (рис. 7; 8; 10), кроме того, фрагменты тулова от нескольких сосудов, венчики которых не сохранились (рис. 8.-*7–9*; 9.-*3–9*; 11.-*1, 2*). Всего в пещере обнаружены обломки около 30 сосудов, о трех из них можно сказать с уверенностью, что они были остродонными. Форму дна, размеры большинства изделий установить невозможно. В нескольких случаях удалось определить диаметр венчиков – 11, 12, 14 и 18 см. Судя по аналогиям, высота сосудов могла быть около 20 см и в одном случае больше. Сосуды с диаметром венчика 18 см для могильников не характерны, но встречаются на поселениях.

Высота венчиков колеблется от 0,8–1,0 до 3,5 см. По этому признаку они подразделяются на три группы: 1) высотой от 0,8 до 1,4 см; 2) от 2,0 до 2,3 см; 3) 3,0–3,5 см. Как правило, высота афанасьевских венчиков из могильников Горного Алтая – 1,5–1,7 см, меньше 1 см и больше 2 см встречаются редко [Степанова, 2006, с. 131, табл. 3–5]. В рассматриваемой коллекции нет венчиков с самой распространенной высотой для алтайской серии керамики. Это является особенностью коллекции из НТП-I.

По мнению исследователей, высота венчика сосудов является одним из важных критериев для характеристики афанасьевской керамики [Хлобыстина, 1975; Лазаретов, 2017]. Этот показатель может быть связан не только с разными традициями изготовления посуды, но и с хронологическими или этнографическими различиями. Связать изменения высоты венчиков с хронологическими причинами пока сложно, однако зависимость этого критерия от того, что гончары разных племенных групп изготавливали посуду с венчиками разной высоты, прослежена. Например, венчики у афанасьевских сосудов с Енисея более низкие, чем у алтайских [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014; Лазаретов, 2017].

В целом афанасьевская керамика из НТП-I орнаментирована традиционно для этой культуры. Венчики украшены отступанием гребенчатого штампа (рис. 8.-*1–3, 5, 6*; 10.-*4, 6, 7*), иногда просто заглажены (рис. 7.-*1, 2*; 10.-*3*), а по их срезу нанесены насечки (рис. 7.-*1, 2*; 10.-*1, 2*). Аналогично украшены сосуды с поселений Узнезя-I, Малый Дуган, могильника Бойтыгем-I и др. (рис. 12) [Степанова, 1990, с. 80; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 42; 43; 45.-*1*; 46]. Тулово сосудов орнаментировано рядами из оттисков гребенчатого штампа, которые иногда образуют елочку (рис. 7.-*1, 2*; 10.-*1, 2*). Среди способов нанесения узора популярны накалывание и шагание с прокатыванием (качалка). Подобная керамика известна, например, на поселении Узнезя-I, могильниках Ело-Баши, Первый Межелик-I, Кызык-Телань-I, курган №31 [Суразаков, 1987, с. 17; Ларин, 1990, рис. 4; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 9.-4; 18.-10, 19.-12, 13; 42; 43; 46]. В двух случаях из-за наложения качалки на качалку получена сетка (рис. 9.-*7, 8*), что иногда встречается на поселенческой керамике. На одном из венчиков имеется налепной валик (рис. 7.-*4*; 10.-*5*), что также встречается на афанасьевских сосудах, например, на поселениях Узнезя-I, Малый Дуган, Денисовой пещере, могильниках Бертек-XXXIII, Первый Межелик-I, ограда 4 и др. [Деревянко и др., 1985, с. 39; Степанова, 1990, с. 80; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 2.-5; 19.-12; 43.-2, 5, 7, 8; 46.-6, 11].

При изучении орнамента выделена группа керамики, видимо, от разных сосудов. Их объединяет способ нанесения орнамента. Узор наносился на предварительно заглаженную поверхность. Первоначально посредством нажима на орнаментир получали его отпечаток, затем часть рабочего края штампа приподнимали, а другую протаскивали, затем операция повторялась. В результате получились ряды гребенки, соединенные волнистыми линиями (рис. 8.-*8*; 9.-*5, 9*; 11.-*7, 8*). Подобные отпечатки не характерны для афанасьевской керамики. Относительное сходство прослеживается только с узором на сосуде из могильника Кара-Коба-I, ограда 8 [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 11.-11]. В то же время, несмотря на своеобразие орнамента, сомнений в принадлежности указанных фрагментов керамики к афанасьевской культуре нет.

Посуда из пещеры, судя по отпечаткам, украшена разными орнаментирами, различающимися по числу зубцов (от 2–4 и более), формой и размерами последних. По количеству инструментов для нанесения орнамента невозможно установить число сосудов, так как часто один сосуд украшали разными орнаментирами, например, из могильников Ело-I, ограда 4; Ело-Баши, ограда 1; Усть-Куюм, могила 6 и др. [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 9.-14; 48.-11; 50.-10; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 57.-5, 5а; Степанова, 2012а].

Некоторые сосуды из НТП-I украшены только до середины тулова. Традиция орнаментировать сосуд частично характерна для поселенческих комплексов, например, с. Узнези-I (рис. 12.-*2*), но известна и в могильных, в частности, Первом Межелике-I [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 18.-4, 5, 11, 12; 46.-10, 13].

Эпоха бронзы

Представлена всего двумя фрагментами керамики от одного сосуда (рис. 8.-*13, 14*; 11.-*5, 6*), который изготовлен из низкопластичной ожелезненной глины. Орнамент нанесен шаганием с протаскиванием, инструментом с крупными прямоугольными зубцами. Отпечатки одного зубца прослеживаются слабо, что, возможно, связано с неравномерностью нажима при нанесении орнамента или особенностями инструмента. Инструменты с прямоугольными зубцами характерны для керамики эпохи бронзы Горного Алтая [Степанова, 1994, с. 51; Кирюшин, Степанова, 1998].

Кроме этих двух фрагментов, обнаружены еще два обломка тулова другого сосуда (рис. 8.-*10*; 11.-*4*). Внешняя поверхность слегка залощена. Орнамент нанесен зубчатым штампом со слабовыраженными округлыми зубцами, оттиски глубокие, составляют ряды елочки. Подобный орнамент характерен для керамики куротинского типа, например, из могильника Ело-I, ограда 1 [Степанова, 2014; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 63.-3; 67.-9]. Это плоскодонные сосуды, редко встречающиеся на памятниках афанасьевской культуры.

Несколько фрагментов еще одного сосуда украшено глубокими горизонтальными линиями (рис. 9.-*1*; 11.-*3*). Орнамент нанесен с выемкой глины, а рабочий край инструмента, видимо, был изогнут, что и позволило убрать лишнюю глину. Подобный способ нанесения орнамента, а также обработка внешней поверхности сосуда (небольшое лощение) и внутренней (не полностью заглажена и хорошо видны минеральные примеси) необычны для афанасьевской керамики. Тем не менее по сохранившимся частям сосуда хронологическую и культурную принадлежность фрагментов можно определить лишь в широких пределах (эпоха ранней бронзы, не исключая и афанасьевскую культуру).

Технико-технологический анализ керамики

Проведен технико-технологический анализ керамики под бинокулярными микроскопами МБС-10 и Stemi-2000-C по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999]. Изучались свежие изломы и поверхности образцов. Основная задача сводилась к выявлению специфики культурных традиций в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. В рамках этого рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; 2) признаки смешения этих традиций. Изучались отличительные особенности глин, использованных для изготовления посуды; состав минеральных и органических примесей, специально вводившихся в глину. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, случаи использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Всего исследован 31 фрагмент от сосудов афанасьевской культуры, куротинского типа, эпохи бронзы и раннего железного века.

К *афанасьевской культуре* относится 21 фрагмент не менее чем от 14 сосудов, в том числе 10 венчиков, 2 придонных части, 9 фрагментов тулова. Цвет сосудов

обычный для афанасьевской керамики – оттенки коричневого или красноватого. Цвет образцов в изломе обычно темный, как правило, с внутренней и внешней стороны имеется тонкая прослойка коричневого оттенка. Обработка поверхностей сосудов из пещеры характерна для этой культуры. Они заглажены изнутри и снаружи по сырой формовочной массе, по-видимому, твердым предметом, иногда орнаментиром. Заглаживание не всегда было тщательным, так как иногда с внутренней стороны хорошо видны места соединения лент или лоскутов (рис. 10.-*1*).

Все изученные сосуды изготовлены из ожелезненного низкопластичного сырья, которое незначительно различается оттенками. В глине зафиксированы частицы разных минералов размерами до 5–6 мм, в концентрации до 1:3–4. Исходное сырье происходит из нескольких, хотя и очень похожих, источников. Для изготовления посуды использовались такие рецепты составления формовочных масс: глина+органика, глина+шамот+органика.

К сосудам *куротинского типа и эпохи бронзы* относятся четыре образца от трех сосудов. Для их изготовления использованы ожелезненные глины. Два сосуда изготовлены из низкопластичной и один – из пластичной глины. Зафиксировано два рецепта: глина+органика и глина+дресва+органика.

К *эпохе раннего железного века* по второстепенным признакам, в частности обработке поверхности, могут быть отнесены три исследованных образца. Для изготовления этих сосудов также использовано низкопластичное ожелезненное сырье. Органики мало, что затрудняет определение ее характера – искусственная или естественная. Дважды на поверхности зафиксированы отпечатки семени растения, вероятнее всего, дикорастущего.

Суммируя полученные данные, отметим, для афанасьевской керамики выделены две культурные традиции в выборе минеральных примесей: без искусственно введенных минеральных примесей и с шамотом. Добавление шамота минимально и не могло оказать влияния на качество изделий. Вероятнее всего, это связано с культурными традициями, от которых гончары на новом месте еще не отказались, однако наблюдается угасание традиции. Навыки добавлять шамот не характерны ни для афанасьевской культуры, ни для горной местности [Степанова, 2005; 2008; 2010, 2015; 2017]. Также две традиции по использованию минеральных примесей зафиксированы и для керамики эпохи бронзы: без искусственно введенных минеральных примесей и с дресвой. Обе традиции распространены в Горном Алтае в эпоху бронзы [Степанова, 2010].

Особого внимания заслуживают два факта: 1) незначительное использование искусственных минеральных примесей; 2) наличие рецепта с шамотом. Первый, видимо, связан со значительной засоренностью глин, которые гончары не очищали, и поэтому добавление минеральных примесей в них не было необходимым. Второй факт объясняется наличием культурной традиции, происхождение которой не связано с горной местностью. К настоящему времени изучено более 500 сосудов из Горного Алтая, датирующихся от эпохи неолита до Средневековья, в том числе около 300 афанасьевских [Степанова, 2004; 2005; 2008; 2010; 2015]. С уверенностью можно утверждать, что добавление дресвы не характерно для афанасьевской керамики, в то же время незначительное использование шамота зафиксировано на нескольких афанасьевских памятниках. Повсюду – угасание традиции. Это свидетельствует, что наличие шамота в афанасьевской керамике связано с навыками, сложившимися вне пределов Горного Алтая, кроме того, эти навыки, видимо, были быстро вытеснены другими. Что касается рецепта глина+органика, то он характерен для керамики из Горного Алтая от неолита до Средневековья, рецепт глина+дресва+органика также распространен в эти периоды, применялся при изготовлении керамики всех археологических культур за исключением глиняной посуды афанасьевской культуры.

Керамика из НТП-I изготовлена из местного сырья низкой пластичности. Подобная традиция в выборе исходного сырья в Горном Алтае характерна во все эпохи, т.е. от неолита до Средневековья. В полевые сезоны 1989–1991 гг. в долине р. Тыткескень

взято несколько проб глин из разных залежей. Все глины оказались пригодными для изготовления посуды. Они различаются по пластичности – от низкопластичных до пластичных, по составу естественных примесей и размерам фракций. Керамика из НТП-I была изготовлена из похожего сырья, но добытого из других источников.

Подводя итог исследованию афанасьевской керамики из НТП-I, в том числе и технико-технологическому, можно утверждать, что, вероятнее всего, пещера посещалась афанасьевцами неоднократно. В частности, объяснить факт, что на одном памятнике для небольшого количества сосудов афанасьевской культуры использовались глины из нескольких залежей, можно как тем, что пещера посещалась населением, которые еще осваивали долину р. Тыткескень [Бобринский, 1978, с. 76, 242–244; 1980, с. 57–58], так и тем, что происходило это несколько раз, возможно, жителями разных поселков. В целом керамика имеет многочисленные аналогии и на поселенческих, и на погребальных могильных комплексах, но наибольшее сходство обнаруживает с керамикой поселений Узнезя-I, Малый Дуган, Денисовой пещеры. Ранее было высказано предположение, что могильник Усть-Куюмский и поселение Малый Дуган синхронны [Степанова, Пугачев, 1989, с. 38]. Видимо, поселения Узнезя-I, Малый Дуган, могильник Усть-Куюм, Нижнетыткескенская пещера-I близки не только территориально, но и по времени существования [Степанова, 2006, с. 137].

Культурный комплекс энеолита (большемысская культура?). Представлен 172 каменными изделиями, фаунистическими остатками (табл. 5). К этому же горизонту относятся несколько очагов. Общая характеристика каменной индустрии культурного слоя представлена в типолисте.

Типолист составных элементов
индустрии энеолитического культурного слоя НТП-I

№ п/п	Наименование типа изделия	Кол-во	%	Рисунок
1	Отщепы мелкие	60	34,9	
2	средние	18	10,5	
3	крупные	5	2,9	
4	Чешуйки	6	3,5	
5	Нуклевидные орудия	5	2,9	15.-*1, 2*
6	Скобели с прямым рабочим краем	3	1,7	14.-*1*
7	Скобели с выемчатым рабочим краем	1	0,5	14.-*10*
8	Скобели зубчато-выемчатые	2	1,2	16.-*1*
9	Резчик	1	0,5	14.-*13*
10	Снятия фронта нуклеуса	1	0,5	
11	Пластинчатые отщепы мелкие	3	1,7	15.-*7*
12	средние	5	2,9	15.-*8–10*
13	Пластины мелкие	2	1,2	15.-*3, 4*
14	средние	2	1,2	15.-*5, 6*
15	крупные	1	0,5	
16	Отщепы с ретушью мелкие	12	6,9	14.-*9*
17	средние	22	12,8	14.-*5, 7*; 15.-*13–17, 21*
18	крупные	4	2,3	15.-*12*
19	Резцы	4	2,3	14.-*2, 12*
20	Обломок долота-бифаса	3	1,7	14.-*6;* 16.-*2, 3*
21	Отщепы, сбитые при обновлении шлифованных орудий	8	4,6	15.-*18, 19*
22	Реберчатые сколы	2	1,2	
23	Скребок	2	1,2	14.-*3*; 15.-*11*
	ИТОГО	172	100	

Техника первичного расщепления этого культурного горизонта представлена только нуклевидными изделиями (возможно, аморфными нуклеусами) (рис. 15.-*1, 2*). Они

представляют собой куски кремня и кремнистого материала с фасетками многочисленных сколов. Достаточно выразительных ударных площадок нет, скорее всего, снятия проводились с более-менее плоских поверхностей (в начале расщепления с естественных). Затем в качестве площадок использовались плоскости фронта скалывания. Образовывались своеобразные продольно-поперечные ядрища без площадок. Все же присутствуют и более выразительные нуклеусы, представленные обломками и снятием фронта с удлиненными фасетками сколов пластинчатых очертаний (рис. 15.-*13*). Судя по инвентарю и нуклевидным изделиям, основной тип заготовки – пластинчатый отщеп укороченных пропорций (рис. 15.-*7–10*) и средних размеров отщеп удлиненных пропорций. Большая часть орудий изготовлена на отщепах различных размеров и конфигураций. При этом никаких свидетельств развитой призматической техники нет. Скорее всего, пластина вытеснена из технонабора более производительными орудиями, прежде всего, шлифованными. Можно предположить, что люди этого времени перестали пользоваться вкладышевыми скобелями, мясными ножами, скорняжными орудиями и т.п. Все это вытеснили шлифованные ножи, топоры, а возможно, орудия из меди.

Основной процесс вытеснения пластинчатой техники приходится на развитой и поздний неолит (представленный обширными комплексами на поселении Тыткескень-II). Культурный слой из НТП-I фиксирует завершение этого процесса. К сожалению, в слое не обнаружено шлифованных изделий, кроме отщепов, сбитых при их подновлении (рис. 15.-*18, 19*). Возможно, на изделиях, представленных обломками (тёсла или долота-бифасы) (рис. 14.-*6*; 16.-*2, 3*), также была подшлифовка.

Немаловажное значение в падении роли пластинчатой техники играло рыболовство. В коллекции из культурного слоя имеется только одно свидетельство развития этой отрасли хозяйства – подшлифованный рыболовный крючок (рис. 15.-*20*), однако в погребении этого времени подобных изделий много.

Типонабор и техника обработки изделий энеолитического культурного комплекса довольно разнообразны. Это характерно для индустрий переходных вариантов в каменном веке и энеолите. Большое количество единичных форм и разовых форм всегда характеризует период упадка одной техники (призматической пластинчатой) и становление другой (шлифования, пиления, появления металлических орудий), дело еще и в том, что расцвет пластинчатой индустрии на Средней Катуни приходится не на мезолит, как в других регионах, а на ранний и развитой неолит [Кунгурова, 1987; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова, 1991]. Объяснить это можно тем, что мезолитическое, а затем неолитическое хозяйство древних людей, освоивших регион Средней Катуни, было хорошо приспособлено к местным природным условиям. Поэтому коренной ломки технонабора, характерного для индустрии мезолита, в неолите не произошло. Появление шлифованных орудий, пиления, сверления (основы этих инноваций были известны и в мезолите) длительное время не могло поколебать пластинчатую индустрию. Ее упадок наблюдается в позднем неолите и, собственно, в энеолите, предшествовавшем афанасьевской культуре. Как уже упоминалось, этому способствовало развитие рыболовства (крючкового, а возможно, и сетевого в периоды нерестового хода рыбы по Катуни и ее притокам) и, по-видимому, появление скотоводства. Немаловажную роль сыграло появление металла.

Основную массу каменных артефактов представляют отщепы с разнофасеточной мелкой зубчатой ретушью и без обработки (83 экз.). При этом часть отщепов (38) обработана более тщательно. Ретушь и оббивка изменили первоначальный абрис заготовки (рис. 14.-*5, 7, 9*; 11.-*12–17, 21*), и поэтому эта группа изделий вынесена в типолисте отдельной строкой. Назначение всех подобных изделий – разовые или кратковременные операции, связанные с обработкой дерева, кости, кожи. То же можно сказать и о скобелях с прямым, зубчатым и выемчатым очертанием рабочих кромок. Проблему определения скобелей по видимым признакам износа рабочего края рассматривал в ряде публикаций А.Л. Кунгуров [Кунгуров, Кадиков, 1985; Кунгуров, 1987].

Его разработка признаков этой группы орудий, подтвердившаяся трасологическими определениями [Кунгурова, 1987], применяется и при анализе изделий из НТП-I. Здесь зафиксированы скобели с прямой (рис. 14.-*1*), зубчато-выемчатой (рис. 16.-*1*) и выемчатой (рис. 14.-*10*) кромками. При этом рабочие края скобелей оформлены на самых различных по конфигурации заготовках – от крупных кусков кремня, оббитых с двух сторон, до мелких плоских отщепов. Видимо, размеры заготовок для использования их в качестве скобелей не имели для древних мастеров особенного значения. Представлены также резцы с узкими (рис. 14.-*12*) и широкими (рис. 14.-*2*) режущими кромками и два скребка случайной формы (рис. 14.-*3*; 15.-*11*). Несколько резцовых кромок и рабочий край резчика (очень тонкого резца) фиксируются на краях пластинчатых отщепов (2) и на пластинах (4 экз.). И пластинчатые отщепы, и пластины, судя по их конфигурации, представляют собой удачные снятия с аморфных нуклеусов, хотя исключать наличие навыков призматического расщепления у людей этой эпохи пока нет оснований. Вторичная обработка этой категории изделий представлена только резцовыми сколами (рис. 15.-*3, 7–9*). Несомненным представляется факт однокультурности и относительной одновременности культурного слоя энеолита и захоронения в НТП-I, поэтому все заключения о датировке и культурной принадлежности охарактеризованного материала будут даны далее.

Культурный комплекс эпохи мезолита. Кроме фаунистических останков (табл. 5), этот культурный слой представлен каменными предметами, характеризуемыми в типолисте.

Типолист составных элементов
индустрии мезолитического культурного слоя НТП-I

№ п/п	Наименование типа изделия	Кол-во	%	Рисунок
1	Отщепы мелкие	31	19,6	
2	средние	6	5	
3	крупные	5	3,2	
4	Чешуйки	13	8,2	
5	Отщепы первичные	3	1,9	
6	Осколки средние	5	3,2	
7	Реберчатые сколы	3	1,9	
8	Снятия фронта нуклеуса	2	1,3	18.-*1*
9	Отщепы с ретушью мелкие	1	0,6	19.-*39*
10	средние	7	4,4	19.-*38, 40*
11	крупные	3	1,9	19.-*37*
12	Нуклевидное изделие	1	0,6	19.-*34*
13	Резец случайной формы	1	0,6	18.-*11*
14	Резец боковой	1	0,6	18.-*12*
15	Скобель с рельефным краем	1	0,6	18.-*9*
16	Скобель с прямым краем	1	0,6	18.-*10*
17	Скобель выемчатый	1	0,6	19.-*36*
18	Ножи-бифасы	4	2,5	18.-*13, 25–27*
19	Обломок бифаса	1	0,6	18.-*4*
20	Скребок случайной формы	1	0,6	18.-*14*
21	Обломок скребка	1	0,6	18.-*5*
22	Скребловидное орудие	1	0,6	19.-*35*
23	Пластинчатые отщепы мелкие	4	2,5	
24	средние	6	3,8	
25	крупные	2	1,3	
26	Пластины мелкие	34	21,5	18.-*6, 7, 17–24*
27	средние	13	8,2	18.-*2, 3, 8*; 19.-*30, 31, 33*
28	крупные	4	2,5	18.-*15*; 19.-*28, 29, 32*
	ИТОГО	158	100	

Техника обработки и фрагментация пластин, орудия на пластинах

№ п/п	Наименование типа изделия	Кол-во	Рисунок
1	Целые пластины	2	18.-*16, 17, 20, 23, 29*; 19.-*2, 28*
2	Проксимальные фрагменты	8	19.-*11–14*
3	Медиальные фрагменты	7	18.-*18, 21, 22*; 19.-*18–20, 25–27*
4	Дистальные фрагменты	5	19.-*3, 33*
5	Усеченные пластины	13	18.-*17, 19*; 19.-*1, 3–17, 21–24, 29–32*
6	Пластины с усеченным проксималом	8	
Орудия на пластинах			
1	Один край ретуширован с дорсала	3	18.-*15*; 19.-*14, 26*
2	Один край ретуширован двусторонне	2	19.-*32*
3	0,5 края ретуширован с вентрала	1	19.-*21*
4	Боковой резец	2	18.-*18*; 19.-*17*
5	Боковой резчик	1	18.-*21*
6	Один край ретуширован с вентрала	1	
7	Один край ретуширован с вентрала, один – с дорсала	1	19.-*8*
8	Оба края ретушированы с вентрала, притуплен торец	1	19.-*1*
9	Один край ретуширован с дорсала, один – двусторонне	1	18.-*23*
10	Оба края ретушированы с дорсала	1	19.-*2, 3, 30, 31*
11	Один край ретуширован двусторонне, один – уплощен сколом	1	19.-*29*
12	Оба края ретушированы с дорсала, притуплен резец	1	19.-*10*
13	Оба края ретушированы с двух сторон	1	19.-*28*

Из анализа типолиста сразу же следует вывод о микролитичности этого комплекса, так как пластины и пластинчатые отщепы составляют 39,3% всего инвентаря. Такой большой процент пластинчатых снятий, нехарактерный для изученных мезолитических культурных слоев (Усть-Сёма, Тыткескень-3), объясняется, видимо, выборочностью комплекса. НТП-I не является поселением в прямом смысле этого слова. Скорее – это место временной остановки небольшого охотничьего коллектива. Естественно, что в пещере не производилось первичного расщепления камня, а только подновлялось охотничье оружие и снаряжение. Поэтому доля отщепов и осколков невелика (32,3%), а 8,2% составляют чешуйки – отходы окончательной доводки орудий. Этим же объясняется отсутствие сработанных нуклеусов и первичных отщепов, разнообразие типов изделий, малочисленность единиц изделий.

Первичное расщепление представлено двумя снятиями фронта нуклеуса призматического типа расщепления (рис. 18.-*1*). На подобных снятиях изготовлены два скребка из среднего слоя Усть-Семы, датирующегося по ^{14}C временем 9,5 тыс. лет назад (ранний мезолит). Кроме этого, найдены три реберчатых скола. Единственное нуклевидное изделие напоминает крайне грубый призматический нуклеус (рис. 19.-*34*). Даже эти немногочисленные предметы, характеризующие технику расщепления, свидетельствуют о ее призматическом характере.

Вторичная обработка разнообразна за счет значительного количества типов орудий. Это, прежде всего, ретушь, которой оформлялись рабочие кромки отщепов. Видимо, отщепы использовались в каких-либо разовых операциях, хотя среди них имеются орудия, напоминающие скребки (рис. 19.-*38, 39*) неправильной формы. Некоторые отщепы обработаны очень тщательно, видимо, они использовались для каких-либо сложных операций (рис. 19.-*40*). Ретушь также использовалась для оформления скобелей (3 экз.) с рельефным, прямым и выемчатым рабочими краями (рис. 18.-*9, 10*; 19.-*36*). Однако скобели обрабатывались, в отличие от отщепов, крутой ретушью, и их

кромки сильно изношены. Двумя экземплярами представлены резцы (рис. 18.-*11, 12*), форма их случайна, что характерно для мезолита Катуни. Пятью изделиями представлена бифасиальная техника обработки: четыре ножа и обломок рубящего орудия. Обработка ножей обычна для финального мезолита стоянки Тыткескень-3 (рис. 18.-*13, 25–27*). Вначале заготовка уплощалась широкими сколами, затем рабочий край двусторонне ретушировался (рис. 18.-*26, 27*). Один нож оформлен крупной уплощающей и мелкой зубчатой ретушью (рис. 18.-*13*). Крупный бифас обработан только сколами (рис. 18.-*4*) и, видимо, представлял собой орудие типа долота. Подобные предметы также известны в финальном мезолите. Обработка пластин из мезолитического слоя НТП-I, хотя и обычна для микролитических индустрий, все же достаточно бедна. Практически все пластины использовались в работе, о чем свидетельствует изношенность их кромок (микрозаломы, выщербины и т.п.).

При датировании слоя следует учесть наличие в нем ряда изделий (ножи и бифас), характерных только для культурных комплексов финального мезолита (4-й культурный слой поселения Тыткескень-III и две стоянки в устье р. Бийке, расположенные выше по течению Катуни [Семибратов, 1994; Кунгуров, Тишкин, 1993]. В более ранние периоды мезолита и в палеолитической куюмской культуре, на базе которой сложился мезолит р. Катунь (усть-семинская культура), бифасы неизвестны. Именно отсутствие бифасов в куюмской культуре определяло ее своеобразие в палеолитическом окружении Южной Сибири [Кунгуров, 1991; 1993]. Таким образом, мезолитический культурный комплекс НТП-I следует отнести к финалу этой эпохи. К сожалению, абсолютная датировка мезолита еще не разработана, поэтому можно только предположительно отнести финальный мезолит к времени 8–9 тыс. лет назад. В культурном плане этот слой связан с заключительным этапом развития усть-семинской мезолитической культуры. Ближайшим памятником этого времени является всё тот же Тыткескень-3 (4-й культурный слой). Финально-мезолитический горизонт, вскрытый на площади около 600 кв. м, представлен 2768 артефактами. Многие изделия с Тыткескеня-3 находят аналогии в нижнем слое НТП-I. Следует сразу отметить, что процентный состав индустрий памятников существенно различается из-за уже отмеченной специфики пещерных памятников. Тыткескень-III – жилой комплекс, на котором присутствуют все стадии обработки камня и большое количество разнообразных орудий. Сырьем для изготовления изделий и в НТП-I, и на Тыткескене-III служил кремень, добытый древними людьми в «штольне», расположенной в 10 км выше по течению Тыткескеня. Коренной выход в данном месте представляет собой группу вертикально стоящих отвесных скал, сложенных кремнем. В одном из обнаженных выходов кремня древними людьми была заложена «штольня». Наблюдается трещиноватость пород, разбитых на отдельные блоки различных размеров – от 0,3×0,1 до 2,5×0,4 м. Вынимая блоки кремня из обнажения, древние люди создали выемку размером 2 м в глубь массива. Козырек поддерживается сохранившимся вертикально стоящим столбом шириной до 1,34 м, высотой 2,32 м. Видимо, столб оставлен добытчиками кремня намеренно, чтобы не допустить обрушения кремневого массива. В полости каменоломни (штольни), а также выше и ниже ее имеются сколы пород антропогенного характера. По определениям Г.Я. Барышникова [1992а], проводившего изучение шлифов кремня из штольни с образцами из НТП-I и с Тыткескеня-III, большая часть сырья для производства каменных орудий принесена человеком из района кремневых выходов.

§4. Погребение в НТП-I

Первые признаки погребения появились на уровне афанасьевского культурного слоя и зафиксированы как очаг 2. В целом афанасьевский слой перекрывал верх погребальной конструкции, связанной с энеолитическим культурным слоем. От остальных кострищ очаг 2 отличался гораздо большими размерами (квадраты Б, В/7-8) и наличием в его заполнении, кроме костей животных, отщепов древесного угля

и кусочков бересты. Устойчивых размеров пятно прокаленной черной почвы фиксировалось до самой могилы, углубленной в скальное дно пещеры на 0,05–0,1 м. Размеры погребения – 1,2×1 м. Ориентацию установить невозможно в силу специфичности положения умершего. В южной части ямы находились правая часть грудной клетки с позвоночным столбом и правая лопатка. В северо-восточной части лежала нижняя половина человека в согнутом положении (5 поясничных позвонков, таз и ноги в сочленении, стопы отсутствовали). Под бедренными костями стоял на нижней челюсти и затылочной части череп человека, за затылком находилась стопа в сочленении. С северо-восточной стороны черепа лежала согнутая левая рука с остатками кисти, ориентированная в противоположную от ног сторону. Вторая рука без кисти с обломанными эпифизами (дистальные у предплечья и проксимальные у плечевой кости) найдена юго-западнее ног. Отдельно встречались обломки ребер, фаланги рук и ног. Все кости принадлежат одному человеку, мужчине 40–45 лет монголоидного типа (рис. 35) [Ким, Чикишева, 1995; Чикишева, 2000]. Сопроводительный инвентарь распределялся тремя основными скоплениями. Возможно, это остатки сумочек или мешков (рис. 20; 22) [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1992; 1995].

Первое скопление представляет собой 12 наконечников стрел, лежащих плашмя в три слоя. Все наконечники заключены в слой бурого тлена (остатки сумки?). Под стрелами фиксировался слой древесного угля (рис. 21.-*1*). Скопление находилось около грудной клетки (в нижней ее части). *Второе скопление* предметов расчищено в юго-восточном углу погребения. Оно представляет собой компактную кучку из разнообразных предметов: наконечников стрел из кремня, полтора десятка отщепов и орудий, несколько сильно разрушенных черепов сусликов с нижними челюстями и изолированные челюсти и резцы этих зверьков; несколько лапок небольших хищных птиц с когтями (вернее, с костяными основами когтей), костяная булавка, все (кроме наиболее крупного) стерженьки составных крючков, жальца и костяные цельные и составные крючки, обломки костей, расщепленные зубы животных – всего более 70 предметов (рис. 20, 21). Так как некоторые изделия сильно разрушены, точное количество артефактов назвать сложно.

Третье скопление расчищено вдоль северо-восточного края могилы. Юго-восточнее его на скальном уступчике цоколя пещеры найдены шлифованное каменное тесло и составной крючок (самый крупный в коллекции) с жальцем из клыка кабарги (рис. 20). Сверху скопления лежал жезл из кости лося, рядом с ним и также под ним (параллельно жезлу) зафиксировано скопление расколотых длинных костей животных, расщепленные зубы животных, семь кремневых наконечников стрел, обломок ножа-бифаса, отщепы и изделие из кости с нарезками по краю. Основная масса отщепов находилась в нижнем слое скопления. Следует также отметить, что большая часть зубов располагалась корнями к выходу из пещеры, а рабочими частями в глубь. Возможно, такое расположение находок маркирует верх и дно сумки, в которой находились артефакты. Не исключено, что они составляли какой-либо предмет (типа пояса), на который были прикреплены. Некоторые предметы найдены вне скоплений – два наконечника стрелы, костяной нож, одна расщепленная вдоль кость, пять отщепов (рис. 21.-*5*).

Описание предметов из погребения в НТП-I

Нож-бифас. Изготовлен из крупного отщепа, сколотого с желвака кремнистого сланца. На кончике ножа, противоположном обломанному острию, сохранился остаток желвачной корки желтоватого цвета с коричневым железистым налетом. Видимо, найденную половину изделия следует считать проксимальной. Обработка довольно грубая: поверхность скола уплощена серией широких снятий с краев и конца заготовки, затем ретуширована. Ретушь нерегулярная, притупливающая, образующая «карниз». Лезвие в фас зигзагообразное. Противоположный (правый) край, судя по крутым притупляющим сколам, представляет собой обушок. Таким образом, изделие является однолезвийным ножом-бифасом с обушком. Возможная длина изделия 12–15 см. Рабочий край изработан до завальцованности граней фасеток, т.е. изделие не специаль-

но изготовлено для захоронения, а длительное время использовалось. Несомненно то, что для погребения нож был сломан (рис. 23.-*2*; 25.-*1*).

Тесло. Изготовлено из того же материала, что и нож-бифас. Техника обработки полностью идентична: оббивка и уплощение заготовки, грубое притупливающее ретуширование продольных краев. Отличие только в том, что получившаяся заготовка была отшлифована. Тесло также использовалось в работе, так как его поверхность, видимо, после каких-то повреждений, подновлена. Часть старой обработки сохранялась в виде участков на краях новых фасеток снятых отщепов. Поверхность орудия вновь была отшлифована, но уже не с такой тщательностью. Следует отметить, что в коллекции с культурного слоя, синхронного, по нашему мнению, с погребением, встречено несколько снятий обновления со шлифованных орудий. Морфология этих снятий схожа с отщепами, которые были получены при подновлении тесла из могилы (рис. 23.-*1*; 25.-*6*).

Абразив. Представляет собой продольную плитку сланца, обрезанную и подшлифованную в ходе изготовления предмета. Оба кончика точильного бруска обломаны, но были позднее подшлифованы. Видимо, абразив использовался длительное время. На плоскостях и боковых гранях орудия видны длинные продольные и поперечные царапины, оставленные в результате его использования. Скорее всего, точильный брусок служил для подправки костяных и каменных предметов. Для подправки (заточки) металлических изделий абразив малопригоден, так как поверхность очень неровная. Кроме того, подобные царапины не могли быть оставлены металлическим предметом. Абразив также расколот, возможно, в ходе погребального ритуала (рис. 23.-*3*; 25.-*2*).

Наконечники стрел (27 экз.). Разделяются на восемь близких друг другу типов (рис. 24; 25.-*11–37*). Прежде всего, следует отметить сходные элементы морфологии наконечников и техники их обработки.

1. Все наконечники имеют более или менее выемчатую базу.

2. Обобщенно можно сказать, что все наконечники вытянуто-подтреугольной формы.

3. Схожа обработка поверхности орудий. Это или двусторонняя встречная оббивка и ретуширование края, придающие ему зубчатые очертания и пилообразный фас, или полная обработка одной поверхности и краевое ретуширование другой. В этом случае основная поверхность остается необработанной. Подобная схема оформления наконечника позволяет установить, что заготовкой для него служил отщеп средних или мелких размеров.

Распределение имеющихся наконечников стрел по типам сделано нами по следующим параметрам: величина и массивность, форма (очертания), симметричность. Анализ по этим признакам позволил выделить следующие, близкие друг другу типы.

1. Удлиненно-треугольный наконечник с выемчатой базой, симметричный, обработанный полностью с двух сторон (бифас). Сечение линзовидное. Представлен одним экземпляром (рис. 24.-*12*).

2. Удлиненно-треугольный наконечник меньших размеров, обработан двусторонне, симметричный, база выемчатая. Сечение линзовидное. Тип представлен двумя экземплярами. У одного кончик обломан (рис. 24.-*13, 14*).

3. Крупный, вытянуто-подтреугольный с выемчатой базой. Ширина больше, чем у предыдущих наконечников. В сечении асимметрично-линзовидный (одна сторона более выпуклая, другая – более уплощенная). Это самые крупные наконечники, они представлены тремя экземплярами. Один наконечник обработан двусторонне, два других – унифасы (одна сторона обработана полностью, другая ретуширована по краям). У наконечника-бифаса отколот один край выемки-насада (базы). Все симметричные (рис. 24.-*1, 3, 4*).

4. Усеченно-ромбический наконечник. База выемчатая (воображаемый ромб усечен как раз на уровне базы). Всего подобных изделий пять. Три из них имеют симметричные очертания (два сломаны в верхней трети), а два (оба сломанных) слегка асимметричны. Оба последних наконечника унифасы, остальные обработаны бифасиально. Сечение уплощенно-линзовидное (рис. 24.-*2, 6–8, 9*).

5. Средний вытянуто-подтреугольной формы. База выемчатая. За исключением одного, четыре наконечника симметричные, линзовидного сечения. Три обработаны бифасиально, два – унифасы (плоско-выпуклые в сечении). Отличаются от типа 3, в основном, более мелкими размерами (рис. 24.-*5, 10, 11, 15, 16*).

6. Мелкий усеченно-ромбический асимметричный наконечник с выемчатой базой. Представлен восемью экземплярами: 5 – бифасиально обработанные и 3 – унифасы. Асимметрия создана за счет отклонения жальца стрелы от центральной оси наконечника (рис. 24.-*17–22, 26, 27*).

7. Мелкий подтреугольный наконечник. Эти орудия обработаны весьма небрежно, напоминают слегка подработанные асимметричные отщепы. Всего их три – бифас и два унифаса. База имеет слабую вогнутость (рис. 24.-*23–25*).

Каменные орудия. Всего 55 экз.

№ п/п	Наименование типа изделия	Кол-во	Рисунок
1	Отщепы мелкие (до 1 кв. см)	10	
2	средние	9	
3	Отщепы с ретушью	12	23.-*4, 7, 9, 10*; 26.-*2–4, 6–8, 13–15, 18–20*
4	Отщепы пластинчатые	12	23.-*13–16*; 26.-*10–12*
5	Скребок	1	
6	Скобель с прямым рабочим краем	1	26.-*7*
7	Скобель с выемчатым рабочим краем	1	23.-*5*
8	Резцы	3	23.-*17*; 26.-*5, 9*
9	Резчики	5	23.-*8, 11, 12*; 26.-*6, 21*
10	Долотовидное орудие	1	26.-*1*
	ИТОГО	55	

Наиболее представительная группа каменных орудий – вторичные отщепы мелких и средних размеров без следов использования. В принципе наличие этих предметов в могиле можно объяснить «необходимостью» покойному иметь под рукой сырье для изготовления нужных инструментов в его пути в загробный мир. Ибо ни о каком использовании отщепов в том виде, в каком они найдены в захоронении, речи быть не может. То же касается и пластинчатых отщепов, из которых, однако, только четыре не имеют видимых следов утилизации. Остальные, похоже, непродолжительное время были в работе. Об этом свидетельствуют выкрошенность рабочего края, заломы и утилитарная ретушь (рис. 23.-*13–15*; 26.-*10–12*). Удивительно мало законченных орудий – только один скребок на отщепе случайной формы (рис. 23.-*6*), два скобеля (рис. 23.-*5*; 26.-*7*) и долотовидное орудие. Последний инструмент интересен тем, что форма и морфология его рабочего края практически не отличаются от подобных кромок мезолитических и палеолитических долот. Зато у орудия отсутствует «пятка». Возможно, данное долото имело рукоять-посредник, чему не противоречит намеренная утонченность края, противолежащего рабочему (рис. 23.-*1*). Довольно много резцов (3) и резчиков (5). Устойчивых форм нет, все орудия разные: резцы – боковой на проксимальном конце пластинчатого отщепа (рис. 23.-*17*), срединный (рис. 23.-*5*), боковой на отщепе; резчики – угловой на дистальном конце пластинчатого отшепа (рис. 23.-*6*) и случайной формы (рис. 23.-*8, 11, 12*). Из отщепов с ретушью обращают на себя внимание три предмета. Первый – удлиненный скол с эпизодической ретушью по краям, снятый явно при обновлении какого-то шлифованного инструмента (рис. 23.-*4*). Второй – овальный отщеп с тщательной двусторонней ретушью обоих краев (рис. 23.-*6*) и третий – небольшой отщеп с двусторонне ретушированным овальным краем (рис. 23.-*2*). Из анализа каменной индустрии погребения в НТП-I следует несколько выводов:

1. Характер индустрии явно не пластинчатый, так как соплеменники умершего не стали сопровождать его в последний путь набором или единичными призматическими пластинами. Видимо, роль этой категории инвентаря уже значительно упала,

хотя, судя по наличию более или менее правильных пластинчатых отщепов, еще продолжала существовать.

2. Для этого времени также не характерно массовое использование и скорняжных инструментов из отщепов. Найден всего один невыразительный скребок.

3. Все полученные в результате раскопок изделия, видимо, предназначались для поддержания в рабочем состоянии охотничьего вооружения и рыболовных снастей.

4. Не исключен факт использования части предметов при жизни умершим в каких-либо магических или ритуальных целях. Подобное замечание напрашивается из характера захоронения и набора костяных предметов, речь о которых пойдет далее.

Составные и цельные рыболовные крючки (рис. 30). Всего найдено восемь каменных «утяжелителей» для составных рыболовных крючков различного размера, три костяных «жальца» и клык кабарги, возможно, использовавшийся в качестве «жальца» – костяная основа, в которую вставлялся зуб суслика (резец). В качестве запаса жалец для мелких крючков, видимо, использовались припасенные сусличьи черепа с зубами и птичьи когти, от которых сохранились костяные основы.

Все крючки разных типов.

Жальца крупных крючков изготовлены из клыков кабарги. В связи с уникальностью набора крючков мы даем их подробное описание.

1. Полный составной крючок, самый крупный в коллекции (находился рядом со шлифованным теслом). Каменный стержень оформлен «точечной» выбивкой и грубо отшлифован. По форме представляет собой веретенообразный стержень, утолщающийся к середине. В верхней части вырезана грибовидная шляпка для крепления линя. Закрепление жала осуществлялось за счет двух выступов на нижней части стержня. Оно вставлялось в пропиленный между выступами паз. Угол паза (составляющий по отношению к длинной оси стержня ровно 30°) регулировал, соответственно, угол расхождения стержня и жала. Для лучшего сцепления составных частей крючка на нижних выступах каменного стержня и на крепежной части жальца вырезаны пазы. Это свидетельствует о том, что скрепление стержня и жала осуществлялось какими-то нитями, возможно, тонкими сухожилиями. Жальце слабоизогнутое, кончик заострен, на внутренней стороне вырезаны две бородки, напоминающие по форме сильно уменьшенные зубья гарпуна. Стержень был намеренно сломан в верхней части (рис. 29.-*1, 12*; 30.-*1–3*).

2. Полный составной крючок меньших размеров, чем первый. Конструктивно стержень второго крючка полностью идентичен предыдущему, вплоть до угла паза, также составляющего 30°. Однако жальце, также изготовленное из клыка кабарги, несколько отличалось. Жальце первого крючка изготовлено из цельного клыка, и для второго оно было обрезано на одну треть. Бородки на внутренней части жальца представляют собой просто запилы. Интересно то, что в коллекции имеется, видимо, второй (парный) клык того же животного, но совершенно не обработанный. Видимо, он являлся запасным. Стержень крючка также сломан пополам ближе к верхней части (рис. 29.-*2, 11, 13*).

Остальные стерженьки гораздо меньших размеров и, судя по всему, не оформлены до рабочего состояния.

3. Стерженек, третий по величине, конструктивно такой же, но его нижняя часть не имеет паза и вырезов для крепления стяжки с жальцем. Кроме того, эта часть крючка сильно утончена и обколота. Соотнести с описанным стерженьком жальце трудно. По размерам и пропорции может подойти только последнее жальце – изделие из кости почти прямой формы с нарезками для крепления нити, связывающей жальце со стерженьком. На острие жальца имеется одна бородка (рис. 29.-*3, 10*).

Следующие пять стерженьков своих специально обработанных жалец не имеют.

4. Мелкий стерженек, аналогичный по форме предыдущим. Вместо прорези в нижней части стерженька между выступами сделан грубый пропил, параллельный длинной оси. Система крепления острия к стерженьку не совсем ясна, возможно, привязывали зубы (резцы) суслика или когти птиц (рис. 29.-*4*).

5. Мелкий стерженек, напоминающий по форме предыдущие, но очень упрощенный и грубый. В верхней части вместо грибовидного конца стерженька просто сделан круговой пропил. Нижние выступы для крепления жальца оформлены слабо, никакого углубления или прорези для вставления жальца нет. Возможно, стерженек просто недоделан (рис. 29.-*5*).

6. Мелкий стерженек с обломанным верхним кончиком и слабо выделенными выступами внизу. Прорези для жальца нет (рис. 29.-*7*).

7. Неровный предмет удлиненной формы с несколькими отшлифованными гранями. Большая часть граней расположена на выпуклой стороне предмета, противоположная сторона плоская. Никаких прорезей, выступов и т.п. нет. Назначение изделия непонятно (рис. 29.-*6*).

8. Обломок стерженька (?) с прорезью для крепления нити (рис. 29.-*8*).

Пять крючков изготовлены из кости: два цельновырезанных и три составных. Составные крючки изготавливались следующим образом: птичья кость небольших размеров расчленялась пополам, на проксимальном эпифизе прорезался паз, в который вставлялся резец суслика. Подобные крючки нам неизвестны. Два других крючка найдены в обломках (рис. 29.-*17, 25*), но об их внешнем виде позволяет уверенно судить абсолютно целый крючок с резцом суслика (рис. 29.-*16*). Видимо, зуб с эпифизом кости стягивался какой-то тонкой нитью. Верхняя часть получившегося крючка несет несколько круговых нарезок, препятствовавших соскальзыванию линя.

Цельные крючки (2 экз.) совершенно одинаковые (один обломан). Представляют собой плоские костяные изделия с острием, оканчивающимся бородкой, и базовой частью. Судя по ней, крючки применялись не сами по себе, а вставлялись в какую-то оправу (рис. 29.-*9, 14*).

Как запас «жалец», видимо, следует рассматривать скопления костяных основ когтей мелких хищных птиц (23 экз.) (рис. 32.-*1*). Наиболее интересным является видимое сходство цельновырезанных крючков с костяными основами когтей. Возможно, именно когти птицы явились образцом, доработав который, древние люди получили удачный и, видимо, эффективный рыболовецкий инструмент (рис. 29.-*15*). Не менее оригинальной является идея древних мастеров использовать в качестве жалец мелких рыболовных крючков резцы суслика. Черепа и нижние челюсти этих зверьков довольно кучно встречены в могиле в одном скоплении с мелкими стерженьками и жальцами, наконечниками стрел и т.п. Не исключено, что остатками костяных составных крючков являются обломки мелких трубчатых косточек птиц со следами обработки (рис. 29.-*18–20*).

Костяные изделия

Наиболее интересной находкой является «*жезл*», изготовленный из метаподии задней конечности лося (метатарзус) (рис. 28.-*3*). Дистальный эпифиз кости обрезан, сама кость перед обработкой расщеплена вдоль. После этого внутренняя полость метаподии была тщательно выскоблена, кромки расщепления обколоты, обработаны скобелем и тщательно залощены. После окончания отделки поверхность полости кости представляла собой залощенную ложбинку с небольшими бортиками. На внешней поверхности метаподии в качестве ложбинки оформлен естественный сухожильный желоб. Вся поверхность изделия отшлифована. Дистальная часть кости заострена. Проксимальный эпифиз подрезан так, что его очертания приняли зооморфный характер, возможно, древний мастер попытался изобразить морду лося. При этом в качестве глаза использовалось отверстие для кровеносного сосуда, питающего кость (рис. 27.-*1*). В качестве орудия «жезл» совершенно нефункционален и, скорее всего, служил каким-то ритуальным предметом.

Оригинальной находкой является *костяной нож*, изготовленный из левой лопатки мелкого парнокопытного (косуля?) (рис. 28.-*1*). Рукоятью и обушком изделия служит ось лопатки, с которой срезана предостная яма. Срез тщательно зачищен и отшлифован. Лезвие ножа оформлено из пергаментной кости заостной ямы. Кость обрезана так, что лезвию придана подпрямоугольная форма. Край (рабочая часть лезвия) тща-

тельно отшлифован и заострен. Рукоять подготовлена путем обрезания пергаментной кости до оси лопатки (рис. 27.-*2*). Нож вряд ли применялся для каких-либо трудовых операций (разделка мяса, раскройка шкур и т.п.), так как для этого использовались гораздо более эффективные каменные орудия, в том числе и шлифованные. По-видимому, этот нож, как и жезл, является предметом ритуальным.

Булавка. Найдена в скоплении находок в южной части могилы. Сохранность кости очень плохая, так как при обработке шлифовкой снят поверхностный слой кости, являющийся наиболее стойким к разложению. Определить фаунистическую принадлежность кости невозможно, так как она полностью видоизменена обработкой. Эпифиз, которому придана подтреугольная форма, служил навершием булавки (рис. 29.-*26*).

Кости с обработкой неясного назначения

1. Небольшое изделие вырезано из диафиза крупной кости (возможно, метоподия). Первоначально имелось подпрямоугольное сечение в верхней части, утончающееся к низу. Отчетливо видны следы обработки и подшлифовки торца изделия. Из-за плохой сохранности предмета его назначение неясно (рис. 29.-*21*).

2. Изделия из резцов бобра (2 экз.) и сурка (2 экз.). Резцы бобра представляют собой фрагменты губной поверхности, а резцы сурка – срезанные латеральные края. Первые изделия изготовлены путем расщепления резцов вдоль и обрезания верхних и нижних частей зуба. У меньшего изделия внутренняя полость резца не обработана, зато у второго тщательно выскоблена. Кроме того, на эмали резца отчетливо видны следы подшлифовки и скобления (рис. 29.-*22–24*). Латеральные части резцов представляют собой изогнутые пластины, на которых эмаль сохранилась с внешней стороны. Возможно, эти предметы использовались в качестве украшений.

3. Острие из ребра животного (рис. 28.-*2*). Представляет собой пластину, заостренную с двух концов. Изделие плоское, края подшлифованы. На ограниченном отрезке одной из кромок вырезаны 12 зубцов. Назначение предмета неясно (рис. 31.-*1*).

4. Расщепленные длинные кости (все принадлежат диким животным) (11 экз.). Нами они рассматриваются как ритуальный набор, так как никакой функциональной нагрузки эти изделия нести не могут. Все они представляют собой узкие обломки расщепленных вдоль костей. Никаких следов обработки нет (рис. 27.-*3–7*; 34).

5. Обломки костей животных (18 экз.). Из них только две имеют крупные размеры, остальные представляют собой мелкий костный бой без каких-либо следов обработки (рис. 34?).

6. Фаланги птичьих лап (рис. 32.-*2*). Найдены кучно, возможно, это были птичьи лапы, отрубленные ради когтей – «заготовок» составных крючков. Не исключен и ритуальный характер подобных находок.

7. Зубы животных. Целыми являются только резцы двух особей волка или очень крупной собаки. Остальные зубы, принадлежавшие медведю, благородному оленю, волку, все расщеплены (каждый на 3–5 кусков). Внутренние полости зубов вычищены (рис. 31.-*2–10*). Количество особей, чьи зубы найдены в погребении, приведено в разделе, посвященном фауне НТП-I. Следы обработки на зубах не фиксируются. Некоторые клыки медведя и добавочные зубы благородного оленя аппликируются из нескольких обломков (рис. 31.-*4, 7–9*). Естественные причины, которые могли бы привести к расщеплению зубов, совершенно исключаются.

8. Интересной находкой является астрагал дзерена, так как астрагал овцы в более поздние эпохи играл существенную роль в погребенной и культовой обрядности.

Трасологическое исследование каменных изделий из погребения НТП-I

Трасологический анализ кремневых изделий, прежде всего отщепов, проведен Н.Ю. Кунгуровой. Из 52 отщепов только 22 были орудиями, остальные в работе не использовались. Все орудия имеют случайную форму без предварительной обработки или вторичной ретуши. Следы обработанности минимальные. Экспериментальные опыты над подобными орудиями из образцов того же сырья показали, что такие следы могли

остаться только в результате их использования от 2 до 5–10 минут. Микроучастки от подскабливания, подрезания, царапанья и т.д. остались от каких-то подобных работ, подправок, возможно, связанных с погребальным ритуалом. Наиболее сработанными из всех орудий в пределах того же временного отрезка оказались боковой скребок с одним лезвием, строгальный нож и пилка по кости, их кромки завальцованы, имеют залощенность, сглаженные края фасеток, утилитарную ретушь. Линейные следы не прослежены.

Исследованы следующие предметы:

№ п/п	Наименование орудия (по функции)	Кол-во	Примечания
1	Ретушер	1	
2	Проколка	2	
3	Резчики по дереву	2	
4	Резчики по кости	2	
5	Пилки по кости	1	
6	Строгальный нож по дереву с одним лезвием	1	
7	Скобель по дереву	6	На одном скобеле оформлен резчик
8	Скобель по кости	1	
9	Скребок	3	Один комбинирован с проколкой, один микроэкземпляр на выступе отщепа
10	Мясной нож	4	
	ИТОГО	23*	

* Количество функциональных единиц больше количества отщепов за счет комбинирования на одной основе двух функций.

Интересно также состояние 27 наконечников стрел. Экспериментальные выстрелы из лука стрелами, к которым прикреплялись наконечники стрел, показали следующие результаты.

1. При попадании стрелы в более или менее рыхлый грунт ее наконечник редко остается абсолютно целым. Чаще всего происходит облом его кончика.

2. При попадании в дерево целой остается часть наконечника, проникшая в ствол, базовая половина расщепляется на мелкие осколки под давлением древка.

3. Ни при каких условиях не обламывается верхняя половина с острием, за исключением попадания в камень. Но в этом случае наконечник расщепляется на несколько частей.

Отсюда следует вывод, что часть наконечников была снята с древков стрел (или обломана с частями древков), которыми был произведен выстрел. Причем выстрел «холостой», не приведший к попаданию в цель. Другая часть наконечников была сломана намеренно, так как любое попадание, так разломившее наконечник, привело бы и к поломке базовой части. Положение наконечников в погребении исключает присутствие колчана или хотя бы каких-то длинных обломков древков. Все наконечники ориентированы по-разному, а часть находилась в каком-то мешочке, что исключает наличие древков.

§5. Датировка, культурная принадлежность погребения в НТП-I

С тех пор, как были проведены исследования в Нижнетыткескенской пещере-I, было раскопано еще два захоронения в пещере Каминной, а также исследовано несколько могильников, датируемых эпохой неолита, опубликованы материалы раскопок 60-х гг. XX в. [Маркин, 2000; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000; Кунгурова, 2005; Ефремов, 2006; Кирюшин и др., 2011; Кирюшин и др., 2012]. Однако захоронение в Нижнетыткескенской пещере-I, несмотря на то, что прошло 28 лет со времени его раскопок, так и осталось уникальным, не имеющим аналогий в Горном Алтае.

Каменная индустрия из могилы НТП-I

Авторам известно около 20 шлифованных рубящих орудий с территории Горного Алтая: каменные сверленые топоры [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982], тесла и топорики [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Кунгуров, Кадиков, 1985; Кубарев, 1988; 2009; Кунгурова, 2005]. Все топоры относятся к случайным находкам и, вероятнее всего, датируются более поздним временем, чем погребение из НТП-I. Связывать их принято с афанасьевской культурой и с более поздними культурами ранней и развитой бронзы, пока еще слабо изученными в Горном Алтае. Тесла также разновременны: одно тесло с поселения Усть-Сема датируется поздним мезолитом [Кунгуров, Кадиков, 1985], второе, по всей видимости, неолитическое. Трапециевидный топорик происходит из неолитического могильника Солонцы-V [Кунгурова, 2005]. Тесла с поселения Малый Дуган могут быть связаны с находками большемысской культуры [Кунгуров, 2012, с. 121, рис. 8.-1; 12.-1, 2]. Одно тесло, найденное совместно с неоконченным каменным топором на могильнике Пещеркин Лог-I, около с. Черный Ануй, относится к афанасьевско-куротинскому типу погребений. Остальные находки связаны с погребениями афанасьевской культуры, куротинского типа, возможно, каракольской культуры [Кубарев, 1988; 2009; Кирюшин, Кунгуров, 1994; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014]. Следует отметить, что на поселениях Тыткескень-VI [Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров, Долинин, Кирюшин К.Ю., 1992], Тыткескень-II [Кунгурова, 1987; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова, 1991], Усть-Куюм [Кунгурова, 1992] встречены сколы обновления, сбитые при переоформлении шлифованных орудий. Эти сколы аналогичны снятиям из энеолитического культурного слоя НТП-I. Интересен тот факт, что все перечисленные памятники содержат доафанасьевские горизонты большемысской культуры [Кирюшин, 1986; 1990]. Таким образом, шлифованные тесла – характерная часть каменной индустрии энеолита в середине IV тыс. до н.э. Их небольшое количество объясняется слабой изученностью доафанасьевских памятников, особенно погребений. В могильниках Усть-Иша и Большой Мыс, близких по времени могиле НТП-I, шлифованных тесел достаточно много [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000]. Они – обычная находка и в большемысских культурных слоях поселений предгорной, степной зон Алтайского края [Кирюшин, 1986; 2002]. По-видимому, шлифованые тесла являются характерной чертой раннего энеолита, сложившегося на местной неолитической основе не только на Алтае, но и в других регионах Сибири [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова, 1991]. По крайней мере, в памятниках, имеющих аналогии с индустрией могилы НТП-I, шлифованные тесла известны. В то же время сверленые каменные топоры там отсутствуют.

Обычной находкой является и абразив, применяющийся для подправки как тесел, так и других шлифованных инструментов – стерженьков рыболовных крючков, ножей и, возможно, редких медных изделий. Широко распространены также ножи-бифасы как однолезвийные с обушком, так и двулезвийные. Они известны с поселений большемысской культуры, могильников Большой Мыс и Усть-Иша. В Сибири ножи-бифасы встречаются повсеместно в комплексах неолита–энеолита [Кирюшин, 1986; 2002; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Виноградов, 1982; Зах, Зотова, Панфилов, 1991; Окладников, 1975; 1976; 1978]. На материалах эпохи мезолита–неолита можно проследить эволюцию этих типов изделий. Бифасиальная техника – основа изготовления тесел и ножей – существовала в нижнекатунской палеолитической культуре [Кунгуров, 1991], однако она была забыта в мезолитическую эпоху [Кунгуров, Кадиков, 1985], за исключением двусторонней оббивки при изготовлении наконечников стрел. На финальном этапе мезолитической усть-семинской культуры бассейна Катуни вновь возникла традиция изготовления орудий-бифасов. На наиболее изученном поселении Тыткескень-III зафиксированы десятки ножей-бифасов с обушком. Дальнейшее развитие этот тип изделий пережил в неолитическую эпоху, достигнув совершенства. Именно такой нож (вернее, его обломок) найден в могиле НТП-I. Прототипы шлифованных тесел также известны в финально-мезолитической индустрии. Это ма-

кролитические скобели и струги с двусторонней обработкой. Мало того, уже в позднем мезолите существовала техника подшлифовки изделий для обработки дерева, о чем свидетельствует находка тесла в верхнем культурном слое поселения Усть-Сема.

Другим интересным типом изделий из могилы НТП-I являются наконечники стрел. Выше мы их подробно охарактеризовали. Основные параметры – подтреугольная форма, выемчатый или прямой насад – характерны для чрезвычайно широкой территории: от Приуралья [Зах, Зотова, Панфилов, 1991] до Прибайкалья [Виноградов, 1982; Окладников, 1950; 1975; 1976; 1978]. Эти наконечники встречаются как в поселениях, так и в могильниках. Следует заметить, что удлиненно-треугольные наконечники (в НТП-I такой предмет один) более характерны для районов распространения прибайкальских неолитических и энеолитических культур. В Западной Сибири обычны средние и укороченные наконечники [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Зах, Зотова, Панфилов, 1991]. Часть наконечников из НТП-I обработана архаичным, еще мезолитическим способом – полностью встречной ретушью оформлена только одна сторона, другая ретуширована по краям. Именно таким образом оформлялись наконечники стрел из верхнего, позднемезолитического слоя Усть-Семы и с финально-палеолитического культурного слоя Тыткескеня-VI. Особенно похожи на ранние образцы мелкие асимметричные наконечники-унифасы из могилы. Всё это позволяет предположить, что в основе каменной индустрии погребения НТП-I лежат многотысячелетние традиции обработки камня, существующие в бассейне Средней Катуни с эпохи мезолита.

Менее выразительна отщеповая индустрия. Уже упоминались причины деградации микролитической пластинчатой традиции. В целом эта индустрия характерна для большемысской культуры и является одной из ее отличительных черт [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993; Кирюшин, Кунгуров, 1994]. Подобным образом развивались традиции обработки камня в Западной Сибири и Приуралье [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Зах, Зотова, Панфилов, 1991], для восточных районов характерно более длительное бытование призматической техники [Виноградов, 1982; Окладников, 1950; 1978].

Рыболовные крючки

Набор рыболовных крючков из могилы НТП-I богат и своеобразен. До ее исследования в Горном Алтае были известны единичные стерженьки составных крючков с поселений Усть-Сема (верхний культурный слой) [Кунгуров, Кадиков, 1985], Усть-Куюм, Тыткескень-II и VI [Кирюшин, Кунгуров, 1994; Кунгурова, 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993]. К сожалению, на этих памятниках отсутствовали жальца. Все «поселенческие» стерженьки имели мелкие размеры. Крупные и средние стержни повсеместно встречаются в большемысских культурных слоях поселений предгорий и равнины Алтая, а также в могильниках Большой Мыс и Усть-Иша, Солонцы-V [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000; Кунгурова, 2005]. Аналогии и в форме, и в технике изготовления стержней абсолютные. Проблеме составных рыболовных крючков посвящена солидная библиография [Эверстов, 1988; Гурина, 1991а–б; Загорска, 1991; Исаенко, 1991; Крайнов, 1991; Савватеев, 1991; Георгиевская, 1989]. В задачи нашего исследования не входит разработка классификации рыболовных крючков, поэтому мы будем только использовать существующие разработки С.И. Эверстова, Н.Н. Гуриной, И.А. Загорска и др. Существующие классификации зачастую не стыкуются друг с другом, но при их составлении авторы собрали и проанализировали большие серии рыболовных крючков. Крючки из могилы НТП-I, как уже говорилось, представлены разными типами. Из них только часть попадает под классификационные критерии, известные по публикациям, другие ранее не были известны. Кроме того, треть стерженьков имеет жальца, а в известных классификациях эти детали (стерженек и жальце) рассматриваются, как правило, раздельно. Наиболее полная сводка рыболовных крючков неолита дана С.И. Эверстовым [1988]. Цельнорезные крючки объединены им в тип 1, цельнорезные с бородкой – подтип II, 1Б, 1Ба, 1Бб, 1Бв и 1В – в каждом варианте по одному крючку. С.И. Эверстов [1988] отмечает, что костяные крючки

с бородкой «в Сибири были распространены от Зауралья до Западного Забайкалья». Каменные стерженьки рыболовных крючков объединены в тип II, а близкие по форме к стерженькам из НТП-I – в тип II, 6, подтип А и тип II 7Аб. При этом С.И. Эверстов указывает, что костяных жалец встречено гораздо меньше, чем стержней. Жальца изготовлялись «из когтей хищных зверей и птиц, клыков кабарги и кости» [Эверстов, 1988]. Наиболее близкие аналогии изделиям из НТП-I встречены в памятниках китойской культуры и отчасти в глазковских памятниках. Рыболовные крючки «китойского типа» [Георгиевская, 1989] различных размеров по всем параметрам соответствуют крючкам НТП-I. Различия заключаются, прежде всего, в наличии на алтайских стержнях паза в нижней части, в который вкладывалось жальце, хотя и в китойских комплексах такие изделия изредка встречаются. Наиболее близкие аналогии костяным крючкам есть в материалах могильника Усть-Белая [Георгиевская, 1989].

Кроме этого, можно отметить сходство и других китойских элементов материальной культуры с НТП-I. Наиболее характерными китойскими наконечниками стрел являются наконечники подтреугольной формы с вогнутой базой и асимметричным жальцем [Георгиевская, 1989]. Обычна находка абразивов, применяющихся для шлифовки орудий из камня, костяных поделок и стерженьков для рыболовных крючков [Георгиевская, 1989], шлифованных тесел. В целом китойский комплекс более древний, о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты (V – 2-я половина III тыс. до н.э.) [Георгиевская, 1989]. Интересные аналогии, хотя и достаточно отдаленные, можно провести между цельнорезными костяными крючками НТП-I и рядом памятников в европейской части страны. В сводке рыболовных крючков Н.Н. Гуриной наиболее близок алтайским тип XIV, а также крючки с бородками IV, V:1, V:2, V1:1 и IX:1 типов. По-видимому, крючки из НТП-I изготавливались похожим способом – вырезались из овальной или подтреугольной костяной пластины [Гурина, 1991а]. Близки алтайским крючки с бородками, классифицируемые И.А. Загорска [1991] как изделия 2 группы, типы А-Е, В.Ф. Исаенко [1991] – 3 группы. В.Ф. Исаенко [1991] отмечает, что «крючки с бородкой характерны для поздненеолитических культур лесной полосы Европы». В Верхнем Поволжье крючки с бородками появляются в волосовское время, отдельные изделия напоминают алтайские [Крайнов, 1991]. Единственная известная нам аналогия прямого жальца с бородкой составного рыболовного крючка происходит с поселения Сахтыш-I [Исаенко, 1991], Д.А. Крайнов его называет «острием гарпунообразного типа» [Исаенко, 1991]. Мелкие грузики и упрощенные варианты мелких стерженьков составных крючков известны в Карелии со стоянок Сулгу-III и Малая Суна-I, датирующихся неолитом–энеолитом [Савватеев, 1991].

По-видимому, сложение внешнего облика составных и цельнорезных рыболовных крючков происходило в различных местах Европы и Азии на определенных этапах развития хозяйства конвергентно. При этом для более ранних образцов характерны жальца без бородок (типа «маглемозе»), для более поздних – с бородками. Некоторые исследователи считают, что крючки с бородками копируют аналогичные медные и бронзовые изделия. В любом случае широкое распространение крючков с бородками происходило с середины VI тыс. до н.э. [Кунгуров, 1993; Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1992; Прокофьева, 1971; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982; Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992; Кубарев, 1988]. Особое место в коллекции погребения НТП-I и в многочисленных сериях составных рыболовных крючков Сибири и Европы занимают три крючка, в которых использовались птичьи кости и резцы мелких животных. Костяные утяжелители – довольно частая находка в неолитических–энеолитических памятниках Сибири и, особенно, северных регионов Восточной Европы. Однако все утяжелители изготовлены из крупных костей животных. В качестве крючков иногда использовались кости хищных птиц. Но авторам не известны крючки, в качестве утяжелителей которых использовались обрезанные кости птиц, а в паз вставлялись как жальца резцы сусликов. По-видимому, подобный тип рыболовных крючков является особенностью доафанасьевского энеолита Средней Катуни.

Костяные изделия

Эта группа орудий, пожалуй, самая необычная для погребальных комплексов энеолита. Прежде всего, ее характеризует нефункциональность всех изделий, чего нельзя сказать о других памятниках Сибири. Попытаемся рассмотреть все аспекты и возможные назначения костяных предметов.

«Жезл», изготовленный из метаподии задней конечности лося, увенчан стилизованной мордой этого животного. Изображение лося – характернейшая черта неолитического искусства Сибири [Окладников, Мартынов, 1972; Окладников, Молодин, 1978]. «Хозяин тайги» – могучее животное, имеющее огромное значение в жизни охотников каменного века, наиболее почитаемый образ и в мелкой пластике, чаще всего имеющей ритуальное значение [Окладников, 1950; 1975; 1976; 1978]. Хотя скульптурные изображения, стилизованные и реалистичные, встречаются в неолитических–энеолитических погребальных комплексах Сибири, «жезлы» с навершием в виде головы лося известны крайне мало. В ряду ритуальных предметов они занимают особое положение и чаще всего отождествляются исследователями с шаманским культом, а погребения с «жезлами» рассматриваются как могилы шаманов. Наиболее древнее «шаманское» погребение в Сибири, синхронное с могилой НТП-I, – погребение 12 в могильнике Серово на Нижней Ангаре [Окладников, 1976]. Изделие, напоминающее жезл, известно из погребения 1 в Махонькиной пади [Окладников, 1975]. Навершия жезлов в виде вырезанных из рога головок лося происходят из Шигирского торфяника в Зауралье [Мошинская, 1976]. При экскурсе в этнографические параллели подобных изделий возникает предположение о несколько ином их значении – шаманские «посохи» или «трости» [История и культура коряков, 1993; Прокофьева, 1981; Хомич, 1981, с. 22; Иванов, 1970; 1979; Дьяконова, 1981]. Повсеместно в системе шаманских культов сибирских народов фигурирует посох-трость с навершиями в виде головы лося или лошади. При этом исследователи отмечают, что «лошадиные» трости-посохи скотоводческих народов (якуты, тувинцы, кызыльцы и т.п.) произошли от более древних «лосиных». Посохи и трости существовали как простые, так и многосоставные, а осмысливались «как изображения ездовых животных шамана» [Иванов, 1970]. Оформления подобных шаманских атрибутов удивительно схожи на обширных территориях, что отчасти свидетельствует о существовании их древних прототипов, бытовавших много тысячелетий. По нашему мнению, «жезл» из могилы НТП-I является, вероятно, посохом, а еще точнее – «тростью» шамана. Посох рассматривается как помощник в передвижении. Например, у ненцев шаман опирается на посох в пути по «ледяной дороге» [Хомич, 1981], а трость, украшенная лосиными мордами, – средство передвижения шамана в его путешествиях по «верхнему» и «нижнему» мирам.

Костяные ножи также являются частой находкой в комплексах интересующего нас времени [Окладников, 1950; 1975; 1976; Виноградов, 1982], однако форма ножа из НТП-I оригинальна, и нам подобные изделия неизвестны. Остальные предметы, за исключением пластины – острия из ребра животного с вырезанными зубцами, следов вторичной обработки практически не имеют. Находки отдельных колотых костей и зубов известны. Так, расколотые вдоль кости встречены в погребении №3 могильника Усть-Белая [Окладников, 1975], в погребении №2 у дер. Верхнесередкино [Окладников, 1975], в погребении №1 могильника Аносово [Окладников, 1976] и т.п. В погребении №4 у дер. Семеново и в погребении №1 могильника Падь Глубокая встречены просверленные астрагалы диких копытных. Наиболее интересен для понятия находок из НТП-I могильник Серово на Нижней Ангаре [Окладников, 1976]. Во многих погребениях там встречены различные костные остатки без обработки: птичьи кости – в могилах 3, 4, 12; резцы бобра – в могилах 11, 12, 18; клыки медведя (в том числе и расколотые) – в могиле 12, а также в могильнике Аносово, погребение 1; резцы сурка – в могиле 12 и 16; клыки кабарги – в могилах 12, 17, 9. Однако похожим набором костных остатков выделяется только одно погребение в могильнике Серово – №12. Кроме стандартного, хотя и богатого набора предметов – наконечников стрел, шлифованных тесел, абразивов и т.п., характерного для Серово, там встречены колотые ко-

сти медведя, изюбра, 6 обломков плечевых костей лебедя, кости рыси, косули, марала, копытца кабарги или косули, кости лося, зубы медведя, лося, бобра, кабана, соболя. В этом же погребении найдены шлифованные костяные ножи, один изготовлен из лопатки лося. А.П. Окладников [1976] уделил могиле 12 особое внимание и указал, что это наиболее древнее в Сибири «шаманское погребение», датирующееся IV тыс. до н.э.

Видимо, близкое расположение во времени могил из Серово и НТП-I предопределило и схожесть культовых предметов, прежде всего костей и зубов животных. Остальные изделия – тесла, ножи, наконечники стрел, рыболовные крючки, имеют определенный местный облик.

«Шаманские» атрибуты погребения в НТП-I

Поскольку наши изыскания привели к тому, что погребение в НТП-I принадлежит шаману, попытаемся рассмотреть возможное назначение найденных предметов. По-видимому, большая часть предметов, а может и все, составляет единый культовый комплекс, который можно назвать шаманским костюмом. Однако глубокая древность захоронения и его особенности (расчлененное тело человека) не позволяют реконструировать костюм полностью. Органические предметы, которые могли быть в могиле, исчезли. Как свидетельствуют этнографы, в могилы шаманам клались не все вещи, а лишь определенное количество подвесок, культовых предметов и т.п. Часть вещей оставлялась в семье умершего, часть, например бубен, помещалась в каком-либо ритуальном месте и т.д. Естественно, различия в шаманском культе, известном по этнографии, и шаманстве, существующем у сибирских племен в IV тыс. до н.э., огромны. Учитывая крайнюю консервативность космологических представлений народов Сибири, некоторые реконструкции на основании полученных из НТП-I данных должны представлять определенный интерес.

В состав полного шаманского костюма, однообразного у большинства народов Сибири, входили следующие элементы: наплечная одежда (кафтан), нагрудник-передник, головной убор, обувь, перчатки или рукавицы, штаны, наборы подвесок для конкретного камлания, пояс, посох или трость, бубен и колотушка. Позднее появились изображения духов-помощников [История и культура коряков, 1993]. Наплечная одежда, перчатки и обувь имели массу нашивок, имеющих глубокую семантику. Изначальное значение костюма – символ превращения шамана в зверя или птицу для путешествия в верхний, «светлый» мир (лебедь, орел, сокол, олень, марал, лось и т.д.) и в «темный», нижний мир (филин, сова, медведь, выдра, бобр, сурок) [История и культура коряков, 1993]. По-видимому, разделение (специализация) шаманов на «светлое» и «темное» камлание появилось позднее, изначально шаман был универсален [История и культура коряков, 1993]. Для более успешного перевоплощения шамана на костюм прикреплялась масса деталей: на руки – кости птиц, крылья и птичьи лапки; на рукавицы – когти медведя; на ноги – кости и их имитация задних конечностей животных; на обувь – копыта, кости ног и когти. Ханты шили рукавицы «из шкуры, снятой с медвежьих лап вместе с костями, которые служили шаману оружием в борьбе против духов-врагов» [История и культура коряков, 1993]. У энцев на костюм нашивались лапы волков, трубчатые подвески. Кеты на обувь прикрепляли символы ног оленя или медведя.

В свете изложенного становится понятным наличие в погребении НТП-I такого количества костей. Прежде всего, определимые костные остатки можно разделить на «светлые» и «темные» символы костюма. К «светлым» атрибутам следует отнести связки птичьих лапок и отдельные косточки птиц, кости и зубы благородного оленя, лося, кабарги, дзерена, горного барана, косули. «Темными» атрибутами являются кости и зубы медведя, бобра, сурка, волка. Скорее всего, колотые трубчатые кости могли нашиваться на штаны шаманского костюма [История и культура коряков, 1993], имитируя ноги, также можно интерпретировать астрагал дзерена – часть ноги (возможно, астрагал прикреплялся к обуви). На наплечную одежду и пояс нашивались «светлые» символы. При этом к поясу в этнографических параллелях чаще крепились

зубы животных. Интересно наличие расщепленных вдоль клыков медведя. Их пять, поэтому напрашивается предположение об использовании клыков для оформления перчаток. Поскольку клыки выскоблены изнутри, они легко налагаются на пальцы и просто прикрепляются к ним ремешками даже без специальной перчатки или рукавицы (рис. 22.-*2*). К каким-то культовым шаманским предметам, видимо, относятся также костяной нож и острие из ребра с нарезками, интерпретировать которые, к сожалению, очень сложно.

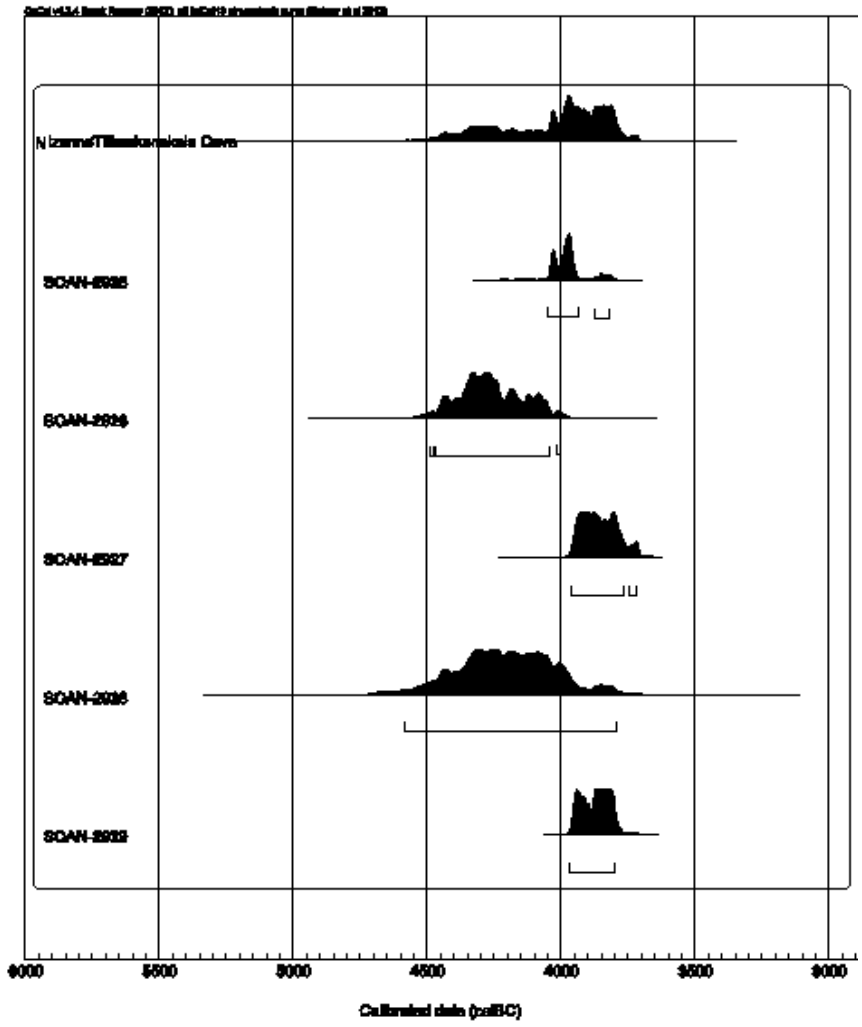
Не исключено, что часть орудийного набора также является принадлежностью костюма. Прежде всего, это наконечники стрел из камня и набор отщепов без следов изработки. Этот вывод можно сделать, исходя из расположения указанных артефактов в могиле. Колчанный набор исключается, так как наконечники, в том числе найденные кучно, разноориентированы. Настораживает также то, что погребений с таким количеством наконечников очень немного, обычно их количество не превышает одного-полутора десятков. Часть наконечников находилась в скоплениях вещей. Возможно, наконечники с древками использовались в процессе камлания без бубна. Е.Д. Прокофьева [1981], описывая шаманство и систему камлания, указывает на то, что в «добубновый период» вместо бубна использовались луки. Кроме того, подобная ситуация с наконечниками стрел могла сложиться в результате каких-либо межплеменных столкновений, так как в этом случае «средства войны переносились в мир религиозных представлений» [История и культура коряков, 1993]. Пока можно только предполагать: были ли столкновения между большемысцами и афанасьевцами или с каким-то другим населением? Напряженные межплеменные отношения в этот период, возможно, спровоцировали и массовое изготовление наконечников стрел на поселении Тыткескень-VI. Ни на одном другом памятнике Горного и Степного Алтая неизвестна такая плотность находок целых и расколотых наконечников стрел (НТП-I – 27 экз., Тыткескень-VI – 30 экз.).

В целом погребение в НТП-I объективно отражает занятия и хозяйство носителей большемысской культуры [Гальченко, 1995]. Достаточно подробно рассмотрены выше рыболовные снасти, оружие и орудия труда. Мы далеки от мысли, что информативность погребения из НТП-I этим исчерпывается. Наоборот – новые памятники этой культуры дадут новые идеи в осмыслении погребения.

Особо следует подчеркнуть особенности расположения останков человека и вещей в могиле. Хотя погребальный обряд шаманов изучен слабо, ряд деталей может внести ясность в характер погребения. Во-первых, в могилу шамана помещают не весь его костюм, а какие-то детали (в соответствии с традиционным мировоззрением того или иного народа). Часть культовых принадлежностей шамана переходила к его преемнику, часть уничтожалась или пряталась где-либо в лесу или горах. Во-вторых, существовали «воздушные» захоронения (на деревьях, вершинах скал, холмов) и «подземные». Сохранность костяка свидетельствует о том, что тело человека какое-то время находилось на поверхности. Сейчас уже не выяснить, было ли это «воздушное» захоронение или шаман погиб и не был сразу найден сородичами. Сам статус погибшего (если наше предположение верно) позволяет рассматривать зафиксированный погребальный обряд НТП-I как захоронение вторичное. Поскольку шаман «имеет доступ» и в «верхний», и в «нижний» миры, возможно, вначале он был похоронен в «светлом» месте (воздушное захоронение), а по истечении определенного времени перезахоронен в «темном» – в пещере.

Абсолютная датировка погребения

Хронологическую принадлежность погребения можно определить по относительным аналогиям и радиоуглеродным датам, которые получены по кусочкам угля со дна очага над погребением (проба 1) и из заполнения погребения (пробы 2–5). Следует учесть, что фактически датировано дерево (угли), которое могло быть древнее погребения.

Всего получено пять радиоуглеродных дат из НТП-I: 1) 5170±40 лет (СО АН – 2925), 2) 5440±105 лет (СО АН – 2926), 3) 5050±45 лет (СО АН – 2927), 4) 5380±175 лет (СО АН – 2928) и 5) 5075±35 лет (СО АН – 2929). Калибровка дат выполнена А.В. Поляковым в программе OxCal 4.2.4 с использованием калибровочной кривой Int Cal13[*]. Из рисунка видно, что две даты имеют широкий диапазон от 46 до 37 в. до н.э., а три – от 41 до 39 в. до н.э., и все даты включают 39 в. до н.э.

Большинство аналогий по вещам из погребения имеются в памятниках неолита–энеолита, о чем было сказано выше, поэтому попробуем сравнить радиоуглеродные даты этого периода памятников из Горного и Предгорного Алтая, Северной Кулунды. В настоящее время известно 17 радиоуглеродных дат с разных памятников этого времени (погребение в пещере Каминная, могильники Солонцы-V, Усть-Иша, Большой Мыс, поселения Новоильинка-III и VI).

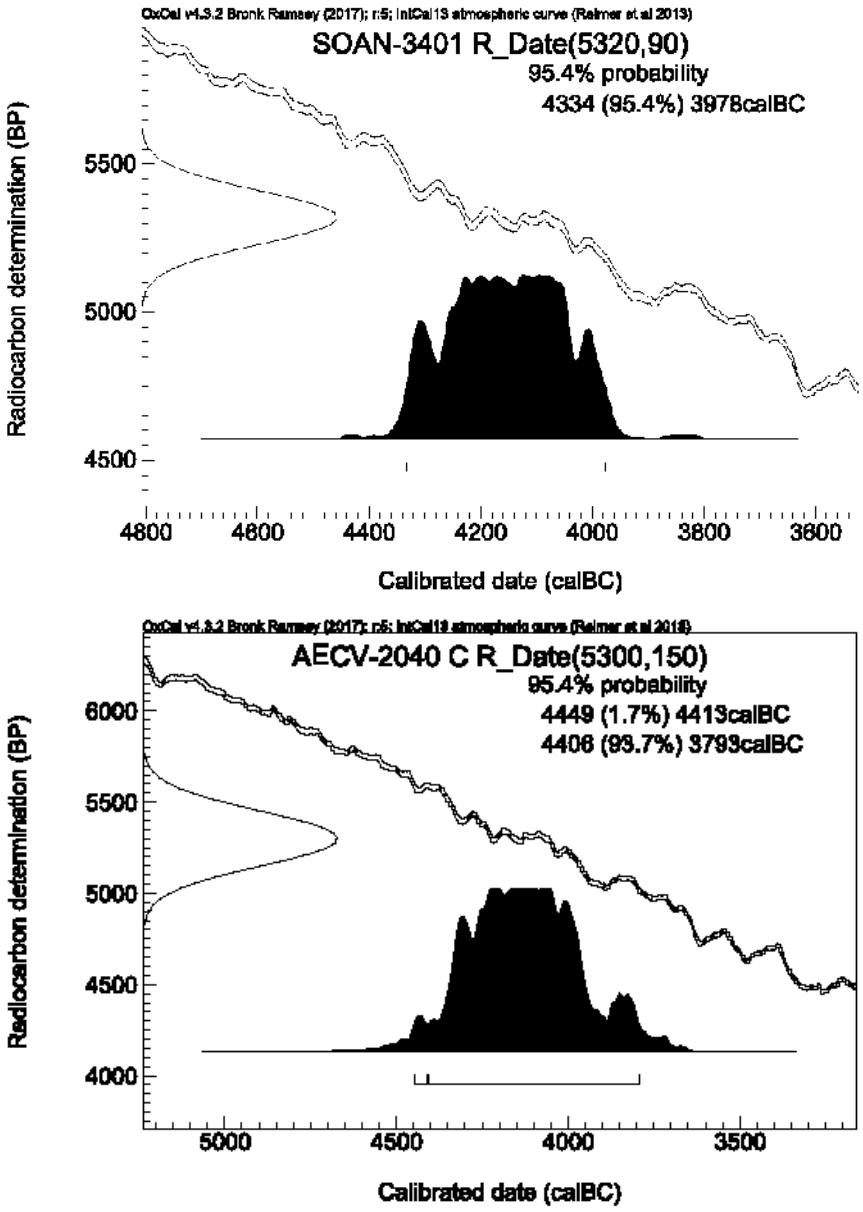
Прежде всего, представляет интерес захоронение в пещере Каминная, относящееся к эпохе неолита [Маркин, 2000]. Отметим, что погребальный обряд из захоронений в пещерах Нижнетыткескенской-I и Каминной различается. Однако отмечается особое сходство по антропологическим данным [Чикишева, 2000]. По образцам угля из погребения в пещере Каминной получено две даты: 5320±90 л.н. (СОАН-3401), 5300±150 л.н. (AECV-2040 C) [Маркин, 2000]. Калибровка дат, выполненная в программе OxCal 4.3.2 с использованием калибровочной кривой Int Cal13 с вероятностью 95,4%, устанавливает время смерти человека в период от 4449 до 3793 и от 4334 до 3978 г. до н.э. Обе даты включают отрезок 44–40 вв. до н.э. Можно сказать, что даты из пещер Нижнетыткескенская-I и Каминная близки.

Для неолитического могильника Солонцы-5 получено четыре даты по костям из погребений: 5325±45 л.н. (СО АН-4628), 5485±85 л.н. (СОАН 4627), 5740±110 л.н. (СОАН-4946), 5810±110 л.н. (СО АН-4947) [Кунгурова, 2005, табл. 4]. Калибровка дат, выполненная в программе OxCal 4.3.2 с использованием калибровочной кривой Int Cal13 с вероятностью 95,4%, устанавливает, что время смерти людей укладывается в период от 4944 до 4061 г. до н.э., т.е. 50–41 вв. до н.э. Разброс между верхней и нижней датой велик, но все четыре даты включают 44 в. до н.э.

Калибровка двух дат из погребений неолитического могильника Усть-Иша – 5135±170 СОАН-5607, 5055±115 СОАН-5606 – показывает их разброс в пределах 44–

[*] Авторы выражают благодарность А.В. Полякову за оказанную помощь.

37 вв. до н.э. [Кунгурова, 2005, табл. 4]. Еще больший разброс дат по могильнику Большой Мыс – 5930±135 (СОАН-5603), 5890±145 (СОАН-5604), 5485±120 (СОАН-5605) [Кунгурова, 2005, с. 57, табл. 4]. Калибровка дат, выполненная в программе OxCal 4.3.2 с использованием калибровочной кривой Int Cal13 с вероятностью 95,4%, устанавливает, что время смерти людей укладывается в период от 5207 до 4000 г. до н.э. Разрыв между датами огромный, но все они включают 46 в. до н.э.

Представляет интерес серия дат, полученная с поселения Новоильинка-III из Северной Кулунды: 4270±170 л.н. (Ле-7534), 4585±170 (СОАН-8318), 4310±110 (СОАН-8319), 4250±120 л.н. (СОАН-8320) [Кирюшин, Степанова, 2016]. Даты с этого поселения интересны тем, что на этом памятнике зафиксирован процесс смешения пришлого большемысского населения с местным. Калибровка дат показала их большой разброс. Однако все даты включают 34–29 вв. до н.э. Это не совпадает с датировкой НТП-I. Поскольку хронологические рамки большемысской культуры не установлены, то в настоящее время преждевременно полностью исключать возможность принадлежности погребения из НТП-I к большемысской культуре, однако можно предположить, что захоронение из НТП-I не может относиться к поздним большемысским комплексам.

Радиоуглеродные даты получены по целому ряду памятников афанасьевской культуры [Поляков, 2010]. Необходимо отметить, что для радиоуглеродного анализа использованы угли, дерево, образцы костей человека и животных. Кроме того, исследования выполнялись разными методами: LSC-методом и AMS-методом. Согласно датам, полученным LSC-методом, афанасьевская культура Горного Алтая может быть датирована 38–25 вв. до н.э. [Поляков, 2010], по датам, полученным AMS-методом, – 31–29 вв. до н.э. [Поляков, Святко, Степанова, 2017; Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019]. Разница между датами, полученными разными методами, огромна. Радиоуглеродное датирование выполнялось в разных лабораториях. В ряде случаев по образцам с одного памятника были получены близкие даты, если исследования проводились одним методом. Вызывает сомнение в длительном существовании афанасьевской

культуры и ряд других факторов [Степанова, 2009; 2012б]. Поэтому на сегодняшний день более обоснованной выглядит датировка афанасьевской культуры, основанная на датах, полученных AMS-методом, – 31–29 вв. до н.э. [Поляков, Святко, Степанова, 2017; Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019].

Подводя итог, отметим, что в задачи данного исследования не входит выяснение причин различий между радиоуглеродными датами неолитических захоронений, а также решение проблем хронологии афанасьевской культуры. Очевидно, что между датировкой погребения из НТП-I и афанасьевской культурой существует большой разрыв. Существенно отличаются и имеющиеся даты, связанные с большемысской культурой. Из неолитических погребений хронологически ближе всего, видимо, захоронение из пещеры Каминной. Могильники Солонцы-V и Усть-Иша, судя по имеющимся датам, древнее захоронения из НТП-I. Однако преждевременно делать окончательные выводы. Видимо, пока не будут получены новые данные, датировку погребения в НТП-I, предварительно, следует определить началом IV тыс. до н.э.

Заключение

Исследованное в пещере погребение является одним из самых интереснейших на Алтае по целому ряду причин.

Во-первых, размещение могилы в пещере – явление очень редкое. Один этот факт наталкивает на предположение о его необычном характере. Уже упоминалось о повсеместном представлении коренного населения Сибири о том, что пещеры – вход в нижний, темный, мир. Причем вход нереальный, иначе карстовые полости никогда бы не использовались ни в качестве жилья, ни в качестве временных загонов для скота [Деревянко и др., 1985]. По представлениям аборигенов Сибири, «входом» мог воспользоваться только шаман в состоянии камлания, т.е. находясь не в реальной стороне бытия, а в одном из своих идеальных перевоплощений. В местностях, где не имелось скальных выходов с карстовыми полостями, в качестве «входа в нижний мир» фигурировали норы, берлоги или, в крайнем случае, глубины водоемов. Шаман, чтобы попасть туда, должен преобразиться в одного из «темных» животных – медведя, выдру, бобра, сурка и т.п. Для этой цели на его костюме имелись соответствующие детали [Прокофьева, 1971, с. 7]. Захоронение в пещере, да еще столь необычное, вполне может принадлежать шаману.

Во-вторых, коллекция изделий из погребения освещает совершенно новые страницы древнейшей истории Горного Алтая доафанасьевского времени. Отдельные предметы впервые найдены не только на Алтае, но и в Сибири.

В-третьих, антропологические наблюдения, данные в качестве приложения в настоящем исследовании, позволяют отделить погребение в НТП-I от палеоевропеоидного, более позднего, афанасьевского населения Горного Алтая. Долгое время афанасьевская культура считалась наиболее ранней и основной культурой энеолита – бронзового века Горного Алтая [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982]. Если сейчас имеется множество данных о существовании целого ряда памятников развитого и позднего бронзового веков [Погожева, Молодин, 1980; Погожева, Кадиков, 1980; Деревянко и др., 1985; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Степанова, 1990; 2013; Кирюшин, Абдулганеев, Неверов, 1992; Кирюшин, Кунгуров, Долинин, 1992; Молодин, 1992; 2002; Кирюшин, Кунгуров, 1994; Кубарев, 1988; 2009], то хронологический промежуток между мезолитом–неолитом, с одной стороны, и афанасьевской культурой – с другой, остается практически незаполненным.

Дальнейшее исследование материалов из Нижнетытекескенской пещеры-I остается перспективным и позволит ответить еще на целый ряд вопросов.

Исследование выполнено в рамках госзадания: тема №0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

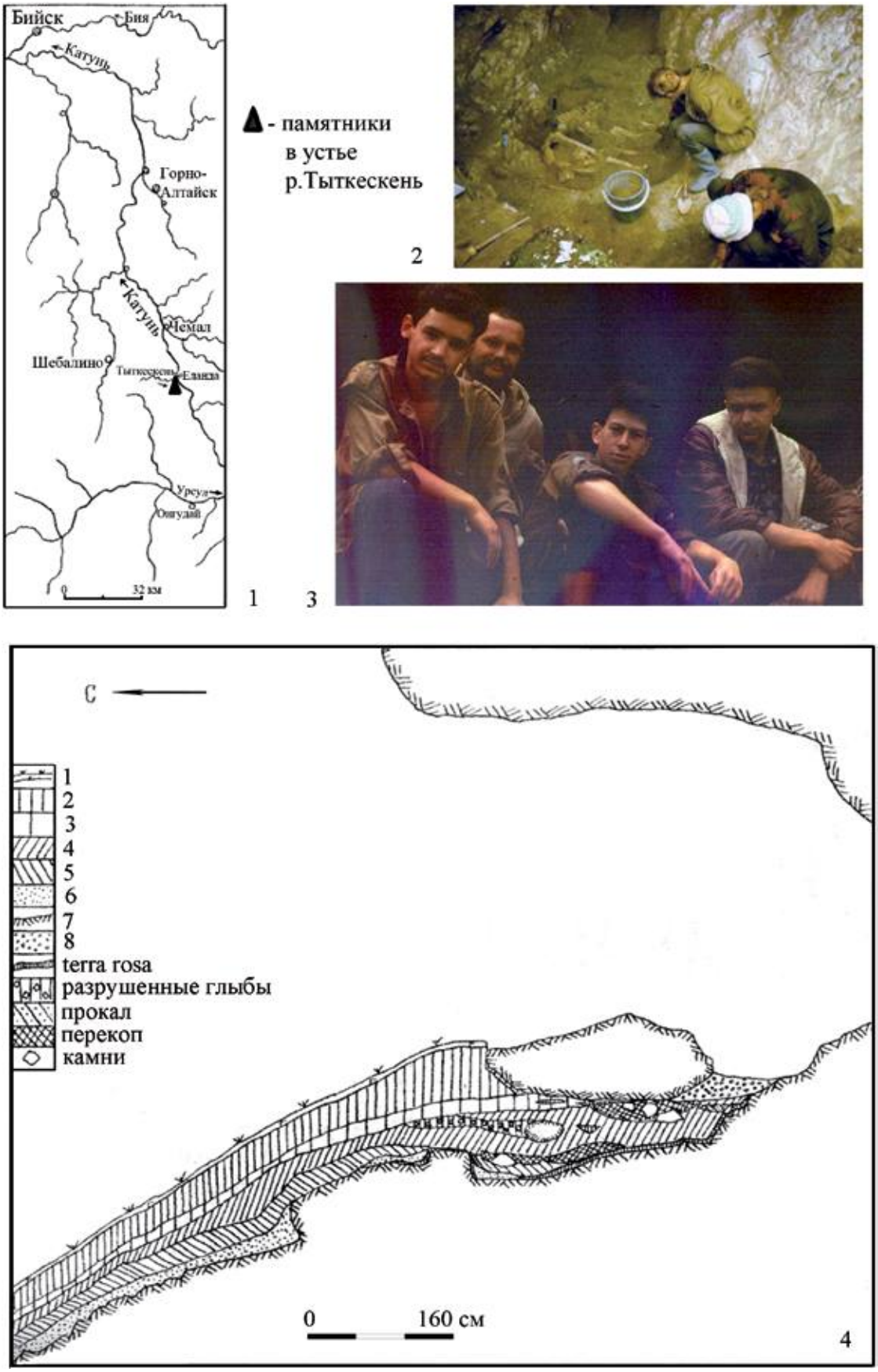

Рис. 1. Расположение памятников в устье р. Тыткескень (1), раскопки погребения в НТП-1 Н.Ф. Степановой и Л.С. Корневым (2), участники раскопок (Д.В. Рубцов, А.Л. Кунгуров, Е.Л. Грахов, С.В. Бутаков) (3), продольный разрез НТП-1 (4)

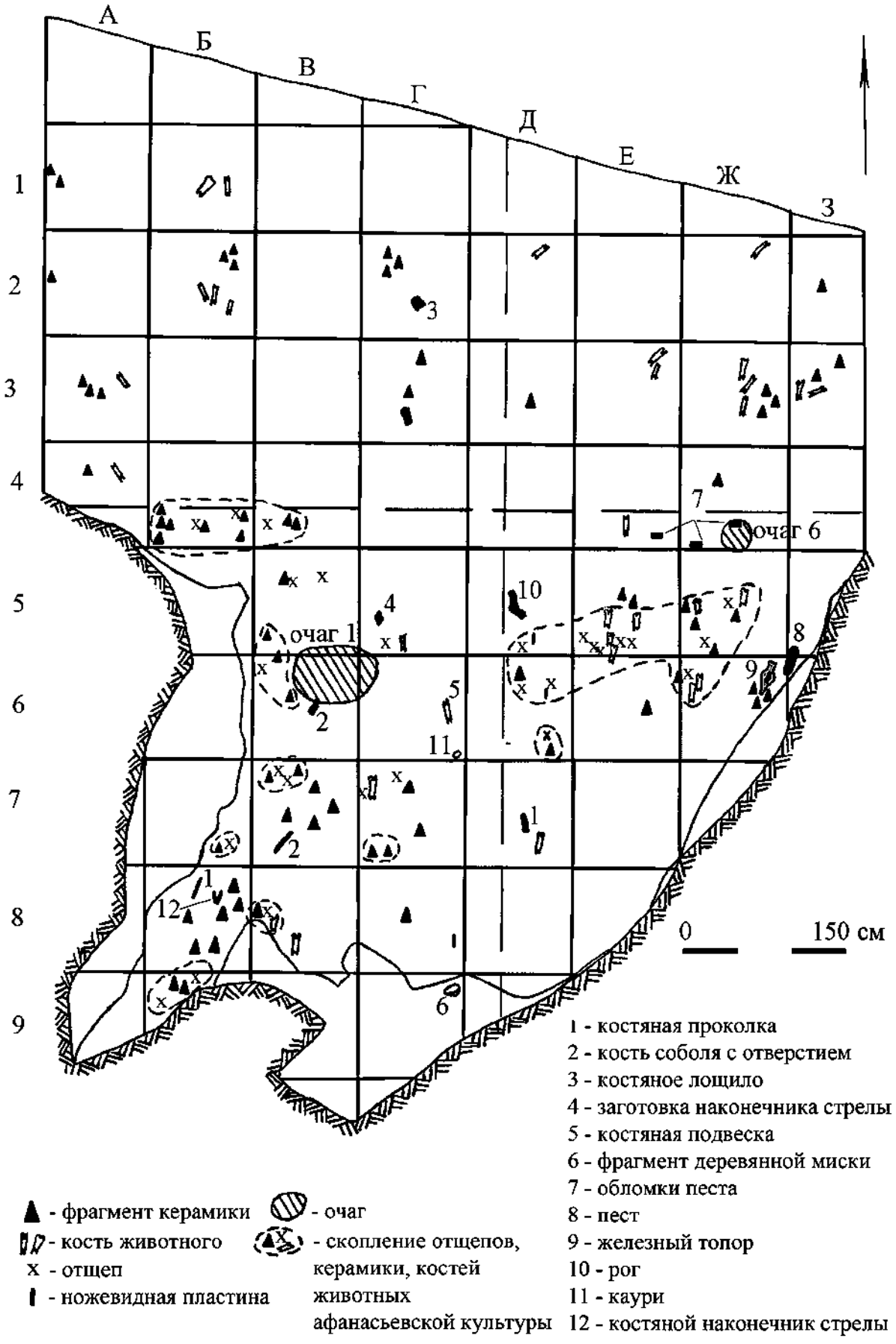

Рис. 2. Находки эпохи Средневековья (2, 6, 9, 11), раннего железного века (1, 3, 4, 12) и афанасьевской культуры (8)

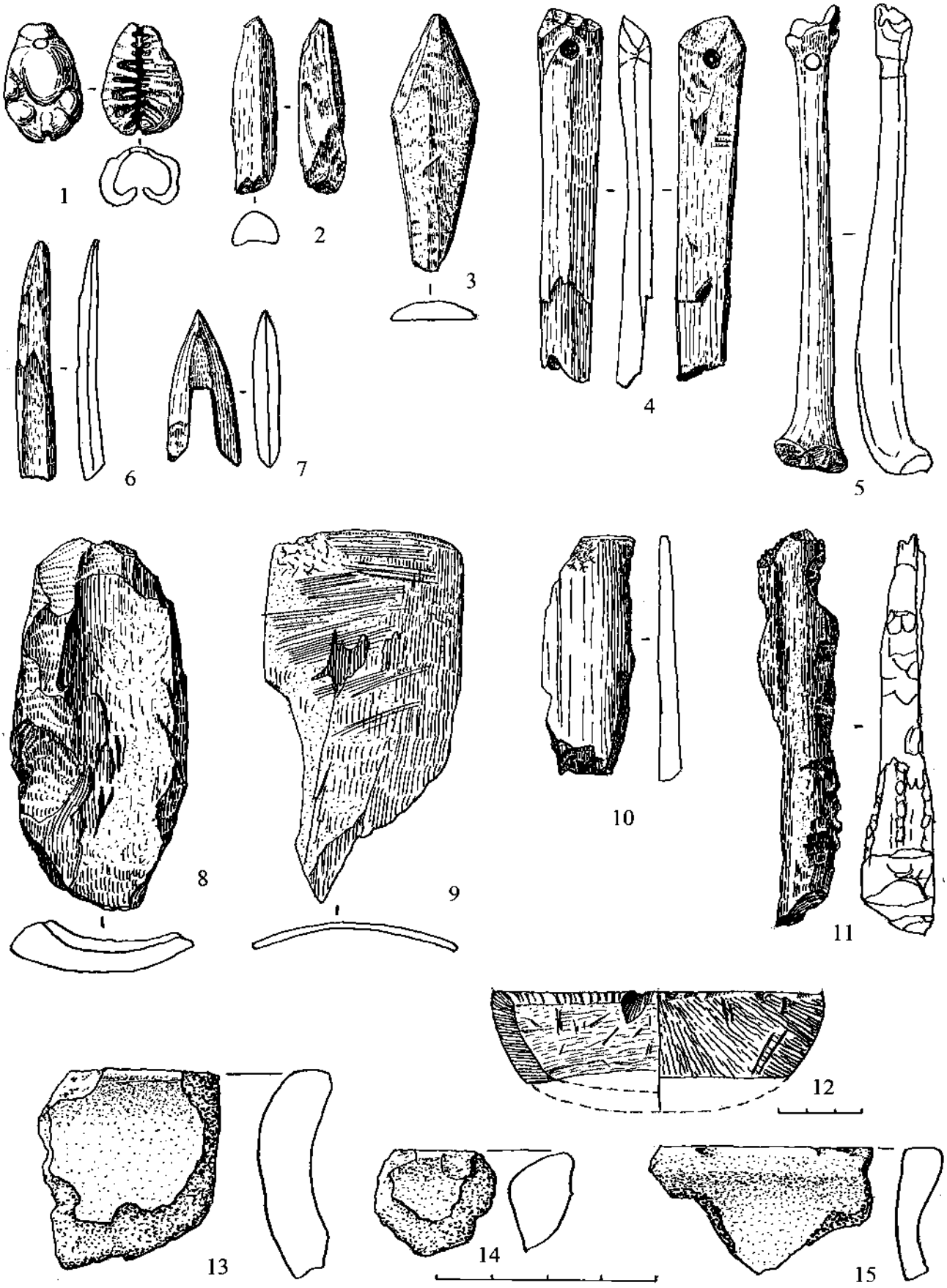

Рис. 3. Находки эпохи Средневековья (1, 5, 12) и раннего железного века (2–4, 6–11, 13–15); *1* – раковина каури; *12* – дерево; *13–15* керамика, остальное – кость или рог

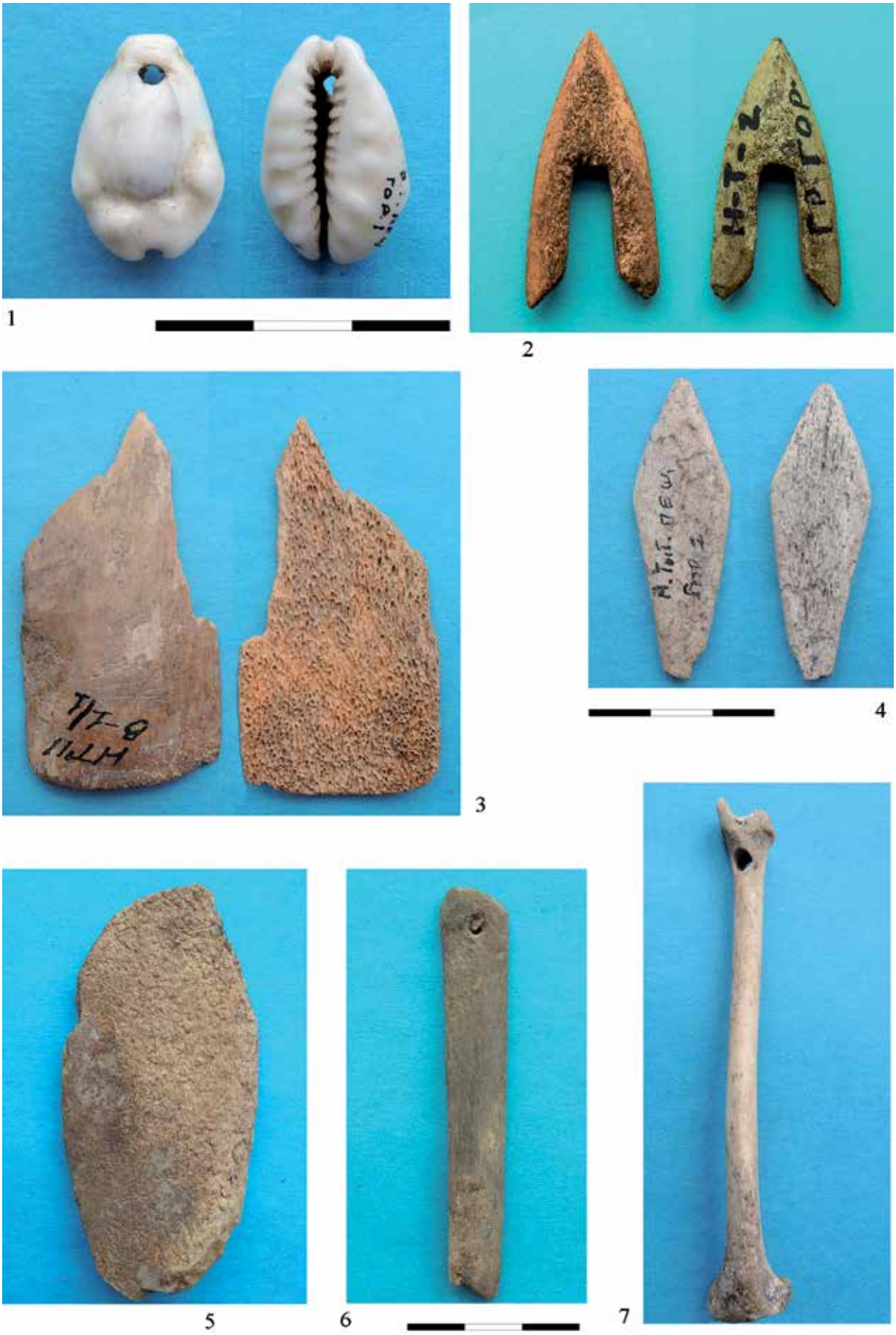

Рис. 4. Находки эпохи Средневековья и раннего железного века

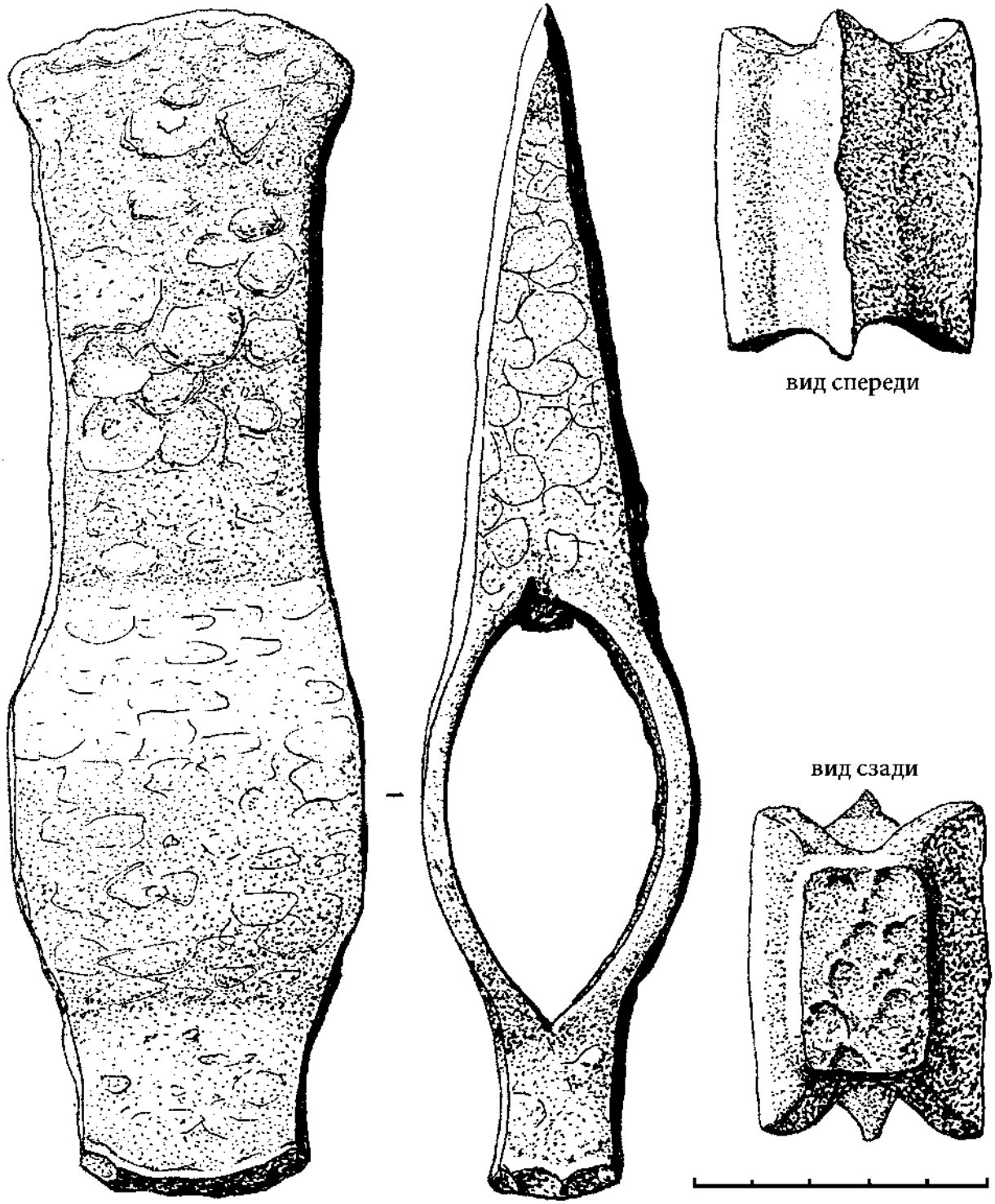

Рис. 5. Железный проушной топор

Рис. 6. Находки из Нижнетытекескенской пещеры-I (кость, рог, зубы)

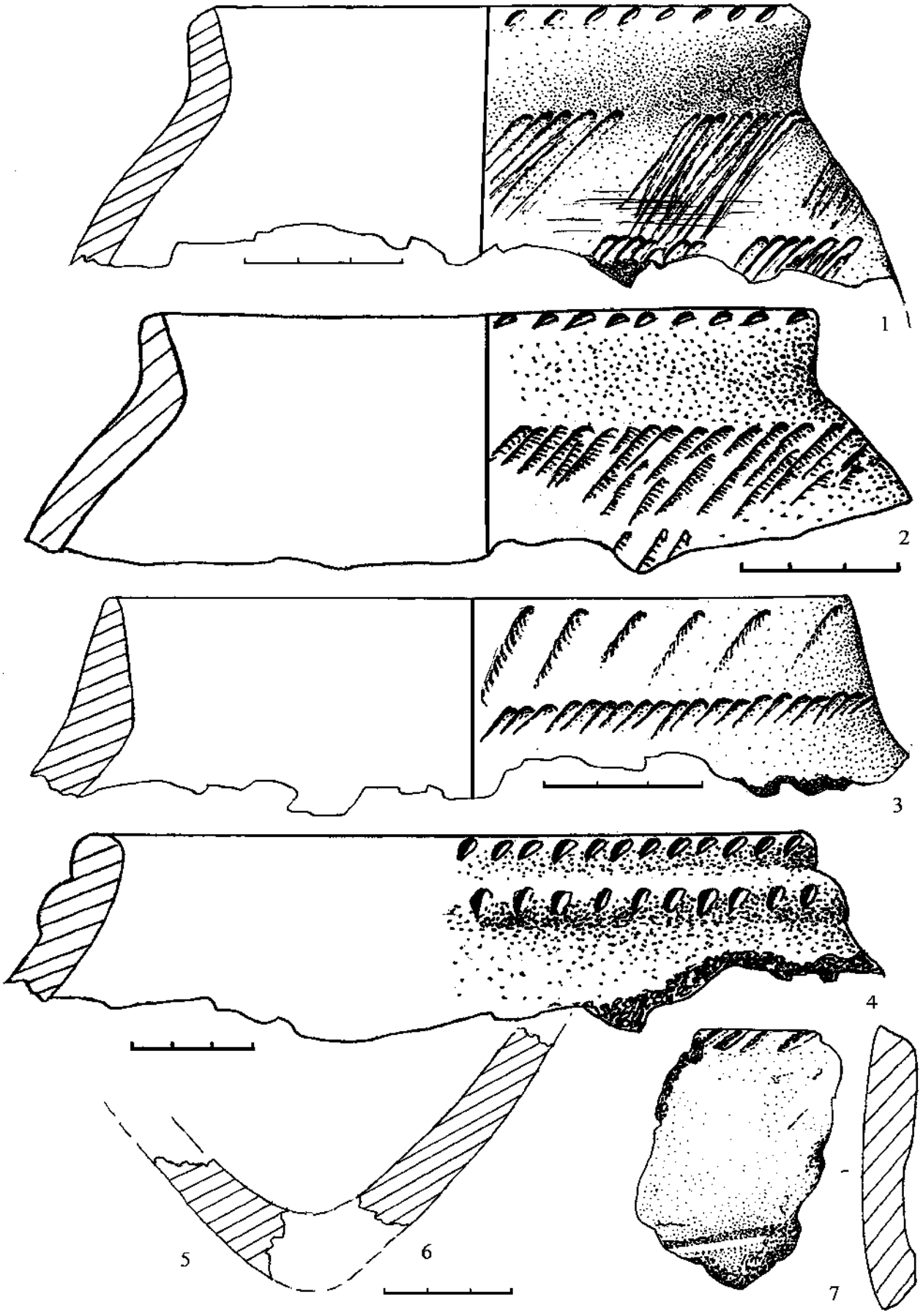

Рис. 7. Керамика афанасьевской культуры

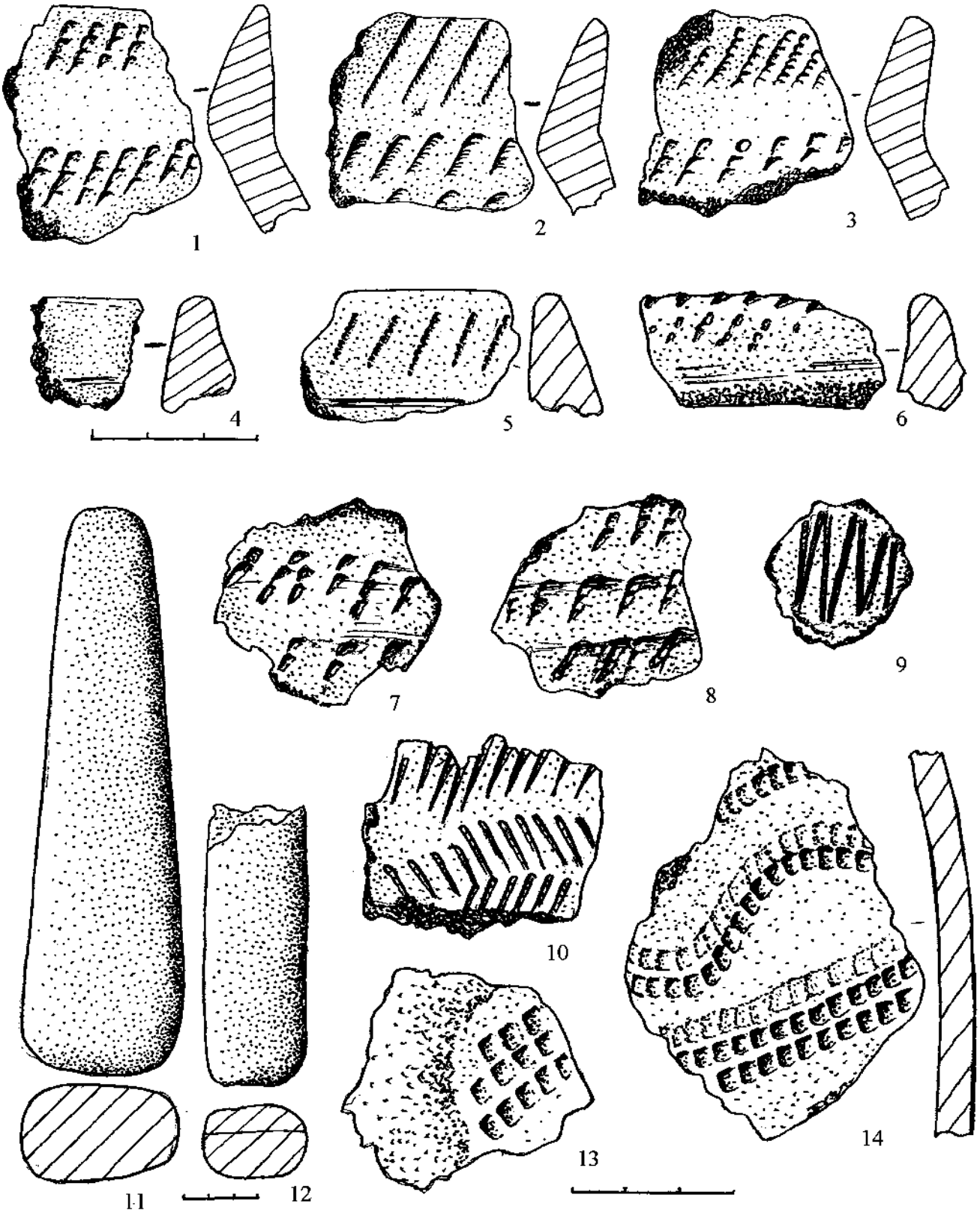

Рис. 8. Керамика (1–9) и пест афанасьевской культуры (11, 12), керамика эпохи бронзы (10–14) (*1–10, 13–14 – керамика, 11, 12 – камень*)

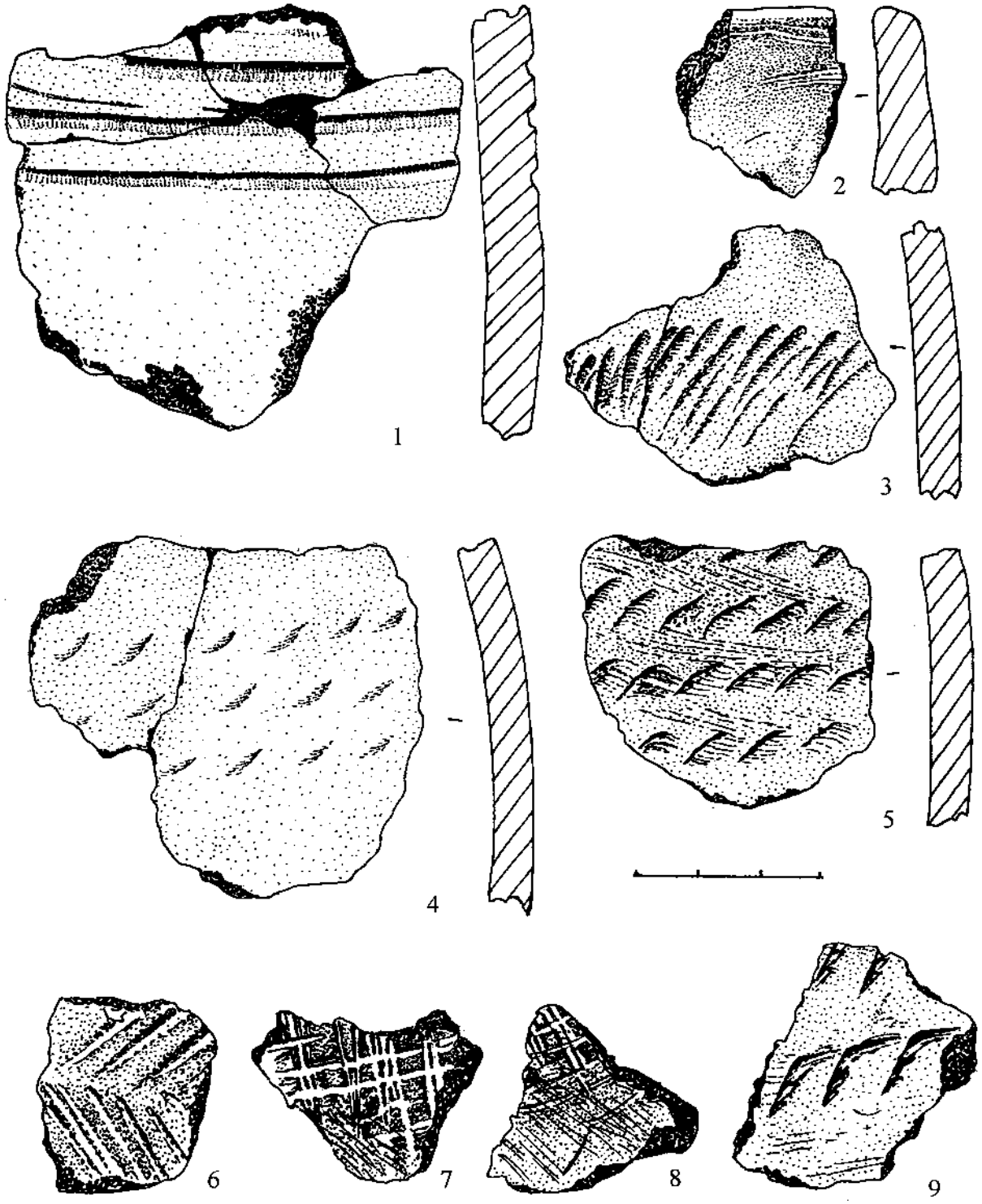

Рис. 9. Керамика афанасьевской культуры (3–9) и эпохи бронзы (1)

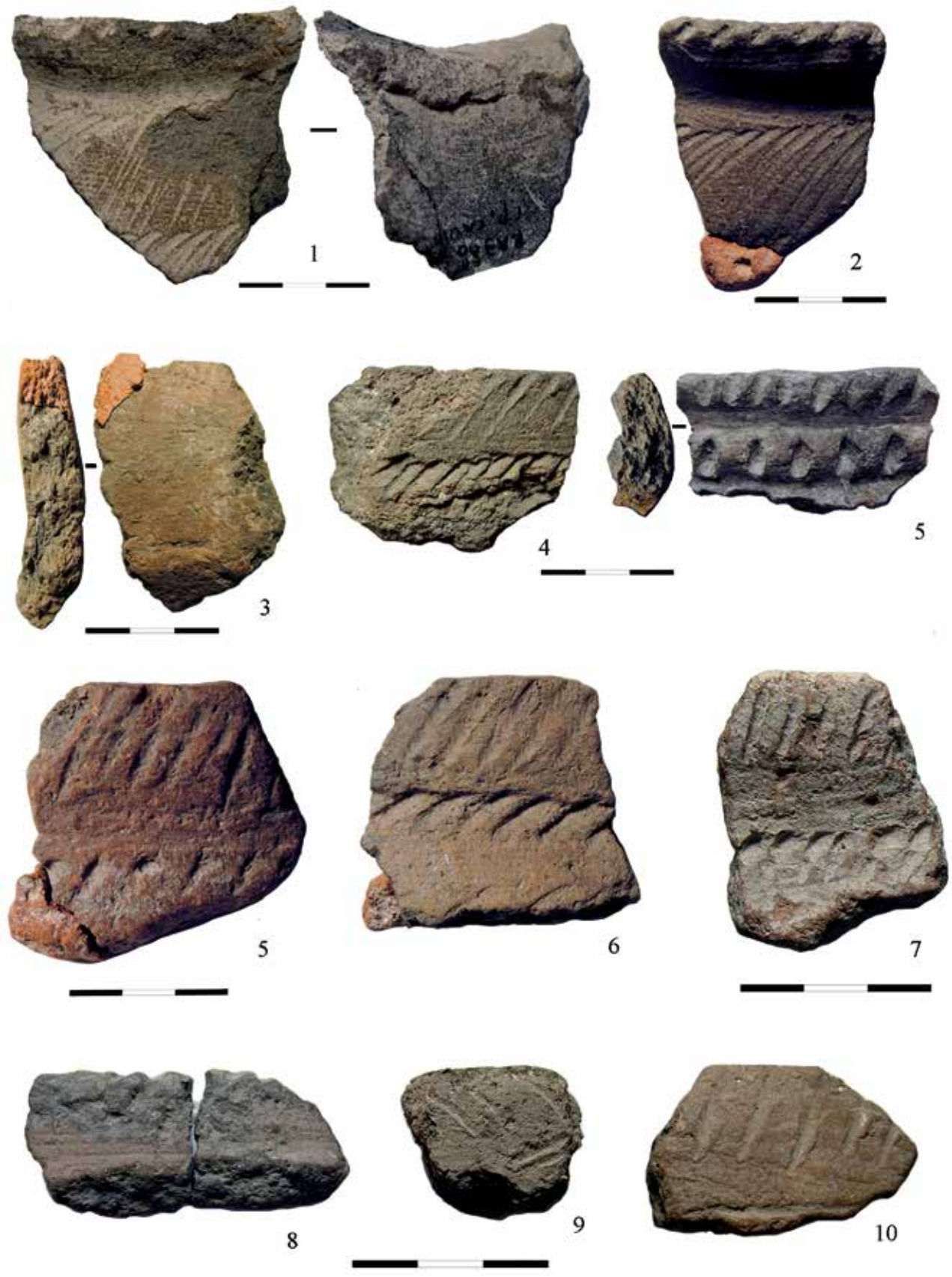

Рис. 10. Керамика афанасьевской культуры (венчики) из Нижнетытекескенской пещеры-I

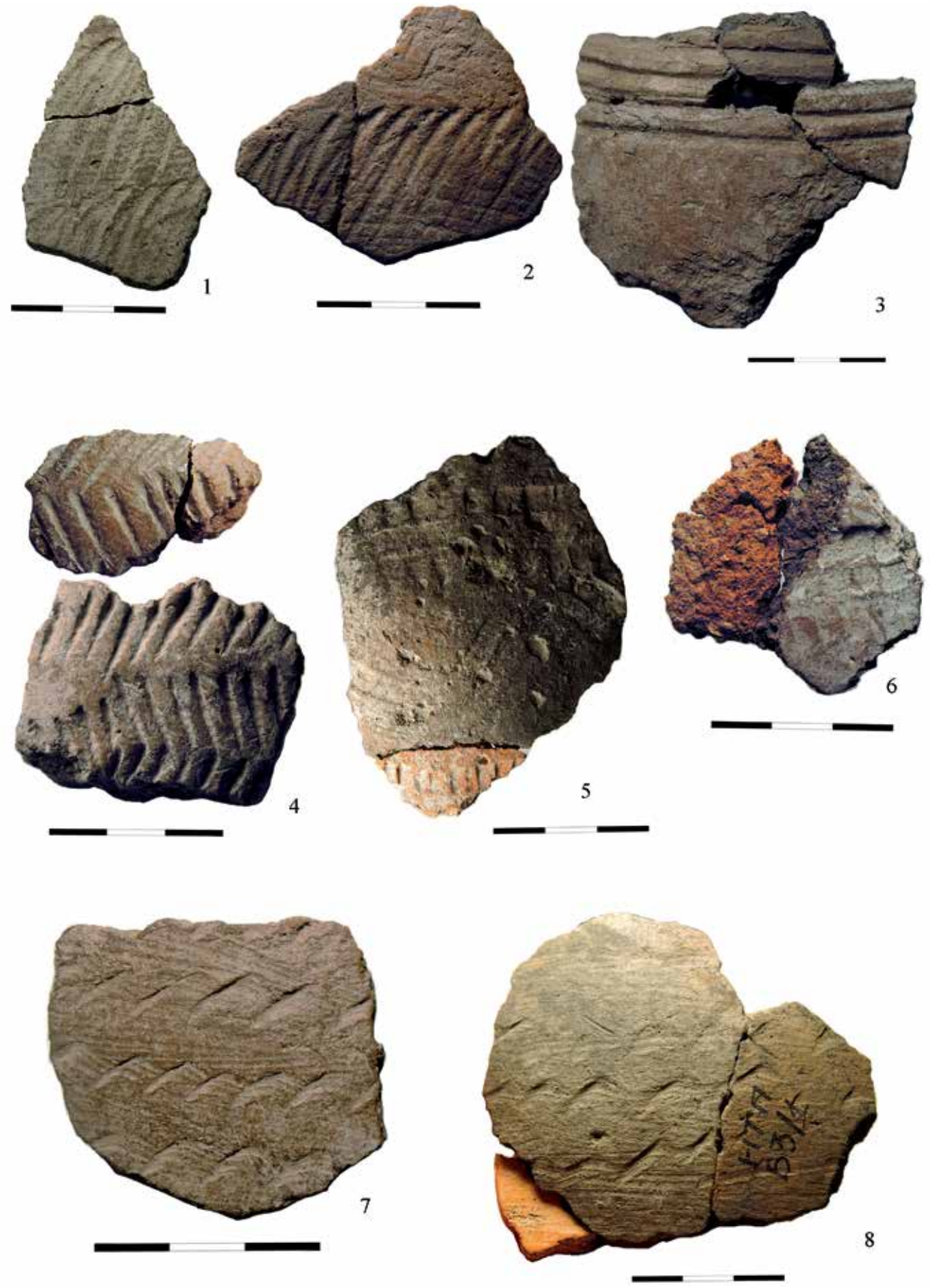

Рис. 11. Керамика афанасьевской культуры (1, 2, 7, 8) и эпохи бронзы (3, 4–6)

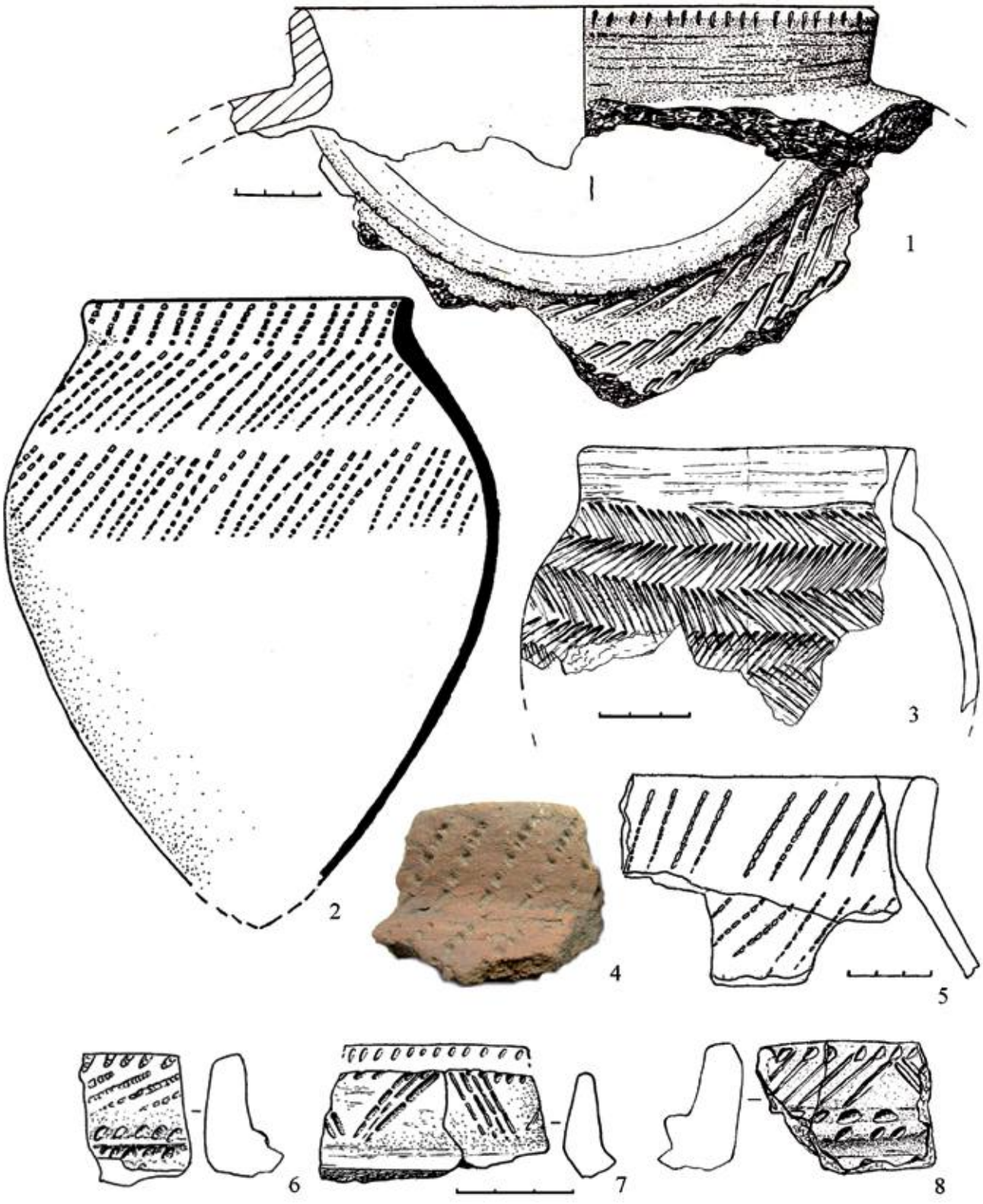

Рис. 12. Афанасьевская керамика с поселения Малый Дуган (1, 3), Узнезя-I (2, 4–7), Кара-Тенеш (8)

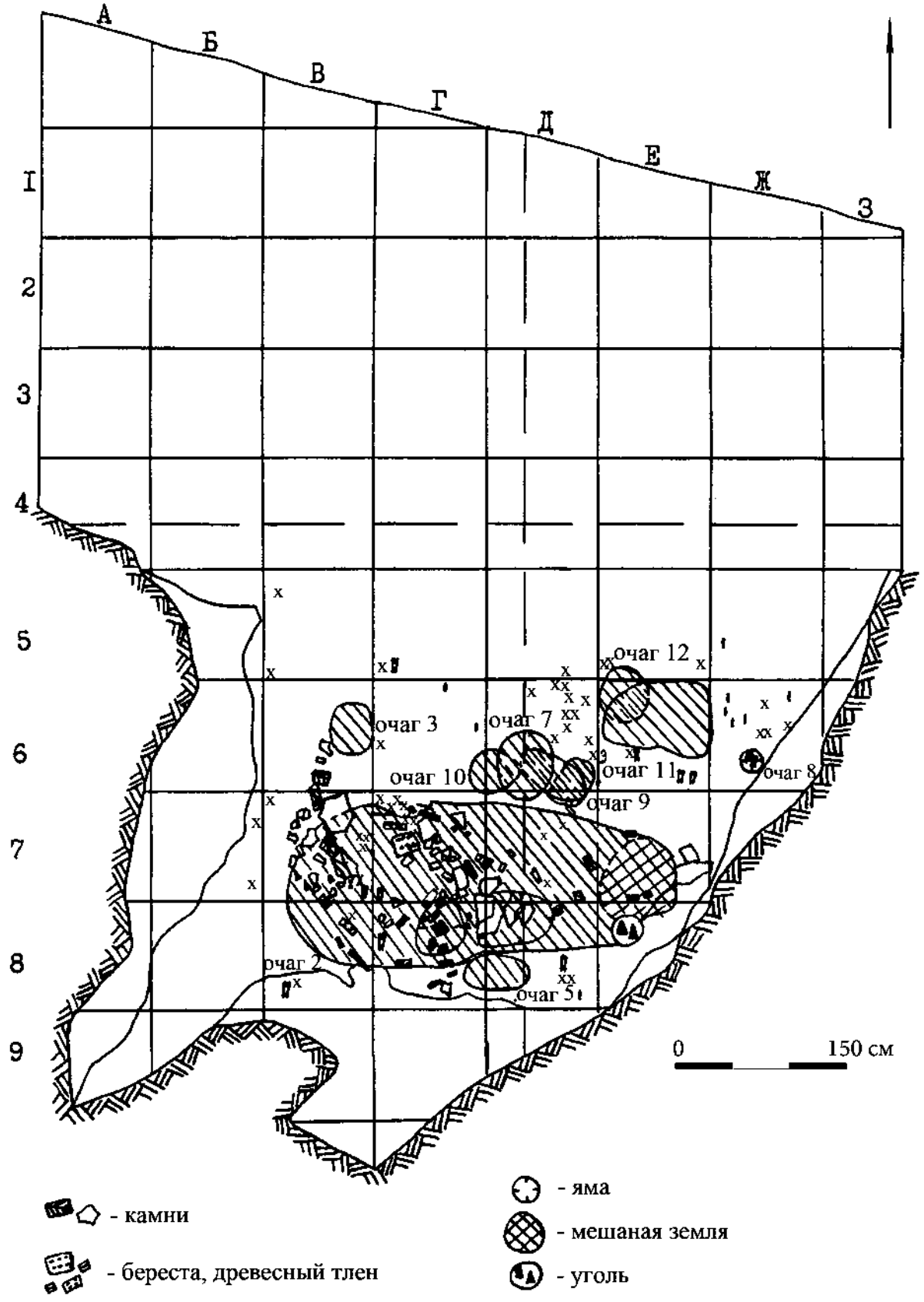

Рис. 13. Большемысский культурный слой

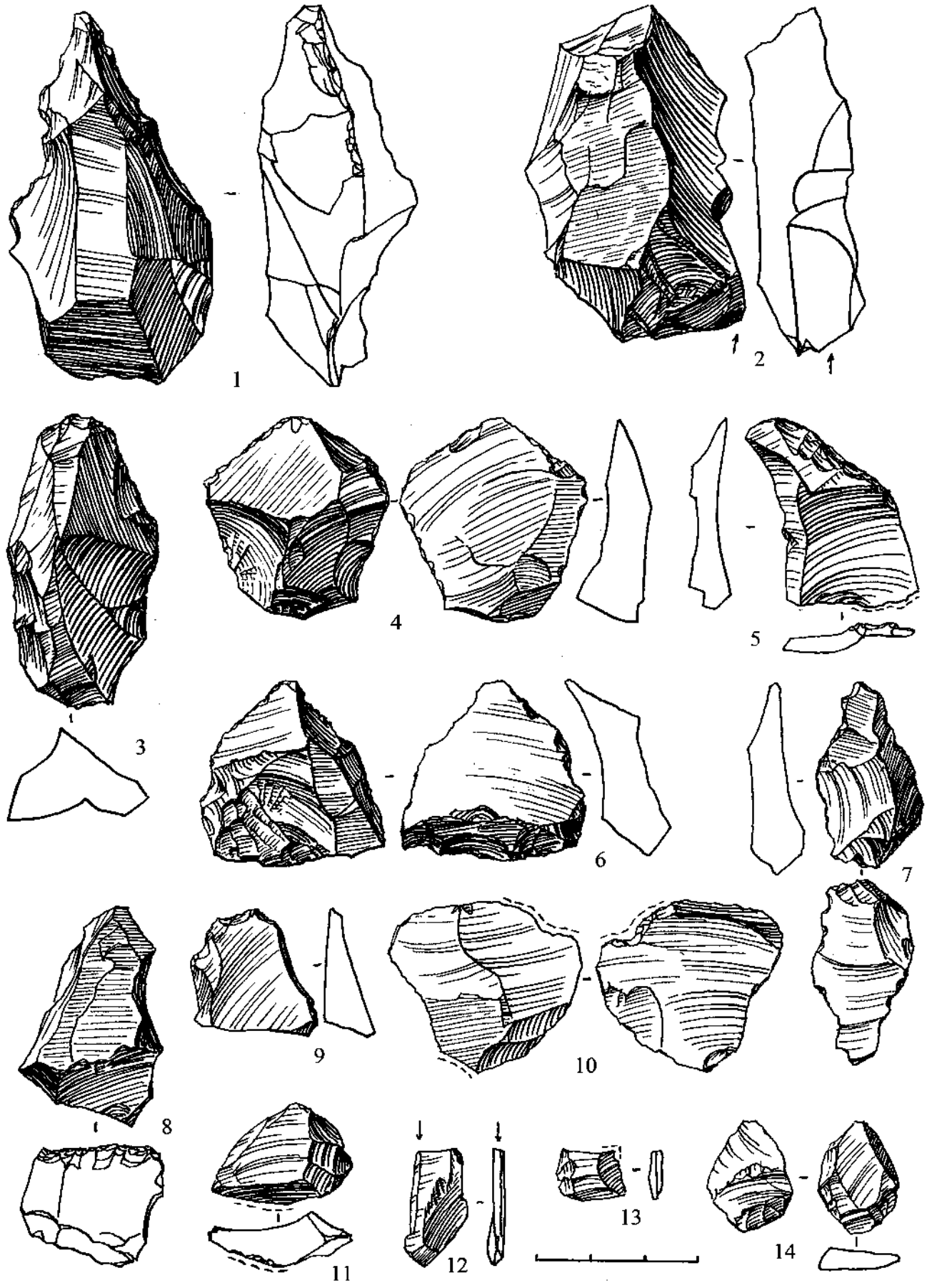

Рис. 14. Каменная индустрия большемысского культурного комплекса

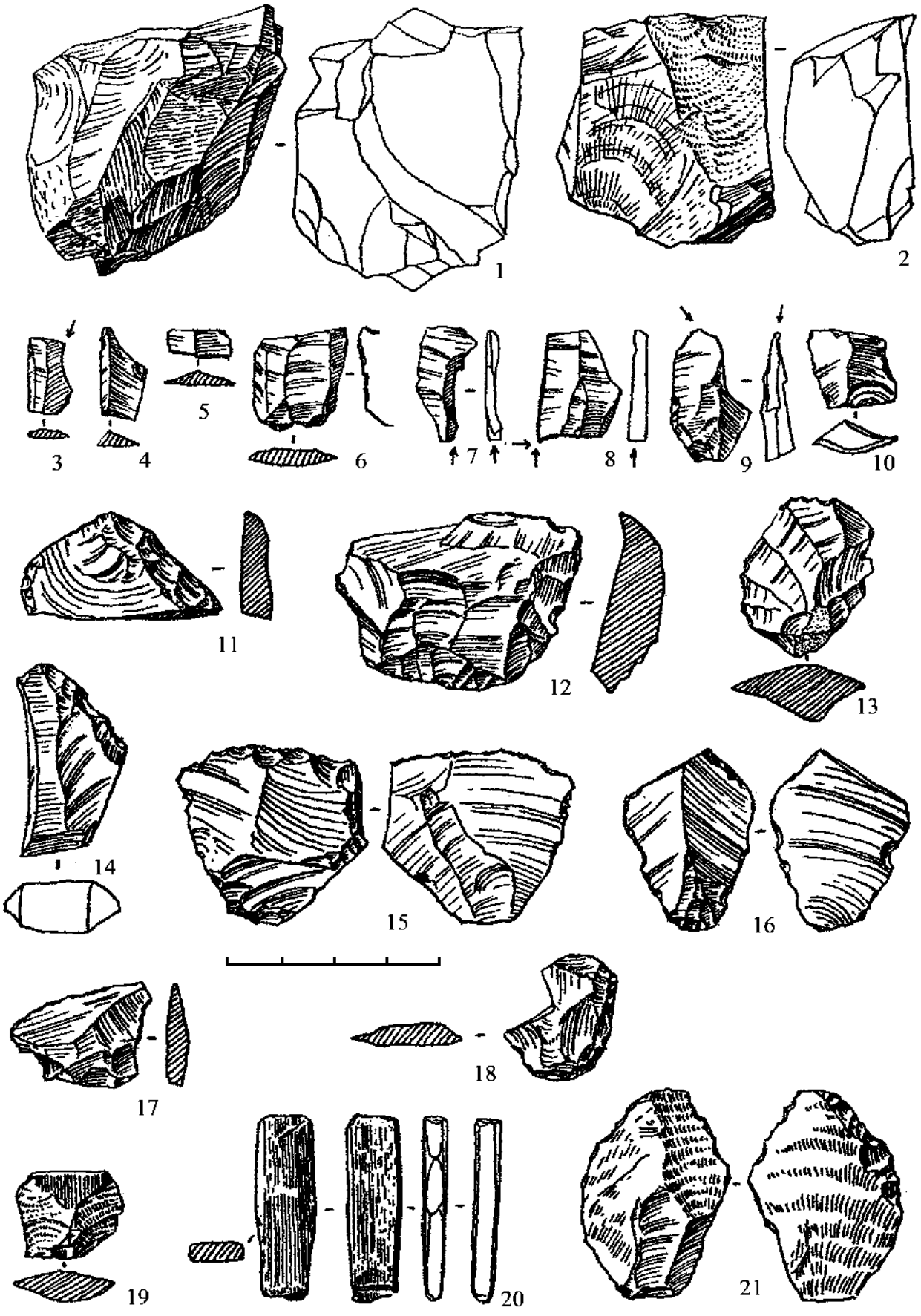

Рис. 15. Каменные изделия большемысской культуры

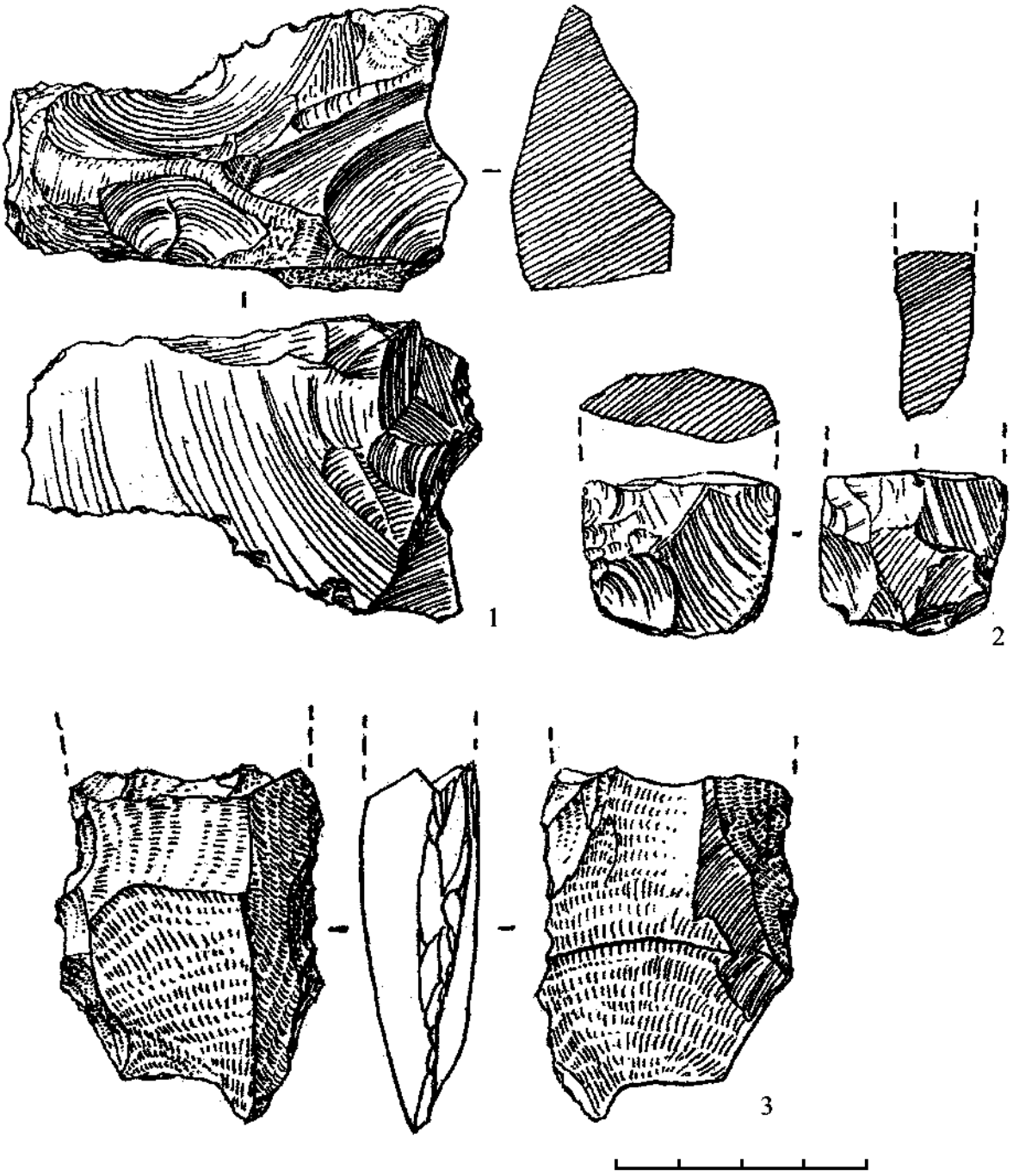

Рис. 16. Каменные изделия большемысской культуры

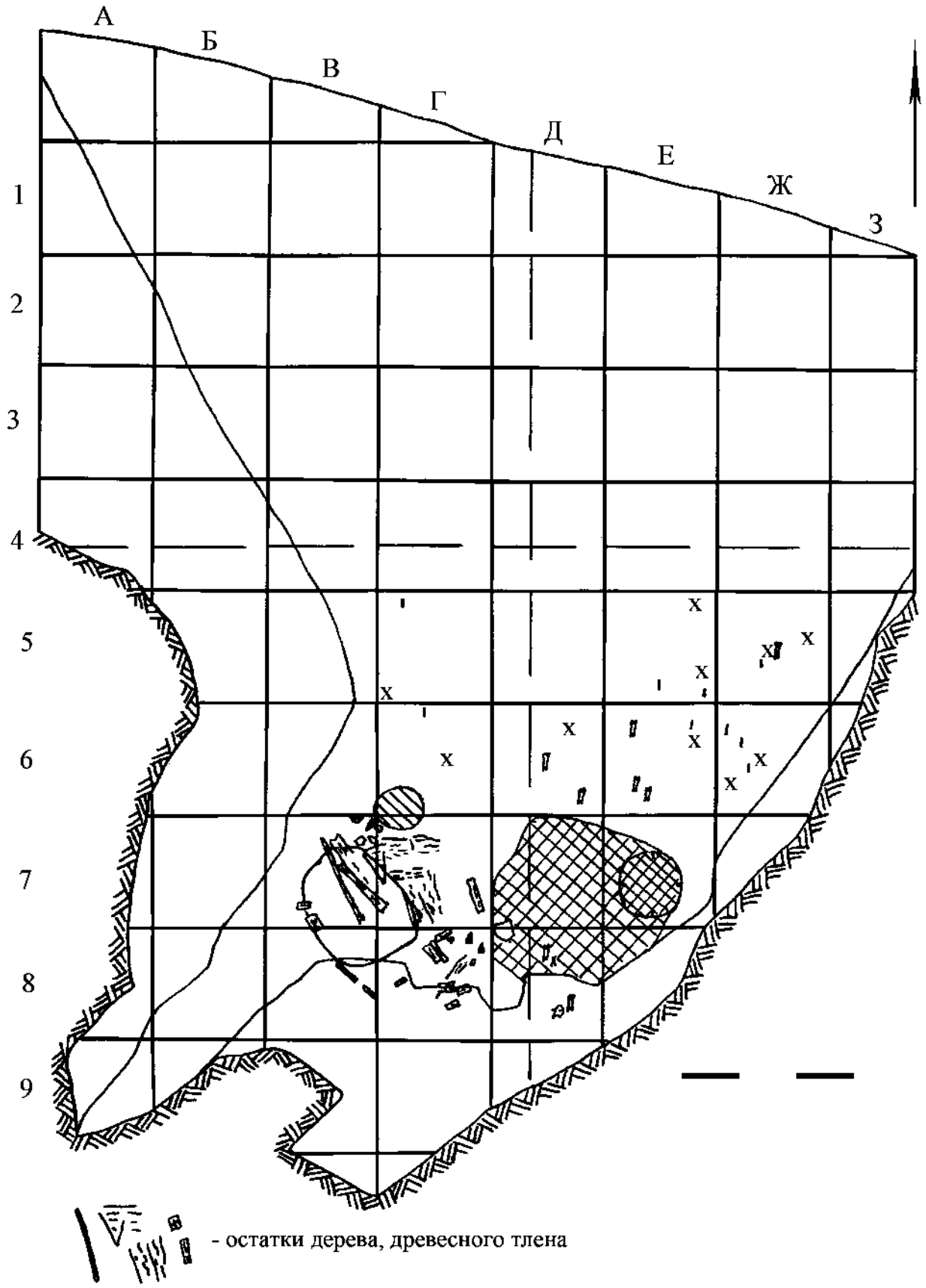

Рис. 17. Культурный слой финального мезолита, могила и перекоп эпохи железа

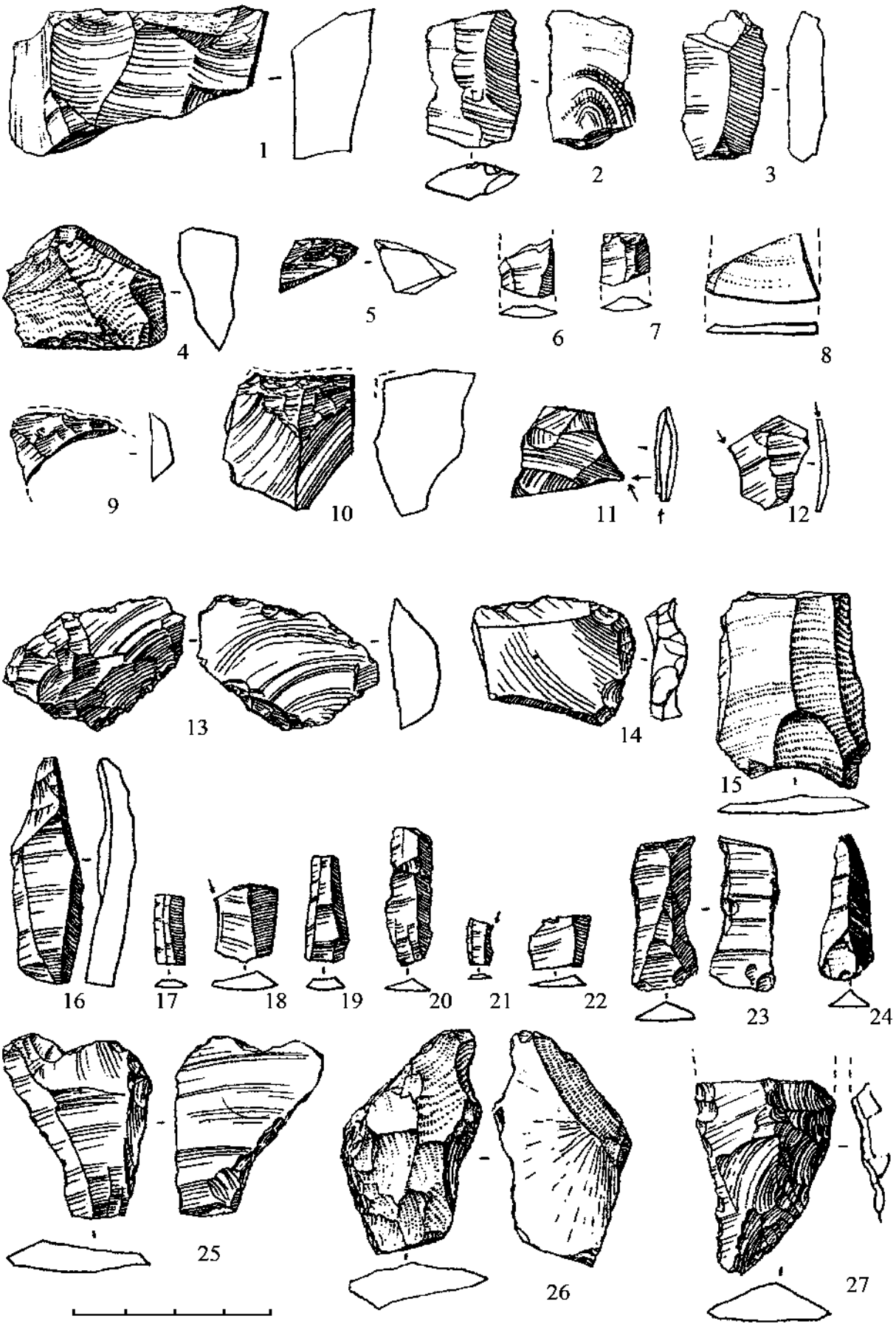

Рис. 18. Каменная индустрия финального мезолита из НТП-I

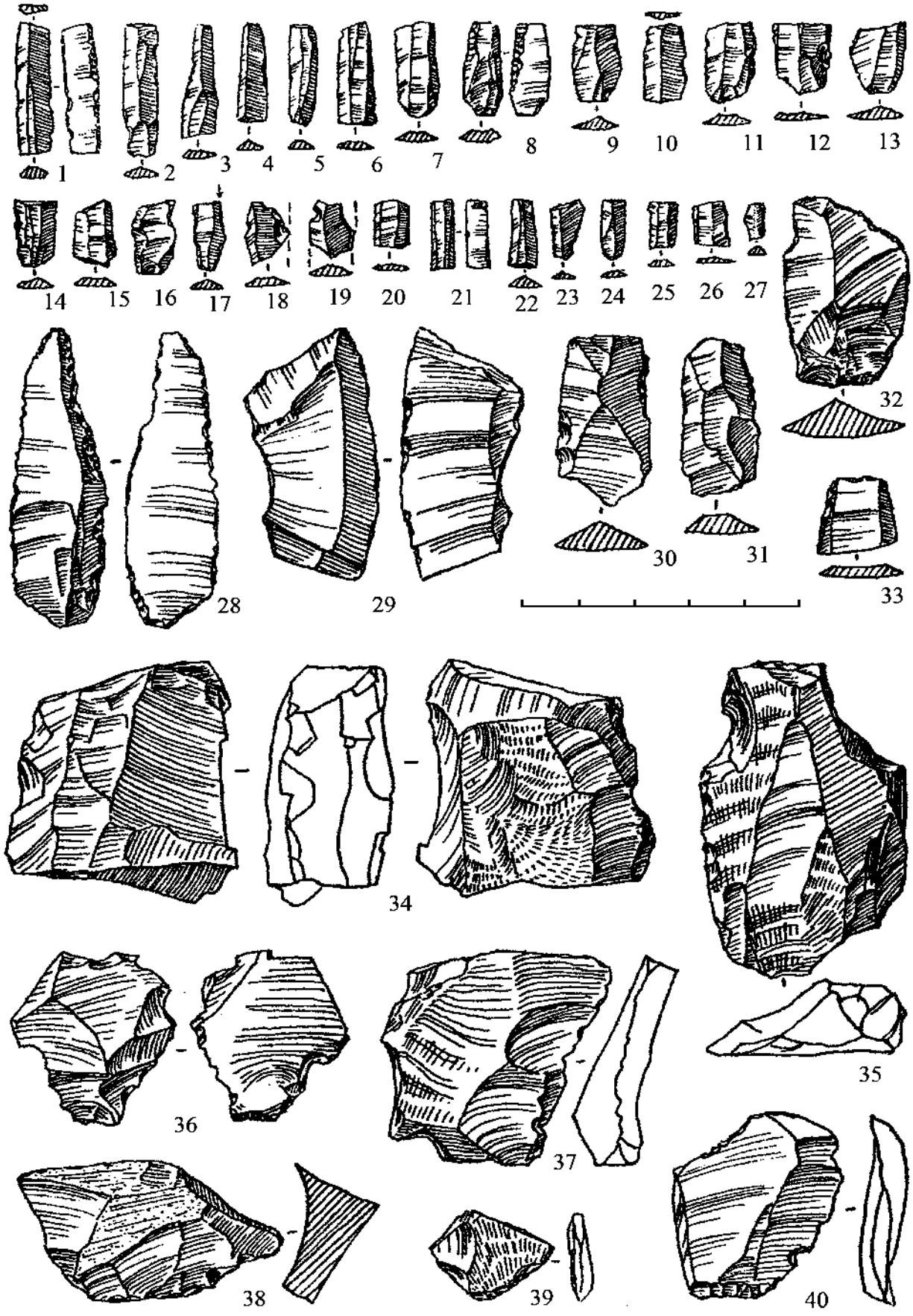

Рис. 19. Каменная индустрия финального мезолита

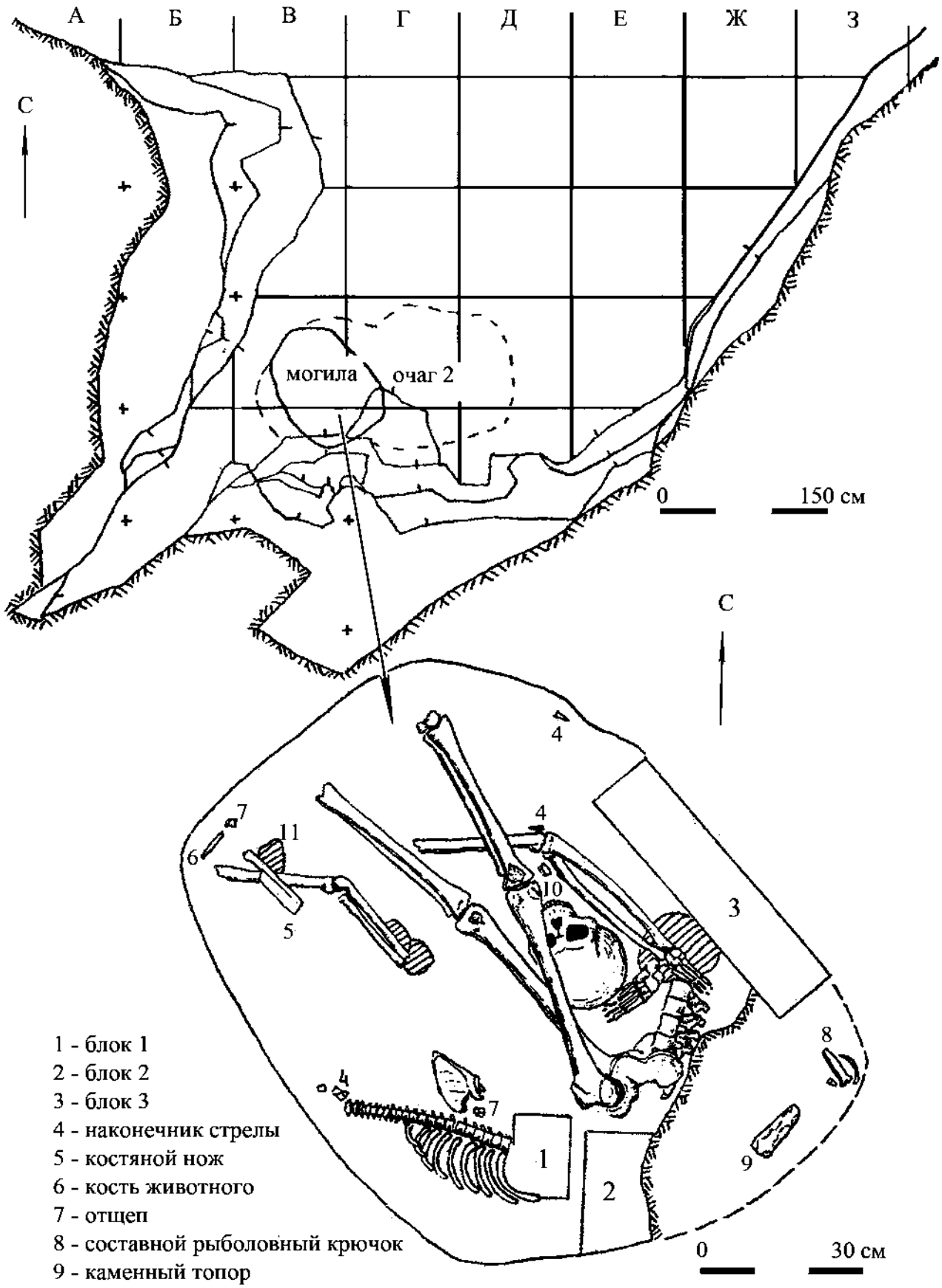

Рис. 20. Погребение в НТП-I

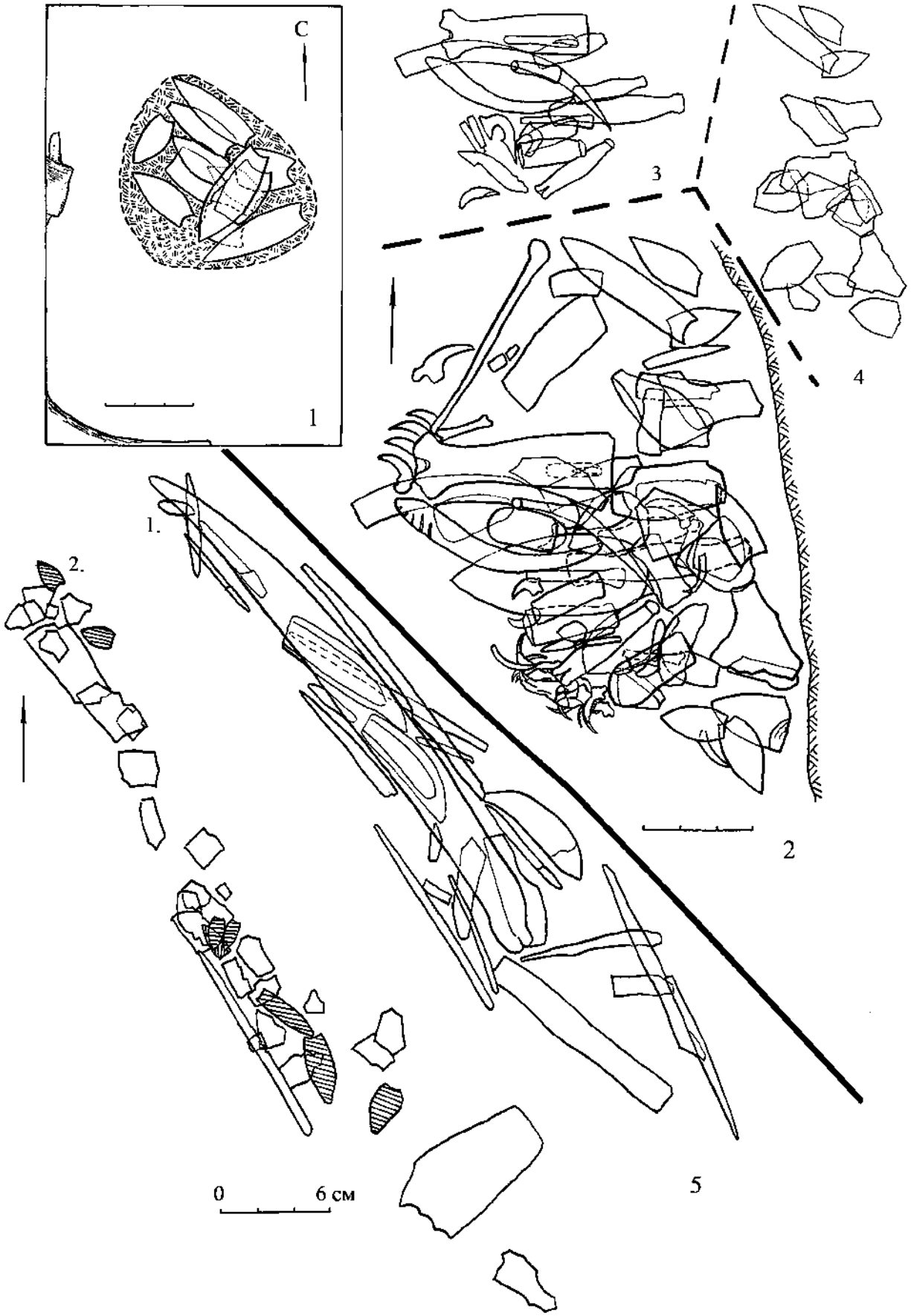

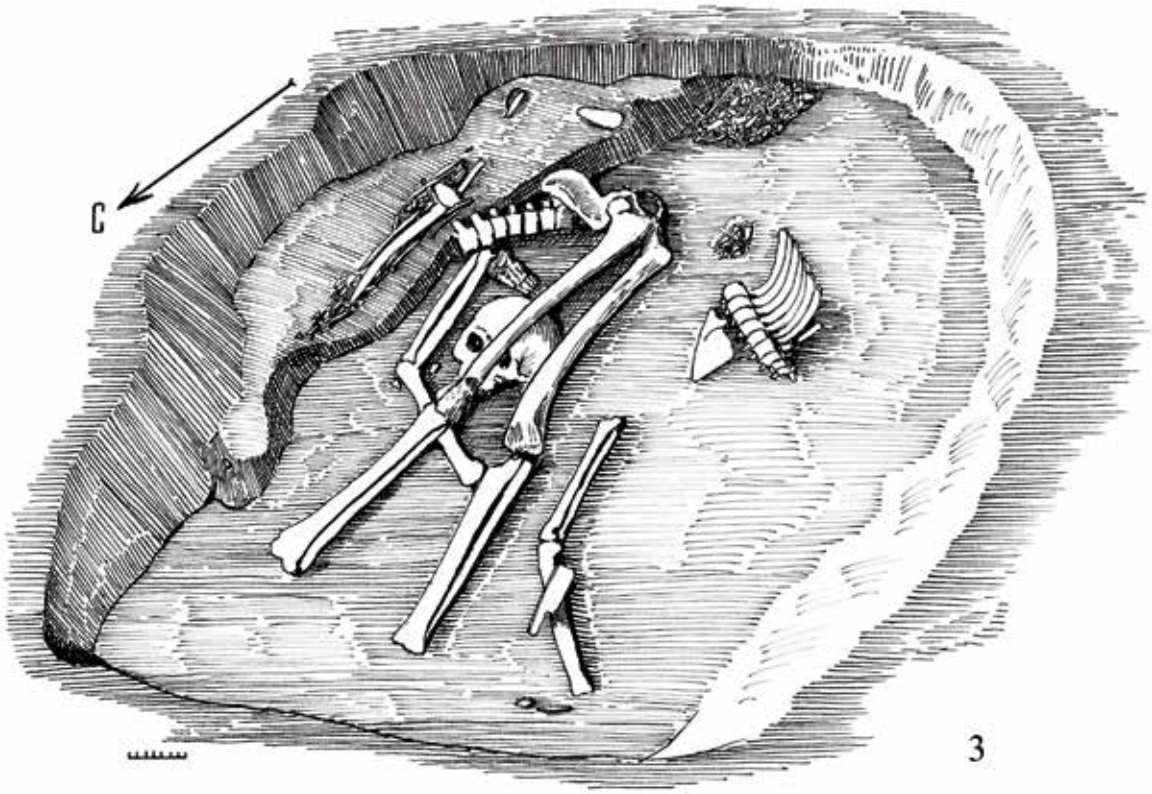
Рис. 21. Детали погребения из НТП-I: скопление 1, наконечники стрел (1); скопление 2, верхний слой (2); скопление 2, нижние слои (3, 4); скопление 3 (5)

1

2

3

Рис. 22. Погребение в пещере НТП-I (1); реконструкция погребения (3) и возможная реконструкция шаманской «перчатки» (2)

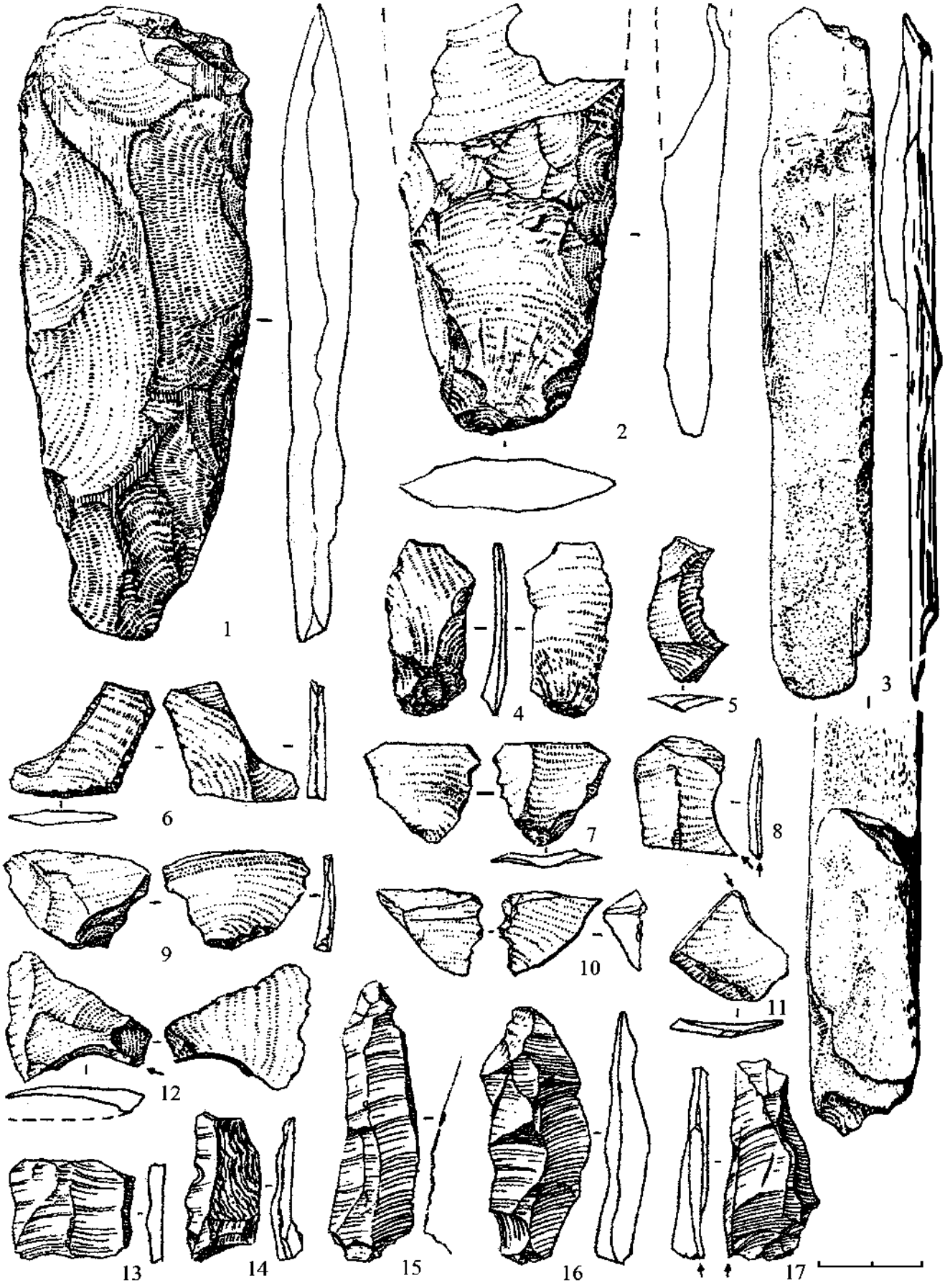

Рис. 23. Каменные изделия из погребения в НТП-I

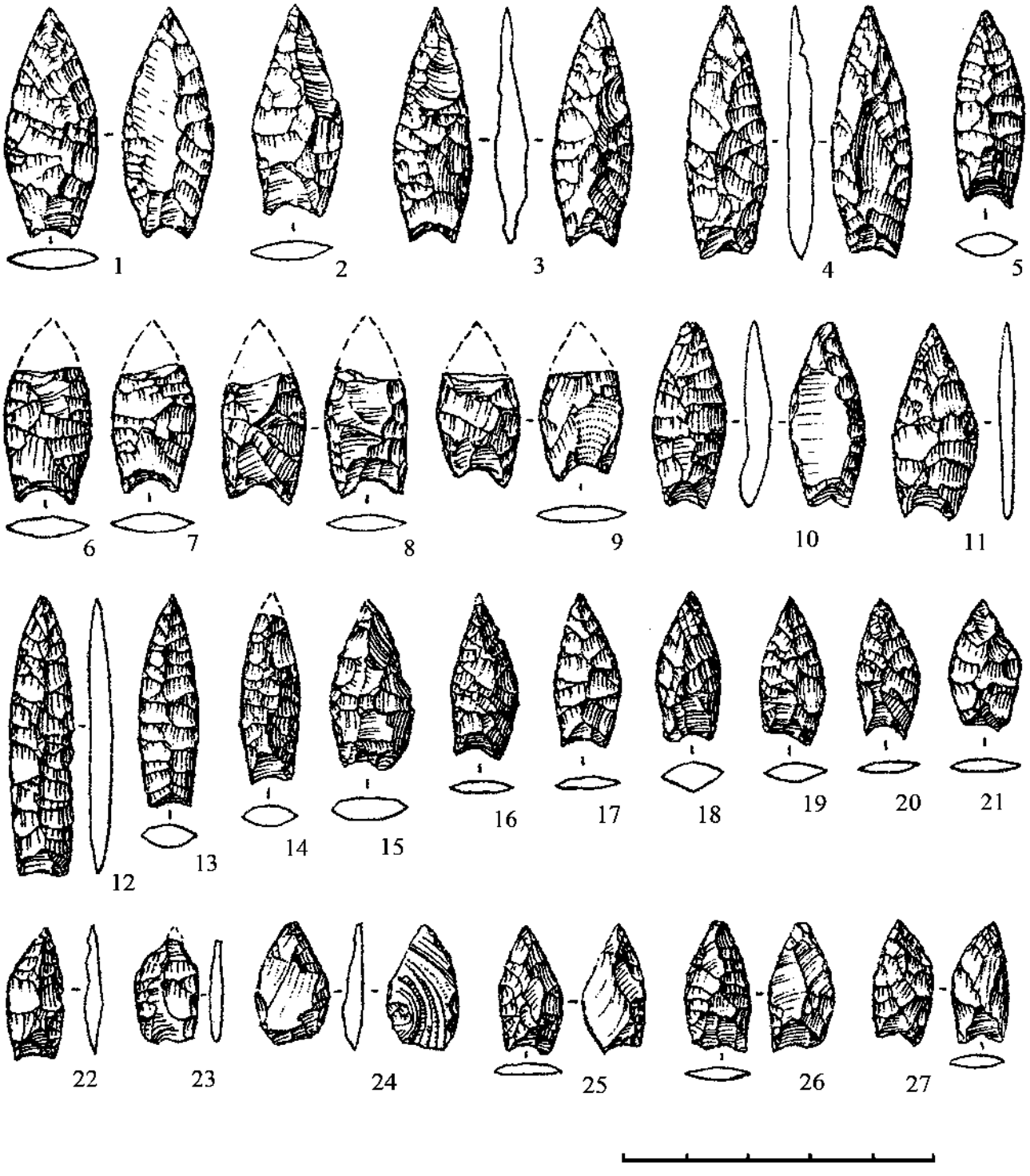

Рис. 24. Каменные наконечники стрел из погребения в НТП-I

Рис. 25. Изделия из камня из погребения в НТП-I

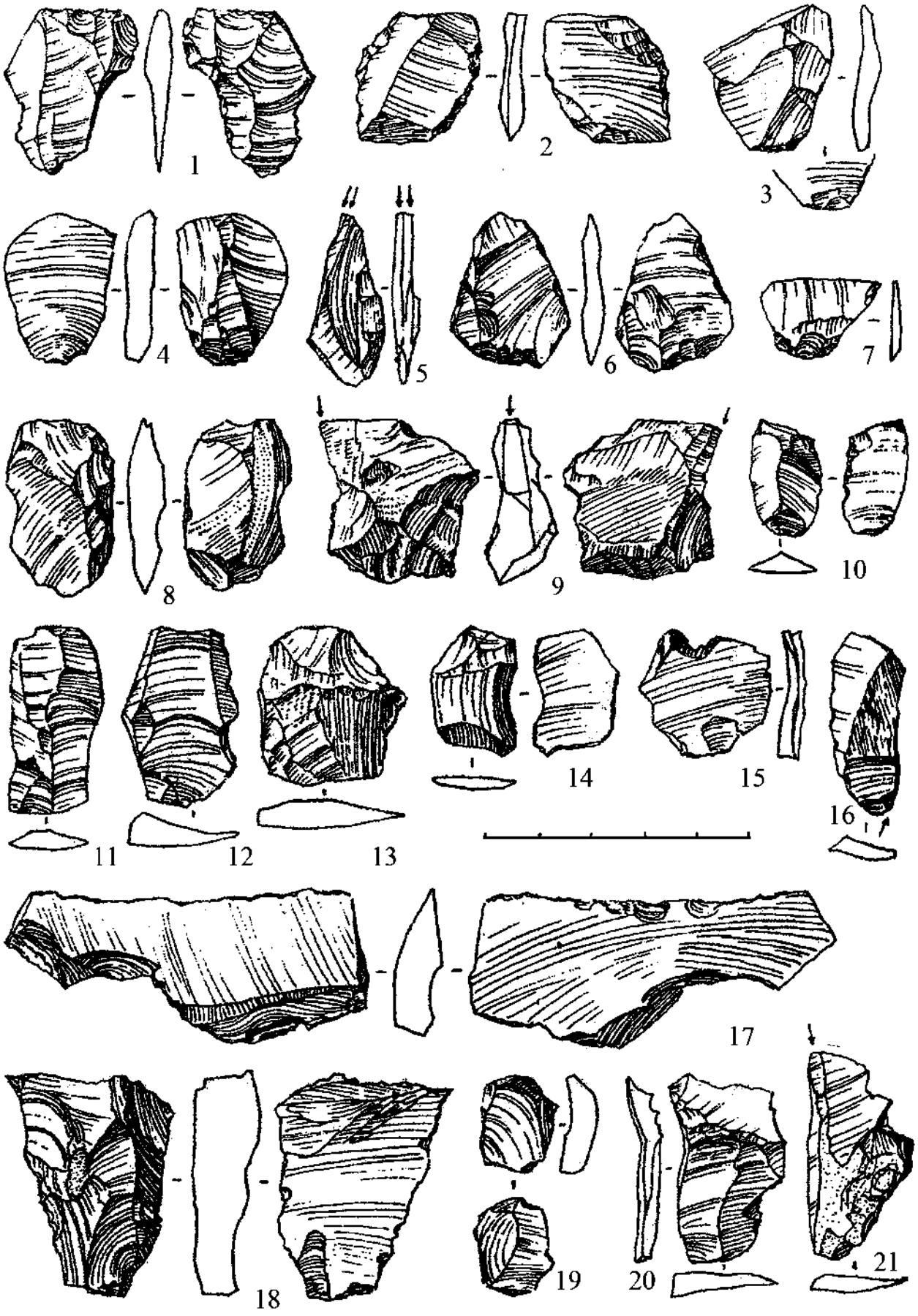

Рис. 26. Каменные изделия из погребения в НТП-I

Рис. 27. Костяные изделия из погребения в НТП-I

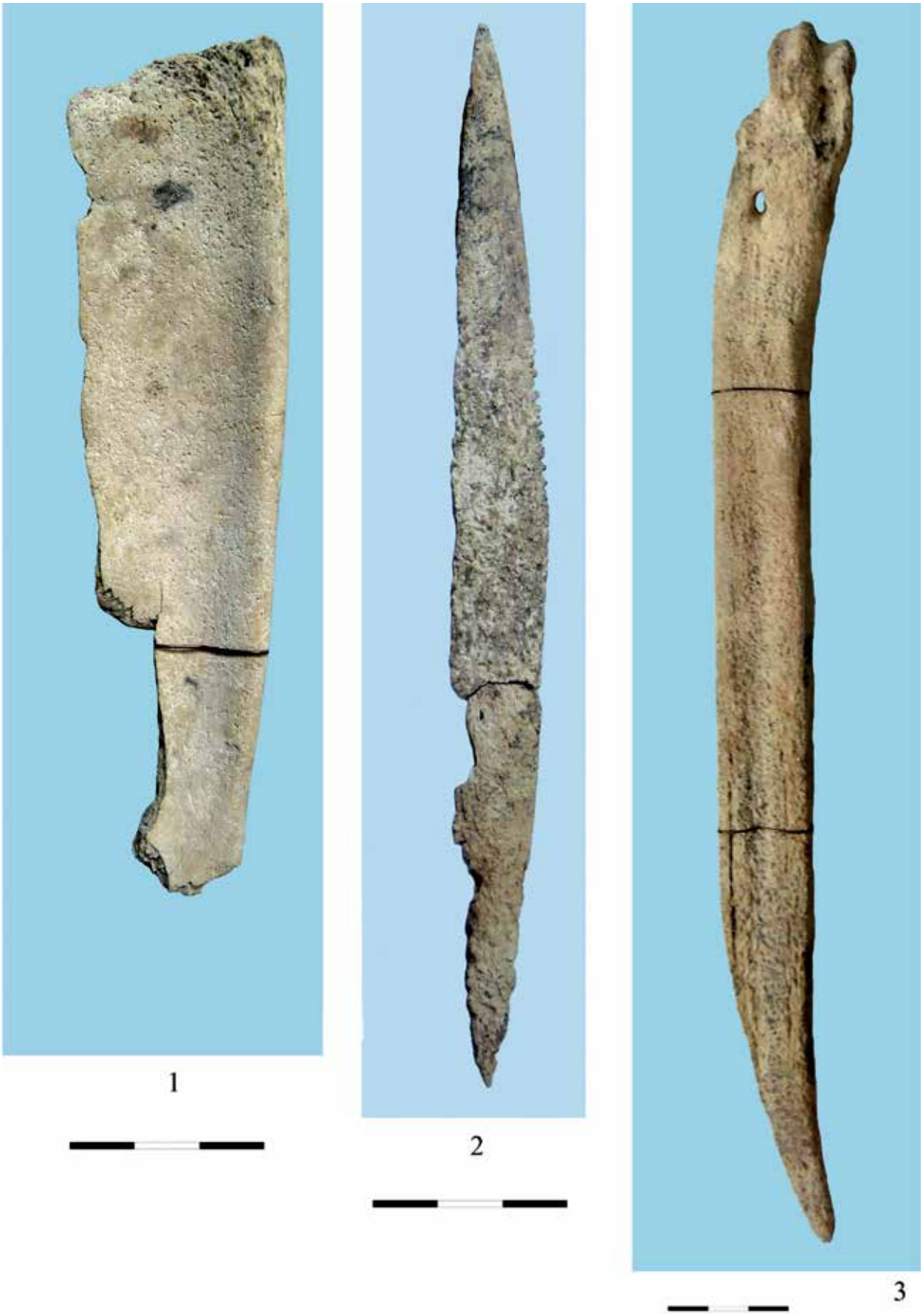

Рис. 28. Костяные изделия из погребения в НТП-I

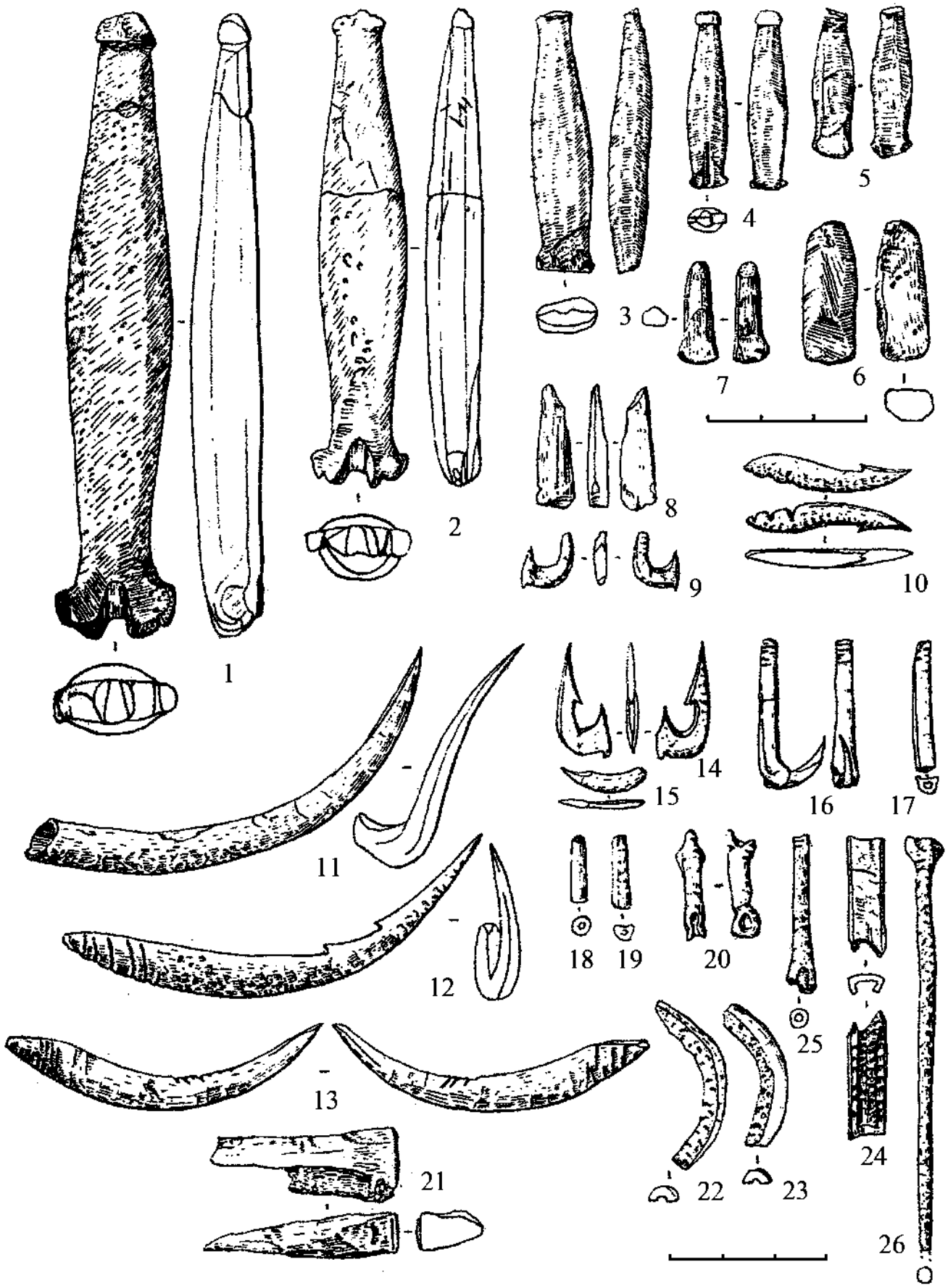

Рис. 29. Рыболовные крючки и костяные украшения из погребения в НТП-I

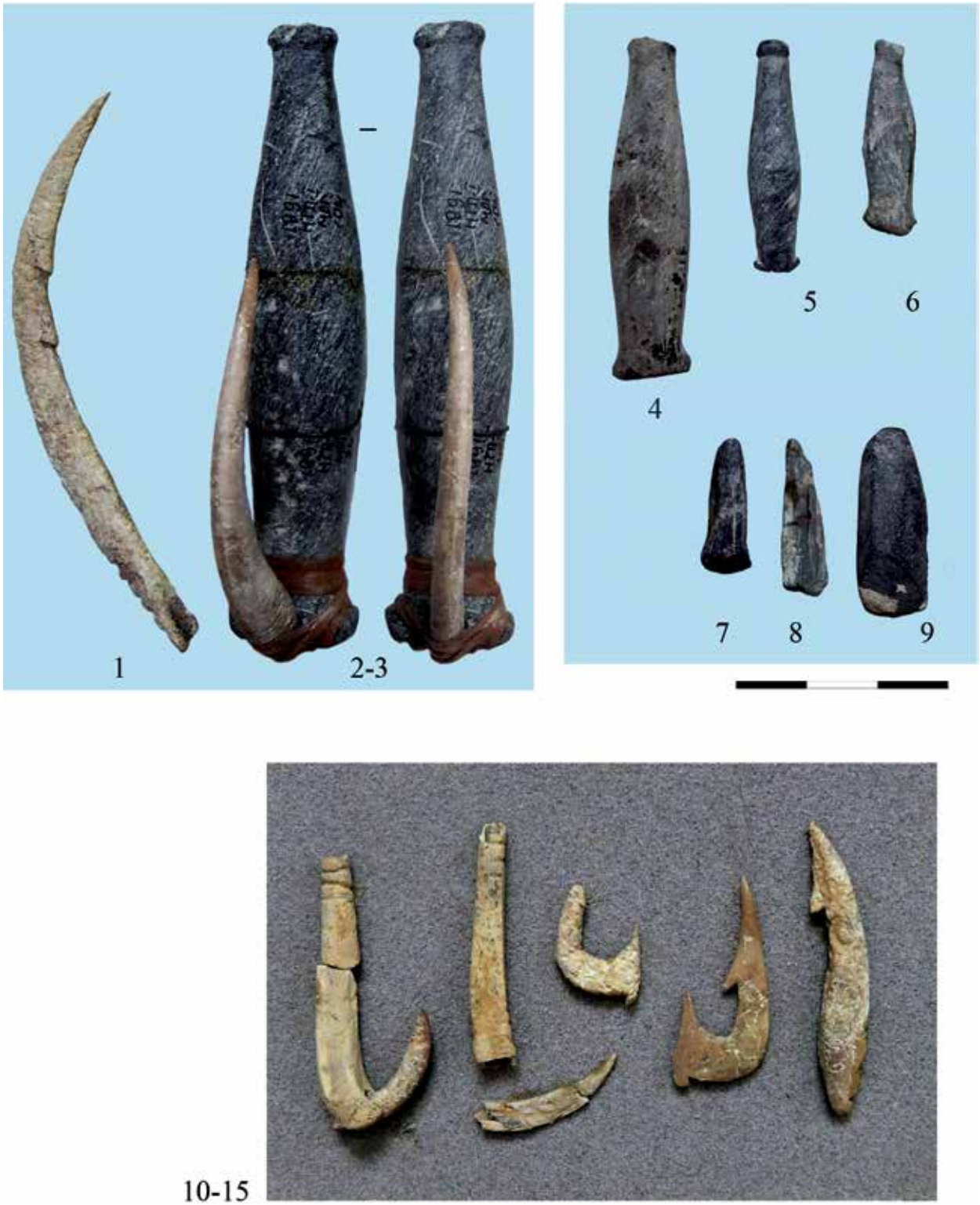

Рис. 30. Рыболовные крючки из погребения в НТП-I

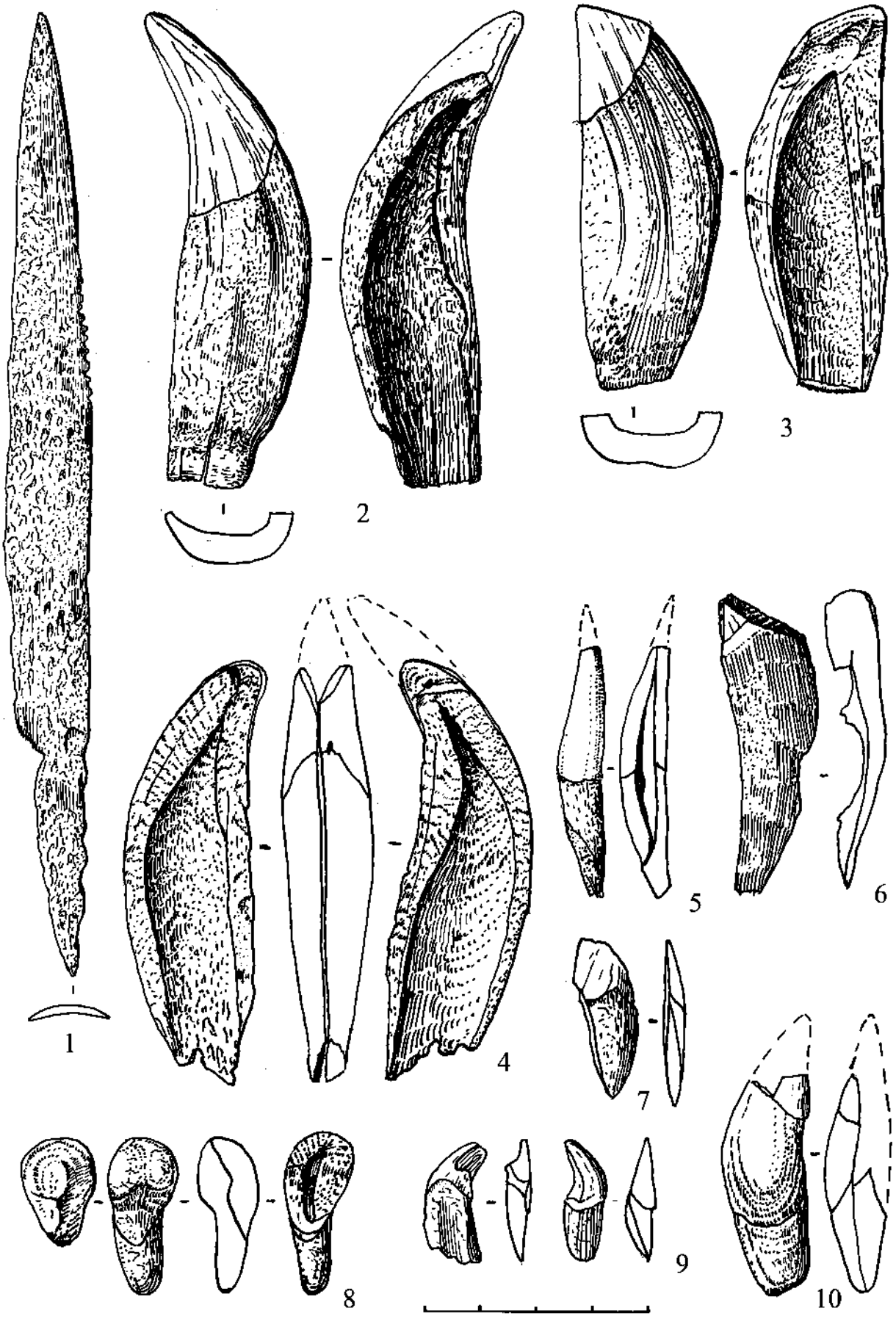

Рис. 31. Костяное орудие (1) и расщепленные зубы животных из погребения в НТП-I

Рис. 32. Когти и фаланги птичьих лап

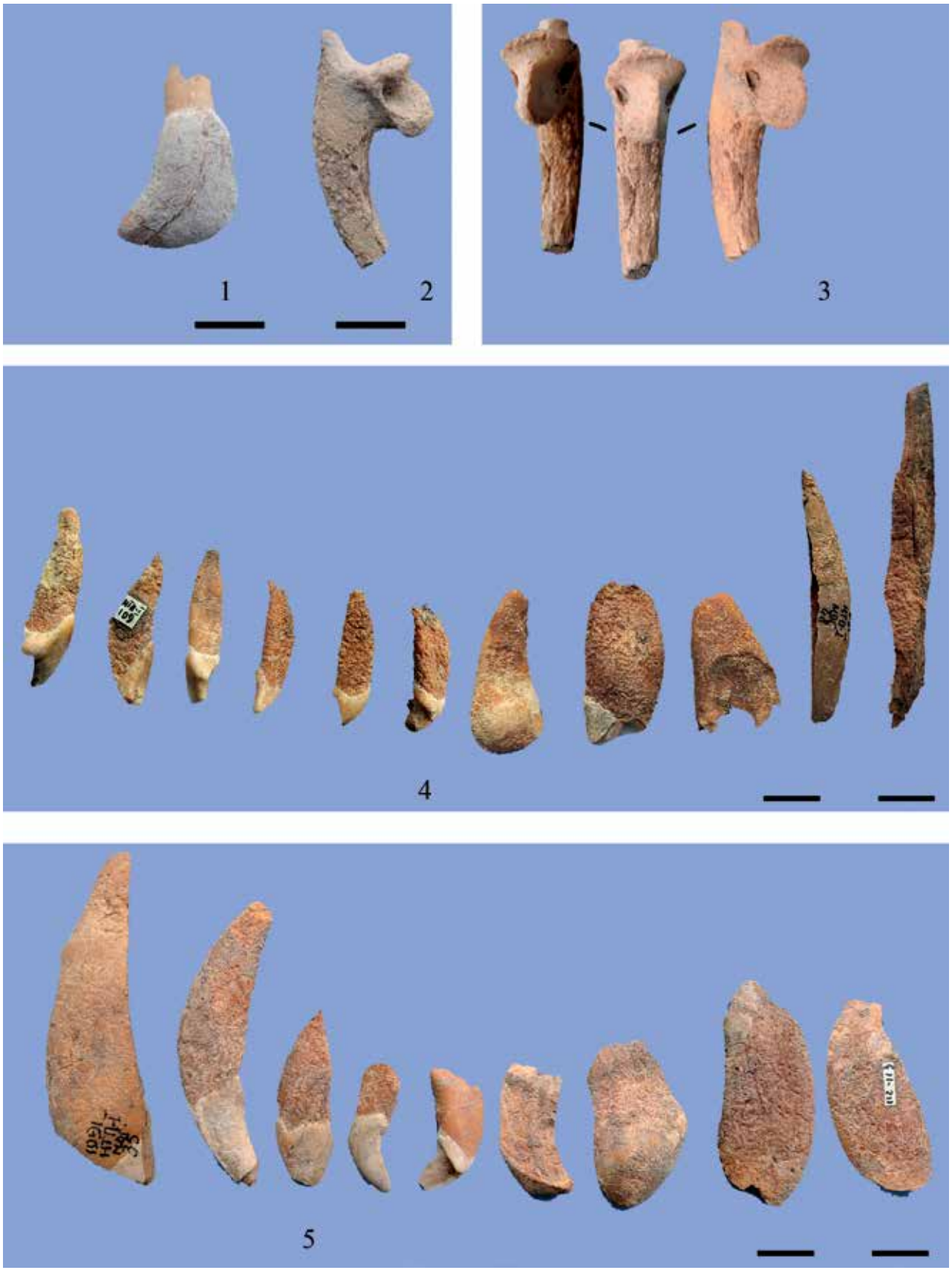

Рис. 33. Расщепленные зубы животных, когти птиц

Рис. 34. Кости с обработкой неясного назначения

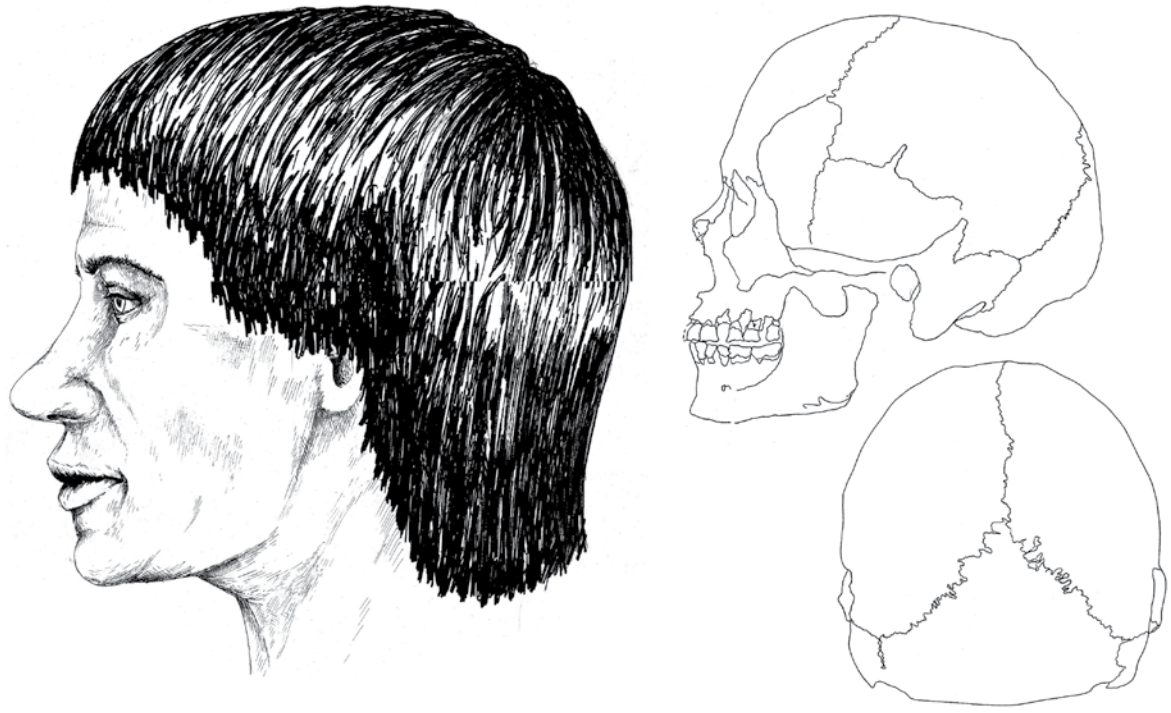

Рис. 35. Череп из НТП-I и реконструкция внешнего облика человека, похороненного в пещере

ВИДОВОЙ СОСТАВ ЖИВОТНЫХ ИЗ НИЖНЕТЫТКЕСКЕНСКОЙ ПЕЩЕРЫ-1

(по: [Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры-I и охотничье хозяйство древних племен Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 70–94)]

Таблица 2

Эпоха железа

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1771	4	1
Овца Ovis aries Linnaeus, 1758	2	1

Таблица 3

Эпоха железа и афанасьевская культура

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Благородный олень Cervus elaphus Linnaeus, 1758	13	2
Косуля Capreolus pygargus, Pallas, 1771	64	6
Кабарга Moschus moschiferus Linnaeus, 1758	14	3
Сибирский горный козел Capra sibirica Pallas, 1776	4	1
Барсук Meles leucurus Hodgson, 1847	2	1
Заяц-беляк Lepus timidus Linnaeus, 1758	2	1
Соболь Martes zibellina Linnaeus, 1758	1	1
Крупный рогатый скот? – як? Bos sp.	4	1
Лошадь домашняя? – дикая? Equus sp.	2	1
Овца? – архар? Ovis sp.	17	1
Неопределимые костные остатки ближе к крупным животным – 32		
Неопределимые костные остатки ближе к мелким копытным – 53		

Таблица 4

Афанасьевская культура

Видовой состав животных	Балык-тыюль		Узнезя-I		Тоора-Даш		НТП-I	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Овца Ovis aries Linnaeus, 1758	53	5						
Кр. рог. скот Bos taurus Linnaeus, 1758	7	2						
Лошадь Equus caballus Linnaeus, 1758	7	2						
Овца? – архар? Ovis sp.			48	2			15	1
Кр. рог. скот? – як? Bos sp.					20	2	4	1
Лошадь (дикая? домашняя?) Equus sp.			127	8				
Лось Alces alces Linnaeus, 1758	3	1			10	1		
Благородный олень Cervus elaphus Linnaeus, 1758							5	1
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1771	6	2	132	10	32	4	23	2
Сибирский горный козел Capra sibirica Pallas, 1776			55	5	298	18	4	1
Бобр Castor fieber Linnaeus, 1758	1	1						
Як Bos mutus Przewalski, 1883			77	5				

Окончание таблицы 4

Видовой состав животных	Балык-тыюль		Узнезя-I		Тоора-Даш		НТП-I	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Кулан Equus hemionus Pallas, 1775			7	1	5	1		
Горный баран Ovis amnon Linnaeus, 1758					76	6		
Дзерен Protocapra gutturosa Pallas, 1777					21	2		
Собака Canis familiaris Linnaeus 175					1	1		
Кабарга Moschus moschiferus Linnaeus, 1758							14	2
Соболь? Martes zibellina, Linnaeus 1758?							1	1
Заяц-беляк? Lepus timidus Linnaeus, 1758?							2	1

Таблица 5

Большемысская культура

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1771	77	3
Кабарга Moschus moschiferus Linnaeus, 1758	5	1
Як Bos mutus Przewalski, 1883	3	1
Суслик Citellus erythrogenus Brandt, 1841	4	1
Кабан Sus scrofa Linnaeus, 1758	4	1
Неопределимые костные остатки ближе к косуле	15	
Неопределимые костные остатки ближе к крупным копытным	9	
Неопределимые костные остатки ближе к мелким копытным	57	

Таблица 6

Мезолит

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Благородный олень Cervus elaphus Linnaeus, 1758	7	1
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1776	29	3
Лошадь дикая? Equus ferus Boddaert, 1785?	1	1
Як Bos mutus Przewalski, 1883	1	1
Лиса Vulpes vulpes Linnaeus, 1758	3	1
Суслик Citellus erythrogenus Brandt, 1841	6	1
Сурок Marmota sibirica Radde, 1862	3	1
Птица	2	
Неопределимые костные остатки ближе к крупным копытным	7	
Неопределимые костные остатки ближе к мелким копытным	15	

Таблица 7

Сборы с поверхности

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Сибирский горный козел Capra sibirica Pallas, 1776	2	1
Заяц-беляк Lepus timidus Linnaeus, 1758	1	1
Неопределимые костные остатки ближе к мелким копытным	5	

Таблица 8

Перемешанный слой

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1771	26	3
Сибирский горный козел Capra sibirica Pallas, 1776	8	1
Як Bos mutus Przewalski, 1883	3	1
Благородный олень Cervus elaphus Linnaeus, 1758	2	1
Соболь Martes zibelina Linnaeus, 1758	2	1
Суслик Citellus erythrogenus Brandt, 1841	15	2
Птица	11	
Неопределимые костные остатки ближе к мелким копытным	15	
Неопределимые костные остатки ближе к крупным копытным	7	

Таблица 9

Могила

Видовой состав животных	Количество костей	Минимальное число особей
Бурый медведь Ursus arctos Linnaeus, 1758	23	5
Благородный олень Cervus elaphus Linnaeus, 1758	3	1
Лось Alces alces Linnaeus, 1758	1	1
Косуля Capreolus pygargus Pallas, 1771	13	3
Кабарга Moschus moschiferus Linnaeus, 1758	7	4
Дзерен Procapra gutturosa Pallas, 1777	1	1
Лошадь Eguus caballus Linnaeus, 1758	2	1
Горный баран Ovis arnon Linnaeus, 1758	1	1
Бобр Castor fieber Linnaeus, 1758	2	2
Суслик Cittelus erythrogenus Brandt, 1841	4	2
Волк Canis lupus Linnaeus, 1758	2	2
Як? Bos mutus Przewalski, 1883?	1	1
Заяц-беляк? Lepus timidus Linnaeus, 1758?	1	1
Сурок? Marmota sibirica?	2	1
Соболь? Martes zibellina Linnaeus, 1758?	1	1
Неопределимые костные остатки	19	

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 52–77.

Барышников Г.Я. Нетрадиционные методы исследования археологических памятников Горного Алтая // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Б.и., 1992а. С. 18–22.

Барышников Г.Я. Развитие рельефа переходных зон горных стран в кайнозое. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева, 1992б. С. 164–165.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Палеогеографические условия формирования Нижнетыткескенской пещеры и первые археологические находки в ней // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул: Б.и., 1989. С. 50–52.

Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 3–15.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае в устье реки Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 18–31.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения // Тез. докл. советской делегации на VI Международном конгрессе славянской археологии в Софии. М.: Б.и, 1980. С. 57–59.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (колл. монография). Самара: Изд-во САмГПУ, 1999. 233 с.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Виноградов А.В. Вьюжное-1 – новый памятник эпохи неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 117–132.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л. : Наука, 1965. С. 66–72.

Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры-1 и охотничье хозяйство древних племен Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1 (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 70–94.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск: Б.и., 1983. С. 116–126.

Гричан Ю.В. Исследования пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы изучения экологии и охраны пещер. Киев: Б.и., 1987. С. 143–144.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991а. С. 5–24.

Гурина Н.Н. Рыболовство и морской промысел на Кольском полуострове // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991б. С. 164–181.

Деревянко А.П., Василевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследования Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев: (препринт). Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1985. 65 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск: Наука, 1994. Ч. 1. 261 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (Предварительные итоги советско-японской экспедиции). Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1987. 76 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г., Балуева Т.С., Васильев С.К., Гребнев И.Е., Мельников Б.Н., Мыльников В.П., Новиков А.В., Октябрьская И.В., Полосьмак Н.В., Слюсаренко И.Ю., Соловьев А.И., Чайко А.В., Черемисин Д.В., Чикишева Т.А. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1981. 432 с.

Дьяконова В.П. Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Материальная культура и мифология: сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1981. Т. XXXVII. С. 138–152.

Ефремов С.А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 44–47.

Загорска И.А. Рыболовство и морской промысел на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. С. 39–64.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андроновском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 13–42.

Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири. XIX в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 296 с.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 195 с.

Исаенко В.Ф. Древнее рыболовство в Полесье // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Ленингр. отд-ние, 1991. С. 96–100.

История и культура коряков. СПб.: Наука, 1993. С. 113–118.

Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры-1 – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 95–117.

Кирюшин К.Ю., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи энеолита с поселения Новоильинка-III (Северная Кулунда) // Археология, этнографии и антропология Евразии. 2016. Т. 44, №3. С. 101–110.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников Лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 35–39.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 26–29, 100–102.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культура древних народа Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 25–30.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 23–28.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-I как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3 (51). С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2. С. 37–45.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Поселение Тыткескень-6 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Долинин Е.В., Кирюшин К.Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 39–40.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Погребение в Нижнетыткескенской пещере-1 (Алтай) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Изд-во ИА СО РАН, 1992. С. 282–286.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология НТП-I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. VI Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 245–249.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 400 с.

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 55–60.

Крайнов Д.А. Рыболовство у неолитических племен верхнего Поволжья // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. С. 129–152.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Кулемзин А.М. Татарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. 1976. Вып. 7. С. 30–41.

Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Б.и., 1987. С. 52–70.

Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катуни // Проблема хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 50–63.

Кунгуров А.Л. Культуры палеолита-мезолита Северного Алтая // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. С. 22–24.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 43–58.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия многослойного поселения Малый Дуган (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник-2. Барнаул: Азбука, 2012. С. 113–148.

Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 29–50.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки финального мезолита в устье реки Бийке (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 46–51.

Кунгурова Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катуни // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: Б.и., 1987. С. 37–51.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 3–22.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во Барн. юрид. ин-та МВД России, 2005. 128 с.

Лазаретов И.П. К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея, или Хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. №8 (20). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2017. С. 8–34.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катуни // Проблемы древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1990. С. 3–30.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. Вып. 2. С. 53–64.

Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 25–33.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. С. 97–142.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

Оводов Н.Д. Промысловые млекопитающие палеолита Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. С. 31–34.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск: Наука, 1975. 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 288 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 296 с.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 11–21.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Нохрина Т.И. Исследования пещерного памятника Бийке // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН РА, 1994. С. 10–12.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 году // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 199–216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск: Наука, 1980. С. 92–98.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. Ч. 1. 233 с.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Г.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 104 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 62–66.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1971. XXVII. С. 5–100.

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.

Савватеев Ю.А. Рыболовство и морской промысел в Карелии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. С. 182–202.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. С. 102–122.

Семибратов В.П. Культурный слой финального мезолита поселения Тыткескень-3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 97–111.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, Сиб отд-ние, 1987. 193 с.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 73–87.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 19–26, 196–201.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 49–51.

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследования формовочных масс афанасьевских сосудов из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. X, ч. II. С. 236–240.

Степанова Н.Ф. Некоторые результаты изучения формовочных масс керамических комплексов поселений эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат. Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 455–459.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье р. Куюм (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследований) // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Азбука, 2006. 234 с.

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита–бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2008. Вып. 7. С. 23–31.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской археологической культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: сб. науч.ст. / ред. колл. В.И. Молодин, Н.В. Коноплина, Т.Н. Глушкова. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012а. С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник-2. Барнаул: Азбука, 2012б. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. Эпоха ранней бронзы Горного Алтая: современное состояние изучения // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 126–136.

Степанова Н.Ф. Особенности афанасьевских и куротинских керамических комплексов эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2014. Вып. №7 (19). С. 62–69.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 401–404.

Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 37–39.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 3–22.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1989. 216 с.

Уманский А.П. О раскопках близ Новотроицкого в 1989 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 53–55.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. №1. С. 17–33.

Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 5–41.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск: Наука, 1980. С. 62–65.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 157–158.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита–бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 139–148.

Шульга П.И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 83–87.

Шульга П.И. Раскопки «скифского» поселения Аскат-II на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 64–65.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.

Poliakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F. A Review of the Radiocarbon Dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting Towards the “Shorter” Chronology. February 2019. Vol. 61, Issue 1. Pp. 243–263. DOI:10.1017/RDC.2018.70

SUMMARY

Yu. F. Kiryushin, A. A. Tishkin,
S. S. Matrenin, A. L. Kungurov, V. P. Semibratov

TYTKESKENSKY ARCHEOLOGICAL MICRO-DISTRICT OF NORTHERN ALTAI: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF LATE ANCIENT AND EARLY MIDDLE AGES

The monograph presents the results of the study of the sites located on the territory near the mouth and in the valley of the Tytkesken river (the left tributary of the Katun, Chemalsky district of the Altai Republic, Russia). In the period from 1988 to 1993, large-scale emergency excavations were carried out there by the Katunskaya expedition of Altai State University (Barnaul) under the leadership of Yu.F. Kiryushin. They were associated with a plan to build a large hydroelectric power plant which was not implemented for various reasons including economic ones. The materials received have already been analyzed and introduced into scientific circulation which is reflected in monographs and numerous articles.

In 2006, an attempt was made to build a much smaller hydroelectric power plant in the Katun valley in Altai. The project turned out to be temporary, however it made it possible to continue researching the burial mound and the Tytkesken-VI settlement during one field season. As a result, previously discovered objects were studied and continuous survey was made of the adjacent areas with the purpose to discover other structures that had not been identified before. Excavations were carried out on large areas in the central and southern parts of the chain of mounds of the Pazyryk time. Burial and ritual structures of the Arzhan-Mayemir period were uncovered on the territory of the multilayered settlement and in the western part of the terrace (on the hill, at the foot of a detached mountain, to the north of the old Chuisky tract). In addition, the finds from other periods of ancient and medieval history were recorded. All the cumulative results of many years of activity made it possible to fill the Tytkesken archaeological microdistrict with content which still has good prospects for further research.

During expeditionary work on the territory of a large archaeological complex in 2006, 28 burial and ritual objects were excavated most of which belong to the Pazyryk period (21), and a smaller part (7) to the Arzhan-Mayemir time. A series of materials obtained significantly supplement the existing corpus of material and anthropological sources and provide the opportunities for a more integral perception of the planigraphic structure of the entire necropolis.

The sites of the Arzhan-Mayemir period, based on the study of the inventory and the results of radiocarbon analysis were attributed to the Semisart (the 2nd half of the 8th – the 1st half of the 7th century BC) and the Boytygem (the 2nd half of the 7th – 2–3rd quarter of the 6th century BC) stages of the Byikenskaya culture. The investigated burial mounds of the Pazyryk community, according to the composition of the found clothing sets, were attributed within the Bashadar (the 2nd half of the 6th – the 1st half of the 5th century BC) and

Kyzyl-Dzhar (the 2nd half of the 5th – the 3rd quarter of the 4th century BC) stages which is consistent with previously proposed chronological calculations. Judging by the peculiarities of the burial rite and accompanying grave goods, the studied objects of the Pazyryk culture were left by ordinary representatives and can be considered as a manifestation of the local (North Altai or Tytkesken) variant. Of special interest is the collective burial in the grave of mound No. 89, where the dead people are recorded to have been laid in opposite directions and in different positions. The results of the X-ray fluorescence analysis of the detected non-ferrous metal items are important since in previous years such finds were studied selectively. The new anthropological materials obtained can be used for the reconstruction of the paleo diet and other aspects of the life support of the Altai population in the Pazyryk time. Paleogenetic and other interdisciplinary research will become important.

Generalization of the documented results of excavation work at the Tytkesken-VI site during the field seasons of 1988–1993 and 2006 allows reflecting the following number of studied complexes of the late antiquity and early Middle Ages:

– eight burial mounds and three layouts of the Byikenskaya culture, dating from the 2nd half of the 8th – 2nd – 3rd quarter of the 6th century BC.;

– 55 burials, 12 layouts and four “ritual” mounds-cenotaphs of the Pazyryk culture, belonging to the 2nd half of the 6th – 3rd quarter of the 4th century BC.;

– six burial mounds, one layout and one ritual structure of the Bulan-Kobinskaya culture, dated to the end of the 2nd – 3rd centuries. AD;

– three burial mounds of the Turkic culture with the archaeological age attributed within the 1st half of the 6th – 1st half of the 8th century AD; in addition, a representative collection of things recorded in the upper cultural layer of the settlement and in the embankments of individual mounds has been introduced into scientific circulation.

The significance of the Tytkesken-VI burial ground lies in the fact that it is an almost completely investigated funerary and memorial complex which is one of the largest in terms of the number of excavated burials of the ordinary population of the Pazyryk culture in Altai. The archaeological materials obtained at the same time, presented in this generalizing monograph, are of fundamental importance for the relative dating of burial sites of the late antiquity and early Middle Ages, and for the implementation of ethnocultural, paleoanthropological and other reconstructions.

Translation by E.A. Rossinskaya

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

Глава I. ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОЛИНЫ р. ТЫТКЕСКЕНЬ **7**

Глава II. ПАМЯТНИКИ ТЫТКЕСКЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ **15**

Глава III. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ И РИТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ НА МОГИЛЬНИКЕ ТЫТКЕСКЕНЬ-VI В 2006 г. **42**

Глава IV. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС АРЖАНО-МАЙЭМИРСКОГО ВРЕМЕНИ **57**

Глава V. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАЗЫРЫКСКОГО ВРЕМЕНИ **64**

Глава VI. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ **87**

Глава VII. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ **99**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **111**

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ **113**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК **113**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ **125**

Приложение I. ИЛЛЮСТРАЦИИ **126**

Приложение II. КИРЮШИН Ю.Ф., КУНГУРОВ А.Л., СТЕПАНОВА Н.Ф. НИЖНЕТЫТКЕСКЕНСКАЯ ПЕЩЕРА-I (НТП-I) **220**

SUMMARY **293**

Научное издание

Серия «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ»
Выпуск 4

Редакционная коллегия серии:
А. П. Бородовский, В. В. Горбунов, С. П. Грушин, П. К. Дашковский,
М. А. Дёмин, Ю. Ф. Кирюшин, А. И. Кривошапкин, А. Л. Кунгуров,
Л. С. Марсадолов, В. И. Соёнов, А. А. Тишкин (председатель), Ю. С. Худяков

Кирюшин Юрий Федорович
Тишкин Алексей Алексеевич
Матренин Сергей Сергеевич
Кунгуров Артур Леонидович
Семибратов Владимир Петрович

ТЫТКЕСКЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН СЕВЕРНОГО АЛТАЯ: КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Монография

Для оформления обложки использованы фотоснимки А. А. Тишкина металлического зеркала и керамических сосудов, найденных при раскопках памятника Тыткескень-VI в 2006 г.

Редактор: Н. Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М. Ю. Кузеванова
Перевод текста на английский язык: Е. А. Россинская

Подписано в печать 07.12.2020. Печать офсетная.
Шрифт Bookman Old Style. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 34,4.
Тираж 550 экз. Заказ 596.
Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru
Дата выхода 14.12.2020